

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 3 (85) 2024

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ФГКВУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии»
3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета
6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)
Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от
26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. по 28 февраля 2023 г.
было включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, ученой
степени доктора наук по группе
научных специальностей
20.00.00 — Военные науки**
С 4 сентября 2023 г. издание включено
в указанный Перечень по группе
научных специальностей 6.0.0 —
Военные науки (№ 891 Перечня по
состоянию на 23.04.2024)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Грищенко Л.Л. Военно-правовой анализ негативных обстоятельств социального характера, содержащихся в технологии «цветной революции»	10
2. Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях	17
3. Сибгатуллин Ф.С., Бутов С.В., Мутигуллин А.В. Обеспечение собственной безопасности в войсках национальной гвардии	29
4. Яковец Е.Н. О некоторых мерах, связанных с противодействием диверсионно- террористическим угрозам в условиях проведения специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины	35
Теория военного права	
5. Безбабнов О.Г., Кудашкин В.В. Соотношение военной науки и военного права	43
6. Кахкцян А.С. Военное право в контексте государственной и военной безопасности	48
7. Колесников Н.В., Лещов Г.Ю. Техническое прикрытие путей сообщения в интересах транспортного обеспечения обороны страны: терминологический аспект	53
8. Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Многоаспектное боевое и многослойное многоуровневое правовое пространство военных конфликтов	58
9. Малкова Н.В. Анализ лучших практик использования искусственного интеллекта в правовой сфере	70
Военно-административное право	
10. Глухов Е.А. О некоторых направлениях правовой регламентации цифровизации документооборота в воинских формированиях	79
11. Малышева Л.Н. Нормотворческий процесс Министерства обороны Российской Федерации: необходимые новации в условиях специальной военной операции	88
12. Минтягов С.А. Совершенствование организационно-штатной структуры военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации	96
13. Миронов В.С., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы: правовое регулирование и правоприменение (по материалам военно-судебной практики)	106
14. Панкратьев А.Н., Мордовин И.Н. Правовые основы организации фельдъегерско-почтовой связи в современных условиях	114

Военная служба. Статус военнослужащих

15. Корякин В.М. Государственный фонд «Защитники Отечества» как специальный субъект военно-социальной политики Российской Федерации	119
16. Лобода А.Б. Проблемы реализации Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 в Вооруженных Силах Российской Федерации	131
17. Малаханов А.В. Современные подходы к использованию информационных технологий в сфере организации воинского учета и призыва граждан Российской Федерации на военную службу	135
18. Холиков И.В., Кирпичникова М.А. Особенности признания лиц «фактическими воспитателями» военнослужащих, погибших при проведении специальной военной операции, в судебном порядке	140

Судебная деятельность

19. Бочаров А.В. Общая характеристика военных судов Испании	149
20. Шумилин А.В. Сравнительно-правовой анализ военных судов Республики Таджикистан и Российской Федерации.....	155

Уголовное право и криминология

21. Ермолович Я.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за вынесение неправосудного приговора	161
22. Зюбанов Ю.А. Добровольная сдача в плен	170
23. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Новации уголовного законодательства, связанные с освобождением от уголовного наказания и ответственности в связи с призывом на военную службу в особых условиях	175
24. Новокшенов Д.В. Особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в период проведения специальной военной операции	180
25. Слободанюк И.А., Васильев Д.В. Основания и перспективы законодательных изменений в области уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции	184
26. Спиваков П.А., Роганов С.В., Шапонилов А.А. Криминологические детерминанты диффамации институтов власти и этапы возникновения экстремистской преступности	192
27. Чукин Д.С. О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании	201

Уголовный процесс и криминалистика

28. Власов С.Ю., Харитонов С.С. Прочтение военными судами норм уголовно-процессуального законодательства (по материалам судебной практики)	209
---	-----

29. Гирько С.И., Харченко С.В.

Некоторые типичные ситуации, возникающие в ходе раскрытия
и расследования преступлений, совершаемых в особых условиях **215**

30. Мозговой Я.С.

Основы криминалистической характеристики уклонения
от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции
болезни или иными способами **221**

31. Никонович С.Л., Мозговая Д.А.

К вопросу о рекомендациях о тактике допроса пожилых лиц
на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики
и Луганской Народной Республики **226**

32. Титов П.М., Рукавишников Г.А.

Идентификация пользователей в информационно-телекоммуникационной
сети как способ противодействия отдельным видам преступлений **231**

Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство

33. Борисов А.В.

К вопросу о видах военных преступлений по международному уголовному праву **236**

34. Редкоус В.М.

Правовой статус военнослужащих по законодательству
Азербайджанской Республики **242**

Указатель сокращений

абз. — абзац

АзР — Азербайджанская Республика

АО — акционерное общество

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

АРФ — Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности

АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

БРИКС — межгосударственное объединение, союз девяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии

ВАГШ ВС РФ — Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ВАИ — военная автомобильная инспекция

ВВС — Военно-воздушные силы

ВВСТ — вооружение, военная и специальная техника

ВКС — Воздушно-космические силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

гл. — глава

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГУР — Главное управление разведки

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДРГ — диверсионно-разведывательная группа

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕС — Европейский Союз

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

ИВС — изолятор временного содержания

ИГП РАН — Институт государства и права Российской Академии Наук

ИИ — искусственный интеллект

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНР — Китайская Народная Республика

КШУ — командно-штабные учения

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минтранс России — Министерство транспорта Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минцифры России — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МУС — Международный уголовный суд

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВД — органы внутренних дел

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ОПФ — организованное преступное формирование

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

п. — пункт

ПВ — Пограничные войска

ПВО — противовоздушная оборона

ПКО — противокосмическая оборона

подп. — подпункт

РАВ — ракетно-артиллерийское вооружение

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Росавиация — Федеральное агентство воздушного транспорта

Росавтодор — Федеральное дорожное агентство

Росжелдор — Федеральное агентство железнодорожного транспорта

Росморречфлот — Федеральное агентство морского и речного транспорта

Россотрудничество — Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству

Ространснадзор — Федеральная служба по надзору в сфере транспорта

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росмолодёжь — Федеральное агентство по делам молодежи

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СИЗО — следственный изолятор

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

Социальный фонд России — Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТВД — театр военных действий

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

ТО — территориальная оборона

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УИК РФ — Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

УИС — уголовно-исполнительная система

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФОИВ — федеральный орган исполнительной власти

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов

ч. — часть

ЧВК — частные военные компании

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЮАР — Южно-Африканская Республика

Правовое обеспечение национальной безопасности

Военно-правовой анализ негативных обстоятельств социального характера, содержащихся в технологии «цветной революции»

© Грищенко Леонид Леонидович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры управления ОВД в особых условиях
центра КШУ ФГКОУ ВО «Академия управления
Министерства внутренних дел Российской
Федерации»

Аннотация. «Цветные революции» представляет собой крупномасштабные протестные мероприятия, организованные и проводимые деструктивными силами «несистемной» оппозиции с антигосударственными целями. Данное негативное явление, подобно внутреннему вирусу, наносит значительный ущерб интересам государства в социальной, экономической и политической сферах, а также представляет собой большую угрозу для обеспечения военной безопасности страны. В настоящей статье представлен краткий военно-правовой анализ одного из негативных обстоятельств социального характера, содержащегося в технологии «цветной революции».

Ключевые слова: государственная и общественная безопасность, несанкционированные массовые мероприятия, групповые нарушения общественного порядка, массовые беспорядки, «несистемная» оппозиция, «цветная революция».

Legal analysis of negative social circumstances contained in the technology of the "color revolution"

© Grishchenko L.L.,
Professor of the Department of Internal Affairs
Management in Special Conditions at the Center at
the Academy of Management of the Ministry of In-
ternal Affairs of the Russian Federation, KSU, Doc-
tor of Law, Professor

Abstract. The "Color Revolutions" are large-scale protest events organized and conducted by destructive forces of the "non-systemic" opposition with anti-state goals. This negative phenomenon, like an internal virus, causes significant damage to the interests of the state in the social, economic and political spheres, and also poses a great threat to the country's military security. This article presents a brief military-legal analysis of one of the negative social circumstances contained in the technology of the "color revolution".

Keywords: state and public security, unauthorized mass events, group violations of public order, mass riots, "non-systemic" opposition, "color revolution".

В условиях современной действительности на Российскую Федерацию на международной арене оказывается беспрецедентное давление. Потенциальный противник без каких-либо рамок и ограничений использует технологий «гибридной войны», одним из проявлений которой яв-

ляются неоднократно апробированные в полутора десятках стран (в период 2000—2018 гг.) технологии «цветной революции», которые и в Российской Федерации рассматриваются как серьезная и актуальная угроза государственной и общественной безопасности. Ключевым инструмен-

том технологии «цветной революции» являются массовые протесты населения, являющиеся негативными обстоятельствами социального характера, которые нуждаются, в частности, в правовой оценке.

Важно отметить, что согласно п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной, в том числе, на решение задачи по недопущению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, пресечение разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации, других преступных посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций».

Рассматриваемая тема, затрагивающая вопросы безопасности государства, представляется актуальной для науки, в том числе сквозь призму военного права, и находила свое отражение в различных работах российских ученых¹.

Анализ свершенных в конце XX и в

первой четверти XXI столетия «цветных революций» позволяет утверждать, что она будет организовываться и проводиться в столице государства² деструктивными политическими силами, поддерживаемыми геополитическими противниками того или иного государства извне. В Российской Федерации такими силами является «несистемная оппозиция», целями противоправной политической деятельности которой является провоцирование долгосрочной социально-политической нестабильности, ослабление легитимной государственной власти, свержение ее и узурпация политической власти в стране. При этом, данными деструктивными силами будут организовываться и проводится крупномасштабные и долгосрочные протестные мероприятия, имеющие антигосударственное содержание.

Эти протестные мероприятия будут проводиться поэтапно: на первом этапе организуются несанкционированные массовые мероприятия, на втором этапе происходит эскалация их в групповые нарушения общественного порядка, на третьем — эскалация до массовых беспорядков.

При этом содержанием противоправного характера действий участников данных протестных мероприятий на различных этапах их проведения будут являться:

— на первом — нарушение общественного порядка и создание угрозы общественной безопасности путем организации и проведения несанкционированных шествий на крупных городских улицах (проспектах), переходящих в несанкционированные митинги на территории крупных городских площадей (рис. 1);

¹ См. напр.: Кириченко Н.С. О правовых основах деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1 (234). С. 9—13; Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 2—11; Харитонов С.С., Раков А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

² Это позволяет утверждать тот факт, что подавляющее большинство «цветных революций» в период 2000—2018 гг. проводились в политических и административных центрах государств, где расположены основные учреждения государственной власти, на которые напрямую воздействовали организаторы и участники «цветных революций». Захват и смена органов государственной власти в центре их сосредоточения позволил деструктивным силам навязать свою политическую волю остальному государству (как его гражданам, так и подчиненным административно-территориальным единицам).

Несанкционированное массовое мероприятие (НММ)

1) Противоправная сущность:

- нарушение нормальной работы учреждений и организаций, транспортной системы;
- несоблюдение требований транспортной безопасности;
- участники имеют запрещенные к обороту предметы (наркотические средства, различное оружие, запрещенная символика и т.п.);
- попрание норм морали и общественной нравственности;
- создание напряженности на территориях, значительных на площади и/или являющихся метами общего/ограниченного пользования;
- время проведения нарушает установленное в законодательстве.

2) Составные элементы:

- ▶ нарушения общественного порядка;
- ▶ угроза общественной безопасности.

Рисунок 1 — Содержание противоправного характера действий участников несанкционированных массовых мероприятиях

— на втором — нарушения общественного порядка приобретают характер групповых и систематических, повышение угрозы общественной безопасности, совершение актов насилия и погромов. Основным противоправным элементом будет совершение групповых хулиганских дей-

ствий в административных границах столицы государства, на данном этапе противоправному воздействию будут подвергаться учреждения культуры и образования, транспорта, объекты государственной власти, крупные учреждения торговли и бизнеса (рис. 2);

Групповые нарушения общественного порядка (ГНОП)

1) Противоправная сущность:

- нарушение нормальной работы учреждений и организаций;
 - циничные действия, грубо нарушающие нормы морали, нравственности и затрагивающие общественный порядок;
 - противоправное психологическое и физическое воздействие на личность граждан;
 - повреждение или уничтожение чужого имущества.
- Основной противоправный элемент — ХУЛИГАНСТВО (грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое может совершаться:
- с применением насилия/угрозы насилия;
 - по мотивам ненависти или вражды;
 - на объектах общего пользования (в т.ч. транспорта);
 - применением оружия;
 - по предварительному сговору или организованной группой;
 - с сопротивлением представителю власти.

2) Составные элементы:

- ▶ групповые и систематические нарушения общественного порядка;
- ▶ повышение степени угрозы общественной безопасности;
- ▶ насилие;
- ▶ погромы.

Рисунок 2 — Содержание противоправного характера действий участников групповых нарушений общественного порядка

— на третьем — полное нарушение функционирования систем обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, совершение актов насилия, погромов, поджогов, вооруженное сопротивление власти и призывы к активному неподчинению власти. Массовые беспорядки

будут направлены на захват важных объектов государственной власти, важных объектов культуры, важных объектов связи и массовых коммуникаций (рис. 3).

Анализ упомянутых выше «цветных революций» позволяет оценить вероятное общее количество участников данных про-

тестных мероприятий — около 5 % по соотношению к общему числу жителей столицы (например, для города Москвы эта цифра будет составлять не менее 42 тыс. чел.) и вероятное общее время их течения — не менее 4-х месяцев, из которых пер-

вый этап будет длиться до 66 дней, второй — 18—19 дней, третий — 6—7 дней (чем подтверждается характер долгосрочности и крупномасштабности протестных мероприятий).

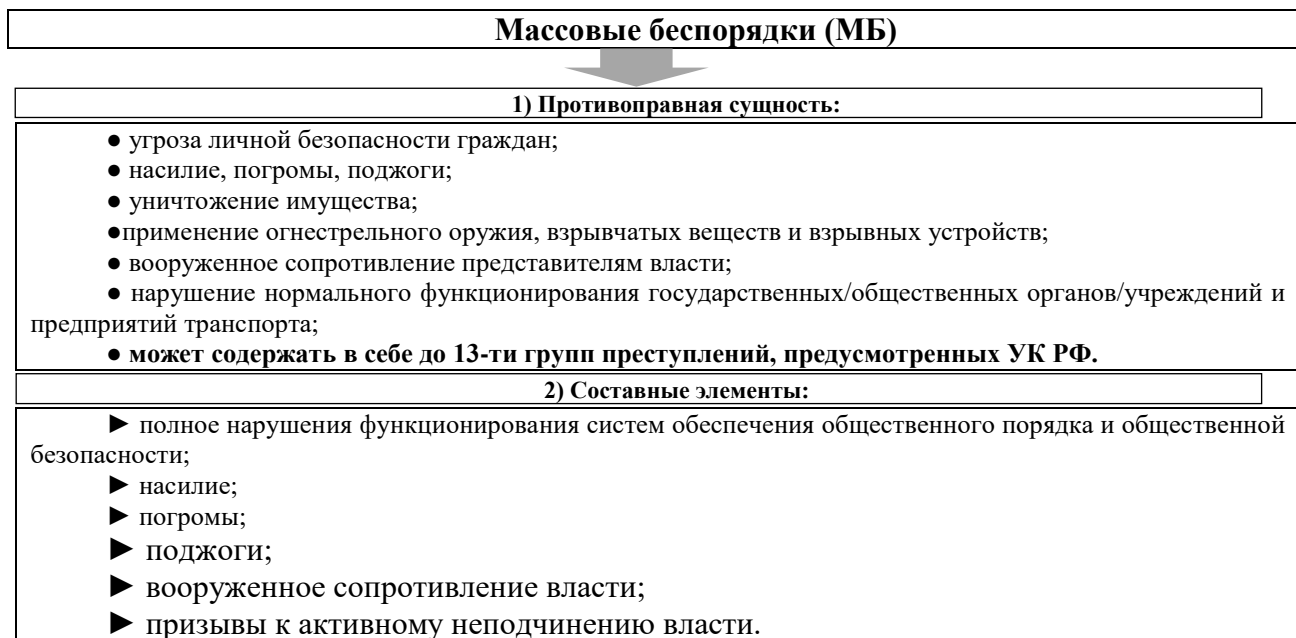

Рисунок 3 — Содержание противоправного характера действий участников массовых беспорядках

Главным фактором и движущей силой «цветных революций», экспортируемых США и другими адептами ее политической стратегии в другие страны, а также управления искусственно создаваемым хаосом в экономической и политической экспансии западных сообществ против стран постсоветского пространства, можно считать экстремизм¹.

Кроме негативной политической стороны в виде попыток захвата власти в государстве посредством создания безальтернативной конфронтации с органами власти (в том числе с применением оружия), с конечными целями узурпации власти, изменения его геополитической ориентации, принципиального изменения основ всей государственности, создания благоприятных условий для его комплексного разрушения геополитическими противниками

извне, что подтверждается анализом хода и исхода прошедших «цветных революций», которые по своим итогам привели к политическому и экономическому разрушению государств, где эти события происходили, данные явления имеют и юридическую сторону.

Юридическую сторону данного явления в целом будут составлять следующие положения, характеризующие его как преступление против общественной безопасности и общественного порядка и преступление против государственной власти. Выводы сделаны на основе анализа положений УК РФ и УПК РФ, синтеза противоправной составляющей умышленных деяний, сопровождающих данную акцию и опыта выполнения войсками служебно-боевых задач по пресечению деструктивной деятельности «несистемной» оппозиции в Российской Федерации, а также зарубежного опыта в пресечении массовых беспорядков и анализа научных по анало-

¹ Бааль Н.Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства // Российский следователь. 2020. № 12. С. 43—47.

гичным вопросам¹ (рис. 4):

1) являются *умышленными противоправными действиями*, направленными на организацию толпы и вовлечение ее в проведение несанкционированного массового мероприятия, проводимого на большой площади и в течении продолжительного времени;

2) *сопровождаются* насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителям власти;

3) *имеют целью* подрыв основ государственной власти, нарушение общественного порядка и общественной безопасности, конституционных прав граждан;

4) *пресечение* данных противоправных деяний *невозможно* без применения неотложных, специальных мероприятий и привлечения дополнительных сил и средств.

Непосредственно правовой анализ данных противоправных явлений, согласно положениям УК РФ², выглядит следующим образом:

а) предусматривается ответственность за организацию протестных мероприятий, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия,

взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти;

б) дополнительным объектом преступления могут выступать: жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, собственность, честь, достоинство, нормальное функционирование органов власти, управления;

в) объективная сторона преступления характеризуется действиями и их способом: организацией толпы, несанкционированного массового мероприятия, массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти;

г) объективная сторона рассматриваемого деяния состоит из трех самостоятельных составов преступления:

— организации несанкционированного массового мероприятия и массовых беспорядков;

— участия в них;

— призывов к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывов к насилию над гражданами;

д) протестные мероприятия — преступление с формальным составом, оконченным оно считается с момента совершения действий, образующих признаки организации массовых беспорядков, поэтому наступление общественно опасных последствий не обязательно;

е) субъект всех трех форм этого преступления — вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет:

— лицо (группа лиц), организовавшее массовые беспорядки;

— лицо, принимавшее участие в массовых беспорядках;

— лицо, явившееся подстрекателем к совершению этого деяния, не будучи организатором или участником массовых беспорядков);

¹ См. напр.: Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Обзор некоторых изменений в уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 183—187; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 173—176; Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 32—44; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17.

² По аналогии с квалификацией состава преступления по ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки» и ст. 213 УК РФ «Хулиганство».

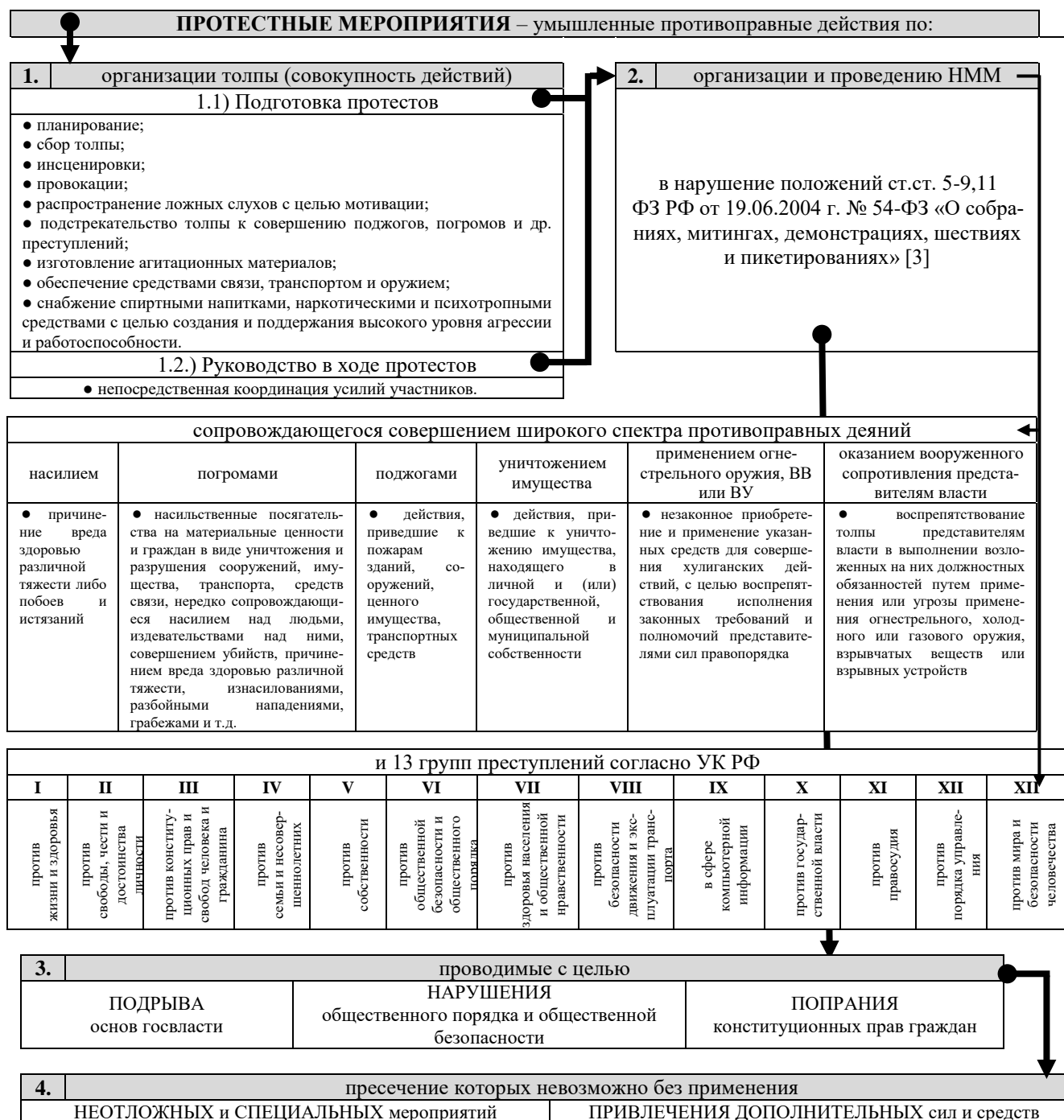

Рисунок 4 — Содержание юридической стороны протестных мероприятий

ж) субъективная сторона преступления предполагает прямой умысел: лицо (группа лиц) осознает, что организует толпу на проведение несанкционированного массового мероприятия и совершение массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием сопротивления представителю власти, и желает

их совершить.

Кроме того, предусматривается ответственность за участие в несанкционированном массовом мероприятии и массовых беспорядках и за призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами.

Таким образом, крупномасштабные и долгосрочные протестные мероприятия,

имеющие антигосударственное содержание, организуемые и проводимые деструктивными силами «несистемной» оппозиции в рамках технологий «цветной революции», имеют достаточно сложный и комплексный характер в виде как негативной политической стороны, так и негативной юридической стороны. Комплексность последней позволяет утверждать, что при определении санкции за подобные противоправные деяния необходимо следовать принципу, трактованному в ст. 69 УК РФ — назначать наказание по совокупности преступлений.

Библиография

1. Бааль, Н.Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства / Н.Б. Бааль // Российский следователь. — 2020. — № 12. — С. 43—47.
2. Кириченко, Н.С. О правовых основах деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 1 (234). — С. 9—13.
3. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 183—187.
4. Кириченко, Н.С. Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 173—176.
5. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.
6. Корякин, В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2022. — № 7 (300). — С. 32—44.
7. Кудашкин, А.В. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 7 (312). — С. 2—11.
8. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.
9. Харитонов, С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / С.С. Харитонов, А.В. Раков // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 188—193.
10. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И.В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.

Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях

© **Рябцева Татьяна Тимофеевна**,
студент магистратуры Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации

© **Холиков Иван Владимирович**,
доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник центра международного
права и сравнительно-правовых исследований
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации, профессор 25 кафедры Военного
университета

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование информационной безопасности в современной геополитической обстановке на основе предлагаемых концепций регулирования Российской Федерацией. Выявляются тенденции динамики роста угроз информационной безопасности. Предлагаются способы и пути их совершенствования в преодолении по отношению к уже существующим.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, международная информационная безопасность, угрозы международной информационной безопасности, современные условия.

Legal regulation of information security in modern conditions

© **Ryabtseva T. T.**,
Master's student at the Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government of the
Russian Federation

© **Kholikov I. V.**,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of International and European Law of
the Federal State Research Institution "IZIP under
the Government of the Russian Federation"

Annotation. The article analyzes the legal regulation of information security in the modern geopolitical situation based on the proposed concepts of regulation by the Russian Federation. Trends in the growth dynamics of information security threats are identified. Methods and ways of their improvement in overcoming in relation to existing ones are proposed.

Keywords: information and communication technologies, international information security, threats to international information security, modern conditions.

В современных условиях сохранение цифрового суверенитета является абсолютной основой и залогом возможности существования самого государства, способом исключения потенциальных конфликтов в информационной среде. Это обусловлено формированием глобального ин-

формационного пространства и становлением информационного общества на международном и национальном уровнях.

Одновременно с этим происходят перемены, связанные с трансформацией мирового информационного порядка. Ведущие промышленно развитые державы ста-

раются сохранить статус доминирующей силы в информационном поле и затормозить переход к полицентричной, основанной на юридически обязательных нормах, модели его управления.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в марте 2021 г. на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, в ходе которого рассматривался проект Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, в частности подчеркнул, что Россия выступает за незыблемость цифрового суверенитета государств. Это означает, что каждая страна может самостоятельно определять параметры регулирования собственного информационного пространства и соответствующей инфраструктуры.

Однако, достижение цифрового суверенитета понимается многими государствами по-разному.

Так, технологически развитые страны считают необходимым отстаивать свои интересы на дальних «информационных» подступах за пределами своих национальных юрисдикций. Естественным инструментом и проводником таких идей выступает крупный IT бизнес.

При этом информационные гиганты зачастую диктуют и навязывают свои условия, вступая в прямую конфронтацию с законодательством страны пребывания.

Это связано с тем, что IT гиганты на системной основе занимаются активным лоббированием своих интересов, затрачивая на это из бюджетов компаний сотни миллионов долларов США. В десятку основных лоббистов мира, в частности, входят Google, Facebook, Microsoft, Apple, IBM, Intel, Qualcomm, Vodafone.

По мнению международных экспертов, число таких потенциальных «цифровых» конфликтов и правовых коллизий в ближайшее время будет стремительно расти. Об этом, в частности свидетельствуют многочисленные судебные разбирательства, иски и штрафы по отношению к международному бизнесу внутри самих ведущих технологически развитых держав (например, в Австралии, Великобритании, Ирландии, КНР, России, Франции, США).

К числу наиболее резонансных нарушений в частности относят: оперативную неблокировку запрещенных веб-сайтов; неудаление противоправного контента; вмешательство в выборные процессы; проведение сомнительных рекламных технологий; искажение сведений о финансовой политике; нарушение неприкосновенности частной жизни и потребительских прав детей; нарушение национальных регламентов по защите данных в части незаконного сбора персональных данных пользователей и отслеживание их местоположения в т.ч. через системы видеонаблюдения.

Процесс глобальной цифровизации открывает инновационные возможности для развития государств, но также возрастает необходимость адекватного реагирования на появляющиеся угрозы в сфере обеспечения международной информационной безопасности, своевременного их прогнозирования и отражения.

В этом смысле информационная безопасность превращается в жизненно необходимое условие защиты интересов личности, общества и государства¹.

Трансграничный характер военных угроз, создаваемых посредством враждебного использования информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о необходимости формирования системы информационной безопасности, которая обеспечит всем членам мирового сообщества равные права и возможности для ее эффективного предотвращения и нейтрализации².

Информационно-технический прогресс в военном деле обеспечил условия для ускоренного совершенствования вооружения и военной техники на основе широкого внедрения новых информацион-

¹ Чернухин Э.В. О подходах России к обеспечению цифрового суверенитета // Сборник докладов участников Пятнадцатого Международного форума «Партнерство государства, бизнес и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». 27—29.09.2021, г. Москва. М., 2021. С. 40—42.

² Основы военной политики Союзного государства в области международной информационной безопасности от 19.05.2022.

ных технологий¹ и создания информационного оружия.

Привнесение интеллектуального начала способствовало кардинальному увеличению точности, дальности и мощности действия классических видов вооружений, резкому увеличению возможностей разведки, систем сбора и обработки информации и, как следствие, уменьшению времени принятия оперативных решений.

Внедрение сетевых технологий в военном деле принципиально изменяет военную стратегию, тактику и военное искусство².

В этих условиях информационное оружие может стать тем самым искомым эффективным силовым средством, не предусматривающим разрушения объектов и уничтожения живой силы и населения противника, позволяющим решать многие конфликты без применения традиционных средств вооруженной борьбы, подчинять себе противника, его экономические и трудовые ресурсы без применения силовых методов. Страны, обладающие таким оружием и военной техникой, получают огромное военное преимущество перед противником, оснащенным традиционными типами вооружений.

Тем самым одним из наиболее опасных источников угроз интересам общества и государства в информационной сфере становятся распространение информационного оружия и развертывание гонки вооружений в этой области, попытки реализации концепций ведения информационных войн.

Разрушительное воздействие информационного оружия в информационном обществе может оказаться более мощным и эффективным, чем это представляется сегодня.

По разным оценкам, свыше 120 стран имеют или разрабатывают различные виды информационного оружия. Преимущественно идет создание оружия информационно-технического воздействия, в первую очередь, направленного на несанкционированный доступ и дезорганизацию работы средств вычислительной техники.

Усиленно разрабатываются средства защиты информации. Причем последним, по вполне понятным причинам, вынуждены заниматься и страны, не планирующие ведение наступательных информационных операций, но имеющие развитую информационную инфраструктуру.

Данные обстоятельства делают проблему информационной безопасности условием мирового развития, а обеспечение безопасности интересов Российской Федерации в информационной сфере важным фактором национальной безопасности³.

В настоящее время решается конфигурация будущего мира и порядка по итогам которого определится место России в демократической, справедливой и полицентричной системе, которая сейчас формируется и которой сейчас нет и не может быть альтернативы⁴.

Ведущие западные политики и эксперты приходят к осознанию того, что инфор-

¹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6(58). С. 276—282; Холиков И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Военное право. 2017. № 4(44). С. 217—226.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3(55). С. 21—28.

³ Федоров Ф.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 220.

⁴ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XI Московской конференции по международной безопасности, Москва, 15 августа 2023 г. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1900527/ (дата обращения — 15.04.2024); Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. [и др.] Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате "круглого стола" по материалам гл. 6 "Военные проблемы международного права" т. III монографии "Военное право") // Государство и право. 2022. № 12. С. 59—67.

мационное оружие может обеспечить «асимметричный ответ» неядерных государств в конфликтах различной интенсивности¹.

Развитие информационного военного потенциала может компенсировать неспособность поддерживать баланс сил в области обычных вооружений, особенно при отсутствии на вооружении оружия массового уничтожения и достаточных ракетных средств.

Необходимо найти такие решения сложных проблем международной безопасности, которые бы опирались на баланс интересов и компромиссов, а не на силу и агрессию.

При этом во главу угла должны быть поставлены военно-политические интересы региональных игроков, а не амбиции тех, кто рассматривает мир исключительно через призму собственной исключительности².

В последнее время информационное пространство превращается в театр военных действий.

Так только за последние три года на информационную инфраструктуру Вооружённых Сил было совершено более 25 тыс. высокотехнологичных компьютерных атак из-за рубежа. При этом ежегодно их количество увеличивается в среднем на 12 %³.

Таким образом, особую актуальность как в теоретическом, так и в практическом отношении представляют вопросы правового обеспечения информационной безопасности в области обороны страны.

На международном уровне Российская Федерация отстаивает принципы мирного использования информационно-коммуникационных технологий, создания системы предотвращения киберконфликтов, выработки под эгидой ООН принци-

пов, норм и правил ответственного поведения государств в информационном пространстве, а также юридически обязательного международного договора универсального характера по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

Соответствующую линию на обеспечение таких подходов Российская Федерация проводит в многосторонних и двусторонних форматах на всех ключевых международных направлениях. Прежде всего, под эгидой ООН, а также региональных площадках — ОБСЕ, СНГ, ШОС, АРФ, АСЕАН⁴.

В рамках БРИКС Россия и Китай выступают главными инициаторами обсуждения проблемы информационной безопасности и цифрового суверенитета. Благодаря их усилиям наметились контуры координации политики в данной области.

На площадке ШОС также поддерживается дискуссия по проблеме международной информационной безопасности⁵.

Так, в июле 2023 г. Совет глав государств членов ШОС принял совместную Нью-Делийскую декларацию⁶, в которой некоторые положения касаются цифрового пространства. В частности, было заявлено, что государства-члены будут блокировать радикальные и террористические материалы в Интернете. В рамках СНГ проходят консультации внешнеполитических ведомств по международной информационной безопасности⁷.

Вместе с тем в БРИКС, ШОС и СНГ большое значение придается укреплению взаимодействия на площадке ООН, по-

¹ Федоров Ф.В. Указ. соч. С. 220.

² Выступление Министра обороны РФ С.К. Шойгу на IV Московской конференции по международной безопасности, https://pda.mil.ru/pda/news/more.htm?id=12016239@e_gNews (дата обращения 15.04.2024)

³ Шойгу рассказал о кибератаках на объекты Минобороны из-за рубежа // www.ria.ru URL: <https://ria.ru/20200325/1569116726.html> (дата обращения: 14.04.2024)

⁴ Чернухин Э.В. Указ. соч.

⁵ Амонулов Ш.П., Холиков И.В. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества // *Военное право*. 2020. № 4(62). С. 205—211.

⁶ Нью-Делийская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества от 4 июля 2023 г.

⁷ Холиков И.В., Амонулов Ш.П. Деятельность Содружества Независимых Государств в сфере военного сотрудничества и обеспечения региональной безопасности // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2020. № 9(278). С. 47—56.

скольку она признается ключевой для проведения дискуссии по международной информационной безопасности.

Политическая декларация, принятая по итогам 14-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшегося в марте 2021 г. в Японии (г. Киото), подчеркнула необходимость улучшения координации международного сотрудничества для эффективного предупреждения киберпреступности и укрепление государственно-частного партнерства с представителями цифровой отрасли и поставщиков услуг связи при должном соблюдении требований национального законодательства и принципов международного права.

Именно поэтому Россия вместе с единомышленниками выступает за разработку под руководством ООН Конвенции по противодействию преступлениям в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, которая учитывала бы интересы всех без исключения стран и основывалась бы на принципах суверенного равенства сторон и невмешательства во внутренние дела государств.

26 мая 2021 г. Генассамблеей ООН консенсусом была одобрена инициированная Россией резолюция 75/282 «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» по модальностям работы Спецкомитета открытого состава по разработке под эгидой ООН первой универсальной конвенции по борьбе с информпреступностью, учрежденного в декабре 2019 г. резолюцией ГА ООН 74/247 по предложению России и еще 46 государств.

27 июля 2021 г. Российская Федерация в качестве национального вклада в работу Спецкомитета внесла и распространила собственный проект международного договора глобальной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.¹

Проект имеет универсальную юрисдикцию с возможностью для каждого государства стать ее участником без какого-либо ущерба для своего национального законодательства.

По инициативе Российской Федерации запущен широкий диалог по информационной безопасности на площадке Рабочей группы открытого состава (РГОС), ставшей первым в истории переговорным механизмом, в рамках которого на основе принципа консенсуса государства имеют право принимать решения в области обеспечения международной информационной безопасности. На сегодняшний день РГОС является ключевой площадкой, в рамках которой возможно подлинно инклюзивное и демократичное сотрудничество в области международной информационной безопасности².

С учетом целого ряда представленных международных инициатив в целях обеспечения информационной безопасности отсутствует консенсус по вопросам ее обеспечения на глобальном уровне, обусловленного различием в подходах и национальных интересах государств.

Наличие альтернативных подходов показывает существующие политические и содержательные противоречия в международном сообществе относительно норм и правил регулирования глобального информационного пространства.

Имплементация норм международного права осуществляется в широком смысле на международной арене, в узком смысле на национальном уровне.

Прогресс прерывается ввиду противодействия российским инициативам со стороны западных стран (в частности, США), которые иначе видят идеальную модель регулирования отношений в цифровом пространстве, существенными отличиями которого являются:

1. Разность подходов выражается в расставлении акцентов: в то время как США предпочитают фокусироваться на узкоспециализированных, технических вопросах (например, мерах защиты

¹ TASS от 28.07. 2021 Министерство иностранных дел Российской Федерации <https://tass.ru/politika/12003953>

² Международная информационная безопасность: подходы России, МГИМО, М.2021. С. 48

критической информационной инфраструктуры), Российская Федерация стремится направить международную дискуссию в русло обсуждения общих правил поведения в информационно-коммуникационной-среде. В частности, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур» (принималась в 2002, 2003 и 2009 г.), продвигаемой США, предлагается поделиться сводной информацией о принятых мерах и планах по формированию национальной культуры кибербезопасности, включая обмен информацией об уязвимостях критической информационной инфраструктуры и другими чувствительными данными¹. Западные страны зачастую уводят дискуссию в сторону тех тем, которые не имеют критического значения для решения проблемы информационной безопасности (например, гендерные вопросы).

2. Российская Федерация выступает за открытый и глобальный Интернет, где обеспечиваются равные возможности для доступа всех стран, однако при этом указывая на суверенное право государств управлять Интернетом в своем национальном сегменте. США же исходят из той логики, что технологии по своей природе трансграничны, поэтому барьеров в информационном пространстве в виде национального регулирования быть не должно.

3. Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях российская сторона считает недопустимым. США же, хотя и считают, что киберсредства следует контролировать, тем не менее допускают возможность их военного применения.

4. Российская сторона продвигает концепцию безопасного функционирования и развития Интернета, которая основана на передаче функций

управления от частной корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN), которая расположена в США и действует в рамках американского законодательства, к международным институтам. Стоит отметить, что принцип интернационализации управления Интернетом был закреплен в программе Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества в Тунисе 2005 г.² В целом США декларативно поддерживают данный принцип, что видно, например, из текста американской резолюции A/RES/64/211³, тем не менее на деле он игнорируется, никаких серьезных изменений в системе управления Интернетом не наблюдается.

5. В Российской Федерации придерживаются мнения, что невозможно осуществить точную идентификацию источника компьютерных атак. Данный тезис был зафиксирован в концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности⁴. При обвинении в кибератаке Российская Федерация настаивает на обязательном предоставлении весомых доказательств. США и другие западные страны зачастую практикуют публичную атрибуцию и применяют тактику «назови и пристыди».⁵

6. Российская Федерация стремится к тому, чтобы в международном праве появился специальный раздел, посвященный информационному пространству, поскольку действующие нормы международного права не всегда могут быть к нему применимы. США и их

¹ Веб-документ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/474/51/PDF/N0947451.pdf?OpenElement> (дата обращения 15.04.2024)

² Веб-документ:

https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения 15.04.2024)

³ Веб-документ:

<https://www.un.org/ru/ga/64/docs/64res3.shtml> (дата обращения 15.04.2024)

⁴ Веб-документ:

<https://namib.online/2021/07/koncepcija-konvencii-on-ob-obespechenii-mezhdunarodnoj-informacionnoj-bezopasnosti/> (дата обращения 15.04.2024)

⁵ <https://www.defensenews.com/international/2020/02/21/why-the-us-chose-to-name-and-shame-russia-over-cyberattacks/> (дата обращения 15.04.2024)

союзники считают, что действующих норм международного права вполне достаточно. В этом контексте Российская Федерация выступает за юридически обязательные нормы и правила в информационном пространстве, а западные страны считают, что они должны носить рекомендательный характер.

Вместе с тем проблема поиска консенсуса по информационной безопасности отягощается не только различным видением идеального цифрового будущего, но и геополитической напряженностью — во всех стратегических документах, принятых в США за последние несколько лет, Российская Федерация обозначена в качестве угрозы¹, в том числе в информационном пространстве.

Оппозиция российским подходам вызывает дробление диалогового пространства по информационной безопасности на западные и российские инициативы, в связи с чем необходима дальнейшая нормотворческая работа, согласование воле государств в сфере информационно-коммуникационных технологий, включая разработку и ратификацию международных договоров и соглашений, соответствующих механизмов регулирования в целях недопущения конфликтов.

Обеспечение международной информационной безопасности состоит в необходимости расширения связей между государствами с целью выработки общих усилий по борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий:

- для осуществления враждебных действий и актов агрессии;
- в террористических и экстремистских целях;
- в преступных целях;

— в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Эти усилия в современных условиях должны быть направлены на:

— определение состава, содержания и характеристик возникающих угроз информационной безопасности и достижение общего понимания смысла этих угроз;

— обмен на постоянной основе результатами анализа сложившейся ситуации и информацией о потенциальных нарушителях и инцидентах, связанных с работоспособностью информационных инфраструктур, с целью выработки адекватных мер противодействия потенциальным угрозам, в том числе международного характера;

— разработку механизмов и мер по обнаружению угроз информационной безопасности и атак на информационные инфраструктуры и выявлению их источников и, в случае обнаружения, применение той или иной формы принуждения для устранения угрозы и прекращения атаки².

Решение проблемы обеспечения информационной безопасности сводится к осознанию и реализации следующей очевидной парадигмы.

Сегодня ни одно государство не способно в одиночку успешно противостоять современным угрозам, исходящим из глобального информационного пространства.

Поэтому особую значимость в современных условиях приобретает согласованная (коллективная) деятельность заинтересованных стран в данной области, превращение системы информационной безопасности в одно из средств разрешения межгосударственных противоречий.

Одной из ключевых проблем в условиях развивающейся сегодня в мире информационной конфронтации является меж-

¹ Веб-документ: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf>; веб-документ: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security> веб-документ: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF>. (дата обращения 15.04.2024)

² Казарин О.В., Скиба В.Ю., Шаряпов Р.А. Новые разновидности угроз международной информационной безопасности // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение, информатика, защита информации и информационная безопасность. 2016. № 1. С. 54—72.

дународно-правовое обеспечение информационной безопасности, принятие международных норм об обеспечении информационной безопасности и их последующая имплементация в российское правовое пространство.

Применение и реализация норм международного права базируется на основополагающих принципах современного международного права, закрепленных в Уставе ООН, декларации о принципах международного права, касающиеся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН¹, хельсинкском Заключительном акте СБСЕ²

В связи со спецификой информационно-коммуникационной сферы, как объекта регулирования существующие нормы международного права не могут применяться в ней путем простой экстраполяции, необходимы адаптация существующих и выработка новых норм и механизмов международно-правового регулирования сферы использования информационно-коммуникационных технологий³.

В этой связи, наиболее приемлемым вариантом для большинства государств являются необязывающие нормы «мягкого права» (резолюции, декларации, рекомендации международных организаций, заключительные акты международных конференций, совместные декларации государств, не имеющие обязательной юридической силы в сравнении с обязательной силой традиционного права), которые представляют собой первый практический шаг на пути к готовности государств взять на себя определенные обязательства в сфере информационно-коммуникационных

технологий⁴, по аналогии с индустрией частных военных охранных предприятий⁵.

Воплощение норм международного права в поведении, деятельности государств и других субъектов, практическое осуществление нормативных предписаний⁶ в юридическом смысле носит характер правообеспечения.

В теории международного права выделяются такие формы реализации, как соблюдение, исполнение и использование.

При соблюдении осуществляются, как правило нормы-запреты, следуя которым субъекты международного права воздерживаются от совершения каких-либо действий.

В случае исполнения международно-правовой нормы предполагается активная деятельность государств, международных организаций, как субъектов международного права по осуществлению норм.

Данная форма реализации присуща международно-правовым нормам, предусматривающим конкретные обязательства или определенные действия.⁷ В контексте использования международно-правовой нормы предусматривается осуществление содержащихся в конкретной норме возможностей. При этом субъект международного права обладает правом принятия

⁴ Так, по российской инициативе при поддержке 119 стран принята резолюция Генассамблеи ООН 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» от 5 декабря 2018 г. с первоначальным перечнем из 13 правил, норм и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве. Более 30 стран инициативно стали ее коспонсорами.

⁵ См. подробнее: Холиков И.В., Сайфуллин. Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (264). С. 65—71; Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158.

⁶ Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право. М.: НОРМА-ИНФРА М., 1999. С. 165

⁷ Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006.

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971)

² Хельсинский Заключительный акте СБСЕ от 1 августа 1975 г. (Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe), <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения 15.04.2024)

³ Информационно-коммуникационные технологии (Information and Communication Technologies)

решения по использованию тех или иных нормативных положений, то есть имеет место реализация так называемых управомочивающих норм. При использовании международно-правовой нормы отсутствует жесткое, императивное предписание конкретного поведения, действия или воздержания от него.

По своей сути реализация представляет собой процесс, когда соответствующие субъекты международного права, которым адресована норма, действуют в соответствии с ее положениями. В связи с чем, необходимы правовые и/или организационные меры со стороны государств для своевременного, всестороннего и полного осуществления норм международного права.

Процесс реализации международного права в целом, то есть с учетом тех особенностей, которые присущи реализации отдельных договоров (иных международно-правовых актов) и норм, включает непосредственную фактическую деятельность, соответствующую требованиям норм, а также правовое и организационное обеспечение фактической деятельности¹.

Угрозы информационной безопасности в современных условиях могут быть классифицированы по различным признакам:

1. По аспекту информационной безопасности, на который направлены угрозы:

1.1. Угрозы конфиденциальности (неправомерный доступ к информации).

1.2. Угроза нарушения конфиденциальности (информация становится известной тому, кто не располагает полномочиями доступа к ней. Она имеет место, когда получен доступ к некоторой информации ограниченного доступа, хранящейся в вычислительной системе или передаваемой от одной системы к другой).

В связи с угрозой нарушения конфиденциальности, используется термин «утечка». Подобные угрозы могут возникать вследствие «человеческого фактора»

(например, случайное делегирование тому или иному пользователю привилегий другого пользователя), сбоев в работе программных и аппаратных средств.

К информации ограниченного доступа относится государственная тайна² и конфиденциальная информация³ (коммерческая тайна, персональные данные, профессиональные виды тайна: врачебная, адвокатская, банковская, служебная, нотариальная, тайна страхования, следствия и судопроизводства, переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений (тайна связи), сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации (ноу-хау) и др.).

1.3. Угрозы целостности (неправомерное изменение данных). Угрозы нарушения целостности — это угрозы, связанные с вероятностью модификации той или иной информации, хранящейся в информационной системе. Нарушение целостности может быть вызвано различными факторами — от умышленных действий персонала до выхода из строя оборудования.

1.4. Угрозы доступности (осуществление действий, делающих невозможным или затрудняющим доступ к ресурсам информационной системы). Нарушение доступности представляет собой создание таких условий, при которых доступ к услуге или информации будет либо заблокирован, либо возможен за время, которое не обеспечит выполнение тех или иных бизнес-целей.

2. По расположению источника угроз:

2.1. Внутренние (источники угроз располагаются внутри системы);

2.2. Внешние (источники угроз находятся вне системы).

3. По размерам наносимого ущерба:

¹ Ясносокирский Ю.А. К вопросу о применимости международного права в информационной среде // Международная жизнь. 2021. № 7. С. 12—17.

² Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

³ Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».

3.1. Общие (нанесение ущерба объекту безопасности в целом, причинение значительного ущерба);

3.2. Локальные (причинение вреда отдельным частям объекта безопасности);

3.3. Частные (причинение вреда отдельным свойствам элементов объекта безопасности).

4. По степени воздействия на информационную систему:

4.1. Пассивные (структура и содержание системы не изменяются);

4.2. Активные (структура и содержание системы подвергается изменениям).

5. По природе возникновения:

5.1. Естественные (объективные) — вызванные воздействием на информационную среду объективных физических процессов или стихийных природных явлений, не зависящих от воли человека;

5.2. Искусственные (субъективные) — вызванные воздействием на информационную сферу человека. Среди искусственных угроз в свою очередь выделяют:

5.3. Непреднамеренные (случайные) угрозы — ошибки программного обеспечения, персонала, сбои в работе систем, отказы вычислительной и коммуникационной техники;

5.4. Преднамеренные (умышленные) угрозы — неправомерный доступ к информации, разработка специального программного обеспечения, используемого для осуществления неправомерного доступа, разработка и распространение вирусных программ.

Среди правовых проблем борьбы можно выделить следующие:

1. Сложность терминов, понятий и их определений.

2. Сложность расследования.

3. Недостаточная строгость законодательного регулятора в отношении большинства составов преступлений.

4. Проблемы определения юрисдикции, то есть неопределенность в применении правовых мер ответственности за совершение информационных преступлений в

ситуациях трансграничности информационного пространства, когда невозможно определить место совершения деяний.

Основные проблемы информационной безопасности связаны прежде всего с умышленными угрозами, так как они являются главной причиной преступлений и правонарушений¹.

Так, в Стратегии операций в информационной среде министерства обороны США 2022 г. задекларировано весьма амбициозное стремление управлять поведением противника, делается логичный вывод о необходимости включения информационных операций в оперативное планирование всех видов деятельности на этапе их первоначальной разработки.

Также Стратегия дает представление о силах, привлекаемых для проведения информационных операций. Они включают в себя силы психологических операций (PSYOP), службы по связям с гражданской администрацией и населением (Civil Affairs), службы по связям с общественностью (Public Affairs), силы по проведению операции в области электро-магнитного спектра (JEMSO), силы киберпространства, элементы сил космических операций, специалистов по информационному планированию, обладающих навыками проведения специальных технических операций (STO), силы по организации дезинформационных мероприятий Министерства обороны (DoD deception activities) и оперативной безопасности (Operational Security).

В то же время Стратегия содержит отсылку к закрытому Наставлению Председателя ОКНШ JP 3-04 «Information in Joint Operations» сентября 2022 г., согласно которой «любой организации или подразделению может быть поручено проводить мероприятия в поддержку операций в информационной среде» независимо от того, является ли оно штатным подразделением информационной борьбы или нет.

В этой связи Пентагону отводится роль координационного центра между правительственными службами США по

¹ Блинов А.М. Информационная безопасность : учеб. пособие. Часть 1. СПб.: СПбГУЭФ, 2010.

координации информационных операций на этапах их планирования и проведения, в функцию которого также входит определение приоритетности выделяемых ресурсов на данные задачи.

Повышенные стратегические риски создаются вследствие передового базирования американского ядерного оружия в ряде европейских стран и осуществления «совместных ядерных миссий». Это имеет крайне дестабилизирующий заряд и на фоне общего возрастания угроз со стороны НАТО вынуждает нас прибегать к компенсирующим мерам¹.

Очевидно, что агрессия Запада против Российской Федерации – лишь часть «кредитового похода» США и их сателлитов против любого члена международного сообщества, кто демонстрирует самостоятельность и отстаивает национальные интересы².

Комплексный подход к обеспечению информационной безопасности должен обеспечить укрепление обороноспособности Российской Федерации. Опираясь на Доктрину информационной безопасности³, можно и нужно разрабатывать новые комплексные способы борьбы с нарастающими угрозами.

Меры, которые могут быть применены в целях защиты информации и обеспечения безопасности, подразделяются на две группы:

— защита информационных систем от повреждения и информации от утечки и перехвата;

— защита психики личного состава от намеренного информационно-психологического воздействия.

Эти меры должны приниматься в совокупности, опираясь на все новейшие научные разработки и программные продукты.

Первая группа мер:

— защита объектов дислокации войск и расположенных в них автоматизированных систем управления и элементов компьютерной техники от огневого поражения или иного намеренного выведения из строя;

— защита систем от удаленного проникновения в них противника, в частности с установлением программных продуктов, обеспечивающих полную защиту периметра от проникновений, например, DLP-систем и SIEM-систем;

— защита информации, носящей характер государственной или военной тайны, от утечек или намеренного похищения;

— радиоэлектронная защита;

— использование защищенных моделей компьютеров и программных средств, которые не могут быть повреждены заранее созданными проблемами в их кодах;

— развитие средств электронной разведки;

— использование социальных сетей для намеренного дезинформационного воздействия на противника;

— защита систем связи.

Ко второй группе мер можно отнести:

— предохранение психики войск от намеренного психологического воздействия;

— корректировка информации, транслируемой потенциальным противником.

Важнейшей проблемой также является выработка признанных международным сообществом определений таких понятий, как «информационное оружие», «информационная война», «информационная агрессия».

¹ Strategy for operations in the information environment, US Department of Defense. July 5, 2023.

² Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XI Московской конференции по международной безопасности, Москва, 15 августа 2023 года, https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1900527/ (дата обращения — 15.04.2024)

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Международной конференции высокого уровня «Евразийская безопасность: реальность и перспективы в трансформирующемся мире», Минск, 26 октября 2023 года, https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1911977/ (дата обращения 15.04.2024)

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

В существенной доработке с целью приведения в соответствие с новыми реальностями нуждаются нормы международного гуманитарного права.

В отдельных случаях необходима выработка новых правовых норм, регламентирующих международные отношения, возникающие в информационном пространстве.

Необходимо также выработать систему мер по адаптации общепризнанных принципов и норм международного права к специфике цифровой сферы.

Российская Федерация исходит из того, что вытекающие из Устава ООН общепризнанные принципы международного права *jus cogens* и соответствующие нормы международного права, а именно невмешательство во внутренние дела государств и неприменение силы и угрозы силой, остаются незыблемыми как в традиционном, физическом, так и в новом, цифровом пространстве.

Таким образом, с учетом правовой поддержки информационно-коммуникационная сфера должна регулироваться на законодательном уровне.

При динамике развития негативных тенденций в цифровой среде на данном этапе необходимо перевести проходящую в международном сообществе общеправовую дискуссию в практическое русло с выходом на конкретный результат.

Важно добиться этого прежде, чем на пути милитаризации информационного пространства будет пройдена «точка невозврата».

Библиография

1. Амонулов, Ш.П. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества / Ш.П. Амонулов, И.В. Холиков // *Военное право*. — 2020. — № 4(62). — С. 205—211.
2. Блинов, А.М. Информационная безопасность : учеб. пособие. Часть 1 / А.М. Блинов. — Санкт-Петербург: СПбГУЭФ, 2010. — 96 с.
3. Гаврилов, С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // *Государство и право*. — 2022.

— № 12. — С. 59—67. — DOI 10.31857/S102694520023301-2.

4. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // *Военное право*. — 2019. — № 3(55). — С. 21—28.

5. Игнатенко, Г.В. Международное право : учебник / Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. — Москва: НОРМА-ИНФРА М., 1999. — 584 с.

6. Казарин, О.В. Новые разновидности угроз международной информационной безопасности / О.В. Казарин, В.Ю. Скиба, Р.А. Шаряпов // *Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение, информатика, защита информации и информационная безопасность*. — 2016. — № 1. — С. 54—72.

7. Окоча, В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / В.А. Окоча, И.В. Холиков // *Журнал российского права*. — 2020. — № 12. — С. 147—158. — DOI 10.12737/jrl.2020.154.

8. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств / Б.И. Осминин. — Москва: Волтерс Клувер, 2006. — 386 с.

9. Сазонова, К.Л. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов / К.Л. Сазонова, И.В. Холиков // *Военное право*. — 2017. — № 4(44). — С. 217—226.

10. Федоров, Ф.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе / Ф.В. Федоров. — Москва: МГИМО, 2006. — 220 с.

11. Холиков, И.В. Деятельность Содружества Независимых Государств в сфере военного сотрудничества и обеспечения региональной безопасности / И.В. Холиков, Ш.П. Амонулов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2020. — № 9(278). — С. 47—56.

12. Холиков, И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях / И.В. Холиков // *Военное право*. — 2019. — № 6(58). — С. 276—282.

13. Холиков, И.В. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / И.В. Холиков, Э.К. Сайфуллин, В.А. Окоча // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2019. — № 12 (264). — С. 65—71.

14. Чернухин, Э.В. О подходах России к обеспечению цифрового суверенитета / Э.В. Чернухин // *Сборник докладов участников Пятнадцатого Международного форума «Партнерство государства, бизнес и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности»*. 27—29.09.2021, г. Москва. — М., 2021. — С. 40—42.

Обеспечение собственной безопасности в войсках национальной гвардии

© Сибгатуллин Фархад Саетгалиевич,
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии
Российской Федерации

© Бутов Сергей Валерьевич,
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии
Российской Федерации

© Мутигуллин Александр Владимирович,
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии
Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы определения понятия «безопасность» и подходы к ее обеспечению. Предложен авторский вариант определения понятий «обеспечение безопасности» и «собственная безопасность в Росгвардии». Раскрывается содержание обеспечения собственной безопасности в войсках национальной гвардии Российской Федерации. В статье раскрывается содержательная сторона понятия «безопасность Росгвардии». Рассматривается вопрос дополнительной проработки правового статуса подразделений собственной безопасности Росгвардии и наделениях их полномочиями в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: собственная безопасность, Росгвардия, войска национальной гвардии.

Ensuring your own safety in the National Guard troops

© Sibgatullin F.S.,
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of
the National Guard of the Russian Federation

© Butov S.V.,
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of
the National Guard of the Russian Federation

© Mutigullin A.V.,
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of
the National Guard of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the definitions of the concept of "security" and approaches to its provision. The author's version of the definition of the concepts of "security" and "own security in Rosgvardiya" is proposed. The content of ensuring their own security in the National Guard troops is revealed. The article reveals the content side of the concept of "Rosgvardiya security". The issue of additional elaboration of the legal status of the Rosgvardiya's own security units and their empowerment in the field of operational investigative activities is being considered.

Keywords: own safety, Rosgvardiya, National Guard troops

На современном этапе государственного развития происходит оптимизация правоохранительных органов, которая должна осуществляться с учетом возможности противостоять внутренним и внешним угрозам, которые негативно отража-

ются на основных направлениях деятельности государства в целом. В этой связи необходимо большое внимание уделять совершенствованию способов эффективного противодействия потенциальным и реальным угрозам путем повышения эф-

фективности деятельности подразделений собственной безопасности правоохранительных органов. Проблемы обеспечения собственной безопасности правоохранительных органов были всегда актуальны, но наибольшую актуальность они приобрели на современном этапе развития государственных органов.

Со стороны руководителей федеральных органов исполнительной власти мероприятиям по обеспечению собственной безопасности уделяется большое внимание, и поэтому в настоящее время подразделения собственной безопасности осуществляют свою деятельность практически во всех правоохранительных органах Российской Федерации. За последние пять лет подразделения собственной безопасности созданы в Росгвардии, Федеральной службе судебных приставов (ФССП России), Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), в Следственном комитете Российской Федерации (СК России).

Прежде чем приступить к раскрытию понятий «собственная безопасность» и «обеспечение собственной безопасности» необходимо разобраться с таким понятием как «безопасность».

По мнению Б.П. Кондрашова, под безопасностью следует понимать «состояние защищенности жизненно важных интересов объектов безопасности — личности, общества и государства, обеспечиваемое субъектами безопасности от общественно -опасных деяний и иных вредоносных явлений социального, техногенного и природного характера посредством использования системы мер, средств и способов, предусмотренных законом»¹.

Р.Г. Халиуллин считает, что безопасность — это «состояние защищенности объекта от различных угроз (реальных, потенциальных и пр.), обеспечивающее

его устойчивое существование и развитие»².

А.Ю. Кирьянов определяет понятие «безопасность» как «состояние защищенности жизненно важных интересов многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»³. По его мнению, «безопасность» предполагает существование «такой системы взаимоотношений личности, общества, государства (Российской Федерации и ее субъектов) и международного сообщества, которая представляет собой основу для организации условий предотвращения и ликвидации опасности для существования и прогрессивного развития личности, общества и государства».

Таким образом, сущность безопасности заключается в такой организации системы, при которой она могла бы длительное время стабильно функционировать и противодействовать как угрозам, заключенным в рамках нее самой, так и угрозам извне.

В современных российских законодательных актах понятие «безопасность» впервые отмечается в ст. 1 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»⁴ и определено как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». При этом жизненно важные интересы законодатель определил как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности Закон относил: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

¹ Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения : дис. ... канд. д-ра юрид. наук. М.: 1998. С.16.

² Халиуллин Р.Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия // Юрид. образование и наука. 2007. № 4.

³ Кирьянов А.Ю. Общая характеристика понятия «безопасность». Подходы к определению и виды // Безопасность бизнеса. 2010. №1.

⁴ Утратил силу.

Однако, в действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определение понятие «безопасность» почему-то отсутствует, несмотря на то, что в ст. 1 указанного законодательного акта перечисляются виды безопасности: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности.

В Концепции общественной безопасности Российской Федерации дается определение понятия «общественная безопасность»: это «состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹.

Исходя из анализа имеющихся в юридической литературе определений, безопасность можно определить как состояние защищенности, которое достигается в результате создания условий и факторов обеспечивающее функционирование системы в соответствии с заданными параметрами².

К необходимым условиям достижения состояния безопасности можно отнести экономические, политические, экологические, информационные и иные условия, а в качестве угроз безопасности выступают негативные и дестабилизирующие факторы, которые могут нанести ущерб функционированию системы государственного органа.

Понятие «обеспечение безопасности» можно определить как деятельность государственного органа, направленную на

достижение состояния защищенности и поддержание ее в оптимальном состоянии.

Понятие «собственная безопасность» можно рассматривать как разновидность безопасности. В словаре основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма понятие «собственная безопасность» определяется как «состояние защищенности органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, от внешних и внутренних угроз (от преступных посягательств извне и изнутри), обеспечивающее его нормальное функционирование как элемента системы обеспечения безопасности государства и общества»³. Считаем, что данное определение не совсем верное поскольку, в структуре государственных органов Российской Федерации есть подразделения собственной безопасности, которые не наделены полномочиями в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Так, в структуре МЧС России мероприятия по обеспечению собственной безопасности и противодействию коррупции осуществляет Главное управление собственной безопасности. Аналогичное подразделение имеется и в структуре ФССП России, которому также не предоставлено право на осуществление оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо также отметить, что подразделения собственной безопасности Росгвардии в настоящее время не имеют полномочий для осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Д.А. Косогонов рассматривая вопросы, связанные с обеспечением собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе (УИС) дает определение собственной безопасности УИС как внутриорганизационной системе мер, средств, условий, характеризующих готовность учреждений и органов УИС противостоять неправомерному вмешательству в их деятельность при взаимоотношениях с внеш-

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685.

² Сибгатуллин Ф.С. Общественный порядок и общественная безопасность в Российской Федерации: проблемы определения понятий и роль войск национальной гвардии в их обеспечении (теоретико-правовой аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3(34). С. 14—20.

³ Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. Общ. ред. Петрищев В.Е. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

ней средой и негативным внутренним процессом с целью нормального функционирования и развития УИС, и позволяющих выполнять поставленные задачи и функции¹.

Некоторые авторы определяют «собственную безопасность» как «состояние защищенности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее способность противостоять нарушающим их работу действиям, а также сохраняющее устойчивый уровень функционирования»².

В концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 2 января 2013 г. № 1, под собственной безопасностью понимается состояние ее защищенности от угроз деструктивного и дезорганизующего воздействия посредством создания эффективных механизмов противодействия коррупционным и иным противоправным проявлениям, обеспечения инженерно-технической укрепленности и антитеррористической защищенности объектов инфраструктур системы от преступных посягательств, сохранности информационных ресурсов, государственной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих системы МВД России и их близких, а также принятия оперативных и действенных мер по предотвращению негативных последствий и пресечению факторов угроз³.

В приказе Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 26 апреля 1995 г. № 287 «О состоянии ра-

боты по борьбе с коррупцией, должностными преступлениями и задачах по обеспечению собственной безопасности таможенных органов Российской Федерации» собственная безопасность таможенных органов определяется как состояние их защищенности от внешних и внутренних факторов, обеспечивающее способность противостоять дезорганизующим их работу деяниям, сохраняя свою работоспособность, необходимый оперативный и технический потенциал.

В соответствии с законодательством Росгвардия «является государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина»⁴. Для достижения целей и задач в правоохранительной сфере Росгвардия наделена властными полномочиями и имеет в своем распоряжении определенные силы и средства. Эффективность войск национальной гвардии в решении поставленных задач в установленной сфере деятельности в первую очередь зависит от стабильного функционирования внутреннего механизма системы, которая обеспечивается за счет реализации контрольных функции со стороны органов управления.

В деятельности Росгвардии под «собственной безопасностью» следует понимать состояние защищенности войск национальной гвардии от внутренних и внешних угроз, позволяющее войскам выполнять возложенные задачи. Состояние защищенности достигается за счет решения задач, направленных на обеспечение безопасности Росгвардии в целом, а также его отдельных должностных лиц.

Обеспечение собственной безопасности в Росгвардии выражается в деятельности уполномоченных должностных лиц, направленной на достижение состояния защищенности Росгвардии от внутренних и внешних угроз, позволяющее войскам эффективно выполнять возложенные задачи. Содержание деятельности по обеспе-

¹ Косогонов Д.А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно -исполнительной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Выпуск 2.

² Кузьмичев Е.С., Путренкова А.А., Путренкова К.А. К вопросу о подразделениях собственной безопасности: задачи, функции, структура, проблемы их решения. // Автономия личности. Государственная и общественная безопасность. 2021. выпуск 1 (24).

³ Приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 «Об утверждении Концепции собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

чению собственной безопасности составляют меры безопасности как общего, так и специального характера.

Таким образом, собственная безопасность Росгвардии представляет собой совокупность организационных мер направленных на обеспечение оптимальных условий для достижения цели и эффективного решения задач в установленной сфере деятельности, а также готовности Росгвардии к противодействию негативного влияния внешних факторов среды.

С целью обеспечения собственной безопасности в Росгвардии созданы и осуществляют свою деятельность специальные подразделения собственной безопасности. Подразделения собственной безопасности Росгвардии являются подразделениями особого назначения, наделенные широким кругом полномочий в соответствии со своим правовым статусом.

Перечень задач, решаемых подразделениями собственной безопасности Росгвардии, носит многоаспектный характер, который определяет наиболее приоритетные направления его деятельности. В связи с этим можно выделить инженерно-технические, правовые, организационные, управленческие, режимные, антикоррупционные и другие направления деятельности подразделений собственной безопасности.

Проводимые подразделениями собственной безопасности мероприятия носят преимущественно профилактический характер и направлены в первую очередь на предупреждение, пресечение и предотвращение нарушений.

С целью решения задач подразделения собственной безопасности Росгвардии, как уже отмечалось, наделены широким кругом полномочий, располагают личным составом, материально-техническими и информационными ресурсами. С момента создания подразделений собственной безопасности удалось наладить внутрисистемное взаимодействие между структурными подразделениями Росгвардии, благодаря которому произошло снижение совершаемых правонарушений, в том числе коррупционных, со стороны должностных лиц войск национальной гвардии.

В рамках внесистемного взаимодействия организовано совместная работа с другими правоохранительными органами, которая преимущественно осуществляется в форме совместного проведения мероприятий, обмена информацией и т.д.

В деятельности подразделений собственной безопасности Росгвардии можно выделить внутреннюю и внешнюю сферы деятельности. Внутренняя сфера представляет собой совокупность внутриорганизационных мер, направленных на обеспечение целостности и стабильности функционирования системы при взаимодействии с внешней средой.

Внешнюю сферу деятельности подразделений собственной безопасности составляют мероприятия, направленные на предупреждение, пресечение и предотвращение нарушений со стороны должностных лиц Росгвардии в отношении граждан, общества и государства. В настоящее время внешняя сфера деятельности осуществляется подразделениями собственной безопасности в различных формах во взаимодействии с другими правоохранительными органами.

Таким образом, наделение Росгвардии функцией обеспечения собственной безопасности в условиях современных внутренних и внешних угроз выглядит вполне обоснованным. Для самостоятельного обеспечения собственной безопасности в Росгвардии имеются силы и средства, однако же в полном объеме и с большей эффективностью данная работа может проводиться лишь при наличии полномочий в сфере оперативно-розыскной деятельности и процессуальных полномочий. В связи с этим имеется необходимость дальнейшей проработки правового статуса подразделений собственной безопасности Росгвардии, которая значительно расширит перечень решаемых ими задач и выполнения функций в сфере оперативно-розыскной, разведывательной контрразведывательной деятельности¹. Подразделения собствен-

¹ Сибгатуллин Ф.С. Роль и место правоохранительной функции в системе общих функций современного государства // Юридическая

ной безопасности Росгвардии могут внести существенный вклад в борьбу с преступностью при наличии соответствующих полномочий, что в конечном итоге позволит повысить эффективность деятельности Росгвардии в целом, в том числе по борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Обеспечение оперативно-розыскной деятельности подразделениями собственной безопасности Росгвардии не потребует существенных организационно-штатных изменений, поскольку некоторые направления деятельности можно решить за счет внутрисистемного взаимодействия подразделений Росгвардии. К примеру, государственную защиту лиц, подлежащих охране, можно решить за счет организации взаимодействия специальных подразделений Росгвардии и подразделений собственной безопасности, где последние будут выступать организующим звеном в данном направлении деятельности¹.

В рамках внесистемного взаимодействия, в части проведения специальных технических мероприятий, можно использовать материальные, технические и информационные ресурсы других правоохранительных органов, без существенной нагрузки на их основную деятельность.

В заключение следует отметить, что создание подразделений собственной безопасности Росгвардии явилось значимым событием в становлении Росгвардии как правоохранительного органа. Однако следует отметить, что подразделения собственной безопасности Росгвардии находятся на начальном этапе своего развития, поэтому остается очень много нерешенных вопросов связанных с деятельностью данных подразделений, которые требуют дальнейшей теоретической и практической проработки.

Библиография

1. Кирьянов, А.Ю. Общая характеристика понятия «безопасность». Подходы к определению и виды / А.Ю. Кирьянов // Безопасность бизнеса. — 2010. — № 1.
2. Кондрашов, Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения : дис. ... д-ра юрид. наук / Б.П. Кондрашов. — М., 1998.
3. Косоногов, Д.А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе / Д.А. Косоногов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2012. — Выпуск 2.
4. Кузьмичев, Е.С. К вопросу о подразделениях собственной безопасности: задачи, функции, структура, проблемы их решения / Е.С. Кузьмичев, А.А. Путренкова, К.А. Путренкова // Автономия личности. Государственная и общественная безопасность. — 2021. — Выпуск 1.
5. Сибгатуллин, Ф.С. Общественный порядок и общественная безопасность в Российской Федерации: проблемы определения понятий и роль войск национальной гвардии в их обеспечении (теоретико-правовой аспект) / Ф.С. Сибгатуллин // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 3(34). — С. 14—20.
6. Сибгатуллин, Ф.С. Роль и место правоохранительной функции в системе общих функций современного государства / Ф.С. Сибгатуллин // Юридическая наука: история и современность. — 2023. — № 5. — С. 140—151.
7. Халиуллин, Р.Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия / Р.Г. Халиуллин // Юрид. образование и наука. — 2007. — № 4.
8. Сибгатуллин Ф.С. Государственная охрана и государственная защита в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации / Ф.С. Сибгатуллин, В.Ф. Шакиров // Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — № 2(37). — С. 57—61. — DOI 10.47475/2311-696X-2023-10208.

наука: история и современность. 2023. № 5. С. 140—151.

¹ Сибгатуллин Ф.С., Шакиров В.Ф. Государственная охрана и государственная защита в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2(37). С. 57—61.

О некоторых мерах, связанных с противодействием диверсионно-террористическим угрозам в условиях проведения специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины

© Яковец Евгений Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, Заслуженный юрист Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются угрозы безопасности России, порождаемые диверсионно-террористическими действиями украинских неонацистов. Для противодействия им предлагаются меры, связанные с возрождением военной контрразведки, действовавшей в период Великой Отечественной войны. В тех же целях предлагается придать создаваемым в настоящее время добровольческим формированиям территориальной обороны основные функции истребительных батальонов, функционировавших во время войны. С позиций противодействия диверсионно-разведывательным группам противника и обеспечения пограничной безопасности на новых направлениях противостояния с агрессивным блоком НАТО – анализируются проблемы, связанные с возрождением российских пограничных войск. Анализируется законодательная основа, обуславливающая реализацию указанных мер.

Ключевые слова: диверсионно-террористическая деятельность; подпольные ячейки диверсантов; украинские националисты; военная контрразведка; добровольческие формирования; территориальная оборона; пограничные войска.

About some measures related to counteraction sabotage and terrorist threats in the context of a special military operation aimed at demilitarization and denazification of Ukraine

© Yakovets E.N.,

Professor of the Department of Criminal Law Disciplines Russian Customs Academy, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the threats to Russia's security caused by the sabotage and terrorist actions of Ukrainian neo-Nazis. To counteract this, they propose measures related to the revival of military counterintelligence, which operated during the Great Patriotic War. For the same purpose, it is proposed to give the currently being created volunteer formations of territorial defense the basic functions of fighter battalions that functioned during the war. From the standpoint of countering sabotage and reconnaissance groups of the enemy and ensuring border security in new areas of confrontation with the aggressive NATO bloc, the problems associated with the revival of the Russian border troops are analyzed. The legislative framework that determines the implementation of these measures is analyzed.

Keywords: sabotage and terrorist activities; underground saboteurs; Ukrainian nationalists; military counterintelligence; volunteer formations; territorial defense; border troops.

В результате явных неудач, сопутствующих украинским националистам в ходе широко разрекламированного «контрнаступа», на Западе начинают по-

нимать, что после его провала Зеленский, активно насаждающий у себя в стране нацистскую идеологию и маниакально посылающий на убой своих граждан, стано-

вится не только «позором еврейского народа»¹, но и бельмом на глазу всего «золотого миллиарда». Одни лишь США вложили в накачку Украины оружием более \$170 млрд, а теперь выясняется, что огромные деньги тратятся совершенно зря, и кто-то должен за это нести ответ. Отсюда столь пренебрежительное отношение к «кровавому комику» со стороны НАТО, продемонстрированное в Вильнюсе 11—12 июля и в ходе его декабрьского (2023 г.) вояжа по западным странам.

В этих условиях Главное управление разведки Министерства обороны Украины (ГУР) лихорадочно изыскивает способы переломить создавшуюся ситуацию. Оно меняет тактику ведения боевых действий, делая ставку на заброску в тыл российской армии диверсионно-разведывательных групп (ДРГ), внедрение своей агентуры на различные объекты критической инфраструктуры, а также вербовку для осуществления террористических акций российских граждан. Диверсионно-разведывательные акции всё чаще организуются «под чужим флагом», для чего, по данным нашей разведки, украинские боевики используют военную форму, практически ничем не отличающуюся от российской. Помимо армейских комплектов у диверсантов имеется также форма Росгвардии, ФСБ России, отрядов «Ахмат» и других спецподразделений. Для маскировки они используют российскую (советскую) военную технику, другие средства ведения боевых действий и даже российские сухпайки ИРП-П и ИРП-Б².

Подобные намерения в полной мере соответствуют тактике действий немецкого формирования специального назначения «Бранденбург-800», подчинявшегося в годы Второй мировой войны Абверу —

военной разведке гитлеровской Германии. Данная диверсионно-разведывательная войсковая часть, в которой, кстати, служили и украинские националисты, занималась подрывной деятельностью в тылах наших войск с первых дней Великой Отечественной войны.

Современные бандеровцы предпринимают активные попытки проникновения в наши тылы под видом российских военнослужащих. Так, 19 июня 2023 г. группа переодетых в российскую военную форму украинских диверсантов на грузовике «Урал» пыталась атаковать российские позиции в Запорожской области, но была остановлена и уничтожена. Однако своевременно выявлять и обезвреживать диверсантов удаётся далеко не всегда. Как известно, в течение последнего времени на территории России заметно участились пожары, взрывы и иные чрезвычайные происшествия «неясной этиологии» на нефтебазах, железных дорогах, складах, трубопроводах, объектах критической инфраструктуры и др. Причём, в ряде случаев подобные происшествия расцениваются российской стороной как «неосторожное обращение с огнём», «взрыв бытового газа», «неисправность электрооборудования» и т.п. Тем не менее, зачастую — это дело рук украинских националистов, тесно связанных с ГУР. Существуют на территории России и так называемые «спящие» ячейки бандеровского подполья, которые по заданию своих кураторов могут активизироваться в любой момент в соответствующем месте.

Из сказанного усматривается, что российские правоохранительные органы и спецслужбы, которые применяют традиционные подходы к противодействию терроризму и экстремизму, не ориентированные на специфику военного времени, не смогут эффективно противодействовать украинским ДРГ и их агентам. Причин этому много, и они достаточно хорошо известны. Поэтому в нынешней ситуации раздаётся всё больше голосов относительно целесообразности воссоздания в России специальной оперативной службы для борьбы с разведывательно-диверсионной и другой подрывной деятельностью врагов

¹ Демченко Н. Владимир Путин: мои еврейские друзья назвали Зеленского позором еврейского народа // РБК. 2023. 16 июня // URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/06/2023/648c64ac9a79472b646e3fa0> (дата обращения: 02.04.2024).

² Кондрашов А. Провокаторы: от чужой формы до «грязной бомбы». Как украинская разведка использует опыт иностранных спецслужб // Аргументы недели. 2023. № 24 (870). 21 июня. С. 20.

российской государственности по образу и подобию знаменитого «СМЕРШа», с учётом того, что масштаб современных вызовов не менее серьёзный, чем восемьдесят лет назад.

Следует напомнить, что Главное управление контрразведки «СМЕРШ» (ГУКР «СМЕРШ») под руководством В.С. Абакумова было создано на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 19 апреля 1943 г. № 415-138сс «О создании Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Народного комиссариата обороны СССР» и напрямую подчинялось Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. Тогда же была утверждена и его организационно-штатная структура¹. Одновременно стали функционировать Управление контрразведки «СМЕРШ» Наркомата Военно-морского флота СССР, подчинявшееся наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову, и отдел контрразведки «СМЕРШ» НКВД СССР, находившийся в ведении наркома внутренних дел Л.П. Берии. Однако, несмотря на такой ведомственный плюрализм, основной объём контрразведывательной работы лёг на плечи армейских контрразведчиков. ГУКР «СМЕРШ» включал в свой состав следующие подразделения: 1-й отдел (агентурно-оперативная работа в центральном аппарате наркомата обороны), 2-й отдел (работа с бывшими пленными красноармейцами, с немецкими военнопленными), 3-й отдел (борьба с фашистской агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии), 4-й отдел (внешняя контрразведка), 5-й отдел (работа в военных округах), 6-й, следственный отдел, 7-й отдел (оперативный учёт и статистика), 8-й отдел (оперативная техника), 9-й отдел (оперативный поиск),

10-й, особый отдел, 11-й шифровальный отдел, отдел кадров и административно-финансовый отдел². Структура данного оперативного аппарата наглядно иллюстрирует его основные функции: противодействие шпионам и диверсантам, пресечение военных преступлений и противоправных деяний по отношению к мирному населению, выявление бывших власовцев, полицейских и палачей из расстрельных команд, борьба с изменой Родине, дезертирством, паникёрством, пораженческими настроениями³.

Только за первые 10 месяцев с момента создания ГУКР «СМЕРШ» в германские разведывательные органы и школы подготовки диверсантов было внедрено 75 агентов. Из них 38, то есть половина, возвратились в Центр, успешно выполнив задания. Они представили сведения на 359 сотрудников германской военной разведки и на 978 шпионов и диверсантов, подготовленных для заброски в советский тыл. В итоге 176 разведчиков противника были арестованы, 85 явились с повинной, а пятеро перевербованных агентов Абвера продолжили работу за линией фронта уже по заданиям смершевцев. Всего ГУКР «СМЕРШ» изобличил и захватил более 50 тыс. шпионов, диверсантов и прочего уголовно-преступного элемента, находившегося в прифронтовой полосе⁴.

Однако воссоздать данную спецслужбу в нынешних условиях весьма непросто. Даже при условии положительного решения данной проблемы автоматически возникнет вопрос: на базе каких подразделений её следует формировать? Вне всякого сомнения, можно перечислить сразу несколько спецслужб, способных при опре-

¹ Постановление СНК СССР от 19 апреля 1943 г. № 415-138сс о создании Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР; Организационно-штатная структура Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР. 19 апреля 1943 г. // официальный сайт ФСБ России URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Smersh80.htm (дата обращения: 25.04.2024).

² История спецслужб России / Сост. С. Шумов, А. Андреев. М.: Крафт+, 2004. С. 448.

³ Вочовский Р. Готовы ли россияне к возрождению сталинской контрразведки «Смерш»? // ForPost. Новости Севастополя. 2023. 20 марта // URL: <https://sevastopol.su/news/stoit-li-vozrozhdat-v-rossii-stalinskuyu-kontrrazvedku> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Кондрашов А. «Смерш» и «Смерч». В войну успешно ловили шпионов, а кто сейчас поймаёт чиновников-коррупционеров? // Аргументы недели. 2013. 7 мая. № 17(359). С. 22.

делённом профессиональном перепрофилировании их сотрудников выполнять указанные выше функции. В первую очередь — это, конечно же, Военная контрразведка России — одна из самых закрытых и секретных специальных служб нашего государства¹. На участие в создании новой службы, безусловно, претендуют и органы федеральной службы безопасности. Кроме них можно было бы сделать ставку и на оперативные подразделения органов внутренних дел при условии прохождения их сотрудниками соответствующей профессиональной переподготовки.

Наряду с ними, как бы парадоксально это ни звучало, в создании нового «СМЕРШа» могли бы принять участие и бывшие сотрудники ЧВК «Вагнер», не запятнавшие себя участием в вооружённом мятеже. Председатель комитета Госдумы по обороне А.В. Картаполов отмечает, что не видит причин для запрета частной военной компании «Вагнер» в России. «За что её запрещать? Тут ведь все вопросы к руководителю ЧВК. Иосиф Виссарионович [Сталин] говорил, что дети за родителей не отвечают. Тот, кто поднял мятеж, тот и должен отвечать», — подчёркивает депутат. При этом указанный политик называет ЧВК «Вагнер» самым боеспособным подразделением в стране на сегодняшний день. «И взять их и разоружить, и разогнать — лучшего подарка для НАТО и украинцев не придумаешь. Это не нужно делать», — считает он.

Не следует забывать, что среди вагнеровцев немало настоящих героев. В СМИ называют имена некоторых из тех, кто возглавлял штаб и штурмовые группы «Вагнера». Среди них Андрей Трошев, Герой России, кавалер трех орденов Мужества, полковник полиции. Прошёл Афганистан, две войны в Чечне, Героя получил за Сирию. Андрей Богатов, Герой России, воевал в Афганистане в ДШБ, в Югославии. В Сирии был тяжело ранен, лишился руки,

но вернулся в строй. Получил звание Героя, 4 ордена Мужества. Это его отряд окончательно выбил ВСУ из Артёмовска. Александр Кузнецов. Имеет четыре ордена Мужества, Герой России. Кадровый военный, прошёл две чеченских войны, Сирию, Ливию. В Бахмуте был тяжело ранен. Золотую звезду Героя России получил закрытым Указом Президента Российской Федерации².

В этой связи было бы правильным попытаться удержать в России хотя бы часть вагнеровцев, распределив их по войскам, а наиболее боеспособную часть, прошедшую надлежащую проверку, включить в состав нового «СМЕРШа» в случае принятия решения о его возрождении. Кстати, как сообщил в своём Телеграм-канале член Комитета Госдумы по обороне, генерал-лейтенант запаса А.В. Гурулёв, Россия уже создала в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях службу военной контрразведки, которая по своим функциям аналогична «СМЕРШу»³.

В данной связи остаётся добавить, что передислоцированные в Белоруссию бойцы ЧВК «Вагнер» уже сейчас активно занимаются обучением белорусских добровольцев из территориальной обороны в районе г. Осиповичи Могилёвской области. Теробороновцы под их руководством овладевают навыками перемещения на поле боя и тактической стрельбы, проходят инженерную подготовку, изучают полевую медицину⁴. Следует подчеркнуть, что участие добровольческих подразделе-

¹ Самолётов А. Сливаясь с обществом: как работает российская военная контрразведка // ТРК «Звезда». 2022. 25 декабря // <https://tvzvezda.ru/news/20221225207-ti1f.html> (дата обращения: 02.04.2024).

² Малышев В. На самом деле командовал бойцами ЧВК «Вагнер» не Пригожин // Политинформация. 2023. 2 июля // URL: <https://politinform.ru/159220-na-samom-dele-komandoval-bojcam-chvk-vagner-ne-prigozhin.html> (дата обращения: 14.04.2024).

³ Нарочницкая Н. «СМЕРШ» возрождается? Для борьбы со шпионами и диверсантами создана специальная служба военной контрразведки // URL: <https://dzen.ru/a/ZXHc50xB1w2aIHnk> (дата обращения: 23.04.2024).

⁴ Арутюнян К. ЧВК «Вагнер» тренирует бойцов теробороны в Могилёвской области // URA.RU. 2023. 14 июля // URL: https://ura.news/news/1052666823?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.04.2024).

ний территориальной обороны (ТО) в противодействии диверсионно-террористическим и экстремистским угрозам, даже при условии воссоздания легендарного ГУКР «СМЕРШ», представляется крайне важным. В настоящее время в некоторых российских областях, которые граничат с Украиной, создаются аналогичные формирования. Однако, как показывает практика, в процессе их формирования появляется немало проблем. По словам военного эксперта В.В. Шурыгина, ТО представляет собой полувоенное или, точнее, почти военное объединение людей по территориальному признаку. От армии она отличается тем, что граждане должны нести службу в тех регионах и городах, где их набирают. Такие подразделения необходимо создавать вплоть до райцентров. Они должны контролировать ситуацию на территории своего региона и места проживания, а подчиняться — военкомам и местной военной администрации, которые при необходимости обеспечивают переход личного состава ТО на казарменное положение.

Задача территориальной обороны, по словам эксперта, — несение службы, поддержание общественного порядка, а также привлечение к созданию оборонительных инженерных сооружений. Как правило, эти подразделения комплектуются на основе принципа добровольности.

К числу нерешённых проблем в данной области относятся следующие: отсутствие на федеральном уровне документов, регулирующих порядок создания и содержания сил и средств ТО; подготовка её специальных штабов; отсутствие в региональных бюджетах статей расходов для наращивания инженерно-технической защищённости объектов в военное время. Вместе с тем, глава общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана», бывший первый заместитель председателя комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Ф.А. Клинецвич, отмечает, что все основные документы по формированию штабов ТО имеются, однако они имеют ограниченный доступ, и

прокомментировать их достаточно сложно¹.

Вместе с тем, в последнее время на федеральном уровне появились отдельные законодательные положения, касающиеся деятельности территориальной обороны, о которых нельзя не сказать. В частности, некоторыми статьями (3, 5, 7, 10 и др.) Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» инициированы поправки, непосредственно предусматривающие создание военизированных добровольческих формирований.

Так, в п. 8.1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» теперь говорится следующее: «Для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооружённые Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооружённых конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооружённых Сил Российской Федерации (войск национальной гвардии Российской Федерации) за пределами территории Российской Федерации (далее — добровольческие формирования)».

Пункты 2 и 3 ст. 22.1 этого же Закона имеют теперь следующую редакцию: «2. Численность добровольческих формирований, их организация, районы их действий, стоящие перед ними задачи, порядок управления ими, срок использования добровольческих формирований, а также порядок прекращения и иные вопросы их деятельности определяются Министер-

¹ Морозова Е., Крецул Р. На защиту становись. Как будет организована тероборона регионов России. Система обеспечит охрану предприятий, транспорта и социальных объектов // Известия. 2022. 21 октября // URL: <https://iz.ru/1413518/elizaveta-morozova-roman-kretcul/na-zashchitu-stanovis-kak-budet-organizovana-teroborona-regionov-rossii> (дата обращения: 02.04.2024).

ством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации) исходя из задач, стоящих перед Вооружёнными Силами Российской Федерации (войсками национальной гвардии Российской Федерации).

3. В состав добровольческих формирований входят граждане Российской Федерации, добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также могут входить военнослужащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации (военнослужащие и сотрудники, направленные Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации).

Кроме того, в этой же статье появился новый п. 4.1, в котором отмечается, что лица, пребывающие в добровольческих формированиях, приводятся к присяге в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Соответствующие дополнения и изменения, связанные с деятельностью добровольческих формирований, внесены также в подп. 7 п. 1 ст. 18 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и абзац первый п. 5.1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

С тем, чтобы получить более полное представление относительно возможных направлений деятельности подразделений ТО и парадигмы развития современного законодательства в этой области, следует опять же обратиться к периоду Великой Отечественной войны и вспомнить об опыте деятельности так называемых истребительных батальонов — военизированных добровольческих формирований из числа граждан СССР, являвшихся одной из форм народного ополчения. К задачам этих батальонов относились: охрана важных народнохозяйственных объектов в тылу советских войск, борьба с разведывательно-диверсионными группами и воздушными десантами противника.

Общее руководство истребительными батальонами осуществлял Центральный

штаб, созданный при НКВД СССР. Истребительные батальоны формировались главным образом из представителей партийного и советского актива (партийная и комсомольская прослойка доходила до 80–90 %), из добровольцев, физически крепких и подготовленных в военном отношении¹.

Подготовкой личного состава батальонов и руководством их деятельностью на местах занимались специальные штабы, созданные в отделах и управлениях НКВД СССР по районам, областям, краям и республикам. Командирами назначались оперативные сотрудники органов НКВД СССР или начальники районных отделов милиции и их заместители по политчасти. В батальон входило от 30 до 500 чел. (чаще всего — 100—200 чел.). По армейским нормам батальоны делились на роты и взводы. Истребительные батальоны вначале создавались исключительно в западных областях СССР. Однако, по мере перемещения советско-германского фронта на восток их стали формировать и в других регионах страны, оказавшихся в полосе боевых действий. К концу июля 1941 г. было сформировано 1 755 истребительных батальонов, в которых несли боевое дежурство 328 тыс. чел. Кроме того, более 300 тыс. чел. состояло в группах содействия истребительным батальонам. Всего за период войны было сформировано около 2 тыс. батальонов, в том числе 1 тыс. — в РСФСР, 657 — в Украинской ССР, 78 — в Белорусской ССР, 63 — в Молдавской ССР².

Кстати, организация боевой деятельности истребительных батальонов в годы

¹ О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. // URL: <http://warmech.narod.ru/smersh/html> (дата обращения: 23.03.2024).

² Терновский А.Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной науки. Электрон. дан. 2013. № 28. С. 89—99 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-istrebitelnyh-batalonov-v-velikoy-otechestvennoy-voynе-1941—1945-gg> (дата обращения: 15.04.2024).

Великой Отечественной войны возлагалась и на военнослужащих Пограничных войск НКВД СССР, которые уцелели при отражении первых фашистских ударов в направлении западной границы Советского Союза и были передислоцированы в тыл действующей армии для обеспечения его охраны. В данном контексте логично было бы подчеркнуть ещё одну важную мысль, связанную с обеспечением национальной безопасности страны в условиях проведения СВО, в частности, таких её важнейших элементов, как пограничная и таможенная безопасность.

Как известно, сегодня система охраны границы в России состоит, главным образом, из пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации, а участки самой границы контролируются техническими средствами, беспилотниками и системой «Рубикон», которая заменяет традиционные заграждения с колючей проволокой. Это система датчиков, расположенных на контрольно-следовой полосе, которые в режиме реального времени определяют направление движения нарушителя границы, его скорость и маршрут движения. Дежурный, принимающий соответствующую информацию, должен связаться с резервным подразделением, которое обязано выдвинуться на заданное направление и задержать злоумышленника.

Однако, как показывают последние события на российско-украинской границе в районе Белгородской и Брянской областей, несмотря на эти меры, ДРГ противника в состоянии проникать на нашу территорию и наносить урон приграничным населённым пунктам. Как уже отмечалось, в определённой мере эту проблему призваны решить подразделения ТО вместе с подразделениями других силовых структур. Однако усилия последних в данном направлении можно рассматривать лишь в качестве временной меры, поскольку полноценная защита и охрана государственной границы в их задачи не входит. Поэтому в нынешних непростых условиях многие эксперты предлагают возродить Пограничные войска (ПВ), численность которых в 1991 г. составляла около 220

тыс. чел., и, применяя современные технические средства, вернуться к системе охраны границы, отработанной во времена СССР. В случае положительного решения данного вопроса, в первую очередь, ПВ должны прикрыть юго-западные, западные, северо-западные и северные рубежи России, где формируется новый «санитарный кордон» из враждебных нам государств¹.

Информацию, касающуюся принятого решения о воссоздании в России пограничных войск, довёл в своё время до сведения общественности всё тот же генерал-лейтенант А.В. Гурулёв², который ссылался на конфиденциальные источники во властных структурах. Впрочем, пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д.С. Песков тогда это сообщение не подтвердил³.

Безусловно, проблема воссоздания ПВ порождает много проблем, причём, весьма непростых. Во-первых, большинство специалистов пока не определились в своих заключениях о том, на базе какого ведомства может быть реализована данная мера? Следует ли возрождать ПВ вне структуры ФСБ России как самостоятельное ведомство, аналогичное Федеральной пограничной службе Российской Федерации, существовавшей с 30 декабря 1993 г. по 11 марта 2003 г., или их следует создавать в рамках структуры пограничных органов федеральной службы безопасности?

Во-вторых, до конца неясно, за счёт каких людских ресурсов могут комплектоваться ПВ? Скорее всего, Пограничным войскам придётся возвращаться к призыв-

¹ Козлов С. Пришла пора возрождать пограничные войска России. Информационное агентство News-Front. 2023. 2 июля // URL: <https://news-front.info/2023/07/02/prishla-pora-vozhrozhdat-pogranichnye-vojska-rossii/> (дата обращения: 10.04.2024).

² Депутат Госдумы генерал-лейтенант Андрей Гурулев сообщил о принятом решении воссоздать Пограничные войска // Военное обозрение. 2023. 20 июня.

³ Герейханова А. В Кремле не стали комментировать сообщения о воссоздании погранвойск как отдельного ведомства // Российская газета. 2023. 20 июня.

ной системе, и речь здесь должна идти, как минимум, о двухлетней службе срочников, что в условиях проведения СВО является вполне оправданным. Как известно, боевая подготовка пограничников — весьма интенсивный и длительный процесс. В советское время, например, она длилась около года. Бойцам в зелёных фуражках прививали устойчивые навыки действий мотострелков и десантников (за исключением, пожалуй, прыжков с парашютом) и лишь затем их направляли на заставы.

В-третьих, возникает вопрос, касающийся штатной численности ПВ. Восстанавливать ли её, как в СССР, до уровня 220 тыс. чел.? Много это или мало? Следует признать, что это достаточно много, поэтому данный показатель в соответствующей мере можно корректировать, исходя из конкретной обстановки. Кроме того, важно определиться с вооружением и материальным обеспечением пограничников в новых условиях. Очевидно, что «зелёные фуражки» должны иметь на вооружении и бронетехнику, и артиллерию (ствольную и минометную), и пилотируемую авиацию, и БПЛА, и защищённую цифровую радиосвязь, и многое другое.

Большинство специалистов полагают, что проблема возрождения ПВ всё же решится, поскольку создавать их, без сомнения, нужно. Причём, начинать этот процесс, по их мнению, следовало ещё в 2022 г., чтобы сегодня было кому прикрывать границу с Украиной и расширяющимся блоком НАТО¹.

Несомненно весомым признаком, свидетельствующим о возрождении ПВ, явились положения отмеченного выше Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 3 которого дополнила Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» новой ст. 16.4 (Военная служба по призыву в органах федеральной службы

безопасности), а также внесла соответствующие изменения и дополнения в другие его нормы — ст. 16 (сотрудники органов федеральной службы безопасности), ст. 16.2 (меры обеспечения собственной безопасности органов федеральной службы безопасности) и ст. 17 (правовая защита сотрудников органов федеральной службы безопасности). Это свидетельствует о том, что политическое решение по вопросу создания ПВ руководством страны принято, и в ближайшее время следует ожидать следующих шагов в данном направлении.

Таким образом, проблем, связанных с противодействием диверсионно-террористическим угрозам в условиях проведения СВО, сегодня предостаточно. Причём вектор усилий, ориентированных на противодействие им, должен иметь как внешнюю, так и внутреннюю составляющие. Большое значение в этой связи имеет организация взаимодействия между различными правоохранительными органами, спецслужбами, войсковыми подразделениями и добровольческими формированиями, а также воссоздание тех силовых структур, которые оправдывали себя на практике в критических ситуациях.

Библиография

1. История спецслужб России / Сост. Сергей Шумов и Александр Андреев. — Москва: Крафт+, 2004. — 456 с.
2. Кондрашов, А. Провокаторы: от чужой формы до «грязной бомбы». Как украинская разведка использует опыт иностранных спецслужб / А. Кондрашов // Аргументы недели. — 2023. — № 24 (870). 21 июня.
3. Кондрашов, А. «Смерш» и «Смерч». В войну успешно ловили шпионов, а кто сейчас поймает чиновников-коррупционеров? / А. Кондрашов // Аргументы недели. — 2013. — № 17(359). 7 мая.
4. Маржецкий, С. Будут ли восстановлены Пограничные войска по линии ФСБ / С. Маржецкий // Репортёр. 2023. 21 июня.
5. Самолётов А. Сливаясь с обществом: как работает российская военная контрразведка // ТРК «Звезда». 2022. 25 декабря // <https://tvzvezda.ru/news/20221225207-ti1f.html> (дата обращения: 02.04.2024).
6. Терновский, А.Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / А.Н. Терновский // Актуальные вопросы современной науки. — 2013. — № 28. — С. 89—99.

¹ Маржецкий С. Будут ли восстановлены Пограничные войска по линии ФСБ // Репортёр. 2023. 21 июня.

Теория военного права

Соотношение военной науки и военного права

© **Безбабнов Олег Геннадьевич**,
директор Правового департамента Минобороны
России.

© **Кудашкин Владимир Васильевич**,
статс-секретарь АО «Рособоронэкспорт», доктор
юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации.

Аннотация. Составными частями (отраслями) военной науки в числе прочих являются теория военного искусства и теория военного права. Объектами обеих наук выступает военный конфликт, представляющий собой совокупность всех действий сторон с использованием вооруженных сил и других средств воздействия на противника в интересах достижения политических целей.

Соотношение военной науки и науки военного права состоит в следующем: составной частью военной науки является наука военного права, а не собственно военное право, как отрасль российской системы права. Наука может исследовать любые процессы и объекты, но только как особые объекты, составляющие конкретную область, являющуюся предметом научного интереса и познания. В этом смысле объектом военно-правовой науки, в том числе теории военного права, не могут быть вопросы теории военного искусства. Специфичным и естественным для познания военной науки и науки военного права является единый объект — отношения военного конфликта в силу однородности, однопорядковости и естественного существа реальной действительности, образуемой отношениями вооруженного противоборства при военном конфликте. Опосредующее эти отношения право — право военных конфликтов — обеспечивает системные связи военной науки и науки военного права.

Ключевые слова: военный конфликт, гибридная война, право, правовая борьба, правовое насилие, военная наука, право военных конфликтов, победа, вооруженная борьба, системные связи, система.

The relationship between military science and military law

© **Bezbabnov O.G.**,
Director of the Legal Department of the Russian
Ministry of Defense

© **Kudashkin V.V.**,
State Secretary of Rosoboronexport JSC, Doctor of
Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

Annotation. The components (branches) of military science, among others, are the theory of military art and the theory of military law. The objects of both sciences are military conflict, which is the totality of all actions of the parties using armed forces and other means of influencing the enemy in the interests of achieving political goals.

The relationship between military science and the science of military law is as follows: an integral part of military science is the science of military law, and not military law itself, as a branch of the Russian legal system. Science can study any processes and objects, but only as special objects that make up a specific area that is the subject of scientific interest and knowledge. In this sense, the object of military legal science, including the theory of military law, cannot be questions of the theory of military art. Specific and natural for the knowledge of military science and the science of military law is a single object - the relations of military conflict due to the homogeneity, uniformity and natural essence of reality formed by the relations of armed confrontation in a military conflict. The law that mediates these relations—the law of military conflicts—provides systemic connections between military science and the science of military law.

Key words: military conflict, hybrid war, law, legal struggle, legal violence, military science, law of military conflicts, victory, armed struggle, systemic connections, system.

Органичной составной частью российской науки является военная наука как система знаний о войне, строительстве и подготовке вооруженных сил и государства к войне, о принципах обеспечения военной безопасности Российского государства, правовые аспекты которой составляют предмет науки военного права¹.

В современных геополитических условиях актуальным является развитие военного права, имеющего глубокие исторические корни и напрямую связанного со становлением Российского государства, его современным развитием и местом в мире.

В настоящее время признание науки военного права составной частью военной науки носит декларативный характер. Военная наука не ставит перед наукой военного права ни целей, ни задач.

Необходимо отметить, что исторически, до 1917 г., российская военная наука включала военное искусство и военное право². Однако в советский период правовые вопросы регулирования военных конфликтов оказались наименее разработанными, в том числе в вопросах обеспечения суверенитета государства. Правовая наука в русле общемировых тенденций сосредоточилась исключительно на международно-гуманитарных аспектах вооруженных конфликтов. Результатом такой работы стало формирование отрасли международного права — права вооруженных конфликтов (международного гуманитарного права)³.

Формирование аналогичной отрасли советского/российского права из-за идеологизированного отношения к военному праву со стороны советского руководства не проводилось. До 2020 г. отсутствовали какие-либо системные правовые исследования внутригосударственных правовых аспектов отношений военных конфликтов. Однако отдельные группы отношений исследовались⁴.

Вместе с тем, правовые условия обеспечения успешного достижения целей военного конфликта имеют такое же важное значение, как и другие условия.

⁴ Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Шаковец О.В. Правовое регулирование действий воинского контингента Российской Федерации в миротворческих операциях (международно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Холиков И.В. Проблемы международно-правовой регламентации статуса военно-медицинского персонала в условиях вооруженного конфликта и проведения миротворческих операций : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Самодуров Д.И. Правовой режим военного плена (международно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Зиборов О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Ложников И.С. Военно-правовые аспекты урегулирования вооруженных конфликтов (на основе Парижско-Дейтоновских соглашений): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Винокуров А.Ю. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации против мирного населения в период вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Тараненко В.В. Правовой статус военнослужащих — участников боевых действий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Звинчукова О.Н. Международно-правовая защита прав женщин, проходящих военную службу: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Маликов С.В. Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

¹ См. подробнее: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.

² Зарудницкий В.Б. Военная наука: новые горизонты познания // Воен. мысль. 2022. № 7. С. 9; Заусцинский П. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформы XIX века. СПб., 1909. С. 28.

³ См. подробнее: Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7. С. 2—11.

Необходимо учитывать следующее.

Цели военного конфликта реализуются путем достижения победы в ходе военного противоборства.

В настоящее время правовое обеспечение целей и задач в ходе военного конфликта осуществляется преимущественно нормами международного права (право вооруженных конфликтов/международное гуманитарное право). На уровне официального признания правовое обеспечение военных конфликтов включает Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденное Министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г.

Однако вполне очевидно, что цели военного конфликта достигаются Россией более эффективно, если правовое регулирование такого конфликта (в совокупности с другими условиями) основано на приоритете интересов Российского государства и общества по достижению победы в процессе вооруженной борьбы. При этом гуманитарный аспект такого регулирования, основанный на нормах международного гуманитарного права, в обязательном порядке учитывается.

Победа в военном конфликте удовлетворяет внутригосударственный интерес по обеспечению суверенитета страны. Правовая основа победы может быть только российской, внутригосударственной. Она существует — это указы Президента Российской Федерации, доктрины, концепции, боевые уставы, наставления и т. д.

У эффективного достижения целей военного конфликта, помимо традиционных составляющих, есть еще одна — правовая составляющая, т. е. правовое обеспечение отношений, возникающих в ходе военных конфликтов, которое формирует отдельную группу правовых норм, именуемых «право военных конфликтов».

Приходится констатировать, что отсутствие научной разработанности данной группы правоотношений и соответствующей ей обособленной группы правовых норм, регулирующих на внутригосударственном уровне отношения в ходе военных конфликтов, — права военных кон-

фликтов — порождает гипертрофиацию гуманитарного аспекта военно-управленческой деятельности и поведения участников военного конфликта на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях в ходе военного противоборства.

Безусловно, гуманитарный аспект вооруженного противоборства важен. Но военно-юридической наукой до настоящего времени не разработаны правовые условия возможного и должного поведения участников военного противоборства для достижения победы в военном конфликте. Существует правовая неопределенность в отношении института военной необходимости, который, будучи развитым институтом военной науки, не имеет под собой серьезной, разработанной теоретически и нормативно, правовой основы. Это неизбежно порождает условия для снижения эффективности военно-управленческой деятельности на всех уровнях (стратегическом, оперативном, тактическом), создает предпосылки не достижения целей и не эффективного решения задач в ходе военного конфликта.

Командная деятельность должна быть построена на праве, она протекает на основе и во исполнение законов и других правовых актов, в противном случае имеются риски того, что, с одной стороны, отсутствие правового регулирования не сформирует отвечающее интересам государства организующее начало в военно-управленческой деятельности в процессе вооруженной борьбы, достаточное для достижения победы; с другой стороны, военная необходимость может превалировать над правом, что создаст условия для нарушения гуманитарных норм права вооруженных конфликтов, влекущих уголовно-правовую ответственность. Задача правовой науки — предложить обществу и государству научно обоснованные правовые инструменты, которые, не вторгаясь в компетенцию командира на поле боя в принятии им решения о боевом применении подчиненных войск, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, с одной стороны, урегулируют его деятельность в целях достижения победы в ходе вооруженной борьбы, а с другой — уста-

новят границы, за пределами которых для него может наступить ответственность.

Эффективность военно-управленческой деятельности напрямую зависит от морально-психологических условий такой деятельности, одним из определяющих компонентов которых является правосознание. Гуманитарно-определяющая односторонность, ограниченность базиса правосознания в части, касающейся формирования военно-управленческой деятельности при вооруженном противоборстве, недостаточность в этом базисе законодательно закрепленных компонентов (права военных конфликтов), основанных на принципах обеспечения суверенитета и удовлетворения интересов государства, объективно снижают эффективность военной деятельности в ходе военного конфликта.

Закономерен вопрос: не относится ли военно-управленческая деятельность к «чистой» военной науке (т.е. не включающей правовую составляющую)? Здесь необходимо четкое понимание того, что составными частями (отраслями) военной науки в числе прочих являются теория военного искусства и теория военного права¹. Объектами обеих наук выступает во-

енный конфликт, представляющий собой совокупность всех действий сторон с использованием вооруженных сил и других средств воздействия на противника в интересах достижения политических целей².

Следует обратить внимание на то, что составной частью военной науки является наука военного права, а не собственно военное право как отрасль российской системы права. Наука может исследовать любые процессы и объекты, но только как особые объекты, составляющие конкретную область, являющуюся предметом научного интереса и познания. В этом смысле, естественно, объектом военноправовой науки, в том числе теории военного права, не могут быть вопросы теории военного искусства.

Специфичным и естественным для познания военной науки и науки военного права является единый объект — отношения военного конфликта в силу однородности, однопорядковости и естественного существования реальной действительности, образуемой отношениями вооруженного противоборства при военном конфликте. Опосредующее эти отношения право — право военных конфликтов — обеспечивает системные связи военной науки и науки военного права.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что назрела объективная потребность в разработке концепции правового регулирования военной, в том числе вооруженной, борьбы в целях создания системы специальных правовых норм в военном законодательстве Российской Федерации, с учетом принципов международного гуманитарного права и на основе суверенных интересов, обеспечивающих достижение целей безопасности государства в военной сфере.

Библиография

1. Винокуров, А.Ю. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации против

проблемы и перспективные направления военноправовых исследований. М., 2022.

² Военная наука // Большая Российская энциклопедия.

¹ В Большой Российской энциклопедии в статье «Военная наука» отмечается, что «... в области общественных наук большое значение для военной науки имеют... теория военного права ...». Необходимо уточнить, что теория военного права — всего лишь одна, хотя и важнейшая, часть науки военного права. Правильнее утверждать, что составной частью военной науки является наука военного права в целом, включающая в себя теорию военного права (включает вопросы военной безопасности; военную деятельность как объект военного права; военную организацию как субъект военного права; социальную ценность военного права; предмет и метод военного права; систему военного права), а также основные институты военного права, выступающие предметом науки военного права (Военная наука. Большая Российская энциклопедия. URL: // <https://bigenc.ru/c/voennaia-nauka-bb19e9> (дата обращения: 29.09.2023). См. также: Военное право : моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021; т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). М., 2021; т. 3: Основные

мирного населения в период вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Винокуров. — Москва, 2004.

2. Военное право : моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). — Москва, 2021. — 560 с.

3. Военное право : моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). — Москва, 2021. — 888 с.

4. Военное право : моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 3: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — Москва, 2022. — 680 с.

5. Зарудницкий, В.Б. Военная наука: новые горизонты познания / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2022. — № 7. — С. 6—15.

6. Заусцинский, П. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформы XIX века / П. Заусцинский. — Санкт-Петербург, 1909.

7. Звинчукова, О.Н. Международно-правовая защита прав женщин, проходящих военную службу : дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Звинчукова. — Москва, 2004.

8. Зиборов, О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / Зиборов, О.В. — Тамбов, 2002.

9. Калинкина И.В. Особенности современного гибридного конфликта // Социально-политические исследования — 2023 — № 2 (19). — С. 36 — 48.

10. Кудашкин, А.В. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. — 2023. — № 7. — С. 2—11.

11. Кудинов, М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке: дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Кудинов. — Москва, 2004.

12. Ложников, И.С. Военно-правовые аспекты урегулирования вооруженных конфликтов (на основе Парижско-Дейтоновских соглашений): дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Ложников. — Москва, 2003.

13. Маликов, С.В. Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта : дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Маликов. — Москва, 2005.

14. Попов, П.В. Категории гибридной войны и гибридных угроз в политологических исследованиях // Теории и проблемы политических исследований. — 2019. — Том 8. — № 5А. — С. 90—98.

15. Пчелинцев, С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Пчелинцев. — Москва, 1998.

16. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34.

17. Самодуров, Д.И. Правовой режим военного плена (международно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук / Д.И. Самодуров. — Москва, 2002.

18. Тараненко, В.В. Правовой статус военнослужащих — участников боевых действий : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Тараненко. — Москва, 2004.

19. Холиков, И.В. Проблемы международно-правовой регламентации статуса военно-медицинского персонала в условиях вооруженного конфликта и проведения миротворческих операций : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Холиков. — Москва, 2001.

20. Шаковец, О.В. Правовое регулирование действий воинского контингента Российской Федерации в миротворческих операциях (международно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Шаковец. — Москва, 2001.

21. Petraeus D., Roberts A. Conflict: The Evolution of Conflict from 1945 to Ukraine. Harper, 2023.

Военное право в контексте государственной и военной безопасности

© Кахкцян Арсен Сейранович,

подполковник, начальник отделения социально-правового обеспечения, отдела воинской дисциплины и социально-правовой работы управления морально психологического обеспечения Генерального Штаба Вооруженных Сил Республики Армения

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности военного права и его влияние на государственную и военную безопасность. Установлено, что военным правом регламентируется значительный комплекс общественных отношений в военной сфере. Нормативно-правовые акты, входящие в военное законодательство, отличаются повышенной требовательностью и категоричностью изложенных в них положений, что позитивно отражается на государственной и военной безопасности. Отмечается неразрывность государственной политики в сфере военной безопасности и военного права, которые направлены на достижение конкретных стратегических целей и решение задач национального уровня.

Ключевые слова: военное право, государственная безопасность, военная безопасность, право вооруженных конфликтов, суверенитет, государственная политика.

Military law in the context of State and military security

© Kahktsyan A.S.,

Lieutenant Colonel, Head of the Department of Social and Legal Support, Department of Military Discipline and Social and Legal Work of the Department of Moral and Psychological Support of the General Staff of the Armed Forces of the Republic of Armenia

Annotation. This article examines the features of military law and its impact on state and military security. It has been established that military law regulates a significant range of public relations in the military sphere. The normative legal acts included in the military legislation are characterized by increased demands and categoricity of the provisions set out in them, which has a positive effect on state and military security. The inseparability of state policy in the field of military security and military law, which are aimed at achieving specific strategic goals and solving tasks at the national level, is noted.

Keywords: military law, state security, military security, law of armed conflict, sovereignty, state policy.

Предназначение любого права состоит в регламентации тех или иных общественных отношений посредством возведения в закон государственной воли правящей элиты. Система права состоит из упорядоченных и взаимосвязанных элементов. Наиболее крупными элементами являются отрасли права, которые дифференцируют

ся на подотрасли, институты и, наконец, непосредственно нормы права¹.

По мнению А.В. Кудашкина, военным правом следует считать «комплекс знаний

¹ Общая теория государства и права : учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 158

о государственно-правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в различных сферах военной деятельности государства, называется»¹.

В науке военного права непосредственно термин «военное право» можно рассматривать в нескольких аспектах:

- наука;
- отдельная отрасль права;
- учебная дисциплина.

Каждый из выделенных аспектов имеет свои особенности. Как отдельная отрасль военное право является центральным понятием для отраслевой юридической науки и учебной дисциплины, объектом которого выступают общественные отношения, складывающиеся в военной области государства как субъекта публичной власти. Стоит отметить, что общественные отношения в данной отрасли права являются весьма обширными, в связи с чем их можно дифференцировать на следующие группы:

1) общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения и безопасности и обороны государства (управление, координация, планирование, формирование и применение военной инфраструктуры, создание различных видов вооружения и пр.);

2) общественные отношения, связанные с организацией военной службы (поступление и прохождение военной службы, исполнение воинской обязанности);

3) общественные отношения, связанные с деятельностью органов военной юстиции, поддержанием воинской дисциплины, законности и правопорядка;

4) общественные отношения, складывающиеся в сфере международного военного права по вопросам сотрудничества в военной сфере, в том числе регламентации ответственности за

нарушение норм международного гуманитарного права².

Представляется, что перечисленные виды общественных отношений целесообразно именовать единым понятием «воинские (военные) отношения». С другой стороны, законодательство содержит значительное количество федеральных законов, нормы которых нельзя отнести к той или иной традиционной отрасли права. В частности, к ним можно отнести:

1. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»;

2. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»;

3. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»;

4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»;

5. Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» и другие нормативные правовые акты.

Особенность военного права заключается в том, что оно регламентирует смежные общественные отношения, которые также регулируются иными отраслями российского законодательства, в частности, уголовным, уголовно-исполнительным, жилищным, финансовым, налоговым и иными отраслями права. К примеру, вопросы уголовной ответственности военнослужащих и исполнения в отношении их уголовных наказаний.

Однако, больший интерес для военного права представляют общественные отношения, связанные с государственной и военной безопасностью государства. Российское законодательство содержит значительное количество нормативно-

¹ Кудашкин А.В. О соотношении военного права и права безопасности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2004. № 9(87). С. 27—28.

² Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. [и др.]. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате "круглого стола" по материалам гл. 6 "Военные проблемы международного права" т. III монографии "Военное право") // Государство и право. 2022. № 12. С. 59—67.

правовых актов в рассматриваемой сфере, отличающихся повышенной требовательностью и категоричностью изложенных в них положений¹.

Нормативно-правовую основу обеспечения государственной и военной безопасности российского государства составляют, прежде всего,

1) Конституция Российской Федерации;

2) Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»;

3) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации².

В Федеральном законе «О безопасности» сформулированы официальные взгляды на государственную политику в области обеспечения безопасности, основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности отдельно взятой личности, общества и государства в целом.

Сравнительно недавно указом Президента России утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая учитывает дальнейший вектор развития нашего государства, исключительно основываясь на национальных приоритетах и выстроенных на их основе стратегических задач, в том числе военного значения.

В соответствии с п. 26 указанной Стратегии, в числе стратегических национальных приоритетов указывается:

- 1) сбережение российского народа;
- 2) оборона государства;
- 3) государственная и общественная безопасность;
- 4) информационная, экономическая и экологическая безопасность;
- 5) научно-технологическое развитие;
- 6) защита духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;

7) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Именно разработанные положения и нормы военного права были заложены в основу создания вышеуказанных нормативно-правовых актов, поэтому их взаимосвязь является очевидной и логичной. Внутренняя и внешняя политика любого государства, в том числе и России, в большей степени оказывают влияние на дальнейшее развитие военного права в целях эффективного обеспечения государственной и военной безопасности.

Современные реалии в части проведения специальной военной операции доказали действенность военного права в целом и необходимость совершенствования военного законодательства в частности³. При этом, данный процесс должен осуществляться непрерывно, включая мирный период времени, поскольку защита суверенитета Российской Федерации от внутренних и внешних угроз является первоочередной задачей государства и его многонационального народа, особенно в такие сложные периоды, когда необходимо сплоченность как правящей элиты, так и всего общества перед лицом надвигающихся угроз⁴.

Военное право в контексте государственной и военной безопасности должно быть направлено на комплекс взаимосвязанных направлений, в частности:

- защиту суверенитета государства;
- защиту основ конституционного строя России;
- защиту от внеправового влияния (внешних и внутренних) на субъектов публичной власти (государственных органов и должностных лиц);

¹ Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В.Кудашкин [и др.]. Том III. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47.

⁴ Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

— активное применение права на самооборону (оборонная безопасность), признанное в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций за каждой из объединенных стран-участниц, выраженного в применении различных (как военных, так и иных невоенных) мер противодействия внешним агрессивным действиям, угрожающим независимости и суверенитету государства, безопасности ее граждан;

— комплекс мероприятий, направленных на профилактику (предупреждение) и пресечение угроз природного и техногенного характера¹.

В этом контексте О.В. Дамаскиным справедливо отмечено, что «наука является социальным институтом, от которой зависит качество жизни и потенциальных возможностей нашего общества и государства в современном мире»². Из этого следует, что цель науки и применяемых ее научных методов заключается в получении объективных и новых знаний об окружающей действительности, выявления общих и частных закономерностей их развития, то есть фундаментальной платформой прикладного применения полученных знаний.

Эффективное обеспечение государственной и военной безопасности требует четко сложенной и организационно-упорядоченной военной организации и систем управления, основанных на научно обоснованном военном строительстве, учитывающие сложные и быстро меняющиеся геополитические события и факты с целью адекватного и оперативного реагирования на потенциальные военные угрозы нашему государству. Особый интерес в

данном контексте вызывает исследование проблем развития военного образования, в которые следует включать глубокую аналитическую деятельность и анализ существующих в настоящее время трудностей в Вооруженных Силах России, военного законодательства, а также поиск рациональных и оптимальных путей решения, по возможности с минимальными общественными резонансами и потрясениями в рассматриваемой сфере.

Некоторыми учеными указывается на актуальную проблему мониторинга законодательства об обороне и безопасности и правоприменительной практики, экспертно-аналитического рассмотрения актуальных проблем национальной безопасности, участия в нем научно-исследовательских и образовательных учреждений, поэтому военно-правовая наука не может замыкаться только на узко специфичной военной проблематике. Она должна включать исследование правовых аспектов всего круга оборонных вопросов, которыми ни одна другая отрасль правовых знаний не занимается³.

В связи с вышеизложенным мы приходим к выводу, что основное предназначение военного права связано с достижением конкретных стратегических целей и решения задач национального уровня, которое выражается в государственной политике по обеспечению военной безопасности. Поэтому закрепление ее в соответствующих нормативных правовых актах является необходимым условием перехода от пожеланий и рекомендаций к требованиям, обязательным для исполнения, которое также нуждается в соответствующем научном обосновании.

Библиография

1. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2022. — 712 с.
2. Гаврилов, С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования воен-

¹ Казанцев Н.М. Право безопасности в контексте военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2004. № 9(87). С. 24—26.

² Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. С. 74—76; Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3(55). С. 21—28.

³ Дамаскин, О.В. Современные проблемы военного права в сфере обеспечения национальной обороны и безопасности // Военное право. 2016. № 4(40). С. 6—16.

ных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 "Военные проблемы международного права», т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. — 2022. — № 12. — С. 59—67. — DOI 10.31857/S102694520023301-2.

3. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3(55). — С. 21—28.

4. Дамаскин, О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О.В. Дамаскин. — Москва: Пограничная академия ФСБ России, 2016.

5. Дамаскин, О.В. Современные проблемы военного права в сфере обеспечения национальной обороны и безопасности / О.В. Дамаскин // Военное право. — 2016. — № 4(40). — С. 6—16.

6. Казанцев, Н.М. Право безопасности в контексте военного права / Н.М. Казанцев // Право в

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2004. — № 9(87). — С. 24—26.

7. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.

8. Кудашкин, А.В. О соотношении военного права и права безопасности / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2004. — № 9(87). — С. 27—28.

9. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. — Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018.

10. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(304). — С. 30—38.

Техническое прикрытие путей сообщения в интересах транспортного обеспечения обороны страны: терминологический аспект

© Колесников Николай Владиславович,
эксперт научно-исследовательского центра
экспертиз на транспорте. ФГАОУ ВО
«Российский университет транспорта»

© Лещов Геннадий Юрьевич,
кандидат экономических наук директор научно-
исследовательского центра экспертиз на
транспорте ФГАОУ ВО «Российский
университет транспорта»

Аннотация. В статье анализируется понятие и содержание термина «техническое прикрытие». Изучается сущность данного понятия и различные трактовки таковых в нормативно-правовых актах и научной литературе. Формулируется вывод о том, что необходимость внедрения единой дефиниции понятия «техническое прикрытие» обусловлено не только отсутствием однозначного понимания данного понятия, но и значимостью такового для того, чтобы обеспечить на всех видах транспорта безопасность, причем не только имущества, но и жизни, здоровья, иных нематериальных благ человека и гражданина.

Ключевые слова: безопасность на транспорте, техническое прикрытие, транспортная безопасность, транспорт, состояние защищенности, акт незаконного вмешательства, угроза, пути сообщения.

Technical cover of communication routes in the interests of transport support for the country's defense: a terminological aspect

© Kolesnikov N.V.,
expert at the Scientific Research Center for
Expertise in transport. Federal State Educational
Institution of Higher Education "Russian University
of Transport"

© Leshchov G.Yu.,
Candidate of Economic Sciences, Director of the
Scientific Research Center for Expertise in
Transport, Federal State Educational Institution of
Higher Education "Russian University of Transport"

Annotation. The article analyzes the concept and content of the term "technical coverage". The essence of this concept and various interpretations of such in normative legal acts and scientific literature are studied. The conclusion is formulated that the need to introduce a single definition of the concept of "technical cover" is due not only to the lack of an unambiguous understanding of this concept, but also to the importance of such in order to ensure safety on all types of transport, not only property, but also life, health, and other intangible the **benefits of man and citizen.**

Keywords: transport security, technical cover, transport security, transport, state of security, act of unlawful interference, threat, communication.

Анализ терминологии, используемой в области технического прикрытия путей сообщения подчеркивает необходимость

единства в употреблении терминов для совершенствования правового регулирования данной сферы.

Требование единства юридической терминологии крайне важно для эффективного правового регулирования такой сложной системы, как транспортная инфраструктура. Это особенно актуально в условиях чрезвычайных ситуаций, когда нормы государственного, административного и транспортного права тесно взаимосвязаны с техническими нормами безопасности. В области технического прикрытия путей сообщения необходимо использовать четкие и однозначные термины для предотвращения избыточности информации и достижения максимальной эффективности правового регулирования. Неоднозначность в понимании ключевых понятий может привести к серьезным последствиям в области безопасности государства и обороны страны.

В связи с изложенным, представляется необходимым сформулировать некоторые теоретико-методологические подходы к формированию единого понятийного аппарата в сфере технического прикрытия путей сообщения.

Прежде всего, обратимся к ключевому понятию в рассматриваемой сфере — техническое прикрытие. К настоящему времени данный термин получил довольно подробное отражение и трактовку в научной литературе и в нормативных правовых актах.

Так, например, в учебной литературе мы видим следующие формулировки данного понятия:

1) техническое прикрытие путей сообщения — комплекс мероприятий по обеспечению живучести путей сообщения и их восстановлению в случае разрушений; один из элементов транспортного обеспечения. Техническому прикрытию подлежат железнодорожные узлы и узлы шоссейных дорог, мостовые переходы, тоннели, морские и речные порты, гидротехнические сооружения на внутренних водных путях, аэродромы базирования военно-транспортной авиации, линии полевых магистральных и стационарных трубопро-

водов¹;

2) техническое прикрытие путей сообщения — комплекс мероприятий, проводимых в целях обеспечения живучести путей сообщения и их восстановления в случае разрушений; один из элементов транспортного обеспечения. Осуществляется силами и средствами соответствующих транспортных министерств и ведомств (на железных дорогах, кроме того, железнодорожными войсками; на военно-автомобильных дорогах — дорожными войсками; на аэродромах военно-транспортной авиации — инженерно-аэродромными и авиационно-техническими частями; на полевых магистральных трубопроводах — трубопроводными подразделениями). Выделяемые для транспортного прикрытия силы и средства обеспечивают функционирование прикрываемых объектов, организуют охрану, оборону и защиту путей сообщения и транспортных средств, осуществляют восстановительные работы²;

3) техническое прикрытие морских и речных путей сообщения — это комплекс специальных организационно-технических мероприятий, проводимых в мирное и военное время на наиболее важных транспортных объектах, заблаговременно выделенными силами и средствами с целью обеспечения их живучести и быстрого восстановления после разрушений³.

Определение данного понятия также содержится в нормативных правовых актах, например:

а) техническое прикрытие путей сообщения — комплекс специальных мероприятий, проводимых на путях сообщения в мирное и военное время в целях обеспечения функционирования и быстрого восстановления после разрушений. Техническо-

¹ Военный энциклопедический словарь // https://1564.slovaronline.com/10474-техническое_прикрытие

² Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. С. 739.

³ Исаков Д.А., Климов Д.А., Юсупов Э.К., Кузин М.С. Техническое прикрытие объектов морского и речного транспорта при воздействии вооруженного нападения войск (сил) НАТО // Матрица научного познания. 2021. № 9-2. С. 126—131.

му прикрытию подлежат железнодорожные и автодорожные узлы, мостовые переходы, тоннели, морские и речные порты, гидротехнические сооружения на внутренних водных путях, аэродромы базирования транспортной авиации, линии полевых магистральных и стационарных трубопроводов, а при необходимости — и другие транспортные объекты¹;

б) техническоекрытие железных и автомобильных дорог (их участков, объектов) — комплекс инженерных, организационных и иных мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время для всесторонней подготовки железных и автомобильных дорог (их участков, объектов), а также сил и средств транспортных войск, государственных органов и иных организаций, ведающих вопросами железнодорожного и автомобильного транспорта, к ликвидации последствий разрушений, полученных в результате воздействия противника²;

в) техническоекрытие железных дорог Сторон — комплекс инженерных, технических и организационных мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время для всесторонней подготовки объектов, сооружений и устройств эксплуатируемой сети железных дорог, восстановительных и эксплуатационных сил и средств (воинских частей железнодорожных войск, министерств обороны, специальных формирований и восстановительных организаций органов Сторон, ведающих вопросами железнодорожного транспорта) к выполнению работ по ликвидации последствий воздействия противника на железнодорожную сеть Сторон³.

¹ Соглашение об использовании и развитии сети транспортных коммуникаций для нужд экономики, воинских и гуманитарных перевозок государств — участников Содружества Независимых Государств от 31 мая 2001 г.

² Положение о транспортных войсках Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 мая 2006 г. № 312.

³ Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности (ратифицировано

Для лучшего понимания сущности термина «техническоекрытие» полезным является изучение этимологического смысла составляющих его слов — «прикрытие» и «техническое».

В словарях русского языка слову «прикрытие» придают значения: действия, производное от глаголов «прикрыть», «прикрыться»; защита, охрана; предмет, сооружение и т.п., защищающие, укрывающие от чего-л.⁴

Вторым словом, составляющим анализируемое понятие, является прилагательное «техническое» («технический»). Словари русского языка трактуют данный термин следующим образом: связанный с техникой, с использованием техники; относящийся к работе машин и механизмов, связанный с процессом производства чего-л.; подлежащий использованию или обработке в промышленности⁵.

Исходя из приведенных трактовок, можно говорить о том, что техническоекрытие представляет собой деятельность по защите объектов транспорта с использованием технических средств, приемов и способов.

Во всех приведенных толкованиях термина «техническоекрытие» оно определяется через понятие «комплекс мероприятий», которое, исходя из смысла составляющих его терминов «комплекс» и «мероприятие» представляет собой совокупность целенаправленных действий по обеспечению безопасного функционирования прикрываемого объекта.

Разновидностями мероприятий по техническому прикрытию путей сообщения в приведенных определениях названы:

- инженерные мероприятия;
- технические мероприятия;
- организационные мероприятия;
- специальные мероприятия.

Федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 137-ФЗ).

⁴ Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

⁵ Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935—1940) // <http://feb-web.ru/>

Наиболее значимым и емким, в наибольшей степени отражающим цель технического прикрытия, является обеспечение живучести путей сообщения, под которой понимается устойчивость функционирования транспортных коммуникаций в условиях чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф и воздействия противника, а также способность восстановления движения и работоспособности объектов транспортной инфраструктуры в кратчайшие сроки. При этом ключевым показателем живучести транспортных систем являются сроки восстановления движения транспортных средств, прерванного вследствие внешнего воздействия. Это могут быть как создание новых объездных путей сообщения, оборудование временных переправ, введение в эксплуатацию законсервированных объектов, временных аварийных схем движения транспорта и т.п., так и ремонт и восстановление поврежденных путей сообщения и иных объектов транспортной инфраструктуры.

Обязательными атрибутами любого вида целенаправленной деятельности являются ее объект, т.е. то, на что направлена эта деятельность, и субъект, т.е. указание на того, кто осуществляет эту деятельность.

Исходя из анализа различных вариантов определения понятия «техническое прикрытие», объектами деятельности по техническому прикрытию являются:

а) пути сообщения, под которыми понимаются транспортные пути, технические сооружения и устройства на них, обеспечивающие пропуск (движение) транспортных средств, перемещение людей и грузов различного назначения из одного пункта (района) в другой;

б) объекты транспортной инфраструктуры, представляющие собой технологический комплекс, предназначенный для перевозки пассажиров и транспортировки грузов.

Субъектами деятельности по обеспечению реализации мероприятий по техническому прикрытию путей сообщения являются:

1) Министерство транспорта Российской Федерации;

2) Министерство обороны Российской Федерации¹;

3) федеральные органы исполнительной власти, подведомственные Минтрансу России (Ространснадзор, Росжелдор, Росавиация, Росморречфлот, Росавтодор);

4) подразделения органов государственной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в сфере транспорта;

5) иные органы и организации.

Немаловажным аспектом осуществления мероприятий по техническому прикрытию путей сообщения является адекватное определение источников угроз их нормальному функционированию. Согласно сложившейся в военной науке доктрине, речь идет об обеспечении живучести транспортных систем в условиях ведения военных действий с применением как обычных вооружений, так и оружия массового поражения.

Данное обстоятельство позволяет считать вполне правомерной и обоснованной постановку вопроса о том, что формируемые в мирное время планы технического прикрытия транспортных коммуникаций должны вводиться в действие не только в период военного положения и военных действий, но и в силу угроз террористического и диверсионного характера.

Таким образом, подводя итог сравнительному исследованию имеющихся в литературе и нормативных актах трактовок понятия «техническое прикрытие», предлагаем сформулировать собственное развернутое определение данного понятия, а именно: *техническое прикрытие путей сообщения* — комплекс организационных, инженерно-технических, специальных мероприятий, осуществляемых силами и средствами государственных органов, уполномоченных в сфере транспорта, транспортными организациями и специальными формированиями во взаимодействии с Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками в

¹ Корякин В.М. Техническое прикрытие путей сообщения как функция Министерства обороны Российской Федерации // Военное право. 2023. № 4. С. 9—20.

целях обеспечения живучести транспортных коммуникаций и иных объектов транспортной инфраструктуры в период мобилизации и ведения боевых действий, для восстановления в кратчайшие сроки нарушенного движения транспортных средств, в том числе посредством обустройства резервных путей сообщения.

Библиография

1. Исаков, Д.А. Техническое прикрытие объектов морского и речного транспорта при воздействии вооруженного нападения войск (сил) НАТО / Д.А. Исаков, Д.А. Климов, Э.К. Юсупов, М.С. Кузин // Матрица научного познания. — 2021. — № 9-2. — С. 126—131
2. Корякин, В.М. Техническое прикрытие путей сообщения как функция Министерства обороны Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2023. — № 4. — С. 9—20.

Многосферное боевое и многослойное многоуровневое правовое пространство военных конфликтов

© Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
руководитель отделения военного права
Академии военных наук, заслуженный юрист
Российской Федерации
© Безбабнов Олег Геннадьевич,
руководитель Правового департамента
Минобороны России

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования военных конфликтов и взаимодействия в ходе вооруженной борьбы военного дела и правовых средств. Впервые поднимаются и анализируются такие категории военной науки и права вооруженных конфликтов, как многослойность и многоуровневость правового пространства, многосферность боевого пространства. Отдельному исследованию подвергнуты вопросы терминологии применительно к сферам вооруженной борьбы.

Ключевые слова: вооруженная борьба, военное право, право военных конфликтов, военные конфликты, правовые средства.

Multi-sphere combat and multi-layered multilevel legal space of military conflicts

© Kudashkin A.V.,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation
© Bezbabnov O.G.,
Head of the Legal Department of the Ministry of
Defense of the Russian Federation

Annotation. The article deals with the issues of legal regulation of military conflicts and interaction during the armed struggle of military affairs and legal means. For the first time, such categories of military science and the law of armed conflict as the multilayered and multilevel legal space, the multi-sphere combat space are being raised and analyzed. The issues of terminology in relation to the spheres of armed struggle are subjected to a separate study.

Keywords: armed struggle, military law, law of military conflicts, military conflicts, legal means.

Одной из тенденций изменения характера и содержания современных военных конфликтов является увеличение пространственного и функционального размаха вооруженного противоборства. На смену традиционным военным действиям, строго распределенным по физическим средам, приходят объемные или «многосферные», проводимые одновременно во

всех сферах противоборства¹. Анализ современных и будущих военных конфликтов посвящено немало современных научных исследований².

¹ Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе // Воен. мысль. 2021. № 3. С. 38.

² См., напр.: Зарудницкий В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Воен. мысль. 2023. № 11. С. 14; Его же. Факторы достижения

Многослойность и многоуровневость правового пространства. Другой тенденцией является формирование в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и военной, многослойного многоуровневого правового пространства¹. Правовое пространство — это признанная и регулируемая правом сфера жизнедеятельности людей, организаций, государств и международных институтов для достижения согласованных и общих целей². Оно представляет собой системное образование, в котором правовые явления образуют

победы в военных конфликтах будущего // Там же. 2021. № 8. С. 34—45; Сержантов А.В., Смоловый А.В., Терентьев И.А. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего // Там же. 2022. № 6. С. 19—30; Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М., 2019. С. 498—598; Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века: Зарубежный опыт / А.Е. Шагов [и др.] М., 2016; Малышев А.И., Мардусин В.Н., Хахалев В.Ю. Анализ трансформации категорий военной конфликтологии в доктринальных основах Российской Федерации // Воен. мысль. 2023. № 8. С. 6—15; Малышев А.И., Пивоваров Ю.Ф., Хахалев В.Ю. Категория «война» и «вооруженный конфликт»: существо и различие // Там же. 2022. № 2. С. 21—30; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 7. С. 2—11; Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. Вып. № 4. С. 25—43; Тарадонов С.В. К вопросу о понятии «война» в современном мире // Науч. вестн. Гуманитарно-социального ин-та. 2023. № 17; Его же. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 10. С. 12—17 и др.

¹ См. подробнее: Правовое пространство: граница и динамика : моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2021; Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журн. рос. права. 2020. № 4. С. 5—16; Тихомиров Ю.А., Чураков В.Д. Правовые регуляторы в экономике: национальное и международное измерение // Законодательство. 2019. № 8. С. 41—49; Ткаченко С.В. Рецепция и феномен многослойности права России // История государства и права. 2015. № 23. С. 9—13.

² Правовое пространство: граница и динамика. С. 20.

единство и направлены на решение общих задач³.

В научных работах подробно рассмотрены аспекты применения видов оружия и ведения боевых действий в соответствии с нормами права военных конфликтов (международного права вооруженных конфликтов), в том числе и специальной военной операции⁴. Но структурно-функциональный аспект научного анализа норм права и в целом института военной организации государства позволяет определить как пути развития данного института, так и направления совершенствования правового регулирования в области военной деятельности государства в таких новых сферах, как космическое пространство, киберсфера, и других сферах⁵, однако эти направления развития правовой наукой недостаточно изучены.

Правовое регулирование военной деятельности государства и его институтов в военных конфликтах охватывает стратегический, оперативный и тактический уровни, т.е. те, которые формируют модель отношений между национальной целью и тактическими действиями, где оперативный уровень военного противоборства (ведения боевых действий) связывает тактическое применение сил с национальными стратегическими целями (они изложены в Военной доктрине и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

³ Байниязова З.С. Правовая система и правовое пространство: актуальные вопросы соотношения // Правовая культура. 2023. № 1. С. 113—114.

⁴ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 2; Их же. Право вооруженных конфликтов и военно-морские операции // Там же. № 8. С. 7—19; Их же. Военное право Китая // Там же. № 9. С. 65—80; Их же. Развитие военного права Франции: подходы и методы // Там же. № 4. С. 93—102; Их же. Развитие военного права Великобритании: подходы и методы // Там же. № 3. С. 50—61; Их же. Развитие военного права Германии: подходы и методы // Там же. № 1. С. 53—63.

⁵ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 17.

Именно в данной модели проявляется многослойность правового регулирования (т.е. наложения различных правовых культур)¹ и многоуровневость правового пространства в отношении таких явлений, как военные конфликты.

Многослойность наблюдается в различных правовых системах, в том числе и российской. Она проявляется в том, что многие нормы военного права, в том числе права военных конфликтов, рецептированы из древних правовых источников. Рецепция права является неотъемлемым элементом развития любой правовой системы. Как уже было указано ранее, первые нормы российского военного права датируются началом X в. и связаны с оформлением двусторонних межгосударственных договоров между Русью и Византией, в которые включали и ряд военных вопросов (например, порядок привлечения русских дружин на службу в Византию, выкуп пленных и обмен пленными)². Правовые основы военной организации Древней Руси нашли свое отражение в Русской правде, в которой содержались положения о категориях ратных людей, взаимоотношениях между дружиной и князьями, князьями и ополчением и др.

В последующем, в 1195, 1257 и 1270 гг., были заключены двусторонние договоры с Новгородской республикой и немецкими городами, входившими в Ганзейский союз, также касающиеся военных вопросов. В тот период международное право как «лоскутное одеяло» состояло из множества двусторонних договоров; единого международно-правового пространства не было³. Оно появилось позднее и складывалось постепенно (документы Вестфальской системы безопасности XVII в. и итоговые документы по результатам международных конференций XIX в., посвящен-

ные участникам войн и военных конфликтов).

Комплексный анализ древнерусского законодательства показывает, что в период до XVI в. специальных «военных» правовых актов в России не было; нормы военного права были как бы «вкраплены» в общее законодательство: в Русскую правду, Судебники 1497 и 1550 гг., в Уложение о службе 1556 г. и т.д.⁴ Допетровский период характеризуется появлением первых самостоятельных источников военного права одновременно с формированием централизованного Российского государства. Указанные акты, а также нормы древнерусского обычного права создали необходимые предпосылки для активного формирования военного и военно-уголовного законодательства в ходе государственно-правовых реформ Петра I.

Преобразования Петра I привели к усилению процессов создания многослойности российского права, в том числе в сфере военной деятельности. Первые воинские уставы содержали значительное количество правовых норм, заимствованных из воинских уставов европейских государств того времени. Последующие изменения правового регулирования военной деятельности также не были лишены элементов рецепции. Анализируя российскую историографию, посвященную правовым актам Петра I, военный историк В.В. Гавришук отмечает, что принципиальное значение в исторической литературе приобрел вопрос об источниках, послуживших созданию петровских воинских уставов. Главной причиной дискуссионности данного вопроса является неоднозначная оценка учеными степени влияния на русское военное уставное творчество достижений западноевропейской или национальной военно-теоретической мысли⁵. Военное право се-

¹ См. подробнее: Ткаченко С.В. Указ. соч.

² См. подробнее: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 7—34; Военное право: моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021.

³ Правовое пространство: граница и динамика. С. 128.

⁴ Тарадонов С.В. Генезис российского военного права в системе обеспечения национальной безопасности // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 12. С. 105—113.

⁵ Гавришук В.В. Строительство Российской армии в XVIII в. Историографическое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 24.

редины XVIII в. испытывало сильное влияние со стороны западноевропейского военного искусства. Так, например, в определении источников, послуживших написанию Устава воинского 1796 г., большинство критиков приходят к единому мнению, что он являлся практически точной копией прусского устава середины XVIII в. Эта трактовка имела место уже в работах последней четверти XIX в. Например, П.С. Лебедев, оценивая нововведения Павла I в военной области, отмечал, что Устав 1796 г. — плохой и неточный перевод прусского аналога 1760 г.¹ Результатом правотворчества стал целый ряд воинских уставов, эскерциций и инструкций, регулирующих деятельность отдельных видов войска. Вместе с тем, законодательство часто «следовало опыту европейских армий, не считаясь нередко с тем, что было достигнуто в этой области при Петре Великом»².

Правовое пространство также отличается *многоуровневостью* правового регулирования, в том числе и в военной сфере. Как справедливо отмечается в юридической литературе³, ранее можно было сказать, что две системы, международное и национальное право, развиваются независимо друг от друга, пересекаясь только в определенных сферах. Сейчас ситуация иная. Сегодня уровней регуляции в международном правовом пространстве достаточно много, особую роль играют функциональные международные структуры, которые принимают в том числе различные рекомендации, которые, являясь необязательными для исполнения (*soft law*), тем не менее, направляют и во многом предопределяют развитие отдельных государств и всего международного сообщества. Следует отметить, что специалисты в сфере международного права до сих пор не пришли к единому мнению в части соотношения различных международных актов и

регуляторов. Но если нет прямой субординации, нужна хотя бы некая системность, которую надо выстраивать. При этом многочисленные международные акты представляют интерес не сами по себе, а в части их юридической силы и характера воздействия. Указанные международные регуляторы осваивают свое пространство, различные сферы, не исключая и военную. Отметим, что многослойность и многоуровневость правового регулирования любой сферы деятельности государства никоим образом не отрицают концепцию единства правового пространства Российской Федерации, характеризующегося единством правового регулирования социально-политических, хозяйственных и финансовых отношений на всей территории России.

Сферы вооруженной борьбы: вопросы терминологии. В военной науке присутствуют две точки зрения на понятие «сфера вооруженной борьбы». Одни ученые и военные практики ставят знак равенства между сферами вооруженной борьбы и физическими средами, т.е. под сферой вооруженной борьбы понимается физическая сфера или иная среда (пространство), в которой ведется вооруженная борьба.

Другие ученые и военные специалисты считают, что к сфере вооруженной борьбы необходимо относить не только и не столько физическую среду, сколько применяемые в ней силы и средства, необходимую им инфраструктуру, взгляды на их применение и развитие, а также собственно формы и способы их применения. При этом к силам и средствам данной сферы вооруженной борьбы должны относиться не только те силы и средства, объекты воздействия на которые находятся в данной среде, но и сами объекты борьбы, поскольку развитие и применение последних обусловлено первыми, как, впрочем, и наоборот. Название среды (пространства) целесообразно давать различным средствам борьбы по той среде (пространству), в которой находятся объекты борьбы, за

¹ Лебедев П. Преобразователи русской армии в царствование Павла Петровича: 1796—1801 // Русская старина. 1877. № 18. С. 240—241, 253.

² Буганов В.И., Буганов А.В. Полководцы XVIII в. М., 1992. С. 242.

³ Тихомиров Ю.А., Чураков В.Д. Указ. соч.

захват, поражение или защиту которых она и ведется¹.

Наземная сфера вооруженной борьбы характеризуется тем, что объект поражения (подавления, вывода из строя и др.) находится на земле. Главным признаком *морской сферы вооруженной борьбы* является нахождение объекта поражения (подавления, вывода из строя и др.) в акватории моря (океана). *Воздушная сфера вооруженной борьбы* возникла тогда, когда в воздушной физической среде появились объекты, в которые можно было стрелять и которые можно было уничтожить².

Нахождение объекта поражения (подавления, вывода из строя и др.) в воздухе и (или) космосе является главным признаком того, что военные действия ведутся в *воздушно-космической сфере вооруженной борьбы*³. Однако следует иметь в виду, что воздушно-космический удар по наземным объектам — это действия в наземной сфере (для того, кто наносит этот удар). Но отражение такого удара (для обороняющейся стороны) — это действие в воздушно-космической сфере. И в этом процессе участвуют средства, находящиеся на земле (зенитные ракетные системы), в море (корабельные средства ПВО), в воздухе (истребители), в космосе (комплексы ПКО).

Вполне очевидно, что с развитием науки и техники появляется все больше видов оружия, которое не только использует разные физические среды для перемещения, но и ведет борьбу с объектами не в одной, а в разных физических средах.

Как соотносятся понятия «сфера вооруженной борьбы» и «театр военных действий (ТВД)»? Характерными общими

чертами для всех ТВД является их стратегический уровень. Это первое. Любой ТВД охватывает пространство, в пределах которого перед вооруженными силами ставится стратегическая цель, достижение которой коренным образом изменит военнополитическую и военно-стратегическую обстановку, будет способствовать дальнейшему успешному ведению войны и победоносному ее завершению. Для этого на любом ТВД разворачивается группировка вооруженных сил стратегического масштаба и планируется ее применение в форме стратегической операции. Второе — многосферность. Вооруженная борьба на любом ТВД охватывает все сферы, освоенные оружием. Однако на каждом из ТВД главная задача решается в одной, ключевой для данного театра, сфере вооруженной борьбы⁴.

Многосферность боевого пространства. Сложность правового пространства применительно к вооруженной борьбе в числе прочих причин обусловлена и внедрением в военное противоборство *принципа «многосферности»*, которая в едином боевом пространстве будет реализовываться дистанционным снижением потенциала противника на любом удалении от своей территории путем синхронного нанесения с разных направлений глобальных ударов непилотируемым высокоточным оружием (ВТО) различного базирования, а также функциональным программно-аппаратным воздействием (ПАВ). Одновременно предполагается проводить информационно-психологические и специальные операции, а также предпринимать невоенные, асимметричные и гибридные меры противоборства⁵.

Принцип «многосферности» будет развиваться. Разработка концепции многосферного сражения обусловила процесс совершенствования форм и способов применения группировок войск (сил); она предусматривает создание противовеса

¹ См. подробнее: Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Сферы вооруженной борьбы и театры военных действий // Воен. мысль. 2022. № 9. С. 22; Чуркин И. Правильно назвать — правильно понять. URL: <http://bvpa.ru/> (дата доступа: 26.01.2024).

² Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Указ. соч. С. 23—25.

³ См. подробнее: Жмурин С.А., Криницкий Ю.В. Воздушно-космический ТВД как закономерный результат эволюции вооруженной борьбы // Воен. мысль. 2022. № 7. С. 48—57; Криницкий Ю.В. Воздушно-космический театр военных действий : моногр. Изд. второе. Тверь, 2021.

⁴ Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Указ. соч. С. 25—26.

⁵ Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе. С. 38.

противнику во всех боевых сферах (суша, море, воздух, космос, киберпространство, когнитивная сфера)¹. Вооруженная борьба, как основная форма борьбы в войне, является проблемосодержащей системой, теоретическая проблема которой связана с выявлением законов вооруженной борьбы в целях решения практической целевой проблемы — достижения победы в бою, операции². Добавим к этому, что законы вооруженной борьбы не являются фигурой речи, это вполне содержательное понятие, которое формализовано прежде всего в положениях боевых уставов. Именно так это понимает Президент Российской Федерации В.В. Путин, отметив на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны Российской Федерации 19 декабря 2023 г. необходимость широкого использования полученного в ходе специальной военной операции (СВО) опыта в оперативной и боевой подготовке и поставив задачу по совершенствованию форм и способов применения войск, для чего необходимо «уточнить положения боевых документов, уставов и наставлений»³.

О значении теории в исследовании рассматриваемой темы Клаузевиц писал: «Основная цель любой теории — объяснить понятия и идеи, которые стали, так сказать, запутанными и противостоящими»⁴. Связь политики и военной стратегии обусловлена тем, что мотивы политиков и военных, а также стоящих за ними могущественных финансово-экономических группировок в немалой степени определяют масштаб войны и характер используемых средств, оперативные формы применения вооруженных сил и тактику боевых

действий⁵. Стратегический, оперативный и тактический уровни связывают тактические действия с достижением национальных целей, но между этими уровнями нет каких-либо рамок или границ, они помогают командующим планировать и синхронизировать операции, распределять ресурсы и ставить задачи соответствующему функциональному командованию (сухопутных войск, ВМФ, ВКС и др.).

Концепции уровней войны имеют долгую историю. Клаузевиц выделил два уровня: стратегию и тактику⁶, а российский военачальник и военный теоретик А.А. Свечин первым предложил концепцию оперативного уровня войны и ввел в научный оборот понятие «оперативное искусство», обосновал объективные предпосылки его зарождения как связующего звена между стратегией и тактикой, чем способствовал возникновению новой области военного искусства⁷. Научные заслуги А.А. Свечина были отмечены многими российскими авторами: «Можно смело утверждать, что никто из наших военных теоретиков того времени не мог сравниться с А.А. Свечиным в анализе военнополитических проблем и вопросов стратегии»⁸. Его классическая научная работа «Стратегия» изучалась и анализировалась зарубежными военными специалистами и также получила очень высокую оценку⁹.

Связь стратегии с тактическими и оперативными результатами заключается в том, что «стратегия обладает возможно-

¹ Андреев В.В., Хакбердыев С.В. Формирование способов применения объединений Воздушно-космических сил в стратегическом сдерживании противника // Воен. мысль. 2023. № 10. С. 41.

² Круглов В.В., Воскресенский В.Г. Системная функциональная модель вооруженной борьбы // Воен. мысль. 2023. № 12. С. 35.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73035> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Clausewitz C. von. On War, ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 132.

⁵ Лавренов С.Я. Политика и военная стратегия — uniti aeternum. Взгляд Андрея Кокошина // Обозреватель — Observer. 2014. № 10. С. 109.

⁶ Sun Tzu. The Art of War (China: Sweetwater Press, 2006); Clausewitz. On War, 178. The idea of the difference between strategy and tactics appears in chapter 3 of The Art of War, "Attack by Stratagem".

⁷ Думби Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 138—141.

⁸ Кокошин А.А., Лобов В.Н. Предвидение: (Ген. Свечин об эволюции воен. искусств) // Знамя. 1990. № 2. С. 171.

⁹ Kipp J. Soviet Military Doctrine and the Origins of Operational Art, 1917—1936, in Soviet Doctrine from Lenin to Gorbachev, 1915—1991, ed. William C. Frank Jr. and Philip S. Gillette. Westport, CT: Greenwood, 1992. P. 88.

стью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно. Сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических»¹.

Уровни действия в военном конфликте для последующего определения роли и задач видов вооруженных сил на каждом из них можно определить следующим образом.

Стратегический уровень — это уровень, на котором государство само или в группе государств определяет национальные или многонациональные (если в составе альянса или коалиции) цели и направления своей безопасности, а также использует национальные ресурсы для достижения этих целей. Деятельность на этом уровне устанавливает цели национальной политики, определяет пределы и дает оценку рискам использования сил и средств военной организации государства и других инструментов национальной мощи, определяет и разрабатывает планы военных действий на будущем театре военных действий для достижения этих целей, использует вооруженные силы или их компоненты, другие силы и средства в соответствии со стратегическими планами политического и военного руководства страны.

Понимание вооруженного противоборства в современных условиях вышло за традиционные рамки, для современного миропорядка не характерно ведение классических войн². В этой связи термин «военная организация государства» раскрыт в Военной доктрине Российской Федерации как система органов, элементы этой системы рассмотрены в указанной выше монографии³ и публикациях ее авторов, приведена система источников норм права, которая выступает в качестве упорядочен-

ной, целостной и построенной в их нормативной правовой совокупности. Эта структурированная система раскрыта с ее внутренними, внешними и функциональными связями. Также раскрыто, как эта система функционирует в определенной внешней среде, определено ее развитие в соответствии с возникшей правовой действительностью в зависимости от уровня военных угроз и разработан механизм такого развития.

Оперативный уровень — это уровень военных действий, на котором крупные военные операции планируются, проводятся и поддерживаются для достижения стратегических целей на театрах военных действий и в других оперативных районах. Действия на этом уровне связывают тактику и стратегию путем установления оперативных целей, необходимых для достижения стратегических целей, определения последовательности событий для достижения оперативных целей, инициирования действий и применения ресурсов.

Маршал Н.В. Огарков дал точное и развернутое определение военной операции: «Военная операция — форма ведения военных действий оперативными (оперативно-стратегическими) объединениями вооруженных сил, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, маневров, боев и сражений разнородных войск (сил) видов ВС, которые проводятся одновременно и последовательно в соответствии с единым замыслом и планом для решения задач на театре военных действий или театре войны, стратегическом или операционном направлении (в определенной зоне, районе) в установленный период времени». По масштабу и целям Н.В. Огарков выделил: стратегическую — общевойсковую (общефлотскую) операцию; фронтовую (флота, округа, группы армий) или группы фронтов; армейскую операцию, которая производится армией (ракетной, общевойсковой, танковой и т.д.)⁴. Из данного определения видно, что такие дей-

¹ О советской военной науке / С.Н. Козлов [и др.]. М., 1964. С. 255.

² Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 18.

³ Военное право : моногр. : в 3 т. Т. 1. С. 279—284, 287—300.

⁴ Операция // Советская военная энциклопедия: в 8 т. / под общ. ред. Н.В. Огаркова. М., 1976—1980. Т. 6: Объекты военные — Радиокомпас. С. 64—67.

ствия подразумевают более широкое измерение во времени и пространстве, чем тактика, они обеспечивают логистическую поддержку тактических сил и предоставление средств, с помощью которых тактические успехи могут быть использованы для достижения стратегических целей.

В мировой истории войн *тактический уровень* — уровень, на котором битвы и сражения планируются и проводятся для достижения военных целей, поставленных перед тактическими подразделениями или оперативными группами. Деятельность на нем сосредоточена на упорядоченном расположении и маневрировании боевых элементов по отношению друг к другу и к противнику для достижения цели битвы. На оперативном уровне сетевые силы, имеющие доступ в режиме реального времени к новейшим средствам¹, гораздо точнее отражают ход боевых действий, что позволяет командованию действовать быстрее и решительнее, чем его противник.

Стратегический уровень имеет как военное, так и политическое значение, на военно-стратегическом уровне преимущество одной из сторон вооруженного конфликта может само по себе стать стратегией. Политические стратегии военного воздействия включают в себя известные наборы действий, в том числе правового характера: формирование альянсов, режимы контроля над вооружениями, использование дипломатии, информации, а мобилизация национальной экономики осуществляется в целях расширения возможностей военной организации государства.

В научной литературе отмечается, что наиболее приоритетным направлением развития военного искусства является развитие и совершенствование форм приме-

нения группировок войск (сил) в ходе военных конфликтов различной степени интенсивности².

Особенности современных военных конфликтов. Анализ содержания военных конфликтов последних десятилетий, а также взглядов военно-политического руководства ведущих стран мира на применение военной силы позволил выделить основные характерные особенности и черты их развязывания и ведения, которыми, по мнению В.Б. Зарудницкого, являются следующие³:

— потенциальный противник России в грядущих военных конфликтах будет разный, предстоит вести боевые действия как против иррегулярных вооруженных формирований террористов, так и с крупными группировками войск (сил) коалиций нескольких государств;

— военно-политические цели все чаще достигаются за счет превентивного подрыва экономического и информационного потенциалов государства-противника с применением необходимой и достаточной военной силы на всех этапах противоборства;

— меры военного характера нередко реализуются в скрытой форме, в виде последовательных не прямых или асимметричных действий «чужими руками» (примеры — Ирак, Афганистан, Ливия и Сирийская Арабская Республика);

— широкомасштабное внедрение информационных и других передовых технологий стало основой для создания качественно нового поколения вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и существенного расширения сфер их применения, что, в свою очередь, обуславливает необходимость дальнейшего развития форм и способов ведения военных действий.

¹ Командование, контроль, связь, компьютеры (C4) и IRS-разведка (intelligence), наблюдение (surveillance) и военное наблюдение в районе для определения местонахождения противника или стратегических объектов (reconnaissance). Расширенные возможности дают преимущество за счет ситуационной осведомленности, знания противника и боевой обстановки, сокращения времени между обнаружением и реагированием на сложившуюся обстановку.

² Андреев В.В. Развитие форм применения группировок авиации в военных конфликтах // Воен. мысль. 2023. № 6. С. 47.

³ См. подробнее: Зарудницкий В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе. С. 35—41.

Изменения характера и содержания современных военных конфликтов касаются следующего:

— *первое* — в обозримой перспективе существенно возрастет роль невоенных мер, повысится их значение и удельный вес в содержании противоборства. Они приобретут целеустремленный и комплексный характер, станут *традиционно-асимметрично-подрывными*, масштабными и результативными, в том числе за счет высокого уровня технологической оснащенности вооруженных сил ведущих государств мира. Широкую практику получит принцип реализации упреждающих мер различного характера (в том числе силового), особенно *непрямые действия* различных правительственных институтов и неправительственных организаций с опорой на *асимметричные способы* применения силового компонента при нейтрализации и стабилизации кризисных ситуаций. Одновременно не исключается непосредственное применение военной силы сразу в нескольких конфликтах, как правило, под видом миротворческих или гуманитарных операций;

— *второе* — повышается значение психологической борьбы. С появлением новых информационно-коммуникационных технологий ее формы и способы кардинально изменились. Сегодня и в обозримом будущем мы столкнемся с так называемой *психологической агрессией*;

— *третье* — постоянной тенденцией остается увеличение пространственного и функционального размаха вооруженного противоборства (многосферность боевого пространства);

— *четвертое* — возрастание значения космического пространства. Необходимо прорабатывать теоретические основы новых форм ведения военных действий в космосе, в частности таких как противоспутниковый бой, систематические боевые действия по уничтожению объектов инфраструктуры государства, орбитальное спутниковое сражение, противокосмическая операция и др.;

— *пятое* — расширение спектра применяемых средств вооруженной борьбы,

среди которых существенно возрастает значение гиперзвукового, высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового, кибероружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, роботизированных комплексов военного назначения, искусственного интеллекта в системах поддержки принятия решений, управления войсками (силами) и ВВСТ.

Подводя итог, В.Б. Зарудницкий отмечает, что определение характера будущих военных конфликтов имеет жизненно важное значение для любого государства. Размытие границ между состояниями мира и войны, применение гибридных комбинаций невоенных и военных методов для достижения стратегических результатов требуют дальнейшего совершенствования асимметричных способов реагирования на вызовы и угрозы национальным интересам России.

Таковы современные российские подходы к сущности и содержанию современных военных конфликтов.

В зарубежной военной и военнопредметной науке военное преимущество (превосходство) подчас также связывают с понятием «асимметрия». С. Мец и Д. Джонсон из Военного колледжа армии США полагают, что в сфере военного дела и национальной безопасности асимметрия — это право действовать, организовываться и думать иначе, чем противник, с целью максимизировать собственные преимущества, использовать слабости противника, перехватить инициативу или получить большую свободу действий. Это может быть политико-стратегическая, военно-стратегическая асимметрия или их комбинация, она может включать в себя различные методы и т. п., может быть дискретной или осуществляться в сочетании с симметричными подходами. Она может иметь как психологическое, так и физическое измерение¹. Но С. Бланк верно указал, что кон-

¹ Steven Metz, Douglas V. Johnson II. Asymmetry and US. Military strategy: Definition, background, and strategic concepts. 2001. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep11225> (дата обращения: 21.11.2023).

цепция асимметрии «вышла за рамки полезности» и отметил, что «... сбивая нас с толку или вводя в заблуждение относительно угроз нашим интересам и стратегиям, которые их составляют, использование этих терминов повышает риск того, что мы не сможем понять и затем побеждать наших врагов. Вместо этого нам следует вернуться к классификации угроз, исходящих от асимметричных врагов и их столь же асимметричных стратегий или военных планов, на основе их масштабов или их воздействия на нас»¹.

Вместе с тем, технологическое превосходство вооруженных сил нельзя считать чем-то само собой разумеющимся. Как верно отметил советник НАТО К. Доннелли, «технологическое преимущество всегда преходяще»². Объединенный комитет начальников штабов в «Объединенном видении 2020» указал: «Не обязательно, что нам удастся сохранить широкое технологическое преимущество над нашими противниками во всех областях. Возросшая доступность коммерческих спутников, цифровой связи и общедоступного Интернета дает злоумышленникам новые возможности при относительно низких затратах. Не следует ожидать, что противники в 2020 г. будут сражаться строго инструментами индустриального века»³.

Асимметрия не представляет собой радикально новую оперативную модель, поскольку в самой природе войны заложен поиск стратегии, тактики и видов оружия, которые используют собственные сильные стороны (позитивная асимметрия) или слабости противника (негативная асимметрия) либо и то и другое. Сунь-Цзы понял это два с половиной тысячелетия назад, когда провозгласил: «Армию можно сравнить с водой, так же как текущая вода

избегает высоты и спешит в низины, так что войско избегает сильных и поражает слабости»⁴. Как справедливо отмечают И.М. Попов и М.М. Хамзатов, «понимание сущности и степени асимметричности конкретного военного конфликта позволяет командиру (командующему) осознанно принимать наиболее эффективные решения на поле боя»⁵. Но, как мы указали выше, преимущество (в форме асимметрии) прямо влияет на право, регулирующее методы и средства ведения войны. Международное право вооруженных конфликтов и вооруженные конфликты существуют на взаимных началах: международное право вооруженных конфликтов реагирует на изменения в характере военных действий, и большинство договоров в рамках международного права вооруженных конфликтов были заключены сразу после крупного военного конфликта в ответ на тяжкие последствия или отдельные их аспекты.

Гражданская война в США послужила причиной принятия «набора правил» профессора Ф. Либера (Кодекса Либера), введенного Общим приказом № 100 Министерства армии США «Инструкции для правительства армий Соединенных Штатов». Битва при Сольферино во время Освободительной войны Италии, затем деятельность Анри Дюнана в 1862 г. привели к созданию Международного Комитета Красного Креста, после русско-японской войны 1904—1905 гг. были приняты Женевская конвенция 1906 г. и Гаагская конвенция 1907 г., после Первой мировой войны — Протокол по запрету газов 1925 г. и Женевская конвенция 1929 г., после Второй мировой войны — Женевские конвенции 1949 г. и Конвенция о культурных ценностях 1954 г., после вой-

¹ Blank Stephen J. Rethinking asymmetric threats. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.

² Donnelly Chris. Defence, Security, and Intelligence in the 21st Century: New Challenges and New Responses // *Acque et Terre*. 2003. No 2. P. 57.

³ Chairman of the Joint Chiefs of Staff, Joint Vision 2020. Washington, DC, 2000. P. 4.

⁴ URL: <https://quotefancy.com/quote/1548488/Sun-Tzu-An-army-may-be-likened-to-water-for-just-as-flowing-water-avoids-the-heights-and> (дата обращения: 13.11.2023).

⁵ См. подробнее: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М., 2019. С. 498—598; Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века: Зарубежный опыт. С. 322—325.

ны в Корее, Вьетнаме и «национально-освободительных войн» — Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 г., Конвенция об обычных вооружениях¹. Были предприняты активные попытки по ограничению методов и средств ведения войны, в первую очередь запрет на ослепляющие лазеры и биологическое оружие, принят Дополнительный протокол к Конвенции о запрете или ограничении применения некоторых видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерный вред или имеющими неизбирательное действие, Протокол об ослепляющем лазерном оружии 1995 г. и др. Характер военных действий, в которых участвуют воюющие стороны, формирует их отношение к международному праву вооруженных конфликтов. Если стороны вооруженного конфликта считают, что нормативные границы международного права вооруженных конфликтов ставят их в невыгодное положение, то полагают, что их можно игнорировать.

Именно указанные обстоятельства обуславливают сложность, объективность многослойного многоуровневого правового пространства военных конфликтов.

Библиография

1. Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века: зарубежный опыт / А.Е. Шагов [и др.]. — Москва, 2016. — 900 с.;
2. Андреев, В.В. Развитие форм применения группировок авиации в военных конфликтах / В.В. Андреев // Военная мысль. — 2023. — № 6. — С. 46—51.
3. Андреев, В.В. Формирование способов применения объединений Воздушно-космических сил в стратегическом сдерживании противника / В.В. Андреев, С.В. Хакбердыев. // Военная мысль. — 2023. — № 10. — С. 40—45.
4. Байниязова, З.С. Правовая система и правовое пространство: актуальные вопросы соотношения / З.С. Байниязова // Правовая культура. — 2023. — № 1. — С. 113—114.
5. Буганов, В.И. Полководцы XVIII в. / В.И. Буганов, А.В. Буганов. — Москва, 1992. — 430 с.
6. Гавришук, В.В. Строительство Российской армии в XVIII в. Историографическое

исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.В. Гавришук. — Москва, 1999. — 45 с.

7. Джиоева Э.Э., Тарадонов, С.В. К вопросу о понятии «война» в современном мире / Э.Э. Джиоева, С.В. Тарадонов // Науч. вестн. Гуманитарно-социального ин-та. — 2023. — № 17.

8. Думби, Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина : дис. ... канд. ист. наук / Ю.Ф. Думби. — Москва, 2000. — 383 с.

9. Жмурин, С.А. Воздушно-космический ТВД как закономерный результат эволюции вооруженной борьбы / С.А. Жмурин, Ю.В. Криницкий // Воен. мысль. — 2022. — № 7. — С. 48—57.

10. Зарудницкий, В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2023. — № 11. — С. 6—15.

11. Зарудницкий, В.Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2021. — № 8. — С. 34—45.

12. Зарудницкий, В.Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе / В.Б. Зарудницкий // Военная мысль. — 2021. — № 3. — С. 34—44.

13. Кокошин, А.А. Предвидение: (Ген. Свечин об эволюции воен. искусств) / А.А. Кокошин, В.Н. Лобов // Знамя. — 1990. — № 2. — С. 170—182.

14. Криницкий, Ю.В. Воздушно-космический театр военных действий : моногр. Изд. второе / Ю.В. Криницкий. — Тверь, 2021. — 370 с.

15. Криницкий, Ю.В. Сферы вооруженной борьбы и театры военных действий / Ю.В. Криницкий, В.Г. Чеховский // Военная мысль. — 2022. — № 9. — С. 21—28.

16. Круглов, В.В. Системная функциональная модель вооруженной борьбы / В.В. Круглов, В.Г. Воскресенский // Военная мысль. — 2023. — № 12. — С. 35—42.

17. Кудашкин, А.В. Военное право Китая / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9. — С. 65—80.

18. Кудашкин, А.В. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 7. — С. 2—11.

19. Кудашкин, А.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России / А.В. Кудашкин, В.В. Кудашкин // Военное право. — 2023. — № 4. — С. 25—43.

20. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов и военно-морские операции / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8. — С. 7—19.

21. Кудашкин, А.В. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой

¹ Документы МККК по МГП. URL: <https://www.icrc.org/ihl> (дата обращения: 13.11.2023).

анализ / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 2—12.

22. Кудашкин, А.В. Развитие военного права Великобритании: подходы и методы / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3. — С. 50—61.

23. Кудашкин, А.В. Развитие военного права Франции: подходы и методы / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 93—102.

24. Кудашкин, А.В. Развитие военного права Германии: подходы и методы / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 1. — С. 53—63.

25. Лавренов, С.Я. Политика и военная стратегия — *unīti aeternum*. Взгляд Андрея Кокошина / С.Я. Лавренов // Обозреватель — Observer. — 2014. — № 10. — С. 107—122.

26. Лебедев, П. Преобразователи русской армии в царствование Павла Петровича: 1796—1801 / П. Лебедев // Русская старина. — 1877. — № 18. — С. 240—241, 253.

27. Малышев, А.И. Анализ трансформации категорий военной конфликтологии в доктринальных основах Российской Федерации / А.И. Малышев, В.Н. Мардусин, В.Ю. Хахалев // Военная мысль. — 2023. — № 8. — С. 6—15.

28. Малышев, А.И. Категория «война» и «вооруженный конфликт»: существо и различие / А.И. Малышев, Ю.Ф. Пивоваров, В.Ю. Хахалев // Военная мысль. — 2022. — № 2. — С. 21—30.

29. О советской военной науке / С.Н. Козлов, М.В. Смирнов, И.С. Базь, П.А. Сидоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Воениздат, 1964. — 405 с.

30. Попов, И.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. / И.М. Попов, М.М. Хамзатов. — Москва, 2019. — 834 с.

31. Правовое пространство: граница и динамика : моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. — Москва, 2021. — 240 с.

32. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34.

33. Сержантов, А.В. Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего / А.В. Сержантов, А.В. Смоловый, И.А. Терентьев // Военная мысль. — 2022. — № 6. — С. 19—30.

34. Тарадонов, С.В. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10. — С. 12—17.

35. Тарадонов, С.В. Генезис российского военного права в системе обеспечения национальной безопасности / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12. — С. 105—113.

36. Тихомиров, Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 5—16.

38. Тихомиров, Ю.А. Правовые регуляторы в экономике: национальное и международное измерение / Ю.А. Тихомиров, В.Д. Чураков // Законодательство. — 2019. — № 8. — С. 41—49.

39. Ткаченко, С.В. Рецепция и феномен многослойности права России / С.В. Ткаченко // История государства и права. — 2015. — № 23. — С. 9—13.

40. Clausewitz C. von. On War, ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 132.

41. Sun Tzu. The Art of War (China: Sweetwater Press, 2006); Clausewitz. On War, 178. The idea of the difference between strategy and tactics appears in chapter 3 of The Art of War. "Attack by Stratagem".

42. Kipp J. Soviet Military Doctrine and the Origins of Operational Art, 1917—1936, in Soviet Doctrine from Lenin to Gorbachev, 1915—1991, ed. William C. Frank Jr. and Philip S. Gillette. Westport, CT: Greenwood, 1992. P. 88.

43. Steven Metz, Douglas V. Johnson II. Asymmetry and US. Military strategy: Definition, background, and strategic concepts. 2001. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep11225> (дата обращения: 21.11.2023).

44. Blank Stephen J. Rethinking asymmetric threats. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.

45. Donnelly Chris. Defence, Security, and Intelligence in the 21st Century: New Challenges and New Responses // *Acque et Terre*. 2003. No 2. P. 57.

46. Chairman of the Joint Chiefs of Staff, Joint Vision 2020. Washington, DC, 2000. P. 4.

Анализ лучших практик использования искусственного интеллекта в правовой сфере

© Малкова Наталья Вячеславовна,
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель 9 кафедры (иностранных языков) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Статья исследует наиболее эффективные методы регулирования применения искусственного интеллекта в решении юридических вопросов. Рассматриваются различные подходы к управлению искусственным интеллектом в различных странах и правовых системах с учетом их сильных и слабых сторон. В статье представлены стратегии для усовершенствования законодательства и юридической практики в сфере применения искусственного интеллекта в правовых контекстах. Работа знакомит с подходами разных стран к использованию искусственного интеллекта в юридических вопросах и их обширным опытом в этой области.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), правовая сфера, правоприменительная практика, этика, безопасность, прозрачность, подотчетность.

Analysis of the best practices of using artificial intelligence in the legal field

© Malkova N.V.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, senior lecturer of the 9th Department (foreign languages) Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article explores the most effective methods of regulating the use of artificial intelligence in solving legal issues. Various approaches to artificial intelligence management in various countries and legal systems are considered, taking into account their strengths and weaknesses. The article presents strategies for improving legislation and legal practice in the field of artificial intelligence in legal contexts. The work introduces the approaches of different countries to the use of artificial intelligence in legal matters and their extensive experience in this area.

Keywords: artificial intelligence (AI), legal sphere, law enforcement practice, ethics, security, transparency, accountability.

Искусственный интеллект (ИИ) все чаще используется в правовой сфере, что приводит к необходимости его регулирования. Различные страны и юрисдикции уже разработали или разрабатывают нормативные акты, направленные на управление использованием ИИ в правовой сфере.

Цель настоящего исследования — рассмотреть наилучшие подходы к регулированию применения искусственного интеллекта в правовом поле. В ходе исследования изучались разнообразные способы регулирования использования ИИ в юридической деятельности. Это позволило выявить их преимущества и недостатки.

Результаты исследования способны принести вклад в развитие юридических знаний о ИИ и могут быть применены при разработке рекомендаций по усовершенствованию юридической практики и законодательства.

Для достижения цели использованы следующие методы:

– *анализ существующей законодательной базы*: исследованы нормативные документы и регламенты, регулирующие применение ИИ в правовых вопросах в разных странах и регионах;

– *сравнительный анализ*: сравнены различные подходы к регулированию использования ИИ в правовой сфере;

– *анализ лучших практик*: выделены лучшие практики регулирования использования ИИ в правовой сфере.

В исследовании «Искусственный интеллект и право будущего», проведенном в 2019 г. Обществом юристов Англии и Уэльса и имеющем наиболее общий характер, подробно описывается влияние искусственного интеллекта на:

– судебные процессы (анализ доказательств, прогнозирование решений, автоматизация процессов);

– юридическую практику (автоматизация задач: юридическая проверка, составление договоров, исследования);

– регулирование (разработка и внедрение нормативных актов).

В работе предлагается адаптировать правовую систему к развитию искусственного интеллекта¹.

В исследовании Американской ассоциации юристов «Этика искусственного интеллекта в правовой сфере» 2020 г. были рассмотрены этические вопросы:

– справедливость и беспристрастность: риск предвзятости и несправедливых решений;

– прозрачность и подотчетность: непрозрачность алгоритмов ИИ, затруднение контроля;

– конфиденциальность и безопасность данных: сбор и обработка больших объемов данных, риски для конфиденциальности и безопасности. Были также предложены рекомендации по решению этических проблем².

В дополнение к исследованиям такого рода целесообразно упомянуть сравнительный анализ, осуществленный Европейским парламентом и озаглавленный «Регулирование искусственного интеллекта» (2021 г.). В данной работе сопоставляются подходы различных стран и юрисдикций к регулированию искусственного интеллекта, и предлагается создать эффективную систему управления и контроля ИИ³.

Среди исследовательских работ, рассматривающих конкретные аспекты этой темы, можно выделить работу «Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта в правовой сфере» Центра изучения интернета и общества Гарвардского университета, проведенное Бекман Кляйн в 2022 г. В данной работе анализируются вопросы прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта и предлагаются рекомендации для их решения⁴. В 2023 г. Оксфордский центр социально-правовых исследований провел анализ «Ответственность за ошибки искусственного интеллекта в правовой сфере»⁵. В 2024 г. Программа развития ООН представила исследова-

² Американская ассоциация юристов. Этика искусственного интеллекта в правовой сфере / Америк. ассоц. юристов. М., 2020.

³ Европейский парламент. Регулирование искусственного интеллекта: сравнительный анализ. Доклад. Брюссель, 2021.

⁴ Бекман Кляйн. Центр по изучению интернета и общества при Гарвардском университете. Прозрачность алгоритмов ИИ в правовой сфере. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyber.harvard.edu/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Оксфордский центр социо-правовых исследований. Ответственность за ошибки ИИ в правовой сфере. – 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.law.ox.ac.uk/centre-for-socio-legal-studies/centre-socio-legal-studies> (дата обращения: 16.11.2023).

¹ Общество юристов Англии и Уэльса. Искусственный интеллект и будущее права : Доклад. Лондон: The Law Society of England and Wales, 2019. С. 12.

ние «Влияние искусственного интеллекта на доступ к правосудию»¹.

Среди региональных исследований необходимо отметить исследование Европейской комиссии, проведенное в 2022 г., которое посвящено текущему состоянию регулирования ИИ в ЕС².

Примеры описаний текущего статуса регулирования ИИ включают:

– «Регулирование ИИ в США», составленное Управлением научно-технической политики Белого дома (2023 г.)³.

– «Регулирование ИИ в Китае», опубликованное Китайской академией наук (2024 г.)⁴.

– Информация о текущем положении дел в области регулирования ИИ в Великобритании (2022 г.)⁵, Сингапуре (2023 г.)⁶ и Австралии (2024 г.)⁷, представленная в

соответствующих правительственных источниках.

Использование ИИ для прогнозирования судебных решений. В США система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) широко применяется для оценки риска рецидива преступлений. Она призвана помочь судьям и другим представителям правоохранительной системы принимать более обоснованные решения о мере пресечения для подсудимых.

Однако исследования показали, что система COMPAS является предвзятой и несправедливо дискриминирует людей на основе цвета кожи. Она чаще предсказывает рецидив для чернокожих и латиноамериканцев, чем для людей европейского происхождения, даже при схожих криминальных историях и других факторах риска. Эта предвзятость может привести к несправедливому тюремному заключению представителей разных рас, что негативно влияет на их жизнь, семьи и сообщества⁸.

В качестве других систем оценки риска рецидива необходимо отметить PredPol (от англ. Predictive Policing) — система, разработанная в 2011 г., которая используется для прогнозирования мест совершения преступлений. Ей также свойственна непрозрачность алгоритмов, потенциальная предвзятость.

Принцип работы:

– анализ данных (система анализирует данные о прошлых преступлениях, такие, как тип преступления, время, место, образ действий);

– прогнозирование (на основе этих данных система прогнозирует места, где с

¹ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ООН. Влияние ИИ на доступ к правосудию. Нью-Йорк: ООН, 2024. – 120 с.

² Европейская комиссия. Регулирование искусственного интеллекта: сравнительный анализ. – 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 16.12.2023).

³ Белый дом. Управление по научно-технической политике. Регулирование ИИ в США. – 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2023/06/22/white-house-office-of-science-and-technology-policy-ostp-scientific-integrity-policy/> (дата обращения: 29.12.2023).

⁴ Чжан В. Регулирование искусственного интеллекта в Китае / В. Чжан, Ц. Линь, Х. Ван. Пекин: Изд-во Китайской академии наук, 2024.

⁵ UK government. Regulation of artificial intelligence in the UK. – 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach> (дата обращения: 16.11.2023).

⁶ Сингапур. Регулирование искусственного интеллекта: [Электронный ресурс] / Правительство Сингапура. Сингапур, 2023. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/artificial-intelligence-2023/singapore/trends-and-developments> (дата обращения: 19.12.2023).

⁷ Australian Government. Регулирование ИИ в Австралии. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.herbertysmithfreehills.com/insights/2024-01/australian-government-announces-mandatory-regulation-for-high-risk-AI> (дата обращения: 12.02.2024).

⁸ См.: ProPublica. Machine Bias: Risk Assessments in Criminal Sentencing. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 12.02.2024); The New York Times. How a Racial Bias in Sentencing Software Warps the Criminal Justice System. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/18/magazine/algorithmic-bias-criminal-justice.html> (дата обращения: 12.02.2024); PredPol. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.predpol.com/> (дата обращения: 12.02.2024).

наибольшей вероятностью могут быть совершены преступления в будущем);

– визуализация (прогнозы отображаются на карте, помогая полиции патрулировать потенциально опасные районы).

Эффективность PredPol подтверждается исследованиями, однако некоторые из них показали, что его использование может привести к снижению уровня преступности. Имеет место также и критика PredPol, указывающая на то, значительное влияние PredPol на уровень преступности не выявлено. Но PredPol постоянно развивается, и его разработчики работают над повышением его точности и прозрачности. Его применение остается предметом дискуссий, и важно тщательно взвесить его потенциальные преимущества и риски, прежде чем внедрять его¹.

Northpointe Risk Assessment System (NRAS) — это инструмент оценки риска побега, разработанный компанией Northpointe, Inc. Он используется в Соединенных Штатах для оценки вероятности того, что подсудимый сбежит из-под стражи до суда или нарушит условия освобождения под залог. Некоторые защитники прав человека выступают за запрет использования NRAS и других систем оценки риска, основанных на алгоритмах, из-за опасений по поводу предвзятости и непрозрачности. Другие же утверждают, что NRAS может быть полезным инструментом для судов и правоохранительных органов, помогая им принимать более обоснованные решения о мерах пресечения.

Не вызывает сомнений тот факт, что необходимы дальнейшие исследования и дискуссии, чтобы определить, как наилучшим образом использовать NRAS и

другие системы оценки риска, при этом обеспечивая справедливость и точность².

Использование ИИ для оценки риска домашнего насилия. Lumen — это система, разработанная в Великобритании для оценки риска домашнего насилия. Она используется полицией и другими службами для определения вероятности того, что человек станет жертвой или тем, кто совершит насилие в семье.

Lumen использует алгоритм машинного обучения, который анализирует различные факторы, такие как история насилия в семье, наличие судимостей, употребление психоактивных веществ и психическое здоровье. Система выдает оценку риска в виде балла, который помогает службам принимать решения о том, какие меры поддержки необходимы человеку.

Lumen также, как и ранее описанные системы, была подвергнута критике за непрозрачность алгоритмов и потенциальную предвзятость. Некоторые эксперты утверждают, что система может недооценивать риск для некоторых жертв, другие опасаются, что она может привести к стигматизации людей, которые имеют высокий балл риска.

Использование ИИ для автоматизации юридических задач. В Великобритании компания Kira Systems разработала систему искусственного интеллекта, которая может автоматически анализировать юридические документы. Эта система используется в ряде крупных юридических фирм для повышения эффективности работы.

Использование ИИ для предоставления доступа к правосудию. В Канаде организация Legal Aid Alberta использует чат-бот с искусственным интеллектом, чтобы помочь людям с низким доходом получить юридическую консультацию³.

¹ См.: Predictive policing: is it the future of crime-fighting? [Электронный ресурс]. The Guardian. — URL:

<https://www.theguardian.com/technology/2021/apr/12/predictive-policing-algorithms-crime-fighting> (дата обращения: 12.02.2024).

The Promise and Peril of Predictive Policing [Электронный ресурс]. The New York Times. — URL:

<https://www.nytimes.com/2021/03/04/opinion/police-predictive-policing.html> (дата обращения: 12.02.2024).

² Northpointe Bank. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.northpointe.com/> (дата обращения: 12.02.2024).

³ См.: Domestic violence risk assessment tool 'could be biased' [Электронный ресурс]. The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/society/2021/mar/08/domestic-violence-risk-assessment-tool-could-be-biased> (дата обращения: 12.02.2024).

Использование ИИ для оценки риска рецидива преступлений. DASH (Delinquency Assessment Screening Handbook) — это система, разработанная в Канаде для оценки риска рецидива преступлений среди молодежи и используется в различных учреждениях, таких как суды, службы пробации и исправительные учреждения, для определения вероятности того, что молодой человек снова совершит преступление. Система основана на наборе факторов, таких как: криминальная история, социально-экономическое положение, уровень образования, употребление психоактивных веществ, психическое здоровье. DASH предоставляет оценку риска в виде балла, который помогает специалистам принимать решения о мерах поддержки, необходимых человеку. DASH была подвергнута критике за непрозрачность алгоритмов и потенциальную предвзятость. Некоторые эксперты утверждают, что система может недооценивать риск для некоторых людей, другие опасаются, что она может привести к стигматизации людей, которые имеют высокий балл риска. Несмотря на эти проблемы, DASH является одним из наиболее распространенных инструментов оценки риска рецидива среди молодежи в мире. В настоящее время ведутся исследования по улучшению точности и справедливости DASH¹.

Таким образом, явно прослеживаются общие черты описанных выше систем ИИ, применяемых в правовой сфере: все системы используют алгоритмы машинного обучения для прогнозирования поведения

людей и основаны на данных о прошлых правонарушениях и применяются в различных областях (см. табл.).

Системы ИИ в правовой сфере имеют большой потенциал, но их необходимо использовать с осторожностью. Среди актуальных на сегодняшний день проблем, присущих этим системам, целесообразно выделить следующие:

— *несправедливость и предвзятость*: системы ИИ могут быть предвзятыми по отношению к определенным группам людей, что приводит к несправедливым решениям, например, исследования показали, что системы COMPAS и PredPol чаще предсказывают рецидивы преступности для чернокожих людей, чем для белых людей, даже при одинаковом уровне риска;

— *непрозрачность*: алгоритмы машинного обучения, используемые в системах ИИ, могут быть непрозрачными, что затрудняет понимание и объяснение их решений. Это может привести к тому, что люди не будут доверять системам ИИ и не смогут оспорить их решения;

— *отсутствие контроля*: системы ИИ могут быть неподконтрольными, что может привести к злоупотреблению, например, системы ИИ могут использоваться для слежки за людьми или для ограничения их свободы;

— *нарушение прав человека*: системы ИИ могут использоваться для сбора и хранения конфиденциальных данных, что может привести к нарушению прав человека, например, системы ИИ могут использоваться для сбора данных о расе, религии, политических взглядах или сексуальной ориентации людей;

— *угроза для демократии*: системы ИИ могут использоваться для манипулирования общественным мнением или для подрыва демократических институтов, например, системы ИИ могут использоваться для распространения дезинформации или для фальсификации выборов.

Police use of domestic violence risk assessment tool 'could be discriminatory' [Электронный ресурс]. The Independent. — URL:

<https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/police-domestic-violence-risk-assessment-b1814900.html> (дата обращения: 12.02.2024).

¹ См.: DASH Risk Assessment Tool [Электронный ресурс]. Government of Canada. — URL: <https://www.securitepublique.gc.ca/cnt/cntrng-crm/fmly-vlnce/dsh-rsessment-tool-en.aspx> (дата обращения: 12.02.2024).

The DASH Risk Assessment Tool: A Review of the Literature [Электронный ресурс]. The Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0844562119888781> (дата обращения: 12.02.2024).

Таблица

Области применения и особенности систем ИИ, применяемых в правовой сфере

Система	Область применения	Особенности
COMPAS	Прогнозирование рецидивов преступности	Использует статистические методы
PredPol	Прогнозирование преступлений	Использует пространственно-временные данные
NRAS	Определение меры пресечения	Использует нейронные сети
Lumen	Оценка риска домашнего насилия	Учитывает факторы риска, специфичные для домашнего насилия
DASH	Прогнозирование делинквентного поведения	Использует валидированные шкалы оценки

Важно отметить, что этические вопросы, связанные с использованием систем ИИ в правовой сфере, все еще находятся в стадии обсуждения. Необходимо провести дополнительные исследования, чтобы лучше понять эти проблемы и разработать эффективные решения.

На основании описанных проблем, можно выделить следующие общие принципы регулирования:

— *прозрачность*: системы искусственного интеллекта, используемые в юридических процессах, должны быть прозрачными, то есть логика процесса принятия решений должна быть понятна человеку;

— *непредвзятость*: чтобы гарантировать, что системы искусственного интеллекта не содержат никаких предрассудков, важно обучать и тестировать эти системы на различных наборах данных и отслеживать их на предмет любых дискриминационных результатов;

— *регулирование*: правительствам и международным организациям следует разработать строгие правила, охватывающие этическое использование ИИ в правовой сфере;

— *сотрудничество*: различные заинтересованные стороны, включая разработчиков ИИ, экспертов в области права, политиков и гражданское общество, должны совместно работать над созданием и обеспечением соблюдения этических стандартов использования ИИ в законодательстве;

— *человеческий надзор*: использование ИИ для принятия юридических решений должно быть предметом человеческого надзора, когда люди с профессиональным опытом рассматривают и контролируют

такие системы, чтобы убедиться, что они используются этично и в соответствии с верховенством закона.

Конкретные меры регулирования:

— *регистрация ИИ-систем*: в некоторых юрисдикциях требуется регистрация ИИ-систем, используемых в правовой сфере;

— *сертификация ИИ-систем*: ИИ-системы могут быть сертифицированы на соответствие определенным стандартам безопасности и этики;

— *разработка этических кодексов*: разрабатываются этические кодексы для использования ИИ в правовой сфере;

— *обучение юристов*: юристы должны обучаться работе с ИИ-системами.

Существует несколько заслуживающих внимания примеров регулирования использования ИИ в правовой сфере. Одним из примеров страны, занявшей активную позицию, является Эстония, где действует закон об ИИ, регулирующий использование ИИ в государственных учреждениях. Закон обеспечивает прозрачность и подотчетность ИИ, требуя человеческого надзора за автоматизированными системами принятия решений¹.

Сингапур также разработал национальную стратегию в области ИИ, которая описывает развитие и использование ИИ в стране. В ней подчеркивается важность сотрудничества между правительством,

¹ Рийгикогу. Проект закона о внесении изменений в Закон об искусственном интеллекте. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.riigikogu.ee/tegevus/eelnoud/eelnou/7690d77c-9304-4b84-81ab-e296017feb88> (дата обращения: 15.11.2023).

промышленностью и научными кругами для продвижения исследований и разработки технологий ИИ, которые принесут пользу обществу¹.

Кроме того, Европейская комиссия разработала этические рекомендации по ИИ, которые служат основой для создания надежных и прозрачных систем ИИ. Рекомендации также посвящены таким ключевым принципам, как прозрачность, подотчетность и справедливость процессов принятия решений в области ИИ².

В Соединенных Штатах Америки не существует единого федерального закона, который бы в широком смысле регулировал применение искусственного интеллекта в юридической сфере. Однако некоторые специализированные отрасли разработали нормативные акты, регламентирующие использование ИИ в соответствующих сегментах. Кроме того, разнообразные организации разработали стандарты и методические указания для гарантии этичного и надежного развития систем искусственного интеллекта в правовой области. Примером может служить GDPR (Общий регламент по защите данных), который является европейским законом о защите данных и обеспечении конфиденциальности³.

IEEE (Институт инженеров электротехники и электроники) является международной профессиональной организацией, которая продвигает технологические

инновации и передовой опыт. На их веб-сайте вы можете найти информацию о модели управления искусственным интеллектом⁴, которая является основой для построения и внедрения надежных ИИ-технологий. Эта модель содержит различные передовые методы для обеспечения прозрачности, ответственности и соответствия этическим стандартам систем ИИ.

Модель управления состоит из десяти основных принципов, которые охватывают все этапы разработки и внедрения ИИ-систем. Они включают в себя качество данных, их восстановление, учет пользовательских ожиданий, управление предубеждения и прозрачность. Также модель включает в себя механизмы управления ИИ-системами для обеспечения соответствия их разработки и внедрения ценностям организации.

Кроме того, эта модель представляет собой набор вспомогательных документов, дополняющих основные принципы Рамочной программы, с помощью которых организации могут реализовать руководящие принципы. Эти документы предназначены для совместного использования с руководством, содержат рекомендации и шаблоны для осуществления различных компонентов Рамочной программы.

Таким образом, модель IEEE AI Governance Framework является дорожной картой для компаний, стремящихся к внедрению передовых методов управления искусственным интеллектом.

Институт AI Now — это междисциплинарный исследовательский центр при Нью-Йоркском университете, который занимается изучением социальных последствий ИИ⁵. Оценка воздействия алгорит-

¹ Европейская комиссия. Ethics guidelines for trustworthy AI. // Digital Single Market. 2019.[Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 15.11.2023).

² Институт инженеров электротехники и электроники. IEEE Standards Association — Autonomous Systems. 2023.[Электронный ресурс]. – URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/autonomous-systems.html> (дата обращения: 16.01.2024).

³ Партнерство по искусственному интеллекту. Guidelines and Best Practices for AI in the Legal Field. Washington, D.C.: Partnership on AI, 2023.[Электронный ресурс]. – URL: <https://www.partnershiponai.org/projects/guidelines-and-best-practices-for-ai-in-the-legal-field/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ Европейская комиссия. Ethics guidelines for trustworthy AI. // Digital Single Market. – 2019.[Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 15.11.2023).

⁵ Институт инженеров электротехники и электроники. IEEE Standards Association - Autonomous Systems. – 2023.[Электронный ресурс]. – URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/autonomous-systems.html> (дата обращения: 15.11.2023).

мов, разработанная этим институтом, представляет собой систему, которая описывает набор факторов, помогающих оценить влияние систем искусственного интеллекта на общество. Ее цель - выявить и устранить потенциальные негативные последствия использования технологий ИИ, а также способствовать созданию более прозрачных и подотчетных систем ИИ.

Концепция также включает критерии оценки влияния технологий ИИ на прозрачность, справедливость, подотчетность и социальные последствия. В ней содержатся рекомендации для разработчиков, производителей и пользователей систем искусственного интеллекта, позволяющие применять упреждающий подход для обеспечения этичности и прозрачности работы своих систем.

Система оценки воздействия алгоритмов подчеркивает важность учета мнений и потребностей различных групп заинтересованных сторон, включая пользователей, работников и группы населения, которые могут быть непропорционально затронуты технологией. Она направлена на повышение осведомленности о потенциальных социальных, экономических и политических последствиях ИИ и на поддержку разработки технологий, соответствующих этическим принципам.

В целом, система оценки воздействия алгоритмов представляет собой важный шаг на пути к обеспечению того, чтобы системы ИИ разрабатывались и использовались безопасным, этичным и социально ответственным образом.

Монреальская декларация об ответственном развитии искусственного интеллекта была разработана международными исследователями и специалистами по ИИ на конференции в Монреале, Канаде¹, и содержит в себе свод этических правил для дальнейшего развития искусствен-

ного интеллекта, а также рекомендации по ответственному и этичному использованию данных технологий.

И вновь мы наблюдаем, что декларация состоит из 10 принципов, ориентированных на этическое, общественно ответственное и стабильное развитие искусственного интеллекта. Эти принципы опять включают в себя поддержку благополучия, прозрачности и отчетности, увеличение возможностей выбора и независимости человека, уважение и утверждение прав человека, поддержка разнообразия и инклюзии, а также гарантия справедливости в системах искусственного интеллекта. Монреальская декларация призвана содействовать инклюзивному и ориентированному на человека развитию ИИ, отдавая приоритет социальным преимуществам технологий ИИ и сводя к минимуму их потенциальный вред. Она призывает заинтересованные стороны придерживаться принципов ответственного развития ИИ во всех аспектах жизненного цикла ИИ — от исследований и разработок до внедрения и использования.

В целом Монреальская декларация представляет собой важную попытку содействовать этичному и ответственному развитию ИИ, направленному на решение важнейших социальных проблем и укрепление основных ценностей человеческого достоинства и равенства.

Некоммерческий консорциум AI Responsible², включающий в себя ученых, компании и общественные организации, стремится разрабатывать и внедрять наилучшие практики ответственного развития и использования искусственного интеллекта. Основанный на принципах кооперации и открытости, данный консор-

¹ Партнерство по искусственному интеллекту. Guidelines and Best Practices for AI in the Legal Field. Washington, D.C.: Partnership on AI, 2023.[Электронный ресурс]. — URL: <https://www.partnershiponai.org/projects/guidelines-and-best-practices-for-ai-in-the-legal-field/> (дата обращения: 15.11.2023).

² Responsible AI Institute Forms Inaugural Responsible Generative AI Consortium and Launches First in Series of Industry-Specific Testbeds to Operationalize AI Safety, Build Workforce Capacity.[Электронный ресурс]. — URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20230628514834/en/Responsible-AI-Institute-Forms-Inaugural-Responsible-Generative-AI-Consortium-and-Launches-First-in-Series-of-Industry-Specific-Testbeds-to-Operationalize-AI-Safety-Build-Workforce-Capacity/> (дата обращения: 15.11.2023).

циум, как и другие описанные системы, стремится обеспечить этическое и результативное применение искусственного интеллекта для разрешения глобальных проблем и повышения качества жизни.

Основные направления работы консорциума включают разработку и внедрение стандартов этического использования ИИ, поддержку исследований в области этики и безопасности искусственного интеллекта, создание обучающих программ и курсов по ответственному использованию ИИ, а также взаимодействие с государственными структурами и международными организациями с целью продвижения концепции ответственного ИИ.

Члены консорциума играют активную роль в разработке международных нормативов и рекомендаций по этике искусственного интеллекта, включая документы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ЮНЕСКО, и также организуют регулярные семинары, конференции и обучающие мероприятия по ответственному применению искусственного интеллекта. Консорциум активно взаимодействует с другими организациями и проектами, такими как Партнерство по искусственному интеллекту (Partnership on AI), в целях обмена опытом и знаниями в области ответственного искусственного интеллекта.

Таким образом, искусственный интеллект активно внедряется в правовую сферу, что вызывает необходимость его регу-

лирования. Основные цели регулирования ИИ в этой области — обеспечение эффективности и справедливости правосудия, защита прав и свобод человека, а также обеспечение прозрачности и подотчетности использования ИИ. Для достижения этих целей предлагаются следующие меры:

- создание специализированных нормативных актов по вопросам использования ИИ,
- разработка этических принципов применения ИИ в правовой системе;
- обеспечение прозрачности и открытости алгоритмов ИИ;
- создание системы контроля и мониторинга за применением ИИ;
- повышение осведомленности о рисках и возможностях использования ИИ.

Для реализации этих мер предлагается:

- продолжать изучать и анализировать лучшие практики регулирования ИИ;
- развивать международное сотрудничество в данной области;
- учитывать мнения экспертов из областей права, искусственного интеллекта и этики при создании нормативных актов;
- обеспечить доступность информации о работе алгоритмов.

Правовое регулирование искусственного интеллекта является сложной и многогранной задачей, требующей тщательного подхода.

Военно-административное право

О некоторых направлениях правовой регламентации цифровизации документооборота в воинских формированиях

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии

Аннотация. В статье анализируются вопросы внедрения в деятельность органов военного управления систем электронного документооборота и систем поддержки принятия решений, а также оформление указанных новшеств технологического прогресса соответствующими нормами права. Выявляя положительные стороны перевода документов в электронную форму в военных министерствах и ведомствах, автор в то же время определяет те сферы деятельности, которые необходимо регламентировать правовыми актами в целях оптимизации управленческой деятельности и недопущения нарушения прав личного состава. Кроме того, затрагиваются вопросы распределения ответственности между лицом, принимающим решение, автоматизированной системой, предлагающей вариант решения (ее оператором), и разработчиком данной системы.

Ключевые слова: военное управление, электронный документооборот, система поддержки принятия решений, цифровое право, рапорт, баланс ответственности, единоначалие, согласование документов. дебюрократизация, автоматизация управления.

On some areas of legal regulation of digitalization of document management in military formations

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National
Guard Troops

Abstract. The article analyzes the issues of the introduction of electronic document management systems and decision support systems into the activities of military authorities, as well as the design of these innovations of technological progress by appropriate legal norms. Identifying the positive aspects of converting documents into electronic form in military ministries and departments, the author at the same time identifies those areas of activity that need to be regulated by legal acts in order to optimize management activities and prevent violations of the rights of personnel. In addition, the issues of distribution of responsibility between the decision-maker, the automated system offering a solution (its operator), and the developer of this system are discussed.

Keywords: military administration, electronic document management, decision support system, digital law, report, balance of responsibility, unity of command, coordination of documents. de-bureaucratization, automation of management.

Управленческая деятельность любого командира (начальника) во многом сводится к принятию разнообразных решений, выбору из различных возможных вариантов действий самого рационального и соответствующего обстановке и требованиям

законодательства в целях разрешения возникших насущных вопросов. Работать механически, выполняя заданный алгоритм, при котором априори не могут возникнуть нештатные ситуации — функция простого технического исполнителя, руководитель

же должен уметь принимать решения, проводить их в жизнь и брать за них ответственность.

Процесс принятия должностным лицом решений может быть длительным и включать этапы сбора информации, согласований, проверку на соответствие законодательству либо критериям эффективности и т.п., а может происходить «мимоходом». Во многом этот процесс зависит и от того, насколько труден поставленный вопрос, необходимо ли руководителю самому формулировать принятое решение либо он может поручить подготовить проект решения одному из подчиненных, а сам впоследствии лишь одобрить или не одобрить его.

В ситуациях, когда необходимо принимать решения в сферах, в которых руководитель не является специалистом, большую часть подготовительной работы фактически осуществляют подчиненные этого руководителя, чья сфера деятельности и квалификация наиболее близки к рассматриваемому вопросу (то есть по вопросу совершения марша колонны автомобилей, например, — должностные лица технической части, в вопросах перевода военнослужащих к новому месту службы — должностные лица кадровых или мобилизационных органов и т.п.) Именно они проводят анализ касающейся будущего решения информации, согласование будущего решения и его этапов с задействованными в его исполнении лицами, расчеты выделения необходимых ресурсов, подготовку проекта решения. Как пишет О.В. Тиханычев, для того, чтобы решения были обоснованными, кто-то всё-таки должен решать задачи: собирать и обобщать данные, вычислять величину и направление управляющих воздействий, прогнозировать последствия их реализации, разрабатывать управляющие документы. И для того, чтобы руководитель мог принять рациональное решение, требуется кропотливый труд многих специалистов, готовящих данные для него¹.

¹ Тиханычев О.В. Теория и практика автоматизации поддержки принятия решений. М.: Эдитус, 2008. С. 4.

Но подписывать представленный подчиненными документ, содержащий итоговое решение вопроса, приходится самому руководителю, поскольку только он вправе принимать решения от имени возглавляемого органа управления, только он вправе подписывать некоторые служебные документы, только с его подписью такие документы приобретают юридическую силу и способность порождать права и обязанности для третьих лиц².

Таким образом, важно различать функцию подписания (утверждения, одобрения, придания юридической силы иным способом) служебному документу (за это отвечает обычно руководитель) и функцию по подготовке проекта данного документа (отвечает непосредственный исполнитель документа).

Следует согласиться с некоторыми авторами в том, что в военной среде акт принятия окончательного командирского решения подвержен значительной роли субъективного фактора при одновременном относительно слабом его обосновании. Указанная тенденция объясняется тем, что согласно принципу единоначалия, воинские руководители вообще не должны хотя бы кратко объяснять и обосновывать принимаемые ими решения исполнителям данных решений — своим подчиненным. Командирское усмотрение никто не отменял³. А введенная еще в Петровские времена технология принятия решений не претерпела кардинальных изменений и поныне, и базируется сугубо на переработке только информации, поступающей к начальнику в устном, письменном или другом привычном виде. И, несмотря на общемировую тенденцию внедрения средств автоматизации и цифровизацию управленческой деятельности, в военной среде процессы пе-

² Борков В.Н., Глухов Е.А. О принятии решений за пределами компетентности руководителями публичных органов власти (на примерах приемки выполненных контрагентами работ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 10. С. 47—58.

³ Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2007. № 2. С. 7—12.

реработки управленческой информации зачастую технически не поддерживаются¹.

Указанный фактор и будет рассматриваться автором в качестве предмета настоящей статьи, но не с точки зрения изучения технических возможностей современных систем поддержки принятия решений командиром (начальником), а с точки зрения надлежащего правового оформления функционирования подобных систем.

Анализ разнообразных источников указывает на то, что общепринятого единого подхода к определению «цифровизации» в научной среде не выработано². Так, в одном из ведомственных приказов Минкомсвязи России под цифровизацией предлагается понимать процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности, ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов³.

В ведомственных документах Росгвардии под цифровизацией понимается комплекс работ, направленных на внедрение современных инновационных технологий во все виды деятельности Росгвардии, создание (развитие) единого аппаратно-программного комплекса с применением технических средств и информационных технологий для управления основными видами деятельности, сопровождения, развития и замены во всех сферах деятельности традиционных технологий на более эффективные информационно-телекоммуникационные технологии⁴.

Некоторыми авторами цифровизация понимается в качестве механизма улучшения текущих процессов посредством внедрения информационных технологий, оптимизации и реинжиниринга, а также анализа данных для принятия решений⁵. В самом обобщенном виде под цифровизацией необходимо понимать процесс перехода с аналогового способа передачи информации на цифровой.

Таким образом, цифровизация интерпретируется в качестве процесса внедрения инновационных инструментов, которые позволяют повысить эффективность и оптимизировать функционирование как отдельных объектов (пусковые установки, пункт управления), так и субъектов цифровизации (государственные органы, их руководители и должностные лица).

Важным аспектом рассматриваемой новации является то, что цифровизация помогает выполнять рутинные задачи и нередко разрабатывать различные управленческие решения (их проекты) без участия человека⁶. Более того, принцип экономической целесообразности технологических разработок предусматривает сочетание экономичности (минимизации затрат времени и иных ресурсов на выполнение технологических разработок), продуктивности (их экономической эффективности) и результативности (степени достижения конечных целей деятельности)⁷.

После получения и анализа всех необходимых данных цифровые технологии по различным критериям способны выбирать наилучшие варианты решений из множе-

¹ Сорокин В.И., Морозов В.В. Анализ возможности применения систем поддержки принятия решений при планировании // Вестник НИЦ ВА РВСН. 2021. № 2. С. 39—45.

² Шеншин В.М. О реализации Росгвардией комплексной задачи по цифровому развитию // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10. С. 83—85.

³ Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"».

⁴ Директива Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 22 июня 2023 г. № Д-1 «О приоритетных направлениях развития войск национальной гвардии Россий-

ской Федерации в области информационных технологий и защите информации на период 2023—2028 годов».

⁵ Потапова Е.Г., Потеева П.М., Шклярчук М.С. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить. М.: РАНХиГС, 2021. С. 32.

⁶ Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2024).

⁷ Концепции технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

ства возможных, а также упорядочивать их по предпочтительности в зависимости от возможных переменных и их «весовых» критериев.

Немаловажным для повышения эффективности управленческой деятельности является и оперативность принятия решений. Построенная на основе современных цифровых технологий система управления обретает возможность принимать решения буквально в режиме реального времени с помощью прогностической аналитики больших данных, в том числе цифровых профилей и цифровых следов взаимодействующих с ней граждан и организаций.

Конечно, в настоящее время автоматизированные системы несовершенны и не могут заменить человека в деле принятия решений. Одним из главных аргументов против замены людей, принимающих решения, машинами является то, что компьютеры не всегда можно заранее запрограммировать, чтобы справиться со всеми возможными случайностями, которые могут возникнуть в нестандартных или непредвиденных ситуациях. Компьютеры по-прежнему не умеют импровизировать и решать нетривиальные задачи¹.

Несмотря на существенное значение, придаваемое системам поддержки принятия решений (СППР) в существующих информационных и телекоммуникационных технологиях в сфере государственного управления, отдельного нормативного правового акта, регламентирующего их создание и использование, в Российской Федерации не принято². Отчасти это связано с традиционным запаздыванием правового регулирования от технического прогресса, а отчасти — из-за несовпадения лингвистических формулировок законодательства с логикой машинного кода. Причины принятия ими тех или иных решений

компьютерной программой нередко не могут быть осознаны человеческим разумом, поскольку не основываются на привычной человеку логике, а имеют в своей основе совсем иные предпосылки. В результате должностные лица, деятельность которых они обеспечивают, не имеют возможности (а часто и не хотят) перепроверять выводы, сделанные компьютером или даже разобраться в логике предоставленных результатов. На практике это приводит к тому, что правоприменительные функции опять-таки переходят от человека к технологиям³.

В свое время основоположник Computer Law (компьютерного права) профессор Л. Лессиг сформулировал тезис о том, что «технические нормы могут заменять некоторые ценности, а технические коды в некоторой степени заменять законы реального мира», поскольку «они позволяют более ловко и изворотливо регулировать и дисциплинировать участников отношений и являются инструментом, способным благоприятно заменять другие способы регулирования»⁴.

Поэтому следует признать, что развитие современных технологий привело к формированию новых форм взаимодействия между людьми и, соответственно, появлению новых общественных отношений, в основном возникающих по поводу информации и функционирования компьютерных технологий. В свою очередь, любые общественные отношения в той или иной степени должны быть урегулированы правом. Следовательно, широкому внедрению цифровизации будет не только способствовать ее соответствующее нормативно-правовое регулирование, но и задавать направления дальнейшего развития технологий на службе публичных структур.

¹ Бахтаирова Е.А. Цифровая трансформация государственного управления и новая электронная бюрократия // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2673—2692.

² Шайдаев М.Ш. К вопросу о правовой регламентации создания и развития систем поддержки принятия решений в управленческих информационно-телекоммуникационных технологиях // Академическая мысль. 2023. № 2. С. 166—169.

³ Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: НОРМА, 2023.

⁴ Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. Цит. по: Архипов В.В. Интернет-право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2016. С. 93.

Первые конкретизированные положения законодательства, регламентирующие использование систем поддержки принятия решений, стали появляться в нормативно-правовых актах и руководящих документах Российской Федерации, начиная с 2013 г. Например, в сфере оборонно-промышленного комплекса в число наиболее перспективных с точки зрения технологического развития направлений исследований в области информационных технологий включены программные технологии поддержки принятия решений в реальном времени с элементами искусственного интеллекта¹.

В одном из докладов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека указано на отсутствие в нынешнем правовом поле нашей страны кодекса или иного единого свода законодательных норм, как, например, Правил дорожного движения, которые регулировали бы процессы в цифровом пространстве. Поэтому правовое регулирование цифровых процессов является достаточно актуальным вопросом современного законодательства².

Между тем, достижения научно-технического прогресса применяются и в сфере военного управления, где автоматизация труда выражается в постепенном повышении доли объективной (рациональной) составляющей в принимаемых решениях. Сначала появились простейшие расчётные и вероятностные методики, потом средства автоматизации вычислений, в дальнейшем средства поддержки принятия управленческих решений становились всё сложнее и совершеннее. Активное развитие информационных технологий, их внедрение в процессы управления войска-

ми (силами) позволяет часть функций органов военного управления по сбору и обработке информации, формированию документов, доведению управляющих воздействий и контролю выполнения мероприятий реализовать в автоматизированном режиме. Практическим инструментом воинских должностных лиц стали системы поддержки принятия решений, что позволяет снизить субъективный фактор в деятельности руководителя³. Кроме того, поскольку компьютерные программы задают жесткие правила и порядок работы, а электронная система не позволяет сотрудникам нарушить эти правила, то повышается и антикоррупционный потенциал управленческой деятельности.

Однако указанные выше тенденции цифровизации военного управления еще далеки от завершения, цифровые технологии внедряются в первую очередь в центральных органах военного управления и штабах объединений, группировок войск. На уровне же подразделений и воинской части процесс разработки и подготовки управленческих документов существенно не изменился.

Рассмотрим более подробно вопросы использования перспективных технологий цифровизации на примере принятия решений воинским должностным лицом по поступившим к нему документам от подчиненных.

Напомним, что в 2021 г. в России была разработана государственная информационная система «Типовое облачное решение системы электронного документооборота» (ГИС «ТОР СЭД»)⁴, которая постепенно будет внедряться во всех органах публичной власти, чтобы унифицировать работу с документами в электронном виде. Согласно положению о данной Государственной

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014—2020 годы и на перспективу до 2025 года».

² Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека // <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

³ Выпасняк В.И., Гуральник А.М., Тиханьчев О.В. Система поддержки принятия решений как «виртуальный штаб» // Военная мысль. 2015. № 2. С. 23—29.

⁴ Типовое облачное решение «Система электронного документооборота» // Официальный сайт НИИ «Восход» URL: <https://reg-torsed.voskhod.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

информационной системе¹ она создана для решения в т.ч. следующих задач:

- прием и первичная обработка входящих документов;
- предварительное рассмотрение входящих документов;
- регистрация входящих, исходящих и внутренних документов;
- рассмотрение документов руководством;
- доведение документов до исполнителей;
- подготовка проектов документов;
- согласование проектов документов;
- подписание проектов документов;
- определение мест хранения документов (копий документов) и включение документов (копий документов) в дела;
- обработка и отправка исходящих документов.

Согласно Приложению № 4 к Стратегическому направлению в области цифровой трансформации государственного управления² ГИС «ТОР СЭД» определена в качестве одного из приоритетных проектов государственного управления на ближайшую перспективу.

В 2021 г. в ТК РФ были закреплены статьи, регулирующие оформление и ведение документов в электронном виде. Электронный формат упрощает и ускоряет процесс обмена документами между работником и работодателем, позволяет унифицировать и собрать все документы в системе, что снижает риски утраты документов, хронологическая последовательность обмена документами становится определенной³.

В последнее десятилетие в деятельности органов военного управления активно

используются электронные документы⁴, внедряются системы электронного документооборота. При этом предполагается, что процесс управления опирается на обрабатываемые ЭВМ человеко-читаемые электронные документы, сформированные в два основных потока: идущие для принятия решения командиром (информация поступает снизу вверх) и идущие для исполнения и реализации подчиненными (информация поступает сверху вниз). Причем иерархичность связей в подобной схеме может быть не четко вертикальной, поскольку требующие исполнения документы могут запускать в оборот не только начальники для подчиненных, но и иные должностные лица, в чью компетенцию входит обработка данного вопроса. Поэтому такие обязательные элементы распорядительного акта как обязательность его исполнения и наличия власти, присущие приказу, в электронном документе могут быть «размыты», что актуализирует вопрос об ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) электронных документов.

Без сомнений, электронный документооборот облегчает жизнь как воинских должностных лиц органов военного управления, так и личного состава воинских формирований. В ракурсе трудовых отношений законодатель определяет перечень операций, представляющих собой электронный документооборот: это создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе⁵. Л.В. Зайцева верно указы-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 172 «О государственной информационной системе "Типовое облачное решение системы электронного документооборота"».

² Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р.

³ Чайка Л.Н. Отдельные аспекты ведения электронного документооборота в сфере трудовых отношений // Право и экономика. 2023. № 10. С. 54—58.

⁴ В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

⁵ Ст. 22.1 ТК РФ. Одновременно следует отметить, что в соответствии со ст. 11 ТК РФ нормы трудово-

вает, что системы электронного документооборота были созданы с целью повышения эффективности процессов управления при помощи ускорения распространения информации, необходимой для организации производства, ее унификации, строгого учета и контроля¹.

Системы электронного документооборота созданы практически во всех военных министерствах и ведомствах. Так, например, в войсках национальной гвардии согласование проектов исходящих (отправляемых) документов, подготовленных в форме электронных документов, осуществляется непосредственно в системе электронного документооборота². Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации³ также предусматривается изготовление и согласование правовых актов в электронном формате путем использования электронной цифровой подписи.

Такой порядок позволяет не тратить время на хождение по кабинетам, стояние в очередях в ожидании приема, использование метода параллельной работы разных должностных лиц с одним и тем же документом, достоверную фиксацию сроков отработки документа, оперативность внесения правок, удобство хранения и поиска документов и т. д.

Соответствующие аспекты подтверждаются материалами внутренней отчетности, социологических опросов и включенных наблюдений. Так, интегральная производительность в системе электронного документооборота в среднем повысилась более чем в 4,4 раза с момента ее

внедрения. Это буквально означает, что исполнитель документа на работу с ним тратит более чем вчетверо меньше времени, чем ранее, и получает больше рабочего времени, направленного на решение профессиональных задач⁴.

Вместе с тем, электронный документооборот не заменяет собой обычный, т.е. движение документов на бумажных носителях. Не у каждого военнослужащего есть служебный компьютер, да и не каждый компьютер коммутирован в сеть электронного документооборота. Военнослужащие по-прежнему пишут рапорта на бумаге и по-прежнему сами несут их на подпись старшим начальникам. Следовательно, введенные правила электронного документооборота позволяют решить частные задачи, говорить же о переходе на полностью автоматизированное управление в работе со служебными документами преждевременно.

В этом ракурсе автором предлагается постепенно внедрять автоматизированные системы принятия решений по поступающим рапортам подчиненных. Речь идет не о всех рапортах по всему спектру возможных проблем, а лишь по типовым ситуациям, например, о предоставлении военнослужащим основного отпуска, освобождения от исполнения обязанностей военной службы и т.п. В частности, необходимо освободить военнослужащих от необходимости самостоятельно проводить согласование своих рапортов со всеми должностными лицами, переведя указанную процедуру в электронный вид. Для этого необходимо создание технических условий, закрепление процедуры нормами права и получение согласия сотрудников на обработку их персональных данных⁵.

В настоящее же время, поскольку в типовой воинской части структурное подразделение делопроизводства принимает рапорта на рассмотрение только команди-

го права (за редким исключением) не распространяются на военнослужащих.

¹ Зайцева Л.В. Правовые аспекты применения локальных систем электронного документооборота для регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 36—39.

² Приказ Росгвардии от 30 июня 2022 г. № 212 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

³ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009.

⁴ Митина Т.Е. Совершенствование электронного документооборота в современных условиях работы правоохранительных органов // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 48—51.

⁵ Ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

ра воинской части уже со всеми визами согласований, то военнослужащие сами вынуждены со своими рапортами «ходить по кабинетам», отвлекаясь от исполнения своих прямых обязанностей. Предлагаемый подход не только уменьшит отрыв военнослужащих на бюрократическую волокиту, но и будет способствовать более рациональному планированию служебной деятельности, поскольку заранее и в электронной форме позволит предусмотреть вопросы несения службы в нарядах вместо подавшего рапорт о своем предстоящем отсутствии военнослужащего, закреплении вооружения, техники и иных материальных средств, своевременное оформление приказом временного исполнения обязанностей и т.п.

Так, рапорта (заявления) сотрудников о предоставлении им отпусков вполне могут быть обработаны компьютерной программой, которая произведет сравнении периода отпуска с графиком отпусков, с важными мероприятиями, проводимыми в это время в воинской части, в которых должен быть задействован автор рапорта (заявления), сопоставит выслугу лет военнослужащего с продолжительностью отпуска, рассчитает время на дорогу, и в конечном итоге, подготовит проект решения командира по рапорту (согласие либо несогласие). Проект подготовленного автоматизированной системой решения вполне вписывается в логику системы электронного документооборота и может храниться в ней наравне с уже действующими служебными документами¹.

В принципе, подобная компьютерная программа, сможет вполне рационально и самостоятельно и принять решение по данному рапорту, не задействуя при этом командира воинской части, но в этом случае вполне резонно возникает вопрос о лице, которое должно нести ответствен-

ность за принятое решение, влияющее на права и свободы заявителей².

В этом плане вполне справедлива будет позиция С.И. Носова, который указывает, что программный код может стать не просто инструментом для обработки информации и получения требуемого результата. Программный код, заложенный в приложение или информационную систему, приобретает совершенно иное значение, если это приложение или система являются единственным способом осуществления определенных прав и (или) обязанностей субъекта отношений³.

Следовательно, в ходе правового регулирования использования автоматизированных систем поддержки принятия решений необходимо подробно определять баланс полномочий и ответственности между оператором такой системы, принимающим решение лицом и разработчиком системы⁴.

В заключение следует отметить, что для реализации принципов интеллектуальной поддержки принятия решений необходимо проведение серьезных теоретических исследований и компьютерных экспериментов. Как показывает опыт работы в этой области, путь этот не простой, но обещающий существенное повышение эффективности военного управления, снижения уровня бюрократизации и коррумпированности. Однако эффективность управления не должна быть получена за счет нарушения либо ограничения прав взаимодействующих с воинскими начальниками их подчиненных.

Библиография

1. Амелин, Р.В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р.В. Амелин, С.Е. Чаннов. — Москва: НОРМА, 2023. — 280 с.

² Глухов Е.А. О правовом регулировании применения компьютерных программ в сфере управления войсками и оружием // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 73—81.

³ Носов С.И. Легитимность и легальность как правовые категории // Юрист. 2020. № 8. С. 43—49.

⁴ Глухов Е.А. Правовое регулирование деятельности органов военного управления в России : монография. М.: Русайнс, 2023.

¹ См.: Требования к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, учитывающих в том числе необходимость обработки посредством данных систем служебной информации ограниченного распространения, утв. приказом Минкомсвязи России от 2 сентября 2011 г. № 221.

2. Архипов, В.В. Интернет-право: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В.В. Архипов. — Москва, 2016. — 249 с.
3. Бахтаирова, Е.А. Цифровая трансформация государственного управления и новая электронная бюрократия / Е.А. Бахтаирова // Креативная экономика. — 2021. — Т. 15, № 6. — С. 2673—2692.
4. Борков, В.Н. О принятии решений за пределами компетентности руководителями публичных органов власти (на примерах приемки выполненных контрагентами работ) / В.Н. Борков, Е.А. Глухов // Lex Russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74, № 10 (179). — С. 47—58.
5. Выпасняк, В.И. Система поддержки принятия решений как «виртуальный штаб» / В.И. Выпасняк, А.М. Гуральник, О.В. Тиханычев // Военная мысль. — 2015. — № 2. — С. 23—29.
6. Глухов, Е.А. О правовом регулировании применения компьютерных программ в сфере управления войсками и оружием / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12. — С. 73—81.
7. Глухов, Е.А. Правовое регулирование деятельности органов военного управления в России : монография / Е.А. Глухов. — Москва: Русайнс, 2023. — 298 с.
8. Зайцева, Л.В. Правовые аспекты применения локальных систем электронного документооборота для регулирования трудовых отношений / Л.В. Зайцева // Трудовое право в России и за рубежом. — 2018. — № 3. — С. 36—39.
9. Корякин, В.М. Усмотрение в деятельности командира / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2007. — № 2. — С. 7—12.
10. Митина, Т.Е. Совершенствование электронного документооборота в современных условиях работы правоохранительных органов / Т.Е. Митина // Российская юстиция. — 2020. — № 10. — С. 48—51.
11. Носов, С.И. Легитимность и легальность как правовые категории / С.И. Носов // Юрист. — 2020. — № 8. — С. 43—49.
12. Потапова, Е.Г. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / Е.Г. Потапова, П.М. Потеева, М.С. Шклярчук. — Москва: РАНХиГС, 2021. — 184 с.
13. Сорокин, В.И. Анализ возможности применения систем поддержки принятия решений при планировании / В.И. Сорокин, В.В. Морозов // Вестник НИЦ ВА РВСН. — 2021. — № 2. — С. 39—45.
14. Тиханычев, О.В. Теория и практика автоматизации поддержки принятия решений / О.В. Тиханычев. — Москва: Эдитус, 2018. — 74 с.
15. Шайдаев, М.Ш. К вопросу о правовой регламентации создания и развития систем поддержки принятия решений в управленческих информационно-телекоммуникационных технологиях / М.Ш. Шайдаев // Академическая мысль. — 2023. — № 2. — С. 166—169.
16. Шеншин, В.М. О реализации Росгвардией комплексной задачи по цифровому развитию / В.М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 10. — С. 83—85.
17. Чайка, Л.Н. Отдельные аспекты ведения электронного документооборота в сфере трудовых отношений / Л.Н. Чайка // Право и экономика. — 2023. — № 10. — С. 54—58.

Нормотворческий процесс Министерства обороны Российской Федерации: необходимые новации в условиях специальной военной операции

© Малышева Лала Назимовна,
соискатель 20 кафедры (военного права)
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье предложены направления совершенствования реализации Министерством обороны Российской Федерации полномочий по нормативно-правовому регулированию деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Сформулирована авторская дефиниция «нормативный правовой акт Вооруженных Сил», а также предложения, касающиеся упорядочения деятельности по их разработке, изданию и государственной регистрации.

Ключевые слова: Вооруженные Силы; Министерство обороны; специальная военная операция; нормативно-правовое регулирование; нормативный правовой акт; мягкое право; чрезвычайное правовое регулирование; государственная регистрация.

The normative process of the Ministry of Defense of the Russian Federation: necessary innovations in the context of a special military operation

© Malysheva L.N.,
candidate of the 20th Chair (Military Law) of the
Federal State Educational Institution of Higher
Education "Prince Alexander Nevsky Military
University" of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

Annotation. The article suggests ways to improve the implementation by the Ministry of Defense of the Russian Federation of the powers to regulate the activities of the Armed Forces of the Russian Federation. The author's definition of the "normative legal act of the Armed Forces" is formulated, as well as proposals concerning the streamlining of the activities of the Armed Forces.

Keywords: Armed Forces; Ministry of Defense; special military operation; regulatory legal regulation; regulatory legal act; soft law; emergency legal regulation; state registration.

Правовая действительность России впервые задействовала понятие «специальная военная операция» (СВО). В современных условиях система государственного управления должна безотлагательно реагировать на новые обстоятельства, которые, «подсвечивая» ее слабые места, могут послужить катализатором для детекции и решения проблем.

Профессор Ю.А. Тихомиров¹, изучая компетенции публичных органов в критических ситуациях (под которыми он понимает условия, создающие объективные препятствия для нормальной реализации компетенций), пришел к выводу о необходимости гибкой адаптации этих компетенций, позволяющей сохранять устойчивость

¹ Тихомиров Ю.А. Динамика компетенций публичных органов в нормальных и критических условиях // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 5—16.

механизмов регулирования общественных отношений. Известный ученый предлагает в законах и положениях об органах власти четко определить режимы их деятельности в критических ситуациях, возможность временного приостановления отдельных полномочий и наделения дополнительными полномочиями.

То есть в России достигнуто осознание необходимости преобразования правовой системы для успешного и своевременного реагирования как на внешние вызовы (к которым относятся проведение специальной военной операции, беспрецедентное санкционное давление), так и на внутренние (хаотичность и неэффективность реагирования современного нормотворчества наряду со слабой реализацией принимаемых нормативных правовых актов, крушение старых правовых ориентиров и маяков в отсутствие новых, так называемый «кризис правовых идей»¹).

Вместе с тем установление чрезвычайного правового регулирования с передачей полномочий от гражданских военным властям сложившиеся обстоятельства не требуют, поскольку для этого отсутствуют объективные предпосылки (хаос, дезорганизация, сужение роли нормативно-правового регулирования²).

Целесообразно проверить гипотезу о необходимости наделения Министерства обороны Российской Федерации дополнительными полномочиями, позволяющим оптимизировать процесс управления Вооруженными Силами Российской Федерации в условиях СВО.

Проведем анализ правового положения Министерства обороны и уже предоставленных ему полномочий, по результатам которого рассмотрим их на предмет достаточности для выполнения военным ведомством своей основной задачи (нормативно-правовое регулирование деятельности Вооруженных Сил), затем выявим

факторы, которые могут затруднить выполнение этой задачи.

Правовое положение Министерства обороны обладает свойством дуализма: оборонное ведомство, являясь федеральным органом исполнительной власти, одновременно является и органом управления Вооруженными Силами.

Обратившись к полномочиям, законодательно возложенным на Министерство обороны, и проанализировав их, можно заключить, что нормативно-правовое регулирование в области обороны является основной задачей Министерства обороны как федерального органа исполнительной власти, а нормативно-правовое регулирование деятельности Вооруженных Сил — основной задачей ведомства в ипостаси органа управления Вооруженными Силами. Подтверждением этого вывода являются полномочия на издание нормативных правовых актов: они предоставлены и Министерству обороны (то есть федеральному органу исполнительной власти), и Министру обороны Российской Федерации, управляющему Вооруженными Силами через Министерство обороны.

Следовательно, Министерству обороны предоставлены полномочия на издание нормативных правовых актов:

— в качестве федерального органа исполнительной власти — при нормативно-правовом регулировании в области обороны;

— в качестве органа управления Вооруженными Силами — при нормативно-правовом регулировании деятельности Вооруженных Сил.

Выступая на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны, Президент Российской Федерации сказал, что смысл сегодняшних конфликтов состоит в том, чтобы быстрее и точнее реагировать на происходящие события и потребности тех, кто воюет на поле боя, и указал на целесообразность дальнейшего уточнения положений боевых документов, уставов и наставлений.

Для того, чтобы Армия могла безотлагательно и точно реагировать, требуется своевременное принятие необходимых решений, в том числе, в форме норматив-

¹ Воронкова М.Л. Правовые и духовные причины современного кризиса (научное эссе) // Гражданин и право. 2010. № 2. С. 38.

² Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014.

ных правовых актов. Чтобы выявить факторы, затрудняющие в условиях СВО эту деятельность, целесообразно рассмотреть процесс нормотворчества оборонного ведомства в обеих его ипостасях.

Однако сразу оговоримся, что информация, касающаяся издания Министерством обороны нормативных правовых актов в ипостаси органа управления Вооруженными Силами, отсутствует (проблема частичной реализации компетенции органами власти подробно освещена Ю.А. Тихомировым¹).

Обратимся к нормотворчеству федерального органа исполнительной власти. Для наглядности целесообразно проиллюстрировать, из каких этапов состоит унифицированный процесс подготовки и издания федеральным органом исполнительной власти нормативного правового акта (приказа)²:

- выявление проблемных вопросов и выработка механизма их решения;
- сопоставление выработанного механизма с законодательством и принятие решения о разработке проекта приказа;
- размещение в Интернете уведомления о разработке проекта приказа для общественного обсуждения (не менее 15 дней);
- разработка самого проекта приказа;
- согласование проекта приказа с заинтересованными органами;
- размещение в Интернете проекта приказа для общественного обсуждения и проведения независимой антикоррупционной экспертизы (не менее 15 и 7 дней соответственно);
- проведение правовой и антикоррупционной экспертиз проекта приказа перед подписанием;
- подписание министром;
- направление в Минюст России на государственную регистрацию;

— государственная регистрация Минюстом России (до 40 рабочих дней);

— опубликование в Интернете Минюстом России и последующее вступление в силу (через 10 дней после опубликования).

Как видно, такой порядок действий вряд ли может способствовать быстрому реагированию на стремительно меняющуюся в условиях специальной военной операции обстановку и безотлагательности издания Министерством обороны жизненно важных для управления Вооруженными Силами нормативных правовых актов.

Прохождение всех процедур в Министерстве обороны (выявление проблем и путей их решения, согласование с заинтересованными органами военного управления, правовая и антикоррупционная экспертизы, подписание Министром обороны) осуществляется оперативно благодаря специфике военной службы.

Что касается возможности сокращения сроков остальных этапов, осуществляемых вне Вооруженных Сил (общественное обсуждение, независимая антикоррупционная экспертиза, государственная регистрация Минюстом России, опубликование Минюстом России), то такая возможность у Министерства обороны отсутствует. И тот факт, что нормотворчество военного ведомства в период проведения СВО приобретает особую значимость не только для Армии, но и для всей нашей страны, в контексте данного вопроса до настоящего времени законодательно не нашел своего разрешения.

Таким образом, можно сформулировать первый фактор, который может отрицательно повлиять на управление Вооруженными Силами: значительные в условиях специальной военной операции временные затраты на прохождение всех установленных процедур при подготовке Министерством обороны нормативных правовых актов.

Сложившееся положение дел усугубляет еще и то обстоятельство, что в настоящее время издание нормативного правового акта возможно только при наличии на

¹ Тихомиров Ю.А. Указ. соч.

² Если проект приказа содержит ограничительную пометку либо гриф секретности, процедуры, связанные с размещением (опубликованием) изданного приказа) в Интернете, не осуществляются.

это четкой компетенции в актах более высокой юридической силы.

Здесь можно было бы сослаться на законодательно закрепленную за Министерством обороны (в качестве основной) задачу по нормативно-правовому регулированию в сфере обороны, а также на предоставленные полномочия на издание нормативных правовых актов. Однако эти обстоятельства фактически не имеют значения: указанные полномочия считаются общими и сами по себе не предоставляют права на издание нормативного правового акта, если его издание не предусмотрено актами более высокой юридической силы.

Это означает, что для разработки приказа Министра обороны требуется сначала принять федеральный конституционный закон, федеральный закон, акт Президента Российской Федерации или постановление Правительства Российской Федерации, где предусмотреть полномочия Министерства обороны на издание именно этого нормативного правового акта.

В качестве примера приведем приказ Министра обороны, устанавливающий правила оказания первой помощи военнослужащим в условиях боевых действий¹, для издания которого потребовалось сначала внести изменения в ст. 17.1 Федерального закона «Об обороне», преду-

смотрев четкую компетенцию на издание именно этого приказа².

Таким образом, можно сформулировать второй негативный фактор: обусловленность издания в Министерстве обороны нормативного правового акта необходимостью предварительного внесения изменений в федеральное законодательство.

Следующим проблемным вопросом является достаточно подробно изученный, давно обсуждаемый в профессиональной среде не только ученых, но и практиков пробел в российском законодательстве — отсутствие единой легальной дефиниции «нормативный правовой акт». Несмотря на то, что последний является основным источником права и играет ведущую роль в регулировании общественных отношений, единое его понятие в правовой действительности Российской Федерации до сих пор отсутствует. Множество исследований, проведенных видными учеными (Ю.А. Тихомиров, С.В. Бошно и др.)³, а также подготовка нескольких проектов профильного федерального закона практической реализации решения этого вопроса не повлекли.

Актуальность законодательного закрепления понятия «нормативный правовой акт» обусловлена не только теоретической, но и практической необходимостью. От этого зависит отнесение разрабатываемого правового акта к нормативным, что, в свою очередь, означает необходимость соблюдения перечня процедур, перечисленных выше, а также возможность применения изданного акта на практике (если правовой акт является нормативным и подлежащим государственной регистра-

¹ Приказ Министра обороны от 9 декабря 2022 г. № 760 «Об утверждении Перечня состояний, при которых оказывается первая помощь военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны, а также правил ее оказания».

² Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.1 Федерального закона «Об обороне» и статью 31 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

³ См., например: Тихомиров Ю.А., Рахманина Т.Н., Хабибулин А.Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88—93; Бошно С.В. Нормативный правовой акт: развитие признаков в правоприменительной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 4. С. 23—28.

ции, то применяться он может лишь после такой регистрации и опубликования).

Следует признать справедливым вывод ученых о том, что сложность определения единого понятия «нормативный правовой акт» обусловлена тем, что оно охватывает значительное количество разных официальных документов, издаваемых различными органами, ввиду чего единообразная регламентация всех нормативных правовых актов вряд ли возможна¹.

Вместе с тем установить легальную дефиницию «нормативный правовой акт Вооруженных Сил» представляется вполне возможным. За основу целесообразно взять сформулированные Верховным Судом Российской Федерации² признаки нормативного правового акта:

— издание акта в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом;

— наличие в акте правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Из приведенных Верховным Судом Российской Федерации примеров следует, что нормативность правового акта напрямую связана с неопределенным кругом лиц. Это могут быть акты об установлении границы территории, на которой осуществляется территориальное общественное самоуправление, об установлении гра-

ниц зон с особыми условиями использования территории и т.д. Действительно, они являются обязательными для неопределенного круга лиц: как физических (включая лиц без гражданства), так и юридических.

Здесь можно заключить, что правовой акт, нормы которого обязательны для определенного круга лиц (например, военнослужащих, личного состава Вооруженных Сил и т.д.), к нормативным правовым актам не относится. Вместе с тем практика такой вывод не подтверждает. Например, приказ Министра обороны, указанный выше, распространяется лишь на военнослужащих, однако Минюст России его зарегистрировал (что означает его отнесение к нормативным правовым актам).

Подводя общий итог, отметим, что в условиях проведения специальной военной операции существует необходимость глубокого осмысления вопросов, связанных с реализацией Министерством обороны полномочий по нормативно-правовому регулированию деятельности Армии в ипостаси органа управления Вооруженными Силами (не только федерального органа исполнительной власти).

Обширность затронутой в настоящей работе темы не позволяет исследовать все сопутствующие вопросы, однако детерминирует определение направлений дальнейшего (отдельного) исследования следующим образом.

1. Необходимо выработать критерии отделения сферы регулирования деятельности Вооруженных Сил от сферы обороны. Эти области можно соотнести как частное с общим. Деятельность Армии не может регулироваться вне обороны, однако сфера обороны не всегда означает только лишь деятельность Вооруженных Сил. Здесь можно оттолкнуться от отличительной черты военного управления, которой является обращенность «внутрь» Армии, к ее личному составу³, а также от специфики и предназначения Вооруженных Сил, яв-

¹ Подробнее см.: Крамской И.С., Лысенко В.А., Рязанова Н.А. К вопросу о дефинитивном ряде понятия «нормативно-правовой акт» // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 139—143; Джоусе-Иванина М. Нормативно-правовой акт в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2010.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

³ Глухов Е.А. Методы и формы правового регулирования военно-управленческих отношений // Военное право. 2023. № 1(77). С. 47.

ляющихся достаточно закрытым государственным институтом¹. Критерием декантации акта, изданного в области регулирования деятельности Вооруженных Сил, от акта, изданного в области обороны, может быть наличие прямых предписаний для Вооруженных Сил (органов военного управления, воинских частей, должностных лиц Вооруженных Сил).

2. Необходимо сформулировать дефиницию «нормативный правовой акт Вооруженных Сил». Проработку этого вопроса можно осуществить, опираясь на позицию Верховного Суда Российской Федерации, исследования отечественных правоведов о соотношении административного и военного законодательства, а также сложившуюся практику. Под нормативным правовым актом Вооруженных Сил следует понимать официальный документ, изданный (подписанный, утвержденный) уполномоченным должностным лицом или органом военного управления Вооруженных Сил в пределах компетенции и направленный на установление, изменение, прекращение или приостановление действия правовых норм, то есть обязательных предписаний постоянного или временного характера, распространяющихся на неопределенный круг либо однородную категорию лиц и рассчитанный на неоднократное применение.

3. Необходимо определить оптимальный порядок подготовки, издания, государственной регистрации и вступления в силу нормативных правовых актов Вооруженных Сил. Здесь следует оттолкнуться от опыта, полученного Министерством обороны в ипостаси федерального органа

исполнительной власти, чтобы исключить процедуры, неоправданно замедляющие эту деятельность.

К таким процедурам следует отнести государственную регистрацию, осуществляемую Минюстом России. Срок рассмотрения в юридическом ведомстве поступившего приказа Министра обороны — до 40 рабочих дней, что в условиях проведения специальной военной операции представляется недопустимым.

Здесь можно предложить два варианта решения вопроса: первый — возложить функции по государственной регистрации нормативных правовых актов Вооруженных Сил на Министерство обороны, второй — отказаться от такой регистрации вовсе.

В обоснование первого подхода можно привести следующие доводы.

Все процедуры, составляющие суть государственной регистрации, приказ Министра обороны еще на стадии проекта проходит до его подписания. Следовательно, нормативный правовой акт фактически подвергается проведению одних и тех же процедур дважды: первый раз юристами Министерства обороны, второй — юристами Минюста России.

При том, что установленные требования к юристам обоих ведомств качественно не отличаются (имеется в виду отсутствие для сотрудников Минюста России критериев, позволяющих предположить наличие у них более высокой квалификации, большего опыта работы, ученой степени и т.п.), в Министерстве обороны предусмотрена военная служба, что обеспечивает круглосуточную работу и оперативность. Кроме того, для рассмотрения нормативных правовых актов Министерства обороны, помимо классического юридического образования и опыта работы, необходимо знание особенностей военного права, военной администрации² и структуры Вооруженных Сил.

¹ Лапатников В.А. Специальная военная операция (антикоррупционный аспект) // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современных условиях: теория и практика : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 декабря 2022 года / Под ред. С.В. Горбачевой, М.В. Балалаевой. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», — 2023. — С. 68-75.

² Чернявский А.Г., Емельянова А.И. Правовое обеспечение действий войск (сил) в Вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и

Чтобы предвосхитить возражения о вероятности возникновения конфликта интересов, когда нормативные правовые акты будет и издавать, и регистрировать одно и то же ведомство (Министерство обороны), следует отметить тот факт, что нормативные правовые акты Минюста России регистрируются им же.

В России имеются прецеденты возложения органами власти на свое юридическое подразделение полномочий по государственной регистрации нормативных правовых актов. Например, в Республике Саха (Якутия), где эти функции возложены на Департамент по государственно-правовым вопросам Администрации Главы Республики Саха (Якутия) и Правительства Республики Саха (Якутия).

Второй подход (отказ от государственной регистрации) можно подкрепить имеющейся практикой.

Так, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлено, что нормативные правовые акты Центральной избирательной комиссии (являющейся федеральным государственным органом) государственной регистрации не подлежат. Еще одним примером выступает Республика Карелия, где государственная регистрация нормативных правовых актов органов исполнительной власти не осуществляется.

Отсутствие необходимости в направлении приказа Министра обороны в другой орган власти избавит Вооруженные Силы от значительных в условиях СВО временных затрат на оформление сопроводительного комплекта документов, доставку их в Минюст России, повторное проведение (уже юристами Минюста России) правовой и антикоррупционной экспертиз в рамках процедуры государственной регистрации.

В заключение настоящей работы отметим следующее. Положительным фактором является то обстоятельство, что правовое положение Министерства обороны и

предоставленные ему полномочия на издание нормативных правовых актов исключают необходимость наделения оборонного ведомства какими-либо дополнительными полномочиями для нормативно-правового регулирования деятельности Вооруженных Сил в условиях проведения специальной военной операции.

Настоящее время обуславливает необходимость глубокого осмысления путей реализации Министерством обороны полномочий органа управления Вооруженными Силами (не только федерального органа исполнительно власти).

Проведение специальной военной операции должно послужить стимулом для научного поиска путей устранения факторов, способных усложнить (замедлить) руководство и управление Вооруженными Силами.

Реализация сформулированных предложений, касающихся определения понятия нормативного правового акта Вооруженных Сил, а также порядка их разработки, издания, государственной регистрации и вступления в силу, возможна путем издания Указа Президента Российской Федерации «О нормативных правовых актах Вооруженных Сил Российской Федерации» либо внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «Об обороне».

Библиография

1. Бошно, С.В. Нормативный правовой акт: развитие признаков в правоприменительной практике С.В. Бошно // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 4. — С. 23—28.
2. Воронкова, М.Л. Правовые и духовные причины современного кризиса (научное эссе) / М.Л. Воронкова // Гражданин и право. — 2010. — № 2. — С. 38—48.
3. Глухов, Е.А. Методы и формы правового регулирования военно-управленческих отношений / Е.А. Глухов // Военное право. — 2023. — № 1(77). — С. 43—53.
4. Крамской, И.С. К вопросу о дефинитивном ряде понятия «нормативно-правовой акт» / И.С. Крамской, В.А. Лысенко, Н.А. Рязанова // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 4. — С. 139—143.
5. Лапатников, В.А. Специальная военная операция (антикоррупционный аспект) / В.А. Лапатников // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современных условиях: теория и практика : Сборник научных трудов Всерос-

сийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 декабря 2022 г. / Под ред. С.В. Горбачевой, М.В. Балалаевой. — Нижний Новгород: Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. — С. 68—75.

6. Тихомиров, Ю.А. Динамика компетенций публичных органов в нормальных и критических условиях / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2021. — № 3. — С. 5—16.

7. Тихомиров, Ю.А. Закон о нормативных правовых актах —актуальная повестка дня /

Ю.А. Тихомиров, Т.Н. Рахманина, А.Г. Хабибулин // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 88—93.

8. Чернявский, А.Г. Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности / А.Г. Чернявский, А.И. Емельянова // Вестник военного права. — 2019. — № 2. — С. 21—30.

9. Шмидт, Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шмидт Татьяна Николаевна. — Барнаул, 2014.

Совершенствование организационно-штатной структуры военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

© Минтягов Станислав Андреевич,
юрист, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты организационного (структурного) построения военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации. Проведён сравнительный анализ с другими военными правоохранительными органами, выявлены преимущества и недостатки различных вариантов построения военной полиции, а также обоснован наиболее эффективный из них.

Ключевые слова: военная полиция, структура, организация, правоохранительные функции.

Improving the organizational and staff structure of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation

© Mintyagov S.A.,
lawyer in the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract. The article considers various variants of organizational (structural) arrangement of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation. A comparative analysis with other military law enforcement agencies is carried out, the advantages and disadvantages of different variants of the military police organization are revealed, and the most effective of them is substantiated.

Keywords: military police, structure, organization, law enforcement functions.

Со времени создания военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации прошло же более 10 лет¹, в связи с чем имеется возможность и потребность подвести некоторые итоги ее деятельности и определить перспективы ее развития. К основным направлениям совершенствования организационных основ деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации безусловно относится организационно-штатное построение её органов, воинских частей и подразделений. За время деятельности военной полиции её организационно-штатная структура неоднократно изменялась.

При изучении организационно-штатной структуры военной полиции следует отметить, что улучшение системы управления является непрерывным процессом. Этот процесс присущ всем социальным системам, подверженным воздействию различных объективных факторов, постоянно изменяющихся по своему содержанию и влиянию на системы².

Изучение П.В. Ачаловым структуры и численности военной полиции в различных странах (Болгария, Великобритания, Германия, Израиль, Италия, Казахстан, Китай, Латвия, Польша, США, Украина, Франция, Япония) позволило автору сделать вывод о том, что организационная структура и степень подчинённости орга-

¹ Корякин В.М. Деятельность военной полиции в Российской Федерации узаконена (обзорный комментарий к Федеральному закону от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 3. С. 2—5.

² Долинин А.Ю. Организация и правовые основы организационно-штатной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006.

нов военной полиции определяются, с одной стороны, историческим прошлым (традициями и выполняемыми задачами), а с другой стороны — организационной структурой и численностью вооруженных сил, находящихся в сфере ответственности военной полиции¹.

Указанный автор выявил следующие принципы организационной структуры органов военной полиции различных стран мира:

1) соответствие структуры военной полиции её функциям и полномочиям (каждая функция или группа функций военной полиции обычно имеет определённое структурное подразделение);

2) структурно военная полиция соответствует структуре вооруженных сил как в разделении на различные виды и роды войск (в составе военной полиции обычно выделяются структуры, обслуживающие соответствующие виды и роды войск вооруженных сил), так и с точки зрения их территориального расположения².

Данные принципы организационного построения, по нашему мнению, применимы и для российской военной полиции. Однако учитывая географические особенности Российской Федерации и военно-административное деление Вооруженных Сил, а также расположение отдельных гарнизонов на значительном удалении от административных центров, деятельность военной полиции может быть существенно ограничена.

Решением данной проблемы может быть введение представителей начальников территориальных органов военной полиции, например, таких, как участковые уполномоченные военной полиции или переподчинение войсковых подразделений военной полиции военным комендатурам гарнизонов. Данные представители будут находиться при воинских частях и обладать всеми полномочиями военных полицейских. Особенно это важно при прове-

дении неотложных следственных действий по уголовному делу, проведении следственных проверок и разбирательств по дисциплинарным проступкам.

Изучая вопросы деятельности военной полиции, некоторыми авторами предлагались различные модели её организационного построения.

Так, например, И.Б. Казакова и В.Н. Галузо предлагали наделить военную полицию статусом органа государственной безопасности, с включением в систему органов государственной безопасности в качестве одного из самостоятельных видов. При этом приводится исчерпывающий перечень таких органов: Совет Безопасности Российской Федерации; органы федеральной службы безопасности; органы внешней разведки; федеральные органы государственной охраны; органы федеральной фельдъегерской связи; органы пожарной безопасности; органы военной полиции³.

О.И. Лозинский, рассматривая необходимость координации правоохранительной деятельности органов военной полиции, обосновывал это тем, что в соответствии с п. 4 ст. 25 и ст. 25.1 Федерального закона «Об обороне» военная полиция, являясь составной частью Вооруженных Сил, принимает участие в обеспечении законности в Вооруженных Силах. А в соответствии с п. 1 ст. 25 указанного закона надзор за законностью в Вооруженных Силах осуществляется Генеральным прокурором и подчинёнными ему военными прокурорами, что свидетельствует о необходимости организации и осуществления координации действий по борьбе с преступными проявлениями, осуществляемых военной полицией⁴.

Также, в обосновании своей позиции, вышеназванный автор приводит положе-

¹ Ачалов П.В. Правовое регулирование деятельности военной полиции за рубежом (на примере США и ФРГ) : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2000. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Казакова И.Б., Галузо В.Н. Военная полиция в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство: Теория и практика. 2016. № 1 (133). С. 121—125.

⁴ Лозинский О.И. Необходимость координации прокуратурой правоохранительной деятельности органов военной полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 214—216.

ние некоторых правоустанавливающих нормативно-правовых актов, где указано, что начальники региональных и территориальных органов военной полиции взаимодействуют с руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, руководителями территориальных федеральных органов исполнительной власти, руководителями иных государственных органов, должностными лицами органов военной прокуратуры и другими правоохранительными органами. Тем самым, факт нормативно-правового закрепления законодателем компетенции начальников структурных подразделений военной полиции осуществлять названное взаимодействие свидетельствует и о том, что они уполномочены и обязаны принимать участие в осуществляемой прокуратурой координации действий правоохранительных органов по борьбе с преступными проявлениями, а прокуратура, в свою очередь, должна рассматривать их как равноправный субъект названной координации со всеми вытекающими отсюда организационно-правовыми решениями¹.

В своей статье указанный автор подтверждает, что большинство законодательно закреплённых направлений деятельности и функций военной полиции соответствуют нормам федеральных законодательных актов, регламентирующих их деятельность именно как правоохранительных органов в Российской Федерации.

По мнению А.Б. Лобода, в организационном плане структура военной полиции могла бы включать криминальную военную полицию и военную полицию общественной безопасности. Первой задачей должна быть в борьба с преступностью (оперативно-розыскные и следственные функции); второй — обеспечение общественного порядка: несение патрульно-постовой службы, контроль безопасности дорожного движения с участием военной техники, охрана и досмотр военных грузов, охрана и конвоирование военнослу-

жащих, содержащихся под стражей, и выполнение иных подобных функций².

Действующая на сегодняшний день организационно-штатная структура военной полиции, на наш взгляд, не позволяет правильно распределить компетенцию между подразделениями, исходя из их функционального предназначения. В этой связи представляется целесообразным пересмотреть действующую организационно-штатную структуру органов и подразделений военной полиции и создать такую, которая создавала бы большие возможности для эффективной организации именно правоохранительной деятельности.

Рассмотрим различные варианты организационного построения военной полиции и постараемся выявить преимущества и недостатки в той или иной системе.

Вариант № 1: военная полиция в составе Вооружённых Сил, выполняющая различные (правоохранительные и общевойсковые) функции.

Данный вариант организации деятельности действует в настоящее время и представляет собой довольно сложную структуру, где сочетаются различные задачи и функции, а также органы и подразделения военной полиции (правоохранительные, общевойсковые и военная автомобильная инспекция).

К преимуществам данной системы мы отнесём: оперативность выполнения задач; минимальный управленческий аппарат; непосредственное обеспечение правопорядка и придание мобильности войскам.

Недостатками, на наш взгляд, являются: децентрализация в управлении органами и подразделениями военной полиции; зависимость от армейского командования; приоритет общевойсковых задач над правоохранительными; выполнение задач, не относящихся к компетенции военной полиции; общее руководство военной полицией специалистами общевойскового про-

¹ Там же.

² Лобода А.Б. О необходимости создания военной полиции как субъекта реализации функции российского государства по охране правопорядка в Вооружённых Силах Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2006. № 9. С. 15—16.

филя, в связи с чем имеет место непонимание правоохранительной специфики.

Мы рассматриваем военную полицию как структуру, выполняющую специфические задачи и функции, такие же как, скажем, у подразделений противовоздушной обороны, авиации или военно-морского флота.

В 2010 г. армейские части вышеуказанных подразделений, а также флоты и Каспийская флотилия были переданы под командование военных округов с целью интеграции под единым окружным командованием или оперативно-стратегическим командованием. Армейские ПВО и авиация были призваны обеспечить мобильность сухопутных войск и оказывать им непосредственную огневую поддержку на поле боя. Функции Главного командования военно-воздушных сил сводились к материальному обеспечению и боевой подготовки.

Как тогда отметил Главнокомандующий военно-воздушными силами генерал-полковник А.Н. Зелин: «... передача армейской авиации и подразделений ПВО командующим округами делается для того, чтобы оптимизировать органы управления и сосредоточить основные силы и средства в войсках, что должно предотвратить хищения и утраты материальных средств и обеспечить жёсткую централизацию денежных потоков, предотвратить нецелевые расходы, все финансовые нарушения, которые, к сожалению, присутствуют в Вооруженных Силах, в том числе в ВВС»¹. Очень странное обоснование, на наш взгляд.

Но как мы знаем с 1 декабря 2023 г. армейские подразделения ПВО и армейская авиация вновь были переданы под непосредственное руководство Воздушно-космическими силами, а флоты и флотилия — Военно-Морскому Флоту.

Вариант № 2: военная полиция в составе Вооруженных Сил как отдельный вид (род) войск с делением на самостоя-

тельные службы: 1) Служба правопорядка (военная полиция); 2) Служба охраны и тыла; 3) Военная автомобильная инспекция. При этом, у каждой из служб будет приставка «Министерства обороны», как сейчас у ВАИ.

При данной организационной структуре руководители центрального и региональных органов осуществляют общее управление всей деятельностью органа. При этом они руководят двумя службами, которые достаточно автономны друг от друга, например, служба правопорядка и служба охраны и тыла. Одни подразделения (службы) занимаются правоохранительной деятельностью, в то время как другие выполняют общевоинские (иные) функции, которые должны носить вспомогательный характер. При этом структура, организация и согласование деятельности правоохранительных подразделений органов военной полиции будут выполняться по согласованию с органами военной прокуратуры. То есть, служба правопорядка будет иметь двойное подчинение. По специальным и кадровым вопросам её деятельность будет подконтрольна органам военной прокуратуры. Начальник службы правопорядка (военной полиции) должен соответствовать военной специальности в области военно-юридического профиля.

Преимущества такого построения: централизация управления органами и подразделениями военной полиции; относительная независимость от армейского командования; общевоинские функции становятся вспомогательными; единая практика правоприменения; руководство по специальным вопросам координирующим правоохранительным органом — военной прокуратурой.

Недостатки: смешение разных по свойствам задач (функций); потеря оперативности выполнения задач; общее управление специалистами общевоинского профиля; увеличение управленческого аппарата.

Говоря о централизации в управлении органами и подразделениями военной полиции, стоит ещё раз сказать о ранее упомянутых нами других армейских подразделениях (ПВО, авиация, флот).

¹ Интервью Главнокомандующего военно-воздушными силами ВС РФ генерал-полковника Зелина А.Н. URL: <https://rg.ru/2010/08/11/vvs-anons.html>.

Как отмечали эксперты, централизация управления армейской авиацией и ПВО имеет сразу несколько преимуществ: устранение недочётов в работе подразделений ПВО и авиации; повышение безопасности полётов; появление полной картины ведения боевых действий; создание единого радиолокационного и информационного поля; интеграция всех необходимых сил и средств; упрощение работы авиации; преодоление разногласий в работе¹.

Целью переподчинения всех флотов и Каспийской флотилии Главнокомандующему ВМФ являлось повышение эффективности в управлении². Соответственно, нахождение флотов в составе военных округов и их двойное подчинение создавало ряд проблем в функционировании ВМФ, а также удлиняло управленческую цепочку³.

Вариант №3: военная полиция в составе МВД России.

Данный вариант, ранее казавшийся автору нереалистичным, сегодня вполне заслуживает внимания. В настоящее время к военным правоохранительным органам мы относим военные следственные органы, органы военной прокуратуры, а также органы безопасности в Вооружённых Силах.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» военные следственные органы входят в общую систему Следственного комитета и приравняются к специализированным его подразделениям.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в систему органов прокуратуры входят военные прокуратуры.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации на основании ст. 2

Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», также имеет свои специализированные подразделения (управления, отделы) в области обеспечения безопасности в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях, а также в их органах управления, которые именуются органами безопасности в войсках.

Во всех вышеперечисленных органах их должностные лица из числа следователей, прокуроров, их помощников и оперуполномоченных имеют статус военнослужащих.

Таким образом, органы, обеспечивающие законность и безопасность в войсках, то есть военные правоохранительные органы, не входят в состав Вооружённых Сил и довольно успешно решают поставленные перед ними задачи.

Стоит сказать, что вопрос создания военной полиции в структуре МВД России уже поднимался в нашей истории. Так, в 1991 г. в Бюллетене Главной военной прокуратуры была опубликована статья, в которой обосновывалась необходимость создания военной милиции⁴. В данной статье была дана характеристика проблем, связанных с отсутствием военных специализированных органов правопорядка в армии, и предложено создание военной милиции. В функции и задачи данной структуры предлагалось включить те же задачи, что и выполняемые органами внутренних дел, но с учётом военной специфики. На военную милицию планировалось возложить обязанности по охране общественного и воинского порядка, розыскную деятельность и профилактику правонарушений в воинских частях.

В 1992 г. в России вновь заговорили о создании военной милиции. Данную идею высказали в Генеральной прокуратуре и предложили создать ее территориальные органы по гарнизонному принципу. При этом в данных органах предусматривалось создание различных служб и отделов

¹ URL: https://dzen.ru/a/Y_yQ5CCGcVQwfrXv.

² Заявление Министра обороны Российской Федерации генерала армии Шойгу С.К. URL: <https://rg.ru/2023/11/21/shojgu-soobshchil-o-perepodchinenii-flotov-i-kaspijskoj-flotilii-glavkomu-vmf.html>.

³ URL: <https://vz.ru/news/2023/4/24/1208890.html>.

⁴ См.: Поросков П.В. Создавать военную милицию? // Информационный бюллетень Главной военной прокуратуры. 1991. № 2 (140). С. 32—35.

(криминальной, по борьбе с экономическими преступлениями и других).

На наш взгляд, вариант функционирования военной полиции в составе МВД России с возможностью осуществления полномочий оперативно-розыскной деятельности имеет больше преимуществ чем недостатков.

К преимуществам данного варианта мы отнесли: независимость от армейского командования; сосредоточение на основной цели — обеспечение законности и правопорядка; возможность осуществлять ОРД; взаимодействие с другими подразделениями МВД России, передача опыта борьбы с преступностью; снятие задач, не относящихся к компетенции военной полиции; единая практика правоприменения.

К недостаткам мы отнесли незначительное увеличение управленческого аппарата.

Боле того, у МВД России уже имеется опыт управления именно воинскими подразделениями, когда внутренние войска входили в состав МВД России.

Вариант № 4: военная полиция как самостоятельная структура (федеральный орган исполнительной власти).

Данный вариант имеет давнюю историю и берёт своё начало с 1994 г. А уже в 2000 г. был подготовлен проект закона «О военной полиции Российской Федерации», который рассматривался Государственной Думой и в соответствии с которым предусматривалось создание отдельной независимой структуры — федеральной военной полиции с полномочиями вести оперативно-розыскную деятельность и расследовать отдельные категории преступлений. Данный закон так и не бы принят¹.

В соответствии с вышеуказанным проектом закона на военную полицию возлагались следующие задачи: охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в связи с функционированием Вооруженных Сил; выявление

и пресечение правонарушений, совершённых военнослужащими, с полномочиями по расследованию уголовных дел и проведению оперативно-розыскных мероприятий; розыск и конвоирование нарушителей; профилактическая и воспитательная работа в Вооруженных Силах.

Ещё раз отметим, что согласно выше-названному законопроекту военная полиция предусматривалась как самостоятельный орган, который не входил в состав Вооруженных Сил и имел статус федеральной службы, которая напрямую подчинялась бы Президенту Российской Федерации.

Случаи, когда структурное подразделение федерального органа исполнительной власти, как правило из силового блока, выходило из состава этого органа и становилось самостоятельным государственным органом нам хорошо известны. К таковым отнесём Федеральную службу охраны, Службу внешней разведки и другие. Однако более близким для нас органом будут являться внутренние войска МВД России, преобразовавшиеся в Федеральную службу войск национальной гвардии (Росгвардия).

Сегодня Росгвардия чем-то напоминает военную полицию, поскольку в ней сочетаются задачи из сразу нескольких, относительно самостоятельных и разных областей (поддержание общественной безопасности и порядка, охрана объектов, борьба с диверсантами, вневедомственная охрана и лицензионно-разрешительная работа). Должностные лица Росгвардии имеют разные статусы (военнослужащие, государственные служащие (бывшей сотрудники полиции), федеральные государственные гражданские служащие и просто работники).

В этой связи встаёт вопрос: относится ли Росгвардия к правоохранительным органам? На него учёное сообщество отвечает по-разному.

Н.П. Герасимова, А.П. Корнев рассматривают Росгвардию как реализующую правоохранительные функции, отмечая при этом, что именно органы государственной власти способствуют реализации правоохранительной функции государства, которая заключается в защите прав и сво-

¹ Выступление депутата Государственной Думы Российской Федерации В.И. Бессонов по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил РФ // URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/127141.html>.

бод человека и гражданина на территории Российской Федерации¹.

Такие авторы, как А.Б. Винокур, П.С. Воробьев, В.К. Лис обращают внимание только на военную составляющую и приходят к выводу о том, что Росгвардия является крупнейшим органом, сосредоточенным на выполнении задач военными внутри государства, то есть усиленная военная организация для поддержания порядка внутри страны².

Мы близки к позиции М.Ю. Гарник, которая отмечает, что функции Росгвардии указывают на то, что она является неотъемлемым механизмом в системе правоохранительных органов, а правоохранительные функции выполняются отдельными подразделениями, специально на это уполномоченными³.

Причины, по которым складываются такие разные научные позиции, на наш взгляд, могут заключаться в том, что, во-первых, в Росгвардии сочетаются разные направления деятельности (военная и полицейская), во-вторых, каждый из авторов мог ранее проходить службу или причислять себя либо к военнослужащим, то есть к бывшим внутренним войскам, либо к полицейским подразделениям, перешедшим из МВД России, в связи с чем с какой-то одной спецификой знаком больше.

Напомним, что в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» должностные лица этого ведомства имеют разный статус, в основном одни являются военнослужащими, а другие сотрудниками полиции. Стоит

сказать, что профессионально-психологические (поведенческие) особенности у военнослужащих и полицейских разные. Так военнослужащие Росгвардии ближе к военнослужащим Вооружённых Сил Российской Федерации, а перешедшие из МВД России — соответственно к полиции.

Учитывая изложенное, складывающаяся система управления в военной полиции выглядит даже проще, поскольку подавляющее большинство должностных лиц являются военнослужащими⁴.

Если мы проанализируем деятельность военной полиции в зоне проведения специальной военной операции, то заметим, что её функции там во многом совпадают с функциями и задачами Росгвардии. На военную полицию в зоне специальной военной операции возложены как правоохранительные, так и иные (общевойсковые или специальные) функции.

К правоохранительным функциям можно отнести: поддержание воинского правопорядка (противодействие преступности) среди военнослужащих (проведение необходимых мероприятий с нарушителями); поддержание правопорядка и общественной безопасности в городах и других населённых пунктах и оказание содействия в этом местным правоохранительным органам.

К общевойсковым (специальным) отнесены⁵: охрана пунктов управления (штабов); охрана военнопленных во временных пунктах размещения; обеспечение безопасности дорожного движения; выполнение задач дорожно-комендантской службы; проведение гуманитарных мероприятий, а также обеспечение безопасности при их проведении; борьба с диверсионно-разведывательными группами и беспилотными летательными аппаратами; помощь в

¹ Герасимова Н.П. Государственно-правовое регулирование в правоохранительной деятельности // Международное право. Сравнительное правоведение. 2017. № 2 (13). С. 42—43; Коренев А.П. Административное право России. М., 2000. С. 57—58.

² Винокур А.Б. Статус Росгвардии // Правовые аспекты. 2019. № 4. С. 51; Воробьев П.С. Правоохранительные органы // Экономика и право. 2020. № 3. С. 28; Лис В.К. Правоохранительная функция государства // Актуальные вопросы. 2019. № 1. С. 38.

³ Гарник Л.Ю. Росгвардия как орган государственной власти по реализации правоохранительной функции государства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 4. С. 29.

⁴ В штате территориальных органов военной полиции на должностях юрисконсульты (дознавателей) состоят работники в статусе гражданского персонала Вооружённых Сил.

⁵ См. подробнее: Минтягов С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации в специальной военной операции // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 143—152.

эвакуации мирного населения из зоны боевых действий; участие в рабочих группах по работе с представителями администраций муниципальных образований по взаимодействию с мирным населением; охрана социальных объектов; разоружение и учёт сдавшихся участников территориальной обороны противника.

Таким образом, несмотря на то, что Росгвардия выполняет разноплановые функции, в том числе правоохранительные, она является отдельным государственным органом. Поэтому вполне допустим, что военная полиция, в случае её нахождения в составе МВД России, справится с возложенными на неё задачами.

К преимуществам данного построения отнесём: независимость от армейского командования; сосредоточение на основной

цели — обеспечение законности и безопасности дорожного движения; единая практика правоприменения.

Недостатками данной системы будут являться: увеличение государственного финансирования и увеличение управленческого аппарата.

Данный вариант не рассматривается нами как основной, поскольку численность военной полиции, а также нестратегический характер её задач и функций не позволяют претендовать на самостоятельный федеральный орган государственной власти.

В заключение для наглядности представим рассмотренные выше варианты построения военной полиции в виде таблицы (см. табл.).

Таблица

Варианты организационной структуры военной полиции Вооруженных Сил			
Вариант № 1	Вариант № 2	Вариант № 3	Вариант № 4
Военная полиция в составе Вооруженных Сил в подчинении войск (действующая в настоящее время)	Военная полиция в составе Вооруженных Сил как отдельный вид (род) войск с делением на самостоятельные службы: Служба правопорядка Служба охраны ВАИ	Военная полиция в составе МВД России (с полномочиями ОРД)	Военная полиция как самостоятельная структура (ФОИВ)
Задачи: 1) правоохранительные 2) общевойсковые 3) безопасность дорожного движения (ВАИ)	Задачи: 1) правоохранительные (Служба правопорядка) 2) общевойсковые (Служба охраны) 3) безопасность дорожного движения (ВАИ)	Задачи: 1) правоохранительные 2) безопасность дорожного движения Опыт: ВВ МВД РФ, ВСО СК РФ, военная прокуратура и др.	Задачи: 1) правоохранительные 2) безопасность дорожного движения
Преимущества: — оперативность в выполнении задач — минимальный управленческий аппарат — непосредственное обеспечение правопорядка и придание мобильности войскам	Преимущества: — централизация управления — относительная независимость от армейского командования; — общевойсковые функции становятся вспомогательными — единая практика правоприменения; — руководство по специальным вопросам координирующим правоохранительным органом — военной прокуратурой	Преимущества: — независимость от армейского командования; — сосредоточение на основной цели; — полномочия ОРД; — взаимодействие с др. подразделениями МВД, передача опыта борьбы с преступностью; — снятие задач, не относящихся к; — единая практика правоприменения	Преимущества: — независимость от армейского командования; — сосредоточение на основной цели — обеспечение законности и безопасности дорожного движения; — единая практика правоприменения
Недостатки: — децентрализация в управлении; — зависимость от ар-	Недостатки: — смешение разных по свойствам задач (функций);	Недостатки: — незначительное увеличение управленческого аппарата	Недостатки: — увеличение государственного финансирования;

<p>мейского командования; — приоритет общевое- ных задач над право- охранительными; — выполнение задач, не относящихся к компе- тенции военной поли- ции; — общее руководство специалистами общевой- скового профиля (непо- нимание правоохрани- тельной специфики)</p>	<p>— утрата оперативности в выполнении задач; — общее управление спе- циалистами общевойско- вого профиля; — увеличение управлен- ческого аппарата</p>		<p>— увеличение управлен- ческого аппарата</p>
---	--	--	--

Подводя итог, сделаем следующие вы-
воды:

1) каждый вариант построения воен-
ной полиции будет иметь как преимуще-
ства, так и недостатки;

2) в случае снятия с военной полиции
несвойственных для правоохранительных
органов задач больше подойдет вариант №
3, то есть военная полиция как структур-
ное подразделение МВД России;

3) если же отталкиваться от структу-
ры, при которой военная полиция находит-
ся в штате Вооруженных Сил, то наиболее
вероятен вариант № 2, при котором штат-
ная численность не увеличится, все задачи
сохранятся, но для повышения эффектив-
ности их выполнения необходимо будет
вывести военную полицию в ранг отдель-
ного вида (рода) войск, выделить подраз-
деления правопорядка и безопасности до-
рожного движения, обеспечить независи-
мость путём централизации управления и
по специальным вопросам подчинить во-
енной прокуратуре.

Обобщая вышесказанное, можно кон-
статировать, что современное состояние
правоохранительной деятельности военной
полиции свидетельствует о необходимости
придания ей уровня, необходимого в воен-
ное время. Одним из основных путей по-
вышения эффективности правоохрани-
тельной деятельности военной полиции
является совершенствование её организа-
ции, в частности структуры.

Библиография

1. Ачалов, П.В. Правовое регулирование дея-
тельности военной полиции за рубежом (на приме-
ре США и ФРГ) : дис. ... канд. юрид. наук /
П.В. Ачалов. — Москва, ВУ, 2000.

2. Гарник, Л.Ю. Росгвардия как орган госу-
дарственной власти по реализации правоохрани-
тельной функции государства / Л.Ю. Гарник // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2021. — № 4. — С. 27—29.

3. Герасимова, Н.П. Государственно-правовое
регулирование в правоохранительной деятельности / Н.П. Герасимова // Международное право. Срав-
нительное правоведение. — 2017. — № 2 (13). —
С. 42—43.

4. Винокур, А.Б. Статус Росгвардии /
А.Б. Винокур // Правовые аспекты. — 2019. — № 4.

5. Воробьев, П.С. Правоохранительные орга-
ны / П.С. Воробьев // Экономика и право. — 2020.
— № 3.

6. Долинин, А.Ю. Организация и правовые
основы организационно-штатной деятельности
органов и учреждений уголовно-исполнительной
системы : дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Долинин.
— Рязань, 2006. — 255 с.

7. Казакова, И.Б. Военная полиция в Россий-
ской Федерации: нонсенс или реальная необходи-
мость? / И.Б. Казакова, В.Н. Галузо // Право и госу-
дарство: теория и практика. — 2016. — № 1 (133).
— С. 121—125.

8. Корнев, А.П. Административное право
России / А.П. Корнев. — Москва, 2000.

9. Корякин, В.М. Деятельность военной по-
лиции в Российской Федерации узаконена (обзор-
ный комментарий к Федеральному закону от 3
февраля 2014 г. № 7-ФЗ) / В.М. Корякин // Право в
Вооруженных Силах — военно-правовое обозре-
ние. — 2014. — № 3. — С. 2—5.

10. Лис, В.К. Правоохранительная функция
государства / В.К. Лис // Актуальные вопросы. —
2019. — № 1.

11. Лобода, А.Б. О необходимости создания
военной полиции как субъекта реализации функции
российского государства по охране правопорядка в
Вооруженных Силах Российской Федерации /
А.Б. Лобода // Военно-юридический журнал. —
2006. — № 9. — С. 15—16.

12. Лозинский, О.И. Необходимость коорди-
нации прокуратурой правоохранительной деятель-
ности органов военной полиции / О.И. Лозинский // Пробелы в российском законодательстве. — 2017.
— № 1. — С. 214—216.

13. Минтягов, С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции / С.А. Минтягов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 143—152.

14. Полосков, П.В. Создавать военную милицию? / П.В. Порошков // Информационный бюллетень Главной военной прокуратуры. — 1991. — № 2 (140). — С. 32—35.

Материальная ответственность военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы: правовое регулирование и правоприменение (по материалам военно-судебной практики)

© Миронов Владимир Сергеевич,
кандидат юридических наук, заместитель
начальника Военного учебного центра при
Российском государственном университете
правосудия

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы правоприменительной практики о привлечении военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, к материальной ответственности через примеры из судебной практики.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, материальная ответственность военнослужащих.

Financial liability of military personnel and citizens discharged from military service: legal regulation and enforcement (based on materials from military judicial practice)

© Mironov V.S.,
Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the
Military Training Center at the Russian State
University of Justice

© Kharitonov S.S.,
Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article analyzes problematic issues of law enforcement practice on bringing military personnel and persons discharged from military service to financial liability through examples from judicial practice.

Key words: military service, military personnel, financial liability of military personnel.

Нет закона, который был бы всем по душе
Катон Старший

Проблемные вопросы правового регулирования материальной ответственности военнослужащих, применения правовых норм, соотношение военно-административного и гражданско-правового начала в этой сфере общественных отношений по-прежнему актуальны как для правоприменителей, так и для уче-

ных, интересующихся проблемами военного права¹.

¹ См., например: Гусейнова Н.Ч., Титов А.В., Тюрин А.И. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный). М.: За права военнослужащих, 2010; Баранников М.М., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: компенсация ущерба военной организации (военно-судебная практика) // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 78—85; Кириченко Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о

Однако судебная практика как важнейший фактор развития и совершенствования военного законодательства позволяет применительно к рассматриваемой теме «подсветить» те правовые нормы Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», которые чаще всего становятся предметом споров, обусловленных разным пониманием сторонами сущности правовых предписаний.

Это подтверждают следующие примеры.

1. Выплаченная военнослужащему в соответствии с действующим законодательством денежная компенсация за наем жилого помещения не может быть признана материальным ущербом, подлежащим возмещению другим военнослужащим в связи с несвоевременным освобождением ими служебного жилого помещения, занимаемого на основании действующего договора найма.

Представитель Пограничного управления обратился в суд с исковым заявлением, в котором в порядке привлечения к материальной ответственности просил взыскать с Б. 138 593 руб. 31 коп. в счет возмещения материального ущерба, причиненного выплатой денежной компенсации за наем жилого помещения другому военнослужащему в связи с несвоевремен-

ным освобождением ответчиком служебного жилого помещения.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении искового заявления отказано по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 2, ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб, под которым понимаются, в частности, излишние денежные выплаты.

Согласно ст. 93, ч. 3 ст. 104 ЖК РФ служебные жилые помещения предназначены для проживания граждан в связи с прохождением службы. Договор найма служебного жилого помещения заключается на период трудовых отношений, прохождения службы. Прекращение трудовых отношений либо увольнение со службы являются основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения.

В силу ч. 1 ст. 103 ЖК РФ в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ЖК РФ.

В п. 56 Правил организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утвержденных приказом ФСБ России от 24 октября 2011 г. № 590, определено, что при переводе к новому месту военной службы, а также при истечении срока действия договора найма служебного жилого помещения военнослужащие и члены их семей обязаны освободить и сдать в трехмесячный срок служебные жилые помещения балансодержателям в надлежащем состоянии по акту приема-передачи и технического состояния служебного жилого помещения с предоставлением докумен-

материальной ответственности военнослужащих // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 113—119; Кириченко Н.С. Административный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 96—100; Кириченко Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 161—164; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) // Военное право. 2020. № 6(64). С. 127—132; Леонтьев В.Н., Харитонов В.С. Материальная ответственность военнослужащих за ущерб имуществу воинской части, ее основания, условия: практика военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 43—51; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях // Военно-юридический журнал. 2019. № 12. С. 7—10.

тов, свидетельствующих об отсутствии задолженности по коммунальным платежам.

Из приведенных правовых норм следует, что служебные жилые помещения предоставляются военнослужащим на период прохождения военной службы и подлежат освобождению после ее окончания, при переводе к новому месту военной службы или при истечении срока действия договора найма.

Это согласуется с правовой позицией, приведенной в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2017 г., согласно которой прекращение трудовых отношений с работодателем, предоставившим жилое помещение, служит лишь основанием для прекращения договора найма служебного жилого помещения, но не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения сотрудника. Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья.

По делу установлено, что Б. проходит военную службу в Пограничном управлении.

На основании договора найма служебного жилого помещения от 7 декабря 2007 г., заключенного между ответчиком и Пограничным управлением, она с членами семьи проживала в служебном жилом помещении в г. А.

В п. 15—19 гл. 4 этого договора найма указано, что он расторгается по соглашению сторон. По требованию Пограничного управления договор найма расторгается, в том числе, в случае обеспечения военнослужащего и совместно проживающих с ним членов его семьи жилыми помещениями для постоянного проживания по месту прохождения военной службы по нормам и в порядке, установленным законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Сроки освобождения жилого помещения в этом случае нормативными право-

выми актами или договором найма служебного жилого помещения не установлены.

25 ноября 2021 г. Б. перечислена жилищная субсидия, предоставленная ей и членам ее семьи на основании решения жилищной комиссии Пограничного управления от 15 ноября 2021 г. Решением этой же жилищной комиссии от 23 декабря 2021 г. она снята с жилищного учета.

2 ноября 2021 г. Б. на средства жилищной субсидии приобрела жилое помещение в г. А.

22 ноября 2022 г. служебное жилое помещение передано ответчиком Пограничному управлению.

В справке о результатах административного расследования от 20 февраля 2023 г. указано, что ввиду того, что Б. и члены ее семьи незаконно занимали служебное жилое помещение в период с 3 марта по 22 ноября 2022 г., сотрудник, стоящий в очереди на служебное жилое помещение, аналогичное занимаемому ответчиком, не мог заселиться в служебное жилое помещение и получил компенсацию за наем жилого помещения в размере 138 593 руб. 31 коп., что определено как причиненный ущерб.

Из объяснений ответчика, данных ею в ходе административного расследования 15 февраля 2023 г., а также в судах первой и апелляционной инстанций, следует, что в связи с проводимыми ремонтными работами в приобретенной квартире не было возможности освободить служебное жилое помещение, в котором тоже требовался ремонт перед сдачей Пограничному управлению. Требований о расторжении договора найма ей не поступало, от освобождения служебного жилого помещения она не отказывалась.

В соответствии с действовавшим до 9 июля 2022 г. п. 3 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, прибывшим на новое место военной службы военнослужащих, до получения жилых помещений по установленным нормам, предоставляются служебные жилые помещения, пригодные для временного прожи-

вания, жилые помещения маневренного фонда или общежития.

В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

Аналогичные правила установлены в действующем п. 7 ст. 15.2 указанного Закона.

Порядок выплаты в органах федеральной службы безопасности денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений утвержден приказом ФСБ России от 6 июня 2023 г. № 248.

Таким образом, выплаченная военнослужащему в соответствии с действующим законодательством денежная компенсация за наем жилого помещения не может быть признана материальным ущербом, подлежащим возмещению другим военнослужащим в связи с несвоевременным освобождением занимаемого им служебного жилого помещения на основании договора найма, не прекратившего свое действие.

Материалы дела не содержали сведений о расторжении истцом и ответчиком договора найма служебного жилого помещения, а также об обращении Пограничного управления в период с 3 марта по 22 ноября 2022 г. в установленном порядке в суд с исковым заявлением о выселении Б. и членов ее семьи.

Поэтому гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу об отсутствии оснований для признания ее виновной в причинении ущерба Пограничному управлению и обоснованно отказал в удовлетворении искового заявления¹.

2. Неустановление ущерба имуществу воинской части и вины ответчика в его причинении повлекло отмену решения суда о привлечении военнослужащего к полной материальной ответственности.

Командир воинской части обратился с иском о привлечении бывшего командира отделения младшего сержанта запаса Ш. к полной материальной ответственности в размере 404 328 руб. 47 коп. в счет возмещения материального ущерба, причиненного недостатками имущества РАВ, принятого им под отчет.

Петрозаводский гарнизонный военный суд, применив положения ст. 11 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», удовлетворил иск частично и уменьшил размер денежных средств, подлежащих взысканию с ответчика, до 200 000 руб.

Окружной военный суд решение отменил в связи с недоказанностью обстоятельств, имеющих значение для дела и неправильным применением норм материального права, указав следующее.

В силу абзаца второго ст. 5 Закона о материальной ответственности военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен по неосторожности военнослужащим, которому имущество было вверено на основании документа (документов), подтверждающего (подтверждающих) получение им этого имущества для обеспечения хранения, перевозки и (или) выдачи этого имущества либо производства финансовых расчетов.

Согласно ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Между тем наличие ущерба имуществу воинской части, как и вина ответчика в его причинении в данном деле достоверно не установлены и не доказаны.

¹ См.: Обзорная справка судебной практики рассмотрения военными судами административных, гражданских дел и материалов, а также дел об административных правонарушениях за 2023 год, утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 18.01.2024 г. № 3 URL:

Пунктом 2 ст. 7 Закона о материальной ответственности предусмотрено, что в случае обнаружения ущерба назначается административное расследование, которое проводится с целью установления причин возникновения ущерба, его размера и виновных лиц.

Основанием для проведения административного расследования является наличие реального ущерба, отраженного в учетных документах воинской части, а само административное расследование является необходимым элементом процедуры привлечения военнослужащего к материальной ответственности в судебном порядке.

В данном деле с учетом характера и особенностей выполнения военнослужащими обязанностей военной службы подлежало выяснению, являлся ли ответчик материально ответственным лицом, исходя из занимаемой воинской должности, вследствие возложения дополнительных полномочий либо на основании разового поручения, обусловленного участием в операциях с материальными ценностями, получал ли он имущество в конкретное подразделение, для личного использования либо для перемещения (перевозки, выдачи и т.д.).

Эти нормативные предписания командованием не выполнены, так как факты, подтверждающие ущерб и вину в его причинении Ш., не установлены.

В отсутствие уволенного с военной службы ответчика, место жительства которого неизвестно, не участвовавшего ни в административном расследовании, ни в судебном разбирательстве дела, командование и суд формально исходили из того, что Ш., занимавший воинскую должность командира отделения взвода управления гаубичной самоходно-артиллерийской батареи, являлся материально ответственным лицом и в декабре 2020 г. принял под отчет имущество по номенклатуре РАВ одиннадцати наименований на сумму 404 328 руб. 47 коп., утрата которого была обнаружена в марте 2022 г. в ходе инвентаризации службы РАВ.

В подтверждение ущерба и вины ответчика командованием представлены ко-

пии: накладной от 11 декабря 2020 г. на внутреннее перемещение объектов нефинансовых активов о получении Ш. указанного имущества, оборотно-сальдовой ведомости от 10 января 2022 г. и акта сверки от 1 марта 2022 г. о наличии этого имущества на балансе службы РАВ, инвентаризационной описи (сличительной ведомости) от 18 ноября 2021 г. о проверке числящегося за Ш., как материально ответственным лицом, имущества по состоянию на указанную дату, в которой отражено, что перечисленное имущество не предъявлено к осмотру.

Вместе с тем занимаемая Ш. воинская должность сама по себе не наделяла его полномочиями материально ответственного лица, поскольку в соответствии с п. 82—84, 86, 100, 105, 106 Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 333 (далее — Руководство), основой войскового хозяйства является ротное хозяйство, одной из основных задач которого является обеспечение сохранности, правильного содержания и использования имеющихся в роте материальных ценностей. Ротное хозяйство организует командир роты. На него возлагаются руководство ротным хозяйством, контроль за его состоянием и обеспечение военнослужащих положенными материальными ценностями.

Указанными выше нормами определено, что в роте обеспечиваются ведение учета, экономное расходование (использование) и эксплуатация военного имущества и оборудования, сохранность материальных ценностей. Командир роты организует и обеспечивает ведение материально ответственными лицами роты установленных регистров учета движения полученных подразделением материальных ценностей. Хранение (содержание) материальных ценностей роты в зависимости от вида и предназначения осуществляется в специально оборудованных местах.

Ш. с 20 августа 2020 г. по 5 августа 2021 г. проходил военную службу в самоходно-артиллерийской батарее — подраз-

делении, приравненном к роте. Однако сведения о том, что он являлся материально ответственным лицом батареи, ответственным за сохранность полученного имущества, в деле отсутствуют.

Приказ или иной организационно-распорядительный документ воинской части, из которого следовало бы наделение ответчика полномочиями материально ответственного лица батареи в соответствии с требованиями п. 40 Руководства либо в ином предусмотренном руководящими документами порядке истцом не представлен.

Должностные лица взвода и батареи, в которые организационно входило возглавляемое Ш. отделение, в рамках административного расследования не опрашивались, регистры учета движения материальных ценностей отделения, которым командовал Ш., взвода и батареи не исследовались.

Не установлено, за каким подразделением числилось утраченное имущество в порядке, определенном п. 39 Руководства и Методическими указаниями по применению форм первичных учетных документов и формированию регистров бухучета органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, утвержденными приказом Минфина России от 30 марта 2015 г. № 52н.

Названными правовыми актами определено, что материально ответственное лицо принимает материальные ценности для хранения (эксплуатации) под личную подпись в передаточных первичных учетных документах (акте, накладной) и приходит их не позднее следующего дня в соответствующих регистрах учета.

Более того, не проведена инвентаризация соответствующего имущества отделения, взвода и батареи в целях установления, является ли имущество утраченным или находится в пользовании личного состава одного из этих подразделений.

Приведенные обстоятельства имели юридическое значение, так как объем вме-

ненного ответчику утраченного имущества явно превышал потребности в экипировке одного военнослужащего.

В накладной от 11 декабря 2020 г. отсутствовали сведения о том, в какое подразделение выдано имущество. Ни в ходе расследования, ни в рамках судебного разбирательства не исследована заявка от 11 декабря 2020 г. № 381 на получение имущества для определения должностного лица, инициировавшего данную операцию с материальными ценностями.

Как следует из приказа командования от 5 августа 2021 г. № 108, Ш. с указанной даты сдал дела и должность командира отделения и убыл к новому месту военной службы в другую воинскую часть, вследствие чего само по себе непредъявление им к осмотру ранее полученного имущества спустя продолжительное время после убытия из воинской части его вину не подтверждает.

Согласно положениям ст. 92 УВС ВС РФ и п. 196, 215, 216 Руководства проверка фактического наличия, качественного состояния и комплектности материальных ценностей в подразделении, а также сверка полученных сведений с данными учета должны осуществляться принимающим дела и должность лицом, которое назначается на основании приказа командира воинской части. О результатах принимающий должность письменно докладывает в порядке подчиненности командиру воинской части, а также представляет акт о приеме подразделения.

Однако соответствующий акт, подтверждающий отсутствие вверенного Ш. имущества по состоянию на день сдачи им дел и должности при служебном перемещении, не представлен, а обстоятельства передачи ответчиком материальных ценностей предметом проведенного командованием административного расследования и судебного разбирательства не являлись.

Таким образом, получение ответчиком имущества на складе в период прохождения военной службы в воинской части не являлось безусловным и достаточным подтверждением того, что произошла его утрата, и что этот ущерб образовался в

результате виновных действий или бездействия Ш.

Перечисленные юридически значимые обстоятельства окружным военным судом были вынесены на обсуждение сторон, а истцу предложено представить дополнительные доказательства, чего им выполнено не было.

При таких обстоятельствах окружной военный суд решение отменил и принял новое решение об отказе в удовлетворении иска¹.

3. Размер денежных средств, подлежащих взысканию с военнослужащего для возмещения причиненного им ущерба, может быть уменьшен судом с учетом конкретных обстоятельств, в том числе в случае наличия у военнослужащего двух и более несовершеннолетних детей.

Решением гарнизонного военного суда от 12 мая 2022 г. удовлетворен иск войсковой части 00000 к военнослужащему указанной воинской части сержанту С. о привлечении к материальной ответственности. В счет возмещения причиненного материального ущерба с ответчика в пользу воинской части взысканы денежные средства.

Разрешая гражданское дело, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о наличии вины С. в причинении воинской части материального ущерба вследствие ненадлежащего исполнения ответчиком должностных обязанностей.

В силу требований ст. 11 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» размер денежных средств, подлежащих взысканию с военнослужащего для возмещения причиненного им ущерба, может быть уменьшен судом с учетом конкретных обстоятельств, в том числе в случае наличия у военнослужащего двух и более несовершеннолетних детей.

Однако суд в нарушение приведенной нормы Закона вопрос о возможности снижения размера ущерба, подлежащего взысканию с ответчика, на обсуждение сторон не поставил, оставив без внимания наличие у С. двух несовершеннолетних детей, что подтверждалось имевшимися в материалах дела объяснениями ответчика, а также представленными в суд апелляционной инстанции новыми доказательствами — копиями свидетельств о рождении упомянутых детей.

С учетом изложенного, окружной военный суд обжалованное судебное решение изменил, снизив размер денежных средств, подлежащих взысканию с С. для возмещения причиненного им ущерба².

4. Военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен их умышленными действиями, повлекшими затраты на лечение в медицинских организациях военнослужащих, пострадавших в результате таких действий.

Решением гарнизонного военного суда от 28 декабря 2022 г. отказано в удовлетворении иска военного прокурора гарнизона в защиту интересов Российской Федерации в лице филиала № 2 Госпиталя Минобороны России к бывшему военнослужащему рядовому запаса В. о взыскании материального ущерба.

Как установлено по материалам дела, вступившим в законную силу приговором гарнизонного военного суда от 13 мая 2022 г. В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, по факту применения физического насилия с причинением телесных повреждений потерпевшему С.

Заместитель военного прокурора гарнизона обратился в суд с иском о взыскании с В. в доход федерального бюджета через указанный выше филиал военного

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по административным и гражданским делам за II полугодие 2022 года, утвержден на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 января 2023 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=290 (дата обращения 15.02.2024)

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по административным и гражданским делам за первое полугодие 2023 г. (извлечение). URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=226 (дата обращения 27.04.2024)

госпиталя денежных средств в счет возмещения материального ущерба, причиненного государству затратами на стационарное лечение потерпевшего, пострадавшего от преступных действий ответчика.

Принимая решение об отказе в удовлетворении иска, суд первой инстанции ошибочно исходил из того, что военный госпиталь не является потерпевшим по делу и В. непосредственно своими действиями ущерб лечебному учреждению не причинял.

Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ, определяющей общие основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, в случае причинения вреда имуществу юридического лица, он подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим.

В соответствии с абзацами 3 и 5 ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен в результате преступных действий (бездействия) военнослужащего, установленных вступившим в законную силу приговором суда, а также умышленными действиями военнослужащего, повлекшими затраты на лечение в медицинских организациях военнослужащих, пострадавших в результате этих действий.

Согласно ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого он вынесен, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Таким образом, с учетом установленных приговором обстоятельств, а также в силу требований Закона вред, причиненный умышленными преступными действиями В., повлекшими затраты на лечение в военно-медицинском учреждении С., от-

носится к прямому действительному ущербу, который в полном объеме подлежал взысканию с ответчика.

При таких обстоятельствах обжалованное судебное решение окружным военным судом отменено с принятием по делу нового решения об удовлетворении иска (Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по административным и гражданским делам за первое полугодие 2023 г.).

Библиография

1. Баранников, М.М. Материальная ответственность военнослужащих: компенсация ущерба военной организации (военно-судебная практика) / М.М. Баранников, С. С. Харитонов // Военное право. — 2024. — № 2 (84). — С. 78—85.
2. Гусейнова, Н.Ч. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный) / Н.Ч. Гусейнова, А.В. Титов, А.И. Тюрин. — Москва: За права военнослужащих, 2010. — 208 с.
3. Кириченко, Н.С. Административный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 96—100.
4. Кириченко, Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 161—164.
5. Кириченко, Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 113—119.
6. Корякин, В.М. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 6 (64). — С. 127—132.
7. Леонтьев, В.Н. Материальная ответственность военнослужащих за ущерб имуществу воинской части, ее основания, условия: практика военных судов / В.Н. Леонтьев, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 4(321). — С. 43-51.
8. Туганов, Ю.Н. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 12. — С. 7—10.

Правовые основы организации фельдъегерско-почтовой связи в современных условиях

© Панкратьев Александр Николаевич,

кандидат военных наук, начальник кафедры связи и информационных технологий Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, полковник

© Мордовин Игорь Николаевич,

кандидат военных наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кафедры связи и информационных технологий Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Аннотация. В статье на основании изучения научных источников и последовательного анализа нормативного правового регулирования исследуются правовые основы организации фельдъегерско-почтовой связи по обмену воинской корреспонденцией и почтовыми отправлениями с войсками (силами), дислоцирующимися на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Ключевые слова: фельдъегерско-почтовая связь, нормативно-правовое регулирование, воинская корреспонденция, почтовые отправления.

The legal basis of the organization of courier and postal communication in modern conditions

© Pankratyev A.N.,

Candidate of military sciences, Head of the department of communications and information technology of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel

© Mordovin I.N.,

Candidate of military sciences, senior researcher at the research laboratory of the department of communications and information technology of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Abstract. Based on the study of scientific sources and a consistent analysis of regulatory legal regulation, the article examines the legal foundations of the organization of courier and postal communications for the exchange of military correspondence and mail with troops (forces) stationed on the territory of the Russian Federation and beyond/

Key words: courier-mail service, regulatory and legal regulation, military correspondence, postal items.

В современных условиях проведения специальной военной операции новое качество обретает фельдъегерско-почтовая связь — вид военной связи, обеспечивающий управление войсками (силами) посредством доставки подвижными сред-

ствами секретных и почтовых отправлений во все воинские части армии и флота (в том числе дислоцирующиеся за пределами Российской Федерации), а также доставку почтовой корреспонденции военнослужащим и членам их семей.

Сеть фельдъегерско-почтовой связи включает более 200 узлов, станций и обменных пунктов, подвижные средства и назначенные маршруты их следования общей протяженностью более 170 тыс. км, позволяющих принимать, обрабатывать и доставлять воинскую корреспонденцию в интересах более 5 тыс. органов военного управления, воинских частей и организаций. В условиях проведения специальной военной операции отмечается тенденция увеличения количества воинской корреспонденции и почтовых отправок. Так, объемы обработки и доставки почтовых отправок выросли с 6,1 млн в 2022 г. до 13,9 млн в 2023 г., а объемы доставки периодической печати увеличились с 6,4 млн до 11,4 млн соответственно. Это свидетельствует об увеличении производственных показателей функционирования сети фельдъегерско-почтовой связи в среднем в два раза.

С развитием сети фельдъегерско-почтовой связи осуществляется совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей производственную деятельность по приему обработке и доставке всех видов воинской корреспонденции. Фельдъегерско-почтовая связь, как вид военной связи, требует правового механизма для организации ее устойчивого функционирования, который следует называть правовым регулированием фельдъегерско-почтовой связи. От качества правового регулирования фельдъегерско-почтовой связи напрямую зависит выполнение ее функций по своевременному, устойчивому и безопасному обмену воинской корреспонденцией и почтовыми отправлениями.

Основные вопросы организации фельдъегерско-почтовой связи регламентированы нормативными правовыми актами, утвержденными и введенными в действие приказами Министра обороны Российской Федерации:

— Наставление по связи Вооруженных Сил Российской Федерации;

— Наставление по фельдъегерско-почтовой связи Вооруженных Сил Российской Федерации;

— Инструкция по организации и обеспечению фельдъегерско-почтовой связи в объединениях, соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации;

— Нормы снабжения оборудованием и расходными материалами воинских частей и подразделений фельдъегерско-почтовой связи.

Кроме того, приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 234 утверждены Правила оказания услуг почтовой связи, регламентирующие права и обязанности пользователей услугами почтовой связи, а также ответственность предприятий почтовой связи (в том числе подразделений фельдъегерско-почтовой связи) за принятые ими почтовые отправления.

Особенностью функционирования сети фельдъегерско-почтовой связи в ходе специальной военной операции стало одновременное совмещение задач как по обмену воинской корреспонденцией в интересах управления войсками (силами), так и пересылке почтовых отправок военнослужащих — участников специальной военной операции и членов их семей. Неоднозначность нормативного правового регулирования по организации фельдъегерско-почтовой связи обусловила необходимость внесения изменений в федеральное законодательство Российской Федерации с целью безусловного выполнения задач по обмену воинской корреспонденцией, доставке почтовых отправок и реализации прав военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции, на личную переписку с членами семей.

Так, согласно Федеральному закону от 29 декабря 2022 г. № 603-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесены изменения в ст. 20 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», в соответствии с которыми военнослужащие, участвующие в боевых действиях, и граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют право на пересылку простых писем в маркированных почтовых конвертах за счет

средств, предусмотренных на эти цели федеральным органам исполнительной власти и федеральным государственным органам, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. Гражданам, призванным на военную службу по мобилизации, и гражданам, пребывающих в добровольческих формированиях, предоставляется право на однократное отправление посылки с личными вещами за счет средств, предусмотренных на эти цели федеральным органам исполнительной власти и федеральным государственным органам, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Кроме того, согласно Федеральному закону от 24 июля 2023 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесены изменения в ст. 20 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Установлено, что обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, военнослужащих, участвующих в боевых действиях, и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, маркированными почтовыми конвертами осуществляется в порядке, определяемом руководителями федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Для реализации законодательных актов Российской Федерации по оказанию новых услуг фельдъегерско-почтовой связи усовершенствована нормативная правовая база Министерства обороны Российской Федерации:

— приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 декабря 2022 г. № 757 внесены дополнения в Инструкцию об организации и обеспечении фельдъегерско-почтовой связи, регламентирующие отправку личных посылок военнослужащим, участвующим в специальной военной операции;

— приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 ноября 2023 г. № 779 определен Порядок обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации маркированными почтовыми конвер-

тами военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, военнослужащих, участвующих в боевых действиях, и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях.

Введение в действие нового порядка оказания услуг фельдъегерско-почтовой связи в значительной степени оказывает содействие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации.

В связи с этим, особое внимание необходимо акцентировать на динамике развития нормативной правовой базы по международному военному сотрудничеству в области военной фельдъегерско-почтовой связи. Российской Федерацией заключены и ратифицированы межправительственные Соглашения о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи:

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. № 392-ФЗ);

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 290-ФЗ);

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 30 октября 2017 г. № 296-ФЗ);

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Южная Осетия о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-

почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2017 г. № 440-ФЗ);

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 4 июня 2018 г. № 126-ФЗ);

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 16 декабря 2019 г. № 429-ФЗ);

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи (ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 1 марта 2020 г. № 28-ФЗ).

Подписание межправительственных соглашений о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи стало возможным в связи с действием договоров о дружбе, сотрудничестве, и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Таджикистан, Республикой Южная Осетия, Республикой Абхазия, Киргизской Республикой, Сирийской Арабской Республикой. Подписанные и ратифицированные соглашения учитывают взаимные интересы в обеспечении защиты секретной и служебной информации при ее доставке воинским формированиям и признают необходимость объединения усилий и согласование действий для обеспечения информационного обмена и взаимодействия в области военной фельдъегерско-почтовой связи.

Общепризнанные принципы и нормы международного права закрепляют положения о том, что воинская корреспонденция является неприкосновенной и не подлежит ни вскрытию, ни задержанию, а также пограничному и таможенному контролю. Органы государственной власти обеспечивают оказание всемерной под-

держки в организации доставки воинской корреспонденции, ее защите и гарантированную сохранность. Пограничные и таможенные органы обеспечивают внеочередное беспрепятственное пересечение государственной и таможенной границ и оказывают содействие в организации оперативной доставки воинской корреспонденции.

Отдельно обращается внимание, что сотрудники подразделений фельдъегерско-почтовой связи беспрепятственно с табельным оружием пересекают государственные границы, имеют право применять табельное оружие в соответствии с законодательством государства пребывания, пользуются защитой государства пребывания и личной неприкосновенностью.

Доставка воинской корреспонденции осуществляется воздушными судами гражданской авиации, железнодорожным и автомобильным транспортом.

В целях совершенствования нормативной правовой базы по организации фельдъегерско-почтовой связи, а также производственной деятельности подразделений фельдъегерско-почтовой связи, предлагается издание новой редакции Руководства по фельдъегерско-почтовой связи в Вооруженных Силах Российской Федерации и Инструкции по организации и обеспечению фельдъегерско-почтовой связи в объединениях, соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации, в которых основными направлениями правового регулирования являются:

— выработка правовых принципов организации фельдъегерско-почтовой связи;

— закрепление системы форм планирующих документов по организации фельдъегерско-почтовой связи;

— регламентация форм производственных документов по организации фельдъегерско-почтовой связи;

— определение функций специалистов фельдъегерско-почтовой связи при выполнении международных фельдъегерско-почтовых маршрутов, в соответствии с заключенными межправительственными соглашениями в области военной фельдъегерско-почтовой связи.

Представленный перечень не является исчерпывающим, поскольку развитие сети фельдъегерско-почтовой связи повлекут изменения правовых основ ее организации. Безусловно, такие изменения соответствуют современным условиям военных действий и будут способствовать обеспечению устойчивого управления войсками (силами), а также реализации прав военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции, на личную переписку с членами семей.

Таким образом, качество правового регулирования значительно влияет на выполнение задач и эффективность функционирования сети фельдъегерско-почтовой связи в современных условиях. Опыт специальной военной операции обусловил

эволюционное развитие нормативных правовых актов и подтвердил, что фельдъегерско-почтовая связь по-прежнему является надежным, эффективным и, главное, необходимым видом связи для управления войсками (силами).

Библиография

1. Панкратьев, А.Н. Связь в Вооруженных Силах Российской Федерации : учебник / А.Н. Панкратьев, А.А. Алексеевский, Б.Б. Денисов, В.А. Голоднов, А.С. Вишняков. — Москва: ВАГШ ВС РФ, 2023.

2. Прикня, А.О. О перспективах развития и совершенствования фельдъегерско-почтовой связи в Вооруженных Силах Российской Федерации: научная статья / А.О. Прикня, О.Г. Филиппенко, А.Б. Сузый // Военная мысль — 2023. — № 10. — С. 11—17.

Военная служба. Статус военнослужащих

Государственный фонд «Защитники Отечества» как специальный субъект военно-социальной политики Российской Федерации

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ФГКВОУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России;
ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием и деятельностью Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества». Раскрывается предназначение Фонда, цели его деятельности, органы управления, структура, основные показатели его деятельности за истекший год. Показано место Фонда в военно-социальной политике Российской Федерации, высказаны предложения о расширении круга лиц, в отношении которых осуществляется социальная работа Фонда. Отдельно рассмотрен статус, полномочия и требования, предъявляемые к социальным координаторам — сотрудникам Фонда, непосредственно работающим с ветеранами и их семьями.

Ключевые слова: Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»; социальные координаторы; военно-социальная политика; специальная военная операция; социальные гарантии; социальная поддержка.

The State Fund "Defenders of the Fatherland" as a special subject of the military and social policy of the Russian Federation

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Federal State Educational
Institution of Higher Education "Prince Alexander
Nevsky Military University" of the Ministry of
Defense of the Russian Federation; Federal State
Educational Institution of Higher Education
"Russian University of Transport"

Annotation. The article discusses issues related to the creation and operation of the State Fund for the Support of participants in the special military operation "Defenders of the Fatherland". The purpose of the Fund, the goals of its activities, management bodies, structure, and the main indicators of its activities over the past year are disclosed. The place of the Foundation in the military-social policy of the Russian Federation is shown, proposals are made to expand the circle of persons in respect of whom the social work of the Foundation is carried out. The status, powers and requirements for social coordinators — employees of the Foundation who work directly with veterans and their families - are considered separately.

Keywords: State Fund for Support of participants in the special military operation "Defenders of the Fatherland"; social coordinators; military and social policy; special military operation; social guarantees; social support.

В современных условиях ключевым направлением военно-социальной политики Российской Федерации является

обеспечение социальных гарантий и социальной поддержки участников специальной военной операции (СВО) и

членов их семей. Под военно-социальной политикой в рассматриваемой случае предлагаем понимать деятельность государства, связанную с управлением социальным развитием военной организации, направленную на удовлетворение материальных, социальных, культурных потребностей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей и обеспечение на этой основе их социальной защиты, воспроизводства морально-психологического и физиологического потенциалов военнослужащих, поддержание внутренней устойчивости, стабильности и боеспособности военной организации государства. Военно-социальная политика является относительно самостоятельной подотраслью общей социальной политики государства и одновременно — важнейшим элементом его военной политики.

Вопросы социального обеспечения специальной военной операции, социальной поддержки ее участников постоянно находятся в центре внимания руководителей российского государства. Президент Российской Федерации на различных форумах, совещаниях, на рабочих встречах с руководителями государственных органов, главами субъектов Российской Федерации неизменно и настойчиво ориентирует все государственные органы, все уровни власти, всех должностных лиц на оказание всемерной поддержки военнослужащим, добровольцам, выполняющим (выполнявшим) задачи в условиях СВО, а также их семьям.

Важнейшим шагом в этом направлении явилось издание Указа Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232, которым был образован Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества». Целью его образования обозначено создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и активную деятельность участников СВО, иных лиц и членов их семей.

Важно заметить, что создание подобного рода структур в целях социальной

поддержки защитников Отечества и их семей не является чем-то принципиально новым для нашей страны. Если обратиться к нашей недавней истории, том можно увидеть, что 17 сентября 1999 г. по инициативе В.В. Путина был создан Общероссийский общественный фонд «Национальный военный фонд». В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2002 г. указанный фонд был отнесен к благотворительным организациям, осуществляющим единовременную материальную помощь физическим лицам в виде гуманитарной помощи, а также в виде благотворительной помощи, суммы которой не подлежат налогообложению. Соответственно изменилось и его название: он стал именоваться «Национальный благотворительный фонд».

Согласно официальным данным, с сентября 1999 г. по август 2010 г. в рамках реализации названным фондом программы «Социальная поддержка военнослужащих» по государственным органам, в которых законом предусмотрена военная служба, проведены следующие акции:

— обеспечены квартирами 1 030 семей, получили средства на ремонт жилья 1 277 семей;

— выделены средства на лечение, протезирование и проведение операций 9 875 военнослужащим, пострадавшим при участии в вооруженных конфликтах и контртеррористических операциях;

— материальная помощь оказана 9 400 семьям военнослужащих;

— на благотворительную поддержку детей-сирот из семей погибших военнослужащих направлено 14,3 млн. руб.;

— оказана помощь в профессиональной переподготовке и трудоустройстве 19 575 военнослужащим, увольняемым с военной службы.

Общая сумма расходов на реализацию благотворительных программ с сентября 1999 г. составила свыше 2 млрд. 466 млн. руб. Помощь от фонда получили более 41,9 тыс. граждан¹.

¹ Красная звезда 17.09.2010.

Безусловно, этот положительный опыт оказался востребованным в современных условиях, в связи с чем и было принято решение о создании Государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества».

Согласно Уставу, утвержденному распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2023 г. № 1168-р, Фонд «Защитники Отечества» является не имеющей членства унитарной некоммерческой организацией, учрежденной Российской Федерацией в организационно-правовой форме «фонд» в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях» для достижения общественно-полезных целей. Фонд является социально ориентированной некоммерческой организацией.

Учредителем Фонда от имени Российской Федерации является Правительство Российской Федерации. Деятельность Фонда и формирование его имущества осуществляются за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, добровольных имущественных взносов и пожертвований, а также иных источников в соответствии с законодательством Российской Федерации. Численность центрального аппарата Фонда составляет 130 единиц, численность филиалов Фонда в субъектах Российской Федерации¹ и численность социальных координаторов, являющихся сотрудниками Фонда, устанавливаются учредителем Фонда по предложению наблюдательного совета Фонда.

Как отметил министр финансов Российской Федерации А.Г. Силуанов, в 2024 г. и в плановом периоде 2025 и 2026 гг. Фонду будут выделены бюджетные ассигнования на сумму 30 млрд. руб.²

Деятельность Фонда направлена на организацию и оказание поддержки и помощи:

— ветеранам боевых действий, принимавшим участие (содействовавшим вы-

полнению задач) в СВО на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины с 24 февраля 2022 г., на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г., уволенным с военной службы (службы, работы);

— лицам, принимавшим в соответствии с решениями органов публичной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, начиная с 11 мая 2014 г.;

— членам семей названных выше лиц, погибших (умерших) при выполнении задач в ходе СВО (боевых действий), членам семей указанных лиц, умерших после увольнения с военной службы (службы, работы), если смерть таких лиц наступила вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при выполнении задач в ходе СВО (боевых действий).

Членами семей участников СВО, на которых распространяется деятельность Фонда, признаются:

- супруг (супруга);
- дети, не достигшие возраста 18 лет;
- дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет;
- дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения;
- родители, проживающие совместно с участниками СВО, либо проживавшие совместно с указанными лицами на дату их гибели (смерти);
- лица, находящиеся на иждивении указанных лиц, либо находившиеся на иждивении указанных лиц на дату их гибели (смерти).

Органами Фонда являются:

а) *наблюдательный совет Фонда* (высший коллегиальный орган Фонда). Председатель наблюдательного совета Фонда назначается, а его состав утверждает

¹ К настоящему времени филиалы Фонда созданы во всех 89 субъектах Российской Федерации.

² <https://dumatv.ru/news/siluanov-zayavil-chto-napodderzhku-uchastnikov-svo-potratyat-30-milliardov-rublei>

ется Президентом Российской Федерации. Наблюдательный совет определяет приоритетные направления деятельности Фонда, порядок использования его имущества, утверждает бюджет Фонда;

б) *попечительский совет Фонда* (высший надзорный орган Фонда) Состав попечительского совета Фонда утверждается Президентом Российской Федерации. Попечительский совет:

— осуществляет надзор за деятельностью Фонда, принятием органами Фонда решений и обеспечением их исполнения, использованием средств Фонда и соблюдением им законодательства Российской Федерации;

— утверждает перечень лекарственных препаратов и медицинских изделий, в том числе не зарегистрированных в Российской Федерации, технических средств реабилитации, закупаемых Фондом для участников СВО и членов их семей, перечень товаров, работ, услуг, закупаемых Фондом в целях адаптации жилых помещений под индивидуальные потребности указанных лиц;

в) *правление Фонда* (коллегиальный исполнительный орган Фонда). Председателем правления Фонда является председатель Фонда по должности. Состав правления Фонда утверждается Правительством Российской Федерации;

г) *председатель Фонда* (единоличный исполнительный орган Фонда). Председатель Фонда назначается Президентом Российской Федерации¹;

д) *экспертный совет Фонда* (экспертно-консультативный орган Фонда). Порядок работы и состав экспертного совета Фонда утверждаются Правительством Российской Федерации. Экспертный совет Фонда:

— обеспечивает взаимодействие Фонда с экспертным и научным сообществом;

— формирует перечень лекарственных препаратов и медицинских изделий, технических средств реабилитации, перечень товаров, работ, услуг, закупаемых Фондом в целях адаптации жилых помещений под индивидуальные потребности участников СВО и членов их семей, и представляет эти перечни на утверждение попечительского совета Фонда;

Член наблюдательного совета Фонда и член попечительского совета Фонда:

а) вправе совмещать членство в наблюдательном совете Фонда и попечительском совете Фонда с замещением государственной должности Российской Федерации, должности федеральной государственной службы, в том числе федеральной государственной гражданской службы;

б) осуществляют свою деятельность на безвозмездной основе и не могут состоять в трудовых отношениях с Фондом.

Основными целями деятельности Фонда являются:

— организация и оказание поддержки и помощи участникам СВО и членам их семей;

— обеспечение комплексного сопровождения участников СВО и членов их семей, включая персональное сопровождение, а также обеспечение социальной адаптации, интеграции и ресоциализации, обучения (переобучения, повышения квалификации), содействие в трудоустройстве участников СВО;

— оказание участникам СВО и членам их семей психолого-психотерапевтической помощи, бесплатной юридической помощи по вопросам оформления и предоставления мер социальной поддержки, а также содействие в получении установленных законодательством Российской Федерации мер социальной поддержки;

— реализация дополнительных финансовых механизмов обеспечения участников СВО и членов их семей лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, в том числе не зарегистрированными в Российской Федерации, техническими средствами реабилитации, не входящими в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабили-

¹ В июне 2023 г. на должность председателя Фонда назначена А.Е. Цивилева. 2 апреля 2024 г. Президент Российской Федерации провел рабочую встречу с председателем Фонда, на которой обсуждены итоги работы Фонда за год и обозначены перспективы его деятельности.

литации и услуг, предоставляемых инвалиду, включая высокофункциональные протезы и протезно-ортопедические изделия, по перечню, утвержденному попечительским советом Фонда;

— содействие в получении участниками СВО и членами их семей при наличии показаний, установленных законодательством Российской Федерации, услуг по медицинской реабилитации, паллиативной медицинской помощи, санаторно-курортного лечения, надомного (долговременного) ухода и осуществление в данных целях взаимодействия с федеральными органами государственной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными медицинскими и социальными организациями, некоммерческими организациями и добровольческими (волонтерскими) организациями;

— адаптация жилых помещений, используемых участниками СВО и членами их семей, являющимися инвалидами, под индивидуальные потребности по перечню, утвержденному попечительским советом Фонда;

— содействие в оформлении (восстановлении) документов и получении статуса ветерана боевых действий в соответствии с Законом о ветеранах;

— привлечение при содействии федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления участников СВО к реализации государственной информационной политики и общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, в том числе молодежи, на защиту исторической правды и сохранение исторической памяти, сохранение и укрепление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

— участие в программах, направленных на прославление подвигов участников СВО и иных лиц;

— участие в разработке и реализации государственных программ поддержки ветеранов боевых действий.

Фонд и его филиалы осуществляют свою деятельность в каждом субъекте Российской Федерации.

Для достижения целей своей деятельности *Фонд вправе:*

а) по согласованию с учредителем определять содержание своей деятельности;

б) получать имущество в денежной и иных формах;

в) осуществлять в установленном законодательством Российской Федерации порядке виды деятельности, определенные настоящим уставом;

г) осуществлять деятельность, на которую в соответствии с законодательством Российской Федерации требуется специальное разрешение (лицензия, свидетельство об аккредитации, иные разрешительные документы), на основании соответствующего разрешения;

д) заключать договоры, приобретать имущество, вступать в иные гражданско-правовые отношения с юридическими и физическими лицами;

е) по согласованию с учредителем создавать хозяйственные общества, некоммерческие организации, а также участвовать в них;

ж) пользоваться иными не противоречащими законодательству Российской Федерации правами для достижения целей деятельности Фонда.

Фонд обязан:

а) обеспечивать целевое использование предоставленного Фонду финансового обеспечения, а также иных поступивших в рамках уставной деятельности Фонда средств для достижения целей деятельности Фонда;

б) обеспечивать сохранность и целевое использование имущества, находящегося в собственности Фонда, а также ежегодно публиковать отчеты об использовании такого имущества;

в) открывать счета в органах Федерального казначейства и кредитных организациях в установленном законодательством Российской Федерации порядке;

г) обеспечивать сохранность документов постоянного хранения по месту нахождения Фонда, а также передачу их в

архив в соответствии с законодательством Российской Федерации об архивном деле;

д) обеспечивать сохранность учредительных, распорядительных документов Фонда, протоколов заседаний наблюдательного совета Фонда, правления Фонда, попечительского совета Фонда, экспертного совета Фонда;

е) соблюдать законодательство Российской Федерации в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и требования пожарной безопасности;

ж) выполнять мероприятия по гражданской обороне и мобилизационной подготовке в соответствии с законодательством Российской Федерации;

з) выполнять иные обязанности, предусмотренные законодательством Российской Федерации и настоящим уставом.

В целях обеспечения прав участников СВО и членов их семей на социальную защиту (поддержку), в том числе в части их персонального сопровождения, осуществляемого Фондом «Защитники Отечества», узаконен централизованный информационный учет указанных лиц. Для реализации данной задачи принято постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2023 г. № 1551, которым определен порядок формирования и ведения централизованного информационного учета сведений об участниках СВО.

Установлено, что формирование и ведение централизованного информационного учета сведений об участниках СВО осуществляется Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальным фондом России) в федеральной государственной информационной системе «Единая интегрированная информационная система "Соцстрах"», за исключением сведений, составляющих государственную тайну.

Информация, необходимая для обеспечения Социальным фондом России формирования и ведения централизованного информационного учета, предоставляется в Социальный фонд России исполнительными органами субъектов Российской Федерации, а также следующими федеральными государственными органами:

— Министерство обороны Российской Федерации;

— Министерство внутренних дел Российской Федерации;

— Федеральная служба безопасности Российской Федерации;

— Федеральная служба исполнения наказаний;

— Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации;

— Следственный комитет Российской Федерации;

— Генеральная прокуратура Российской Федерации;

— Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

— иные федеральные органы исполнительной власти и федеральные государственные органы, направлявшие (привлекавшие) граждан для участия (содействия выполнения задач) в СВО.

Предоставление в Социальный фонд России органами, предоставляющими информацию, сведений об участниках СВО, отнесенных к государственной тайне, осуществляется на основании соглашения, заключаемого между Социальным фондом России и органом, предоставляющим информацию, определяющего с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне состав, периодичность, способы и форматы передачи и обработки Социальным фондом России таких сведений.

Органами, предоставляющими информацию, в целях формирования и ведения Социальным фондом России централизованного информационного учета предоставляются в Социальный фонд России следующие сведения об участниках СВО, в том числе персональные данные указанных лиц:

а) фамилия, имя и отчество (при наличии);

б) пол;

в) дата рождения;

г) реквизиты документа (наименование, дата выдачи и номер), удостоверяющего личность и гражданство лица;

д) страховой номер индивидуального лицевого счета в системе обязательного пенсионного страхования (при наличии);

е) реквизиты документа (наименование, дата выдачи, серия и номер), подтверждающего статус ветерана боевых действий;

ж) адрес регистрации по месту жительства (при наличии);

з) адрес места жительства (места пребывания, места фактического проживания) после увольнения с военной службы (службы, работы) (при наличии);

и) номер записи единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации (при наличии).

Информационное взаимодействие между Социальным фондом России и органами, предоставляющими информацию, осуществляется посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи уполномоченного лица органа, предоставляющего информацию, за исключением информационного взаимодействия в отношении сведений, отнесенных в соответствии с законодательством Российской Федерации к государственной тайне.

Сведения об участниках СВО предоставляются в Социальный фонд России органами, предоставляющими информацию, не позднее третьего рабочего дня, следующего за днем увольнения с военной службы (службы, работы) лица, имеющего статус ветерана боевых действий, либо не позднее третьего рабочего дня, следующего за днем присвоения такому лицу указанного статуса, если он присвоен после увольнения с военной службы (службы, работы).

Социальный фонд России в течение 2 рабочих дней со дня получения от органа, предоставляющего информацию, сведений об участниках СВО осуществляет идентификацию этих лиц и обеспечивает автоматическое (автоматизированное) внесение таких сведений в федеральную государственную информационную систему «Единая интегрированная информационная система "Соцстрах"» для последующе-

го ведения централизованного информационного учета.

Социальный фонд России обеспечивает предоставление сведений об участниках СВО в Фонд «Защитники Отечества» для обеспечения персонального сопровождения таких лиц в соответствии с заключаемым между указанными фондами соглашением об информационном взаимодействии, предусматривающим состав передаваемых сведений, способы и при необходимости форматы передачи сведений, включающие доступ к ним третьих лиц.

Непосредственную социальную работу с участниками СВО и их семьями осуществляют *социальные координаторы* — лица, замещающие специально учрежденные должности в Фонде «Защитники Отечества». Требования к социальным координаторам, включая требования к их подготовке, и правила их деятельности утверждены приказом Минтруда России от 28 апреля 2023 г. № 429н¹.

Лица, претендующие на должность «социальный координатор», должны соответствовать следующим требованиям:

1) наличие высшего или среднего профессионального образования;

2) опыт работы не менее трех лет (не распространяется на ветеранов боевых действий, принимавших участие (содействовавших выполнению задач) в СВО);

3) опыт работы от 1 года с людьми в трудной жизненной ситуации (требование не распространяется на ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях);

4) наличие профессиональных знаний по вопросам:

— получения статуса ветерана боевых действий;

— предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, и членам семей ветеранов боевых действий, погибших (умерших) при выполнении задач в ходе СВО (боевых

¹ Приказ Минтруда России от 28 апреля 2023 г. № 429н «Об утверждении требований к социальным координаторам, включая требования к их подготовке, и правила их деятельности».

действий), членам семей ветеранов боевых действий, умерших после увольнения с военной службы (службы, работы), если смерть таких лиц наступила вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при выполнении задач в ходе СВО (боевых действий), предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

— предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, членам семей погибших (умерших), предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами органов местного самоуправления;

— социального обслуживания и организации надомного (долговременного) ухода;

— установления инвалидности и обеспечения ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, являющихся инвалидами, современными техническими средствами реабилитации, протезами;

— реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий, рекомендованных в индивидуальных программах реабилитации и абилитации инвалидов;

— адаптации жилого помещения под индивидуальные потребности инвалида;

— организации оказания психолого-психотерапевтической помощи;

— содействия занятости населения, обеспечения государственных гарантий получения образования;

— особенности построения коммуникации с человеком, страдающим посттравматическим психическим расстройством.

Требования к подготовке лиц, претендующих на должность «социальный координатор», включают прохождение ими:

— собеседования, направленного на оценку ценностно-смысловой и мотивационной сферы личности, а также жизненной позиции, отношения к политике государства и специальной военной операции;

— личностно-профессиональной диагностики и оценки уровня коммуникатив-

ной компетентности, эмоционального интеллекта, навыков саморегуляции, стрессоустойчивости, уровня конфликтности;

— профессионального обучения по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «социальный координатор».

К обучению допускаются лица, прошедшие личностно-профессиональную диагностику и продемонстрировавшие по результатам личностно-профессиональной диагностики наличие следующих качеств:

— коммуникативная компетентность;

— эмпатия;

— доброжелательность;

— эмоциональный интеллект;

— саморегуляция;

— стрессоустойчивость;

— неконфликтность.

Деятельность социальных координаторов Фонда осуществляется с учетом:

— комплексности, последовательности, этапности и непрерывности персонального сопровождения ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, и членов семей погибших (умерших);

— индивидуального подхода в организации работы с ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, и членами семей погибших (умерших);

— соблюдения профессиональной этики;

— эмпатии и уважения к личности ветерана боевых действий, лица, принимавшего участие в боевых действиях, и члену семьи погибшего (умершего);

— обеспечения конфиденциальности полученной в процессе взаимодействия информации;

— обеспечения защиты прав гражданина при обработке его персональных данных.

Деятельность социальных координаторов направлена на:

1) комплексное персональное сопровождение ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, и членов семей погибших (умерших), в целях обеспечения предоставления мер поддержки, оказания социальных и иных

услуг, помощи, а также обеспечение социальной адаптации, интеграции и ресоциализации, обучения (переобучения, повышения квалификации), содействие в трудоустройстве ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях;

2) содействие в оказании ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, и членам семей погибших (умерших) содействия в психолого-психотерапевтической помощи, бесплатной юридической помощи по вопросам оформления и предоставления мер социальной поддержки, а также содействие в получении установленных законодательством Российской Федерации мер социальной поддержки;

3) содействие в обеспечении ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, в том числе не зарегистрированными в Российской Федерации, техническими средствами реабилитации, не входящими в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду;

4) содействие в получении ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, при наличии показаний, установленных законодательством Российской Федерации, услуг по медицинской реабилитации, паллиативной медицинской помощи, санаторно-курортного лечения, надомного (долговременного) ухода;

5) содействие в адаптации жилых помещений, используемых ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, являющимися инвалидами, под индивидуальные потребности;

б) содействие ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, в оформлении (восстановлении) документов и получении статуса ветерана боевых действий в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»;

7) содействие участию ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, в спортивных мероприятиях и вовлечение ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, являющихся инвалидами, в паралимпийское движение, культурно-досуговую деятельность;

8) содействие участию ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, в просветительской деятельности в сфере патриотического воспитания, работе с общественными организациями, объединениями ветеранов, волонтерами общественных проектов;

9) содействие участию ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, в мероприятиях по увековечению памяти ветеранов и их подвигов.

Деятельность социальных координаторов включает:

а) организацию комплексного персонального сопровождения в получении ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, и членами семей погибших (умерших):

— мер поддержки, социальных и иных услуг, помощи в порядке и сроки, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами органов местного самоуправления;

— мер поддержки членам семей погибших (умерших), помимо предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации;

— дополнительных мер поддержки, помощи ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, помимо предусмотренных законодательством Российской Федерации, за счет средств Фонда;

б) взаимодействие (коммуникацию) с ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях,

ях, членами семей погибших (умерших) лично и с использованием дистанционных технологий, в том числе с использованием мобильного приложения;

в) взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными медицинскими организациями и организациями социального обслуживания, а также федеральными органами исполнительной власти, межведомственной комиссией при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации по координации оказания необходимой социальной поддержки и помощи ветеранам территориальными отделениями Социального фонда России, главными бюро медико-социальной экспертизы по субъектам Российской Федерации, некоммерческими организациями и добровольческими (волонтерскими) организациями, осуществляющими деятельность по социальной поддержке и защите ветеранов боевых действий и членов семей погибших (умерших);

г) содействие в оформлении (восстановлении) документов и получении статуса ветерана боевых действий в соответствии с Федеральным законом «О ветеранах»;

д) консультирование ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погибших (умерших), в том числе по поступившим от них вопросам, информационное сопровождение;

е) рассмотрение поступивших обращений ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погибших (умерших) по вопросам предоставления мер поддержки, оказания социальных и иных услуг, помощи, в том числе посредством мобильного приложения, и организация помощи;

ж) осуществление мониторинга предоставления мер поддержки, оказания социальных и иных услуг, помощи ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, членам семей погибших (умерших);

з) содействие участию ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, в спортивных мероприятиях и вовлечению ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, являющихся инвалидами, в паралимпийское движение, культурно-досуговую деятельность;

и) содействие участию ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, в просветительской деятельности в сфере патриотического воспитания, в работе с общественными организациями, объединениями ветеранов, волонтерами общественных проектов, в мероприятиях по увековечению памяти ветеранов и их подвигов;

к) работу в информационной платформе социального сопровождения, а также с использованием мобильного приложения;

л) выезды в место фактического нахождения ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, и членов семей погибших (умерших) при необходимости.

Социальный координатор на основании сведений из централизованного информационного учета о демобилизации, увольнении с военной службы (службы, работы), гибели (смерти) ветерана боевых действий, лица, принимавшего участие в боевых действиях, и (или) межведомственной комиссии инициативно связывается с ветераном боевых действий, лицом, принимавшим участие в боевых действиях, членами семьи погибшего (умершего) в целях организации их персонального сопровождения.

В рамках персонального сопровождения ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погибших (умерших) социальные координаторы взаимодействуют с ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, членами семей погибших (умерших) лично, в том числе посредством предоставления указанным лицам возможности личного обращения в офис филиала Фонда, и (или) с использованием дистанционных технологий (мобильное приложение, информационная платформа социального

сопровождения Фонда). Коммуникация и информационный обмен с ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, членами семей погибших (умерших) осуществляется социальными координаторами с использованием информационной платформы социального сопровождения и связанного с ней мобильного приложения.

Социальный координатор осуществляет первичный (ознакомительный) выезд к ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, членам семей погибших (умерших):

- для личного знакомства с семьей;
- информирования о доступных мерах поддержки;
- выявления потребности в мерах поддержки, социальных и иных услугах, помощи;
- сбора информации о вопросах, требующих решения;
- установки мобильного приложения для связи с социальным координатором.

Социальный координатор обеспечивает установку мобильного приложения для коммуникации с ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, членами семей погибших (умерших), в том числе:

- проактивного обращения к ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, членам семей погибших (умерших);
- взаимодействия в режиме «одного окна» — получение обращений от ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погибших (умерших);
- направления ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, членам семей погибших (умерших) информации;
- загрузки файлов для направления документов в электронном виде;
- использования онлайн-чата с ветеранами боевых действий, лицами, принимавшими участие в боевых действиях, членами семей погибших (умерших);
- получения запроса от ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погиб-

ших (умерших) о телефонном разговоре с социальным координатором.

Социальный координатор осуществляет формирование и направление в информационной платформе социального сопровождения Фонда ветеранам боевых действий, лицам, принимавшим участие в боевых действиях, членам семей погибших (умерших) посредством мобильного приложения информации о:

- предоставляемых мерах поддержки, социальных и иных услугах, помощи;
- результатах рассмотрения и исполнения обращений ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погибших (умерших);
- вынесении вопроса на рассмотрение межведомственной комиссии и о принятом межведомственной комиссией решении.

Социальный координатор обеспечивает рассмотрение и оценку поступающих от ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, членов семей погибших (умерших) обращений. По итогам рассмотрения обращения социальный координатор обеспечивает внесение в информационную платформу социального сопровождения Фонда задачи для исполнения.

Социальный координатор информирует, в том числе посредством мобильного приложения, ветерана боевых действий, лицо, принимавшее участие в боевых действиях, члена семьи погибшего (умершего) о выполнении задачи, поставленной в обращении, либо о направлении вопроса, поставленного в обращении, для рассмотрения межведомственной комиссией, а также о решении проблемного вопроса, рассмотренного межведомственной комиссией в рамках обращения о предоставлении мер поддержки, оказания социальных и иных услуг, помощи.

В случае, если по результатам рассмотрения обращения ветерана боевых действий, лица, принимавшего участие в боевых действиях, социальным координатором направляется в экспертный совет Фонда заявка об обеспечении лекарственными препаратами, медицинскими изделиями и техническими средствами реабили-

тации и на адаптацию жилых помещений под индивидуальные потребности для ветерана боевых действий, лица, принимавшего участие в боевых действиях, социальный координатор информирует, в том числе посредством мобильного приложения, ветерана боевых действий, лицо, принимавшее участие в боевых действиях, об одобрении заявки, о принятом решении о предоставлении дополнительных, помимо предусмотренных законодательством Российской Федерации, мер поддержки, помощи, за счет средств Фонда (закупка лекарственных средств, медицинских изделий, технических средств реабилитации, средств адаптации).

Социальный координатор в проактивной форме информирует, в том числе посредством мобильного приложения, ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, о проводимых Фондом спортивных мероприятиях, о вовлечении ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, являющихся инвалидами, в паралимпийское движение, культурно-досуговую деятельность, в просветительскую деятельность в сфере патриотического воспитания (участие ветеранов боевых действий, лиц, принимавших участие в боевых действиях, в качестве спикеров на мероприятиях по патриотическому воспитанию молодежи), в работе с общественными организациями, объединениями ветеранов, волонтерами общественных проектов, в мероприятиях по увековечению памяти ветеранов и их подвигов.

Таким образом, за год своего существования Фонд «Защитники Отечества» занял заметное место в системе субъектов современной военно-социальной политики. Создана и продолжает совершенствоваться нормативная база деятельности Фонда и его сотрудников.

Как отметила на встрече с Президентом Российской Федерации руководитель Фонда А.Е. Цивилева, «за каждым ветераном, каждой семьей закреплен персональный социальный координатор, специально обученный для этой работы. На сегодняшний день это три с половиной тысячи сотрудников, которые работают в каждом

муниципалитете, в каждом малом городе для того, чтобы проактивно приезжать к ребятам, проживающим в деревнях, на отдаленных территориях. Чтобы они также были не обделены вниманием и получили свою помощь, которая им положена от государства, в полной мере». За время работы в Фонд, отметила А. Цивилева, поступило 910 тыс. обращений, из них по 780 тыс. уже приняты решения¹.

Говоря о дальнейших перспективах развития деятельности Фонда «Защитники Отечества», следует обратить внимание на необходимость уточнения круга лиц, в отношении которых осуществляется его деятельность. Как следует из его названия, это ветераны боевых действий из числа участников СВО и их семьи. Безусловно, это приоритет нынешней военно-социальной политики. Однако не в меньшей мере нуждаются в социальной поддержке ветераны боевых действий из числа участников иных вооруженных конфликтов (например, в Сирии, в Чеченской Республике, Южной Осетии и др.). Формально они остаются вне сферы действия Фонда, что чревато нарушением одного из важнейших принципов военно-социальной политики — принципа социальной справедливости.

Кроме того, круг этих лиц ограничен только ветеранами боевых действий, уже уволенными с военной и иной службы (с работы), а также семьями погибших участников СВО. В отношении же военнослужащих, сотрудников, добровольцев, находящихся «в строю», непосредственно участвующих в СВО, а также их семьи формально действие Фонда не распространяется. На это указала председатель Фонда в упомянутой выше беседе с Президентом Российской Федерации.

Все эти вопросы нуждаются в нормативном закреплении в соответствующих актах, регулирующих деятельность Фонда.

¹ Российская газета. 02.04.2024.

Проблемы реализации Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 в Вооруженных Силах Российской Федерации

© Лобода Александр Борисович,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя
Александра неевского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования назначения и осуществления единовременных выплат, установленных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей», в Вооруженных Силах Российской Федерации. Предложены пути разрешения выявленных проблем

Ключевые слова: социальные гарантии, специальная военная операция, гибель (смерть), ранение (контузия, травма, увечье), единовременная выплата.

Problems of implementation of the Decree of the President of the Russian Federation dated March 5, 2022 No. 98 in the Armed Forces of the Russian Federation

© Loboda A.B.,
Candidate of Law, Lecturer in the Department of
Theory and History of State and Law of the Higher
State Educational Institution of Higher Education
"Military University named after Prince Alexander
Nevsky" of the Ministry of Defense of the Russian
Federation

Annotation. The article discusses problematic aspects of the legal regulation of the appointment and implementation of lump-sum payments established by Decree of the President of the Russian Federation dated March 5, 2022 No. 98 "On additional social guarantees for military personnel, persons serving in the National Guard of the Russian Federation, and their family members" in the Armed Forces of the Russian Federation. The ways of solving the identified problems are proposed

Keywords: social guarantees, special military operation, death (death), injury (concussion, injury, mutilation), lump sum payment.

24 февраля 2022 г. Президентом Российской Федерации принято решение о начале на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины специальной военной операции (СВО), которая продолжается до настоящего времени.

Для военной науки и правоприменителя концептуально важно определиться с

правовой природой данного военного конфликта и мерами социальной поддержки, его участников¹. Это позволит иметь

¹ Тарадонов С.В. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 9(314). С. 15—21.

стройную систему правового регулирования, ясное и непротиворечивое законодательство военного времени¹.

В целях предоставления дополнительных мер социальной поддержки участникам СВО пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» (далее — Указ) установлены следующие выплаты:

— в случае гибели (смерти) военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, принимавших участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, военнослужащих, выполнявших специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики, либо смерти указанных военнослужащих и лиц до истечения одного года со дня их увольнения с военной службы (службы), наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы (службы), членам их семей осуществляется единовременная выплата в размере 5 млн. руб. в равных долях;

— военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальное звание полиции, принимающим участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, военнослужащим, выполняющим специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики, получившим ранение (контузию, травму,

увечье) в ходе проведения специальной военной операции (при выполнении специальных задач), осуществляется единовременная выплата в размере 3 млн. руб.²

В развитие положений Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 апреля 2022 г. № 236 утвержден Порядок назначения и осуществления единовременных выплат, установленных Указом.

В период СВО указанный Порядок дважды претерпел изменения (7 июля 2022 г. и 10 июля 2023 г.).

Так, согласно требованиям Порядка, в его первоначальной редакции, единовременная выплата за ранение выплачивалась финансовым органом по приказу командира воинской части, изданному на основании рапорта военнослужащего на получение единовременной выплаты и справки о ранении, оформленной военно-медицинской организацией (воинской частью). При этом единовременная выплата назначалась за увечья (ранения, травмы, контузии), относящиеся к тяжелым или легким согласно Перечню, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855. За ранения (контузии, травмы, увечья), не предусмотренные указанным Перечнем, рассматриваемая единовременная выплата не осуществлялась.

В последующем приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 июля 2022 г. № 393 в Порядок внесены изменения, согласно которым единовременная выплата стала выплачиваться за любые ранения (контузии, травмы, увечья) независимо от степени их тяжести.

Порядок назначения и осуществления единовременной выплаты в связи с гибелью (смертью) военнослужащего существенных изменений не претерпел.

Анализ практической деятельности по назначению и осуществлению единове-

¹ Тарадонов С.В., Норенко И.В. К вопросу о понятии «законодательство военного времени» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 2—8; Тарадонов С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование // Военное право. 2022. № 5(75). С. 21—34.

² Учитывая избранную тему данной статьи, в дальнейшем речь будет идти только о единовременных выплатах военнослужащим Вооружённых Сил Российской Федерации и членам их семей.

менной выплаты за ранение (контузию, травму, увечье) показал, что при действующем Порядке существенно затягивалось время на реализацию прав военнослужащих на её получение.

Данное обстоятельство во многом было обусловлено утратой справок о ранении (контузии, травме, увечье) и рапортов военнослужащих при их почтовой пересылке из военно-медицинских учреждений в воинские части.

В этой связи приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июля 2023 г. № 413 в Порядок вновь внесены изменения.

Так, согласно п. 2(1) Порядка, при поступлении на лечение (обращении за медицинской помощью) военнослужащего начальником (руководителем, командиром) военно-медицинской организации, части, в которую поступил (обратился) военнослужащий, организуется проведение мероприятий по установлению личности военнослужащего. После проведения указанных мероприятий начальник (руководитель, командир) военно-медицинской организации, части, в которую поступил (обратился) военнослужащий, организует подготовку справки о ранении военнослужащего и внесение в электронную базу данных¹, в которой осуществляется начисление денежного довольствия военнослужащим, ее электронно-графической копии с обязательным заполнением сведений о номере справки, дате выдачи справки, дате получения ранения и военно-медицинской организации, части, выдавшей справку, для осуществления единовременной выплаты военнослужащему.

Несмотря на внесенные в Порядок изменения, анализ правового регулирования назначения и осуществления рассматриваемых единовременных выплат в целом, как представляется, свидетельствует о его существенных недостатках.

Так, в соответствии с требованиями Указа основным условием для получения единовременных выплат является наступ-

ление событий, предусмотренных п. 1 Указа, в связи с участием в СВО на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины и выполнением специальных задач на территории Сирийской Арабской Республики.

Иных условий, в зависимости от которых была бы поставлена возможность назначения и осуществления единовременных выплат, Указ не содержит, в связи с чем при указанных обстоятельствах право на них наступает как при наступлении события, находящегося в причинной связи с действиями противника или боевыми действиями, так и при наступлении события, не находящегося в причинной связи с действиями противника и боевыми действиями (в том числе, связанного с личной неосторожностью военнослужащего, нахождением в состоянии алкогольного опьянения, совершением деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным и т.п.).

Кроме того, указанные выше изменения, касающиеся исключения из Порядка критерия тяжести ранения (контузии, травмы, увечья), позволяют получать единовременную выплату за любое незначительное повреждение.

Вполне очевидно, что сложившаяся практика осуществления единовременных выплат существенно противоречит общеправовому принципу справедливости и создаёт благоприятные условия для различных неправомерных (в том числе, коррупционных) проявлений, связанных с назначением и осуществлением рассматриваемых единовременных выплат.

Кроме того, в настоящей статье не затрагиваются вопросы участия в СВО частных военных компаний (ЧВК), поскольку само их наличие и применение в Российской Федерации вызывает много дискуссионных и чисто правовых вопросов². Между тем нельзя не признать, что личный состав ЧВК до недавнего времени активно и непосредственно был задействован в бое-

¹ Программное изделие ресурсного обеспечения «Алушта».

² См.: Норенко И.В. Частные военные компании: перспективы создания в России и возможные угрозы государственному суверенитету // Военное право. 2023. № 6 (82). С. 7—13.

вых действиях в ходе СВО и, исходя из обозначенного выше принципа справедливости, участники ЧВК также должны иметь право, как минимум, на публичное обсуждение затронутых в настоящей статье вопросов.

Учитывая изложенное, представляется необходимым внести в Указ следующие изменения:

1) подп. «а» п. 1 после слов «на территории Сирийской Арабской Республики,» дополнить словами «наступившей в результате действий противника либо связанной с боевыми действиями»;

2) подп. «б» п. 1 после слов «(при выполнении специальных задач)» дополнить словами «в результате действий противника либо связанное с боевыми действиями, за исключением повреждений, не причинивших вреда здоровью». Определение степени вреда здоровью следует осуществлять в соответствии с приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

При этом представляется, что за события, определенные п. 1 Указа и не находящиеся в причинной связи с действиями противника или боевыми действиями,

надлежит выплачивать компенсации в соответствии с положениями Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации».

Библиография

1. Норенко, И.В. Частные военные компании: перспективы создания в России и возможные угрозы государственному суверенитету / И.В. Норенко // Военное право. — 2023. — № 6 (82). — С. 7—13.
2. Тарадонов, С.В. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 9(314). — С. 15—21.
3. Тарадонов, С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование / С.В. Тарадонов // Военное право. — 2022. — № 5(75). — С. 21—34.
4. Тарадонов, С.В. К вопросу о понятии «законодательство военного времени» / С.В. Тарадонов, И.В. Норенко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(304). — С. 2—8.

Современные подходы к использованию информационных технологий в сфере организации воинского учета и призыва граждан Российской Федерации на военную службу

© Малаханов Александр Викторович,
преподаватель военного учебного центра при
Российском государственном университете
правосудия

Аннотация. В статье рассматриваются последние изменения, осуществляемые в системе организации воинского учета и призыва граждан Российской Федерации на военную службу. Автор приходит к выводу, что информационные технологии в данной сфере деятельности используются неэффективно и находит решение проблемы организации учета и призыва граждан на военную службу, в котором предлагает: 1) использовать ранее созданный государственный электронный информационный ресурс; 2) наполнение государственного электронного информационного ресурса осуществлять без участия оператора непосредственно органами власти, организациями и гражданами, владеющими соответствующей информацией; 3) обеспечить доступ к вышеуказанной информации органам власти, организациям, гражданам и лицам, осуществляющим воинский учет и призыв граждан на военную службу в части их касающейся.

Ключевые слова: воинский учет, призыв, военный комиссариат, реестр воинского учета, реестр повесток, информационные технологии.

Modern approaches to the use of information technologies in the field of organization of military registration and conscription of citizens of the Russian Federation for military service

© Malakhanov A.V.,
teacher of the military training center at the Russian state University of justice

Annotation. The article discusses the latest changes in the system of organization of military registration and conscription of citizens of the Russian Federation for military service. The author comes to the conclusion that information technologies in this field of activity are not used effectively and finds a solution to the problem of organizing accounting and conscription of citizens for military service, in which he suggests 1) using a previously created state electronic information resource, 2) filling a state electronic information resource without the participation of an operator directly by authorities, organizations and citizens, 3) provide access to the above information to authorities, organizations, citizens and individuals, carrying out military registration and conscription of citizens for military service in part concerning them.

Keywords: military registration, conscription, military commissariat, register of military registration, register of summonses, information technology.

Система воинского учета в Российской Федерации, которая до недавнего времени осуществлялась ручным, бумажным способом, с началом частичной мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», вскрыла свою несостоятельность. Как следствие,

реформирование в сфере организации воинского учета и призыва граждан Российской Федерации на военную службу не заставило себя ждать, по поводу чего в военно-правовых изданиях появились со-

ответствующие публикации¹. В целях повышения эффективности деятельности по ведению воинского учета вышел Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 854 «О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета». В данном Указе Президент Российской Федерации дает поручение Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной налоговой службе при участии Министерства обороны Российской Федерации до 1 апреля 2024 г. обеспечить формирование государственного информационного ресурса, содержащего сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета. В приложении к Указу перечисляются, какие именно сведения предоставляют федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и организации. При этом отмечается, что вышеуказанные сведения должны быть преобразованы в электронно-цифровую форму.

Позднее принят Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым вносятся существенные изменения, в том числе в порядок ведения воинского учета и призыва граждан на военную службу. Например, Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» дополнен:

— статьей 8.1, в п. 10 которой предусмотрено осуществление формирования реестра воинского учета в целях информационного обеспечения воинского учета;

— статьей 8.2, в которой предусмотрено, что реестр воинского учета форми-

руется военными комиссариатами в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в автоматизированном режиме на основании сведений государственного информационного ресурса, а также сведений, полученных военными комиссариатами из государственных информационных систем и ресурсов, от органов власти, организаций и граждан в письменной и (или) электронной форме;

— статьей 8.3, в которой предусмотрено формирование реестра направленных (врученных) повесток и т.д.

Дальнейшие изменения в порядке ведения воинского учета и призыва граждан на военную службу нашли свое отражение в Федеральном законе от 4 августа 2023 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Например, в п. 4 ст. 8.3 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» внесены изменения, в соответствии с которыми доступ к информации, содержащейся в реестре повесток, предоставляется помимо граждан, состоящих на воинском учете, в том числе и гражданам, не состоящим, но обязанным состоять на воинском учете. При этом всем вышеуказанным гражданам помимо доступа к реестру повесток предоставляется возможность получать выписки из реестра воинского учета.

Анализ вышеперечисленных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время проводится огромная работа в целях усовершенствования деятельности по организации воинского учета и призыва на военную службу в Российской Федерации. Вместе с тем видится, что использование информационных технологий в данной сфере деятельности осуществляется неэффективно. Учитывая, что информационные технологии предназначены для снижения трудоемкости процессов использования информационных ресурсов, видится, что создание нового государственного информационного ресурса, содержащего сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета, не соответствует вышеуказанному предна-

¹ Корякин В.М. Реформа воинского учета граждан Российской Федерации: правовой аспект // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 83—90; Норенко И.В. Использование цифровых технологий в сфере организации воинского учета и призыва на военную службу: критический анализ нового законодательства // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 129—137.

значению информационных технологий. Более эффективным представляется использование уже имеющихся электронных информационных ресурсов. Следует обратить внимание на портал «Госуслуги», который зарекомендовал себя незаменимым инструментом связи между государством и гражданином, в том числе и на выборах в Российской Федерации. По данным на первое полугодие 2022 г. на портале «Госуслуги» было зарегистрировано 96,5 млн. человек¹. По словам главы Минцифры России, если брать население от 15 до 70 лет, то уже 9 из 10 человек присутствуют на портале. На второе полугодие 2023 г. количество верифицированных пользователей «Госуслуги» составляло 103 млн. человек². Число обращений граждан через «Госуслуги» в 2023 г. составило 48 млн. обращений в месяц. Видится, что формирование Единого электронного реестра воинского учета может происходить в автоматизированном режиме через портал «Госуслуги» посредством соответствующего программного обеспечения.

Первоначальная постановка на воинский учет граждан мужского пола в соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» осуществляется в год достижения ими возраста 17 лет, то есть привязана к соответствующему возрасту. Очевидно, что, увязав получение паспорта с обязательной регистрацией гражданина на портале «Госуслуги», можно формировать реестр воинского учета в автоматическом режиме. Для этого необходимо, чтобы граждане при получении паспорта подавали заявление через портал «Госуслуги», для чего потребуется обязательная регистрация. Вместе с тем, гражданин может обратиться для получения паспорта в соответствующие органы, непосредственно посетив их. В таком случае регистрацию на портале «Госуслуги» и

формирование заявления гражданину поможет выполнить соответствующий сотрудник. В дальнейшем при достижении призывного возраста информация в автоматическом режиме будет уходить в Единый электронный реестр воинского учета, который таким образом будет формироваться без непосредственного участия человека, вместе с тем все граждане мужского пола при достижении ими призывного возраста будут поставлены на воинский учет.

Представляется, что возложение обязанностей на федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и организации подавать оператору государственного информационного ресурса сведения необходимые для ведения воинского учета в электронной форме не слишком облегчат рутинную работу, которая до настоящего времени выполнялась ими вручную на бумагоносителях. В тоже время всю информацию, полученную в электронном варианте, оператор должен включать в государственный информационный ресурс, то есть в цепочку формирования этого ресурса искусственно вносится дополнительный элемент в лице оператора (передача информации происходит не напрямую от органов власти и организаций в государственный информационный ресурс, а от органов власти и организаций к оператору, а от оператора — в государственный информационный ресурс), что не согласуется с принципами использования информационных технологий. Видится, что федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и организации должны вносить информацию, содержащую сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета, напрямую в единую базу на портале «Госуслуги» или вновь созданный информационный ресурс, не передавая их оператору. Рассмотрим на конкретном примере, как это может выглядеть.

В соответствии с п. 5 Перечня сведений, предоставляемых федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской

¹ <https://rg.ru/2022/04/05/portalom-gosuslugi-ezhednevno-polzuiutsia-95-mln-chelovek.html>
31.01.2024

²

<https://tass.ru/obschestvo/18501223?ysclid=ls1sz49wp-x878890257> 31.01.2024

Федерации и организациями, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 854 «О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета» Минобрнауки России и органы государственной власти субъектов Российской Федерации предоставляют сведения о гражданах, обучающихся по очной форме обучения в образовательных организациях высшего образования по имеющим государственную аккредитацию программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, программам ординатуры, ассистентуры-стажировки, программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Видится, что граждане при поступлении в указанные выше организации будут подавать заявление на поступление через портал «Госуслуги». В случае поступления гражданина на обучение в одну из вышеперечисленных организаций данная организация вносит информацию об их поступлении на портал «Госуслуги», откуда эта информация в автоматическом режиме будет отправляться в реестр воинского учета.

Представляется, что все сведения, содержащиеся в реестре воинского учета, должны формироваться в автоматическом режиме. Как это практически осуществить? Необходимо поочередно брать конкретные сведения, содержащиеся в реестре воинского учета, определять орган власти или организацию, которая должна предоставлять эти сведения и вырабатывать механизм передачи этих сведений от органа власти или организации до реестра воинского учета. При этом видится, что сведения, необходимые для ведения воинского учета и осуществления призыва граждан на военную службу, должны вноситься непосредственно органами власти и организациями в государственный электронный информационный ресурс, а из него в автоматическом режиме перетекать в реестр воинского учета.

В тоже время необходимо обеспечить доступ органов власти, организаций и граждан к portalу «Госуслуги» или вновь

созданному информационному ресурсу и реестру воинского учета только в части, их касающейся, с целью соблюдения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Видится, что формирование реестра направленных (врученных) повесток не соответствует принципам использования информационных технологий. Целесообразно, чтобы сведения, содержащиеся в вышеуказанном реестре, включались в реестр воинского учета в автоматическом режиме по средствам передачи информации о повестках и других уведомлениях через портал «Госуслуги», а доступ граждан к ним должен быть обеспечен в части их касающейся.

Представляется, что медицинское освидетельствование граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу должно осуществляться с использованием информационных технологий. В настоящее время до начала освидетельствования при первоначальной постановке на воинский учет и при призыве на военную службу граждане проходят в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения обязательные диагностические исследования в соответствии с п. 14 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565. В соответствии с последним абзацем п. 13 вышеуказанного Положения перед очередным призывом граждан на военную службу до 15 марта (15 сентября) военный комиссар муниципального образования (муниципальных образований) запрашивает сведения, характеризующие состояние здоровья граждан, подлежащих призыву на военную службу, указанные в абзаце первом п. 10 указанного Положения. Указанный запрос направляется военными комиссариатами муниципальных образований в форме электронного документа с использованием единой системы

межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия, а при отсутствии доступа к этой системе — на бумажном носителе с соблюдением требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных. Запрашиваемая информация предоставляется в той же форме, в какой был направлен запрос, с соблюдением требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных. В данном случае видится, что должностным лицам, проводящим медицинское освидетельствование граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу, должен быть предоставлен доступ к электронным медицинским картам вышеуказанных граждан. Для этого необходимо привязать к личному кабинету гражданина на портале «Госуслуги» его электронную медицинскую карту и обеспечить к ней доступ лиц, проводящих освидетельствование, через реестр воинского учета. В результате отпадет необходимость в запросе информации, необходимой для проведения освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу, так

как эта информация будет доступна онлайн.

Видится, что предложенный механизм использования информационных технологий в сфере организации воинского учета и призыва граждан Российской Федерации на военную службу в полном объеме можно реализовать в качестве пилотного проекта в городе Москве — субъекте Российской Федерации, что в значительной степени позволит облегчить работу федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, которые предоставляют сведения, необходимые для формирования реестра воинского учета, а также должностных лиц, которые принимают участие в организации воинского учета и призыва граждан Российской Федерации на военную службу.

Библиография

1. Корякин, В.М. Реформа воинского учета граждан Российской Федерации: правовой аспект / В.М. Корякин // Военное право. — 2023. — № 5 (81). — С. 83—90.
2. Норенко, И.В. Использование цифровых технологий в сфере организации воинского учета и призыва на военную службу: критический анализ нового законодательства / И.В. Норенко // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 129 — 137.

Особенности признания лиц «фактическими воспитателями» военнослужащих, погибших при проведении специальной военной операции, в судебном порядке

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор 25 кафедры Военного университета

© Кирпичникова Марина Александровна,
начальник юридического отделения ФКУ «Военный комиссариат Республики Карелия»

Аннотация. В статье в рамках государственных гарантий и мер социальной поддержки военнослужащих и членов их семей рассматривается вопрос признания лиц фактическими воспитателями военнослужащих, погибших при участии в специальной военной операции. Анализируется законодательство, проводится сравнение понятий, выявляются сходства и различия в терминологии, осуществляется обзор судебной практики по рассмотрению дел о признании фактическими воспитателями погибших военнослужащих лиц, в том числе опекунов, ранее не признаваемых судами в качестве таковых.

Ключевые слова: фактический воспитатель, погибший военнослужащий, специальная военная операция, социальные гарантии, судебные решения.

Peculiarities of in-court acknowledgement of persons as “factual caregivers” of servicemen perished in special military operation

© Kholikov I.V.,
Chief Researcher of the Center of International Law and Comparative-Legal Studies at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of 25 Chair at Military University, Doctor of Law, Professor

© Kirpichnikova M.A.,
Chief of Legal Section of Military Commissariat of the Republic of Karelia

Abstract. The article considers the issue of acknowledgement of persons as factual caregivers of servicemen perished in special military operations within the framework of state guarantees and measures of social support of servicemen and their family members. The analyses of the legislation is provided, the differences and similarities of terminology are revealed and the overview of court practice on hearing the cases of acknowledgement of persons as factual caregivers of perished servicemen, including the guardians, not considered as such previously.

Keywords: factual caregiver, perished serviceman, special military operation, social guarantees, court decisions.

В системе действующего законодательства Российской Федерации дефиниция «фактический воспитатель» раскрыта недостаточно полно. Лишь ст. 96 СК РФ косвенно определяет фактического воспитателя как лицо, осуществлявшее фактическое воспитание и содержание несовершеннолетних детей. Вместе с тем, данная статья делает отсылочную норму, что опекуны, попечители и приёмные родители к фактическим воспитателям отнесены быть не могут.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 50 Постановления от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (далее — Постановление Пленума № 56) корреспондирует указанной статье СК РФ, в связи с чем анализ судебной практики показывает, что суды не признавали граждан фактическими воспитателями несовершеннолетних в случае оформления над ними опеки, попечительства или приёма ребёнка в свою семью.

Проводимая Российской Федерацией специальная военная операция формирует специфику специального законодательства в системе военного права, образующего отдельную предметную область, активными темпами коррелирует её¹, при этом, можно сказать СВО «спровоцировала» обращение внимания законодателя и юридического сообщества в целом к институту семьи и термину «фактический воспитатель». Это касается, конечно, социальных гарантий государства вследствие гибели военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, гражданина, пребывавшего в добровольческом формировании, или инвалида вследствие военной травмы, гражданина, ставшего инвалидом вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании

в добровольческом формировании при исполнении обязанностей военной службы членам его семьи². Круг лиц, претендующих на определённые государством обязательства в виде денежных выплат закреплён сразу в нескольких нормативных правовых актах.

Во-первых, это Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» (далее — Федеральный закон 52-ФЗ), во-вторых, Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее — Федеральный закон № 306-ФЗ) и, в-третьих, Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» (далее — Указ Президента № 98).

Следует заметить, что последний нормативный правовой акт определяет лиц, которым в результате гибели военнослужащего в равных долях полагается

¹ Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47.

² См. подробнее: Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4. С. 85—93; Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024; Холиков И.В., Белоусова М.А. Вопросы осуществления единовременной выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 99—107.

единовременная выплата в размере 5 млн. руб. и отправляет их к категории членов семьи военнослужащего, указанных в ч. 11 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ.

В соответствии с ч. 11 ст. 3 указанного закона членами семьи погибшего военнослужащего, имеющими право на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3, и ежемесячной денежной компенсации, установленной ч. 9 и 10 этой же статьи, считается, кроме супругов, родителей, детей, не достигших возраста 18 лет, или старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, детей, обучающихся в образовательных организациях по очной форме обучения, — до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет, также лица, признанные фактически воспитывавшими и содержавшими военнослужащего в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия. Признание лица фактическим воспитателем производится судом в порядке особого производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Во исполнение Указа Президента № 98 Министерством обороны Российской Федерации издан приказ от 22 апреля 2022 г. № 236 «Об определении Порядка назначения и осуществления единовременных выплат, установленных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей», в Вооруженных Силах Российской Федерации». К заявлению для назначения единовременной денежной выплаты в случае гибели военнослужащего прилагаются копии решения судов о признании заявителя фактическим воспитателем.

Указом Президента Российской Федерации от 8 апреля 2024 г. № 245 в Указ Президента № 98 введена норма, которая позволяет при отсутствии членов семьи получить единовременную выплату в равных долях совершеннолетним детям указанных военнослужащих, соответственно,

в случае отсутствия совершеннолетних детей на выплаты вправе претендовать полнородные и неполнородные братья и сестры.

Таким образом, мы четко видим, что федеральный законодатель фактического воспитателя приравнял в объеме прав к категории «член семьи военнослужащего».

Концепцией внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. определены национальные интересы России, защита которых требует увеличения численности Вооруженных Сил Российской Федерации на непосредственной линии обороны на новых территориях, замену личного состава с учётом боевых потерь. В силу возложения обязанностей на военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, по вооруженной защите Российской Федерации, сопровождающихся риском для жизни им предоставляются социальные гарантии и компенсации¹. Как отмечает А.В. Кудашкин, характерным принципом для структуры элементов отрасли военного права является принцип социально-правовой защиты военнослужащих, который исходит из общих принципов теории права, в частности таких как: принцип непротиворечивости норм, составляющих действующую правовую систему государства, и приоритет закона перед иными нормативными правовыми актами, принцип справедливости, выраженный в равном юридическом масштабе поведения и в строгой соразмерности юридической ответственности допущенному правонарушению².

Все военнослужащие являются застрахованными по обязательному государственному личному страхованию за счет средств федерального бюджета.

¹ Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

² Кудашкин А.В. Принципы военного права // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 6. С. 10.

Страховым случаем в соответствии со ст. 4 Федерального закона 52-ФЗ является гибель военнослужащего. Страховые суммы, выплачиваемые выгодоприобретателям, устанавливаются ст. 5 обозначенного выше закона, размер которых ежегодно увеличивается и рассчитывается на день выплаты страховой суммы¹.

Следует заметить, что отрасль военного права старается не отставать от реалий современного общества и его потребностей², и в период конфликтного состояния межгосударственных отношений законодатель стремится в короткие сроки урегулировать неопределённости и коллизии права. Так, например, до 14 июля 2022 г. признанные фактическими воспитателями лица не могли претендовать на статус выгодоприобретателей и получить предусмотренные страховые выплаты. Правовой пробел на сегодняшний день откорректирован — дополнительно введена новая категория выгодоприобретателей по обязательному государственному страхованию в случае гибели (смерти) застрахованного лица: «лицо, признанное фактически воспитывавшим и содержавшим застрахованное лицо в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия» (далее — фактический воспитатель). Законодатель предусмотрел порядок признания лица фактическим воспитателем: установление данного юридического факта только судом в порядке особого производства. При этом для

дедушки и (или) бабушки военнослужащего необходимость признания их выгодоприобретателями по обязательному государственному страхованию застрахованного внука-военнослужащего при условии, что они воспитывали и (или) содержали его не менее трех лет в связи с отсутствием у него родителей, не требуется. Аналогично, в отношении отчима и (или) мачехи застрахованного лица при условии, что они воспитывали и (или) содержали его не менее пяти лет, признания их фактическим воспитателем судом не предусматривается.

Для некоторых семей, которые потеряли в период проведения специальной военной операции близкого человека, возможность получения обязательных выплат и компенсаций от государства оказывается затруднительной. Причиной тому служат различные комбинации отношений в семье. В помощь таким гражданам в стране создаются государственные и негосударственные фонды, реализуется интеграционный потенциал волонтерской деятельности, позволяющий волонтерам-студентам эффективно решать широкий круг задач, одновременно с собственным профессионально-личностным и патриотическим развитием в условиях взаимосвязи образовательной среды и общества³.

Не затрагивая их многообразие, постараемся рассмотреть взаимоотношения: фактический воспитатель — воспитанник.

В военном праве термин «фактический воспитатель» не используется. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» в качестве круга лиц, имеющих отношение к военнослужащему, определяет категорию «член

¹ Холиков И.В. Правовые аспекты социального обеспечения военнослужащих в Российской Федерации // Сборник научных трудов: доклады, научные сообщения, статьи. Москва, 25 ноября 2010 г. Выпуск 4. М.: Московский новый юридический институт, 2011. С. 86—94.

² Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. [и др.] Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате "круглого стола" по материалам гл. 6 "Военные проблемы международного права" т. III монографии "Военное право") // Государство и право. 2022. № 12. С. 59—67; Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3(55). С. 21—28.

³ См.: Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. М.: КноРус, 2021; Грувер Н.В., Землин А.И., Землина О.М. [и др.] Правовые и организационные основы добровольческой (волонтерской) деятельности : учебник. М.: КноРус, 2021.

семьи военнослужащего» и в ст. 2 их перечисляет. При этом вводит оговорку: «если иное не установлено настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами». Обозначенный выше нормативный правовой акт в п. 14 ст. 15 дополнительно указывает, что для получения государственного жилищного сертификата член семьи осуществляет совместное проживание с военнослужащим. Отсутствие унифицированного понятия члена семьи военнослужащего в российской правовой системе и необходимости процесса подзаконного правотворчества, позволяющее расширительно толковать вышеуказанное словосочетание, А.В. Кудашкин выделяет как главную проблему в реализации военнослужащими их права на жилище¹.

Можно ли «фактического воспитателя» отнести к члену семьи, особенно когда он не является близким родственником воспитанника?

Анализируя СК РФ (ст. 2), ЖК РФ (ч. 1 ст. 31, ч. 1 ст. 69); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (п. 25), Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (п. 11, 25), напрашивается вывод, что обязательной составляющей, характеризующей принадлежность одного гражданина к члену семьи другого, является их совместное проживание и ведение общего хозяйства. В своих научных работах о проблемах реализации социальных гарантий, представленных законодательством членам семьи военнослужащего, Н.В. Антипьева применительно к членам семьи военнослужащего использует

понятие «совместность»². На примерах судебной практики по обеспечению военнослужащего и членов его семьи жилым помещением в своих исследованиях Е.А. Капитонова также приходит к выводу, что членами семьи могут быть люди, проживающие в одном жилом помещении³.

Представляется, что неологизм «фактический воспитатель» необычен и чужд для военного права, однако, в последнее время он прочно входит в общеупотребительное словосочетание, вплетается в правовые конструкции и, всё более ощущается необходимым в институте социальной защиты военнослужащих, требует принципиальной корректировки. Ключевым для понимания данного термина, всё же является слово «воспитание», значений которого насчитывается более сотни.

Толковый словарь С.И. Ожегова трактует «воспитание» как навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в смысл понятия вкладывает следующее: воспитание — деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и

¹ Кудашкин А.В., Аксенова Т.Г. Члены семьи военнослужащего – кто они? (К вопросу о конкуренции правовых норм в жилищных отношениях с участием военнослужащих) // Военное право. 2016. № 1. С. 37.

² Антипьева Н.В. Военнослужащие и члены их семей как субъекты правоотношений по социальному обеспечению // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 233.

³ Капитонова Е.А. Проблемы реализации социальных гарантий, предоставленных законодательством членам семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 9. С. 32.

правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде.

Большая Советская Энциклопедия под воспитанием предлагает понимать процесс целенаправленного, систематического формирования личности в целях подготовки её к активному участию в общественной, производственной и культурной жизни.

Таким образом, обобщая предложенные формулировки, можно сказать, что воспитание гражданина — это процесс, деятельность, определённая работа, в связи с чем, применительно к слову «фактический» в рассматриваемом словосочетании, усматривается лицо, постоянно находящееся с тем, кого оно воспитывает. Соответственно, если в семье, как в ячейке общества, зарождается, формируется и осуществляется воспитание человеческой личности, значит «воспитатель» в обязательном порядке должен жить в семье, т.е. ему в категории «член семьи несовершеннолетнего ребёнка» должно быть место. Законодатель в правовой норме Федерального закона № 306-ФЗ предусмотрительно расставил акценты таким образом, что требование о «содержании» несовершеннолетнего ребёнка оказалось менее значимым по сравнению с «воспитанием». В данной ситуации, когда речь идёт о «содержании», усматривается схожесть с понятием «иждивение», которое достаточно широко используется в институте социальных гарантий для военнослужащих. Ещё одно условие — это то, что период «не менее пяти лет до совершеннолетия гражданина», который в обязательном порядке учитывается судом, определён в качестве критерия, позволяющего оценить степень прочности взаимоотношений воспитателя с воспитанником. Как правило, лицо, проживающее с одним из родителей и воспитывающее в течение не менее пяти лет до совершеннолетия погибшего военнослужащего, достаточно легко доказывает в суде факт содержания несовершеннолетнего в семье.

В случае установления в судебном процессе наличия спора о праве, суд отказывает в рассмотрении со ссылкой на необходимость направления требований в порядке искового судопроизводства. Даже в этом случае, привлекая дополнительные средства доказывания, граждане могут быть признаны «фактическими воспитателями» военнослужащего до достижения им совершеннолетия.

Жизненные ситуации, когда отсутствуют оба законных представителя — родители по причине смерти, отказа от ребёнка или лишения (ограничения) в родительских правах судом и ответственность за жизнь и здоровье несовершеннолетнего фактически делегирована решением об опеке (попечительстве) или договором о приёме в приёмную семью государственными органами третьему лицу (лицам), независимо родственнику или стороннему лицу, вызывают дискуссию.

Причиной является уже упомянутое Постановление Пленума № 56, которое прямо указывает на отсутствие права опекунов (попечителей) усыновителей, приемных родителей или патронатных воспитателей на получение в будущем алиментов со своего воспитанника, достигшего 18-летия. Судом сделан вывод о том, что такие граждане не могут признаваться «фактическими воспитателями». Определением Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 ноября 2023 г. по делу № 8Г-22352/2023 оставлены без изменения решения нижестоящих судов о признании отчима фактическим воспитателем погибшего на СВО пасынка, при этом в мотивировочной части указано, что лицо, претендующее на статус фактического воспитателя, не признавалось опекуном и не получало за это денежные средства, а содержало и воспитывало несовершеннолетнего ребёнка супруги.

Основываясь на разъяснениях Постановления Пленума № 56, Определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Карелия от 20 февраля 2023 г. отменено решение Пряжинского районного суда Республики Карелия от 3 октября 2022 г. по делу № 2-

306/2022 которым опекун признан «фактическим воспитателем» погибшего военнослужащего.

В настоящее время судебная практика стала формироваться в ином ключе. Так, судебными решениями Муезерского районного суда Республики Карелия, вступившими в законную силу, удовлетворены требования опекунов о признании их «фактическими воспитателям» в особом производстве по делам от 23 января 2024 г. № 2-31/2024, от 20 марта 2024 г. № 2-58/2024. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Карелия от 4 марта 2024 г. по делу № 33-594/2024 отменено решение суда первой инстанции, рассмотревшего дело в исковом производстве и отказавшего опекуну в удовлетворении требований о признании фактическим воспитателем погибшего воспитанника по причине получения им дохода от государства в течение 5 лет при наделении его полномочиями опекуна (попечителя) и алиментов, выплачиваемых отцом ребёнка, ограниченного в родительских правах в связи с противоправными действиями в отношении матери несовершеннолетнего и своего сына. Вторая инстанция пересмотрела ситуацию с позиции участия (опекуна /попечителя) в жизни ребёнка, оценила представленные доказательства: совместного проживания истца с ребёнком, научения его навыкам рабочих профессий, заботу и поддержку в период учёбы в школе и среднем образовательном учреждении, а также совокупность воспитательского труда в становлении и формировании подростка как полноценной психически уравновешенной личности с высокой степенью патриотического развития, побудившей его после срочной военной службы заключить контракт с Министерством обороны Российской Федерации для защиты интересов своей Родины. Особое внимание коллегия уделила военно-учётным данным, где в качестве члена семьи военнослужащий указал опекуна. Повторно была дана оценка свидетельским показаниям соседей, друзей семьи, преподавательского состава образовательного учреждения.

На этом примере видно, что в судебном процессе суд не ограничился в установлении только того узкого критерия, определённого законодателем для признания за гражданином статуса «фактического воспитателя», а подошёл к вопросу обстоятельно, проводя параллельные грани в виде признания опекуна и воспитанника членами одной семьи.

Возможность признания «фактическим воспитателем» опекуна погибшего на СВО военнослужащего не исключается Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 15 января 2024 г. № 73-КГ23-7-К8. Это подтверждает, что на меняющуюся правовую реальность, генезис судебной системы, тенденции и закономерности её развития оказывают влияние различные факторы, чья значимость и роль всесторонне и обоснованно раскрыты на конкретных примерах исторических событий¹.

Безусловно, в суде при признании лица фактическим воспитателем должен быть установлен факт надлежащего исполнения обязанностей истца (заявителя), т.е. по обязательствам, схожими с родительскими: осуществлялись ли защита и забота о ребёнке с целью его здорового развития во взрослой жизни, забота о его физическом, психическом, нравственном и духовном развитии, содержание не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия. В качестве примера ненадлежащего исполнения обязанностей можно

¹ См. например: Наумов П.Ю. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Холиков И.В., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51—62; Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103—127; Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604.

выделить: проживание ребенка в условиях, несоответствующих санитарным нормам, создание препятствий к получению им общего образования, медицинского обслуживания, непонимание и отсутствие внимания к ребёнку, т.е. нерадивое, формальное, несвоевременное, неполное осуществление своих обязанностей в ущерб интересам и правам воспитанника.

На сегодняшний день как никогда актуальным остаётся вопрос о структурировании и урегулировании правовых механизмов социальной защиты граждан, подписывающих контракты о прохождении военной службы, в том числе, для участия в специальной военной операции, в рамках реализации основной функции государства по совершенствованию защиты военнослужащих и членов их семей.

Назрела необходимость установления дополнительных критериев, в том числе на уровне ведомственных подзаконных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации для оценки возможности признания судом опекуна (попечителя), родителей приёмных и патронатных семей. Существенным и неопровержимым доказательством в судебных процессах могут послужить автобиография поступающего на военную службу по контракту гражданина или соответствующая анкета, в которых выражено отношение к составу его семьи и лицам, которых кандидат считает членами своей семьи. При наличии указаний вышестоящего командования, пункты отбора граждан на военную службу в субъектах Российской Федерации и военные комиссариаты дополнительно могли бы акцентировать граждан на проставление этих сведений в формируемых личных делах военнослужащего.

Библиография

1. Антипьева, Н.В. Военнослужащие и члены их семей как субъекты правоотношений по социальному обеспечению / Н.В. Антипьева // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 4. — С. 228—234.
2. Большакова, В.М. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации / В.М. Большакова, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2022. — Т. 14. — № 1. — С. 103—

127. — DOI 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127.

3. Большакова, В.М. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы / В.М. Большакова, И.В. Холиков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 58. — С. 579—604. — DOI 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604.

4. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. — 449 с.

5. Гаврилов, С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. — 2022. — № 12. — С. 59—67. — DOI 10.31857/S102694520023301-2.

6. Грувер, Н.В. Правовые и организационные основы добровольческой (волонтерской) деятельности : Учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / Н.В. Грувер, А.И. Землин, О.М. Землина [и др.]. — Москва: КноРус, 2021. — 158 с.

7. Грувер, Н.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции / Н.В. Грувер, А. И. Землин, И. В. Холиков. — Москва: КноРус, 2021. — 264.

8. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3(55). — С. 21—28.

9. Капитонова, Е.А. Проблемы реализации социальных гарантий, предоставленных законодательством членам семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту / Е.А. Капитонова // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 9. — С. 31—39.

10. Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 85—93.

11. Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум / В.М. Корякин. — Москва: Русайнс, 2024. — 294 с.

12. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном

праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.

13. Кудашкин, А.В. Принципы военного права / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 6. — С. 5—18.

14. Кудашкин, А.В. Члены семьи военнослужащего — кто они? (К вопросу о конкуренции правовых норм в жилищных отношениях с участием военнослужащих) / А.В. Кудашкин, Т.Г. Аксенова // Военное право. — 2016. — № 1. — С. 31—40.

15. Наумов, П.Ю. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) /

В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, И.В. Холиков, Р.В. Зелепукин // Государство и право. — 2022. — № 10. — С. 51—62. — DOI 10.31857/S102694520021788-7.

16. Холиков, И.В. Правовые аспекты социального обеспечения военнослужащих в Российской Федерации / И.В. Холиков // Сборник научных трудов: доклады, научные сообщения, статьи. Москва, 25 ноября 2010 г. Выпуск 4. — Москва: Московский новый юридический институт, 2011. — С. 86—94.

17. Холиков, И.В. Вопросы осуществления единовременной выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции / И.В. Холиков, М.А. Белоусова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 8 (313). — С. 99—107.

Судебная деятельность

Общая характеристика военных судов Испании

© Бочаров Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Автор на основе анализа законодательства и публикаций проводит исследование особенностей нормативного регулирования формирования и деятельности военных судов в Испании. Исследуются основные подходы к интеграции военных судов в общую судебную систему, под влиянием требований Европейского союза. Раскрываются основные проблемы разграничения компетенции судов общей юрисдикции и военных судов, а также недостатки при осуществлении формирования военных судов из представителей военно-юридического корпуса.

Ключевые слова: военные суды Испании, принципы формирования военных судов, Центральный военный суд Испании, военнослужащие военного суда Испании.

General characteristics of Spanish military vessels

© Bocharov A.V.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The author, based on an analysis of legislation and publications, conducts a study of the features of legislative regulation of the formation and activities of military courts in Spain. Ways to integrate military courts into the general judicial system are being explored, while complying with the requirements of the European Union. The uncertainty in delimiting the competence of courts of general jurisdiction and military courts, as well as the principles for determining jurisdiction, is revealed. The author identifies the problems of the formation and operation of military courts from representatives of the military legal corps without the participation of professional judges.

Key words: military courts of Spain, principles of formation of military courts, Central Military Court of Spain, military personnel of the military court of Spain.

Вопросы военной юстиции в большинстве случаев в силу их специфического статуса представляют собой уникальные по своей природе явления. Они непосредственно связаны с обороной страны, а значит прямо влияют на такой признак государства, как суверенитет. В то же время происходящие процессы глобализации и формирования и расширения различных военно-политических блоков заставляют страны приспосабливаться к новым правовым условиям.

В настоящее время одной из традици-

онно западных стран, обладающей уникальной системой военных судов, является Испания. Общая характеристика судебной системы Испании представлена в отечественной юридической науке в работах И.И. Бригадина¹, А.А. Соловьева²,

¹ Бригадин И.И. Судебная система Испании: общие вопросы функционирования // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. №6. С. 21—24.

² Соловьёв А.А. Состав Генерального совета судебной власти Королевства Испания и порядок его

А.В. Шашковой¹ и др., Однако практически отсутствуют исследования, посвященные анализу правового регулирования и деятельности специализированных, а конкретно, военных судов Испании.

Военные судебные органы Испании представляют интерес в том плане, что они, несмотря на общую интеграцию в судебную систему, представляют собой достаточно обособленную структуру. Можно выделить три основных отличительных признака данных органов: по законодательному регулированию, по субъектному составу, по способу формирования.

На протяжении длительного периода в Испании существует специальная правовая система военной юстиции (правосудия). В 1988 г. произошло слияние военных судов и иных судов в соответствии с принципом единства юрисдикции, закрепленным в ч. 5 ст. 117 Конституции Испании 1978 г.: «закон регулирует осуществление военного правосудия исключительно в военной области, в условиях осадного положения, в соответствии с принципами Конституции». В настоящее время основными законами, регулирующими деятельность военных судебных органов являются: Военно-уголовный кодекс (Código Penal Militar), утвержденный Органическим законом 13/1985 от 13 декабря; Закон о компетенции и организации военной юрисдикции (de la Competencia y Organización de la Jurisdicción Militar), утвержденный Органическим законом 4/1987 от 15 июля; Закон 44/1998 от 15 декабря 1998 г. о структуре и территориальной организации военной юрисдикции (de Planta y Organización Territorial de la Jurisdicción Militar).

Указанные законы не только устанавливают специальную подсудность военных судов, но и основные принципы их деятельности, в частности, устанавливают независимость и несменяемость военных

судов, а также закрепляя изменение судебной структуры Испании через выделение пятой Военной коллегии Верховного Суда.

Вместе с тем, ст. 2 Органического закона о компетенции и организации военной юрисдикции 4/1987 предусматривает, что «осуществление военных юрисдикционных полномочий по рассмотрению и приведению в исполнение решений судов по вопросам, входящим в их компетенцию, принадлежит исключительно военным судебным органам, учрежденным настоящим Законом», а именно Военной коллегии Верховного суда (la Sala de lo Militar del Tribunal Supremo), Центральному Военному суду (el Tribunal Militar Central), Территориальным военным судам (los Tribunales Militares Territoriales) и Объединенным Военным судам (los Juzgados Togados Militares).

Проведенная реформа позволила Испании отойти от старого принципа определения компетенции военных судов на основе исключительно статуса военнослужащего и места происхождения (территории отнесенные к местам прохождения военной службы). В настоящее время используется более прогрессивный подход на основе бланкетной нормы, отсылающей к военно-уголовному кодексу Испании и категорий «военные преступления» (delitos militares), дисциплинарные нарушения и другие отношения, специально отнесенные к военной юрисдикции. Для принятия дела к своему производству военный суд должен установить, что юридическая ответственность будет наступать за нарушения в области публичного права и за действия, непосредственно связанные с осуществлением военной службы.

Это означает, что в основе определения компетенции военных судов лежит не субъектный, а предметный состав. Такой подход можно было бы назвать прогрессивным, если бы не промежуточный характер военно-уголовного законодательства. Поскольку п. 2 ст. 1 указывает, что «Положения Уголовного кодекса применяются к военным преступлениям, если деяние прямо не предусмотрено настоящим Кодексом (Código Penal Militar)». А п. 3 этой же статьи еще больше отходит от

формирования // Юридические исследования. 2017. №3. С. 1—9.

¹ Шашкова А.В. Проблемы и принципы функционирования судебной системы Испании // Социально-политические науки. 2018. №1. С. 33—36.

предметного характера уголовно-правового регулирования в отношении военнослужащих, «если действие или бездействие, составляющее военное преступление, подлежит более суровому наказанию в соответствии с Уголовным кодексом, указанный Кодекс применяется военными судами».

Два этих пункта по существу меняют основной подход, по которому определяется подсудность. Ведь несмотря на то, что дело будет рассматриваться на основе общего уголовного кодекса, рассматривать его будут не суды общей юрисдикции, а специальные военные суды. То есть, в рамках одной статьи испанские законодатели сначала определили, что подсудность военных судов определяется исходя из характера деяния, а в следующих пунктах по сути вернулись к стандартному субъектному составу.

Вызывает также интерес тот факт, что согласно ст. 4 военным судам Испании подсудны уголовные дела, дисциплинарные проступки, и правонарушения во время введения военного (осадного) положения (*de estado de sitio*), и иные правоотношения, указанные в законах. Такая конструкция снова указывает на предметный характер подсудности, поскольку фактически исключаются гражданско-правовые, семейные и иные виды споров.

Представляется вероятным, что это было сделано, с одной стороны, для завершения реформы, начатой в конце 70-х в целях приведения военного права в соответствии с положениями ст. 117.5 конституции Испании: «Закон будет регулировать осуществление военной юрисдикции в строго военной сфере», с другой стороны, для формального соответствия требованиям международных организаций ООН и Европейского Союза, которые требовали разграничения подсудности специализированных (военных) судов при их интеграции в общую систему.

Промежуточный характер законодательства в области военного правосудия порождает продолжающуюся дискуссию в обществе о необходимости проведения

реформ¹. Основным поводом для грядущих реформ называют отсутствие апелляционной инстанции как в отношении рассмотрения военными судами дисциплинарных правонарушений, так и уголовных преступлений. В качестве способа обжалования решения военного суда (*los Tribunales Militares*) выступает только кассация в Верховный суд, что противоречит закрепленным в преамбулах к законам о военной юстиции равенстве гражданских прав при осуществлении правосудия для военнослужащих.

Второй момент, который давно требует внимания законодателя — это назначение дисциплинарных наказаний, а точнее арест. Поскольку ст. 5 и 6 Европейской конвенции по правам человека предусматривают возможность ограничения свободы исключительно на основании решения суда, а ч. 3 ст. 25 Конституции Испании требует, что «административная ответственность не может включать санкции, прямо или косвенно приводящие к лишению свободы». Однако ст. 32 Органического закона 8/2014 от 4 декабря о дисциплинарном порядке в вооруженных силах (*de Régimen Disciplinario de las Fuerzas Armadas*) дает право налагать арест до 60 суток представителям военного командования от командира роты и выше, а закрытый перечень в ст. 26 данного закона и вовсе не упоминает участие судов в данной процедуре. Более того, компетенция военных судов, несмотря на упоминание возможности рассмотрения дисциплинарных правонарушений, при конкретизации подсудности ограничивает полномочия суда исключительно предусмотренными Военно-уголовным кодексам преступлениями.

Такая правовая неопределенность в законодательстве любого прогрессивного государства требовала бы немедленного исправления, однако законодательство Испании в области военных судов существует в таком положении с 2007 г.

¹ Pascual A.M. La reforma pendiente de la justicia militar para avanzar en la democracia española [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.publico.es/politica/reforma-pendiente-justicia-militar-avanzar-democracia-espanola.html>

Следующим отличием системы военных судов Испании может служить своеобразный даже для стран Евросоюза подход к формированию судебного состава. Ст. 24 закона о компетенции и организации военной юрисдикции (*de la Competencia y Organización de la Jurisdicción Militar*) гласит: «Военная коллегия Верховного суда состоит из его председателя и семи судей. Четверо из восьми членов Палаты назначаются из судебной системы, а остальные четверо — из военно-юридического корпуса».

Последний, согласно закону о создании военно-юридического корпуса 1988 г. (*por la que se crea el Cuerpo Jurídico Militar de la Defensa*) выполняет функции военной юстиции и правового департамента, входит в структуру вооруженных сил, подчиняется министру обороны, состоит из офицеров-аудиторов, которые обладают правовым статусом кадрового офицера. Несмотря на то, что ст. 3 и 4 указанного закона содержат указание на особое правовое регулирование деятельности офицеров военно-юридического корпуса, однако продвижение по службе, осуществляется в общем порядке, что ставит вопрос о независимости в решениях таких офицеров.

Способы формирования военно-юридического корпуса предполагают: поступление на службу гражданских лиц с юридическим образованием, получение направления по окончании центральной академии обороны Испании, или перевод военнослужащего из другого подразделения. И хотя все указанные лица должны пройти профессиональный отбор, однако базовая подготовка указанных лиц серьезно отличается.

В то время как в гражданских учебных заведениях кандидаты получают полноценное базовое юридическое образование, то военнослужащие получают подготовку исключительно в рамках специализации. Так, приказ министерства обороны Испании № DEF/652/ от 10 июля 2020 г., утверждающий «учебные программы подготовки офицеров для вступления или прикомандирования в Военно-юридический корпус» (*por la que se aprueban los currículos de la enseñanza de*

formación de oficiales para la integración o adscripción en la escala de oficiales del Cuerpo Jurídico Militar mediante la forma de ingreso con titulación previa) предполагает изучение только военно-административного, военно-уголовного, военно-процессуального и международного публичного права. Это ставит вопрос о способности таких кандидатов разрешать правовые коллизии и сложные случаи на стыке нескольких отраслей права.

Данная особенность военно-юридического корпуса Испании имеет критическое значение, поскольку именно из офицеров этого подразделения формируются военные суды, которые сами вправе определять подсудность каждого конкретного дела. И если на уровне Военной коллегии Верховного суда Испании половина из состава избираются из судебного корпуса, то дальше, начиная с Центрального военного суда (*El Tribunal Militar Central*) и заканчивая территориальными военными судами (*De los Tribunales Militares Territoriales*), профессиональные судьи в составе отсутствуют.

Так, ст. 36 закона о компетенции и организации военной юрисдикции (*de la Competencia y Organización de la Jurisdicción Militar*) указывает, что Центральный военный суд состоит из председательствующего аудитора (генерал-советник Тогадо¹), четырех судей-докладчиков Тогадо (генерал-аудиторы военно-юридического корпуса), и военных заседателей (бригадные генералы или контр-адмиралы из соответствующих частей вооруженных сил Испании).

В связи с этим возникает в структуре военных судом можно определить несколько проблем. Первая — это очевидное сомнение в независимости судебной власти, которая подрывает доверие к военному правосудию, а, следовательно, приводит к увеличению количества обжалованных приговоров.

¹ Тогадо — от исп. «*togado*» дословно тога, мантия, как правило, используется для обозначения лиц, наделенных правом непосредственно осуществлять судебную власть.

Вторая — ограниченный кадровый потенциал военно-судебных органов. Наглядной иллюстрацией может служить продолжающийся более 1 600 дней (по состоянию на июнь 2023 г.) кризис в Центральном военном суде Испании.

Так, согласно ст. 37 закона о компетенции и организации военной юрисдикции (*de la Competencia y Organización de la Jurisdicción Militar*) «председательствующий аудитор Центрального военного суда назначается королевским указом по предложению Генерального совета судебной власти из числа генерал-советников и генерал-аудиторов, находящихся на действительной военной службе, ... члены Центрального военного суда ... из числа генерал-аудиторов или офицеров военно-юридического корпуса в резерве».

Поскольку сам генеральный совет судебной власти из-за разногласия членов парламента о составе не вправе до разрешения политического кризиса назначать новых членов, то они не могут предлагать новых кандидатов в состав центрального военного суда. А действующие члены выходят в отставку по достижению предельного возраста нахождения на военной службе. К декабрю 2022 г. последний из назначенных генерал-советников Тогадо (в мантии) ушел в отставку. С этого момента центральный военный суд возглавляли временные председательствующие из числа генерал-аудиторов.

Однако после того, как в отставку вышел второй временный председатель, генеральный совет судебной власти предложил «чрезвычайное решение» которое заключалось в том, чтобы «сформировать судебную палату Центрального военного суда с двумя председателями территориальных военных трибуналов, занимающими самые высокие должности в системе (военных судов), первый из которых будет исполнять обязанности главного аудитора Центрального военного суда, а второй - исполнять обязанности председателя и судьи-докладчика Центрального военного суда, с сохранением своих обязанностей председателей соответствующих территориальных военных судов».

Текущее состояние и тенденции по

усугублению кадрового кризиса военных судебных органов Испании служит прекрасной иллюстрацией необходимости комплексного подхода при реформировании столь сложной системы. Проведение преобразования без четко сформулированного плана, при попытках совместить различные правовые институты, провести глобальную интеграцию военных судебных органов без коренного преобразования всей системы сопутствующих нормативных актов, неизбежно будет приводить к накоплению ошибок.

Таким образом, попытка совместить международное законодательство, демократизацию в области военного процессуального права и организации правосудия столкнулась с отсутствием четко определенных правовых механизмов деятельности военных судебных органов в условиях даже не военного времени, а просто внутриполитического кризиса, осложненного эпидемиологической обстановкой.

Данный пример показывает необходимость более тщательного планирования законодательства о военных судах, предполагающего воздействовать только на повседневную деятельность судебных органов, но и на работу в чрезвычайных условиях, либо в условиях военного времени.

Определение способов формирования судов в условиях ограниченной работоспособности квалификационных комиссий, нормативное закрепление чрезвычайных способов продления полномочий действующих органов, способы обеспечения процессуального контроля за деятельностью военных судебных органов в период действия военного положения, должны безусловно находить свое место при осуществлении законодательного регулирования деятельности военных судов.

Библиография

1. Бригадин, И.И. Судебная система Испании: общие вопросы функционирования / И.И. Бригадин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2012. — № 6. — С. 21—24.
2. Соловьёв А.А. Состав Генерального совета судебной власти Королевства Испания и порядок его формирования / А.А. Соловьёв // Юридические исследования. — 2017. — № 3. — С. 1—9.

3. Шашкова, А.В. Проблемы и принципы функционирования судебной системы Испании /

А.В. Шашкова // Социально-политические науки. — 2018. — № 1. — С. 33—36.

Сравнительно-правовой анализ военных судов Республики Таджикистан и Российской Федерации

© Шумилин Алексей Владимирович,
аспирант кафедры судебной власти,
гражданского общества и правоохранительной
деятельности Юридического института
Российского университета дружбы народов

Аннотация. В статье производится сравнительно-правовой анализ системы военных судов Республики Таджикистан и Российской Федерации, выявлены основные различия между ними, формулируются выводы о причинах этих отличий.

Ключевые слова: судебная власть, суды, военные суды, система военных судов, военные суды Таджикистана и России.

Comparative legal analysis of military courts of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation

© Shumilin A.V.,
Postgraduate student of the department of judicial
authority, civil society and law enforcement
activities of Law Institute of RUDN University

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the system of military courts of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation, reveals the main differences between them, and draws conclusions about the reasons for these differences.

Key words: judicial power, courts, military courts, system of military courts, military courts of Tajikistan and Russia.

Сегодня военные суды в Республике Таджикистан так же, как и в Российской Федерации, интегрированы в систему судов общей юрисдикции и составляют особую ее подсистему, которая имеет свои особенности, не присущие иным судам данной системы. К таким отличительным особенностям можно отнести, в частности, исключительное осуществление правосудия в войсках и иных военных организациях, министерствах и ведомствах, где национальным законодательством стран предусмотрено прохождение военной службы, а также исключительные полномочия данных судов по рассмотрению жалоб, связанных с решениями воинских должностных лиц.

Следует подчеркнуть, что современные отечественные и российские ученые сходятся во мнении, что теоретически военные суды по своему статусу и компетен-

ции являются судами специальной юрисдикции¹.

С целью наиболее полного раскрытия темы настоящей статьи считаем уместным произвести небольшой ретроспективный анализ законодательства Республики Таджикистан, касающегося организации и деятельности подсистемы военных судов республики, где выделить наиболее значимые этапы в её формировании и развитии, а также провести некоторые параллели с историей военных судов Российской Федерации, начиная с конца советского периода, заканчивая современным.

¹ Гафуров Х.М. Судебная система Республики Таджикистан (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Лужин К.Н. Военные суды России и государств — участников СНГ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Системы военных судов современных Республики Таджикистан и Российской Федерации, как обе судебные системы целиком, построены на основе советской судебной системы. Уточняя данное утверждение в контексте построения современной системы военных судов, можно констатировать факт о том, что фундаментом для ее построения послужила система военных трибуналов СССР, однако в результате проводимых в странах судебно-правовых реформ они претерпели множество изменений в том числе в своей, организации, деятельности и сущности.

С момента обретения государственной независимости Республики Таджикистан и по сегодняшний день прошло уже более 30 лет, что является относительно небольшим промежутком времени для истории государства, однако за данный промежуток времени судебная система страны множество раз модернизировалась и развивалась вследствие проводимых конституционных и судебно-правовых реформ, основной целью которых являлось приведение правовой системы страны в соответствие с современными стандартами и нормами международного права, основанных на принципах гуманизма, демократии и свободы личности. В настоящее время с уверенностью можно констатировать факт о том, что военные суды всецело выполняют возложенные на них государством и обществом задачи, основными из которых являются обеспечение боеготовности государства и защита прав военнослужащих.

С.С. Харитонов, говоря о вкладе военных судов в поддержание законности и правопорядка в войсках, отмечает их неопределимое значение и исключительное влияние на данные процессы в различные периоды существования России¹.

Историко-правовой анализ становления и развития системы военных судов республики показывает, что фундаментом для её формирования послужила система военных трибуналов, действовавших в Во-

оруженных Силах СССР на территории советского Таджикистана. Военные трибуналы по своей сути являлись специализированными судами, входившими в единую советскую судебную систему, основой задачей которых было вести борьбу с посягательствами на безопасность СССР, боеготовность и боеготовность советских войск, воинскую дисциплину и установленный порядок несения воинской службы.

К их основному роду деятельности относилось рассмотрение уголовных дел с участием военнослужащих, работников органов государственной безопасности, работников исправительно-трудовых учреждений СССР, а также ими рассматривались все дела о шпионаже, в том числе в отношении гражданских лиц. Дополнительно советское законодательство относилось к их полномочиям рассмотрение в труднодоступных и отдаленных местностях, где в силу объективных обстоятельств отсутствовали гражданские суды, всех уголовных и гражданских дел в отношении лиц и организаций, не относящихся к военным.

Стоит отметить, что действовавшая на момент распада советского государства национальная Конституция Таджикской ССР 1978 г., которая в порядке правопреимства являлась основным законом суверенного Таджикистана до принятия новой Конституции в 1994 г., не предусматривала наличия в национальной системе военных трибуналов. По нашему мнению, причинами этого являлось то, что военные трибуналы относились, во-первых, к централизованной советской судебной системе, во-вторых, образовывались в составе Вооружённых сил СССР, которые также являлись общесоветскими. Если в советский период времени при наличии и легитимности двух конституций — общесоветской и национальной, осуществление правосудия военными трибуналами являлось легитимным, то после выхода Республики Таджикистан из состава СССР данная ситуация в корне изменилась, правовой статус военных трибуналов остался неопределённым, несмотря на то, что деятельность их продолжалась.

¹ Харитонов С.С. Военные суды как фактор поддержания законности и правопорядка в войсках // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 12 (257). С. 23—26.

Понимая возникшую проблему, с целью ее разрешения уже в начале 1992 г. указом Президента республики военные трибуналы надлежало в кратчайшие сроки включить в национальную судебную систему Республики Таджикистан в качестве общих судов, осуществляющих правосудие в войсках, и переименовать их в военные суды, что было исполнено¹. Тем не менее, мы придерживаемся мнения о том, что такие действия полноценной легитимацией военных судов считать юридически некорректно, так как фундаментальные вопросы, связанные с судоустройством республики, должны регулироваться именно Конституцией, исходя из чего для полноценной легитимации государственных органов — судов требуется внесение соответствующих изменений именно Конституцию. Таким образом, вопрос легитимации военных судов полноценно не разрешился, и только принятая в 1994 г. новая Конституция Таджикистана на высшем законодательном уровне установила новое судоустройство республики, закрепив правовой статус военных судов в национальной судебной системе, тем самым полноценно легитимировав их.

Сегодня правовую основу, связанную с организацией и порядком деятельности подсистемы военных судов республики, составляют Основной закон 1994 г., Закон о судах 2014 г., Закон о воинской обязанности 2021 г.², процессуальное законодательство, а также ряд подзаконных актов.

Заслуживает внимания тот факт, что в ходе реализации в Российской Федерации судебных реформ произошло радикальное изменение исторически сложившегося подхода в определении двойственного статуса судьи военного суда, сочетающего в себе одновременно статус действующего судьи и военнослужащего. После 2009 г. произошла демилитаризация судей рос-

сийских военных судов, что вызвало большое количество дискуссий и споров в юридическом сообществе. Подобные подходы в демилитаризации судейского корпуса военных судов Республики Таджикистан предусматривались программой судебно-правовой реформы на 2011—2013 годы, однако по настоящее время остались только в концепции и в жизнь не воплощены.

На сегодняшний день система военных судов Республики Таджикистан представляет собой двухзвенную систему, основным звеном которой считаются военные суды соответствующих гарнизонов, приравненные по своим полномочиям и компетенции к районным судам. Высшим звеном данной системы является Военная коллегия, входящая в состав Верховного суда Таджикистана, которая сочетает в себе полномочия коллегии Верховного суда и областных судов республики. Система военных судов в Российской Федерации в отличие от Республики Таджикистан трехзвенная, где среднее звено составляют военные суды округов (флотов), апелляционный и кассационный военный суд, остальные звенья систем являются аналогичными.

Военные суды гарнизонов. Как уже было отмечено ранее, данные суды являются основным звеном системы военных судов. Национальное законодательство Таджикистана предписывает формировать их с учетом военно-территориального устройства республики по месту дислокации соответствующих военных гарнизонов. В настоящее время на территории Таджикистана сформировано и осуществляют свою деятельность военные суды Душанбинского, Хатлонского, Хорогского и Худжандского гарнизонов, расположенные в соответствующих городах, при этом юрисдикция данных судов распространяется в пределах соответствующего гарнизона.

С организационной стороны национальное законодательство республики предписывает организовывать военный суд гарнизона в составе председателя советующего суда, судей, а также народных заседателей, исходя из положения закона о

¹ Шодиев И.Р. Конституционные основы самостоятельности судебной власти в Республике Таджикистан // Вестник педагогического университета. 2015. № 1-1 (62). С. 92—100.

² Закон Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе».

том, что на одного судью военного суда должно избираться двадцать народных заседателей из числа военнослужащих военных частей, на территории которых осуществляет правосудие соответствующий военный суд гарнизона. Также в тех случаях, если утвержденная штатная численность военного суда гарнизона составляет пять и более судей, то в таком суде предусматривается должность заместителя председателя суда.

Президентом Республики Таджикистан по представлению Председателя Верховного суда определяется количественный состав соответствующего гарнизонного военного суда, назначаются на должности судьи, а также ими утверждаются избранные из соответствующих воинских частей народные заседатели.

На сегодняшний день количественный состав судей военных судов гарнизонов республики составляет 15 единиц и варьируется от двух до шести судей, где в Хорогском суде — 2 судьи, Хатлонском суде — 3 судьи, Худжандском суде — 4 судьи и Душанбинском суде — 6 судей, при этом, исходя из их численности, в установленном законодательством порядке избрано 300 народных заседателей¹.

По сложившийся в республике практике минимальное количество судей в районном суде составляет две штатные единицы. Данная практика обусловлена рядом причин правового, экономического и социального характера, однако стоит выделить то обстоятельство, что в результате проведенных в стране судебно-правовых реформ в части, касающейся гуманизации уголовно-правовых норм, введен ряд ограничений на повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела. Например, если судьей принято решение о наложении соответствующей санкции в виде заключения под стражу или домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняе-

мого, он не может участвовать в рассмотрении того же дела ни на какой стадии судопроизводства.

В целях сопровождения осуществления правосудия, а также иных судебных (вспомогательных) функций в военном суде гарнизона предусматривается организация аппарата соответствующего суда в составе секретарей судебных заседаний, соответствующих штатной численности судей, секретаря военного суда гарнизона, заведующих секторами соответствующих делопроизводств, судебных приставов и переводчиков. Кадровые вопросы, касающиеся работников аппарата военных судов гарнизонов, находятся в компетенции Председателя Верховного суда Республики Таджикистан.

Национальное законодательство Республики Таджикистан относит к компетенции военных судов гарнизонов рассмотрение по существу подавляющего большинства уголовных, всех гражданских, семейных и административных дел в отношении и/или с участием военнослужащих, воинских частей, военных организаций, министерств и ведомств, перечень которых определен республиканским законом. При этом в силу последнего данные дела должны быть не подсудны иным военным, общим или экономическим судам республики.

К таким делам, в частности, относятся все уголовные дела за исключением тех категорий дел, где согласно действующему уголовному закону республики может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь, дела, которые, исходя из соображений национальной безопасности, находятся под грифом секретно и прочие. Стоит отметить, что общее правило по обязательному рассмотрению уголовных дел в отношении и/или с участием военнослужащих в военных судах республики не распространяется на уголовные дела о шпионаже. В данном случае такие дела даже в отношении гражданских лиц также подлежат рассмотрению в военных судах.

Необходимо отметить, что в полномочия военных судов гарнизонов Республики Таджикистан в отличие от гарнизонных

¹ Указ Президента Республики Таджикистан от 9 июня 2016 г. № 699 «О структуре аппарата, схеме управления и штатной численности Верховного суда Республики Таджикистан» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://portal-huquqi.tj/> (дата обращения: 17.02.2024)

военных судов Российской Федерации не входит рассмотрение соответствующих категорий дел, связанных с выдачей санкций и последующим применением к военнослужащим республики дисциплинарного ареста в силу того, что данные полномочия отнесены к ведению командира воинской части в которой проходит службу, привлекаемый к такому виду дисциплинарной ответственности военнослужащий.

Следует также добавить, что одним из немаловажных направлений деятельности республиканских военных судов гарнизонов является реализация мероприятий по повышению правовой грамотности населения, предусмотренных в рамках национальной программы правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020—2030 годы¹, заключающихся в пропаганде правовых знаний и разъяснению законов среди военнослужащих и лиц гражданского персонала воинских частей, находящихся в юрисдикции данного суда, путем проведения выездных судебных заседаний, организаций бесед и встреч в формате лекций, вопросов и ответов.

Военная коллегия. Национальным законодательством Республики Таджикистан установлено, что Военная коллегия осуществляет свою деятельность в составе Верховного суда республики и при этом является вышестоящей инстанцией по отношению к военным судам гарнизонов, что делает ее высшим судебным органом в системе военных судов.

Считаем уместным подчеркнуть, что в компетенции Военной коллегии находят свое отражение полномочия военных судов разных уровней и судебных инстанций, для которых в системе военных судов Российской Федерации имеются отдельные судебные органы. Проводя аналогию, можно прийти к соответствующим выводам о том, что Военная коллегия реализует полномочия окружных (флотских) судов в качестве судов первой инстанции, апелля-

ционного военного суда в качестве суда апелляционной инстанции, кассационного военного суда в качестве суда кассационной инстанции, а также Судебной коллегии по делам военнослужащих. Такое сосредоточение полномочий в ведении Военной коллегии, по нашему наискромнейшему мнению, обуславливается отсутствием в военно-территориальном устройстве Таджикистана иных военно-территориальных единиц помимо военных гарнизонов, на базе которых можно было бы организовать вышестоящие военные суды, эквивалентные областным судам республики.

В системе военных судов Российской Федерации подобной проблемы сосредоточения полномочий разных судов и судебных инстанций в рамках одного судебного учреждения не имеется, так как, во-первых, в качестве промежуточного звена между Коллегией по делам военнослужащих и гарнизонными военными судами существуют военные суды округов и флотов, которые рассматривают дела по первой инстанции, во-вторых, также промежуточным звеном отдельных инстанций являются созданные в качестве отдельных судебных учреждений апелляционные и кассационные военные суды.

Касаясь организационной стороны структурного устройства Военной коллегии, стоит отметить, что национальное законодательство Республики Таджикистан предписывает организовывать и комплектовать её в составе председателя коллегии, его заместителя, 6 судей, а также аппарата военной коллегии, состоящего из канцелярии, секретариата, а также финансово-хозяйственного отдела, общей численностью в 21 штатную единицу военнослужащих и лиц гражданского персонала. Также для рассмотрения некоторых категорий уголовных дел на каждого судью Военной коллегии избирается по 20 народных заседателей из числа военнослужащих воинских частей республики.

Национальное законодательство Республики Таджикистан наделило Военную коллегия весьма обширной компетенцией по рассмотрению уголовных, административных, гражданских и семейных дел в

¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 27 ноября 2019 г. № 599 «О программе правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020—2030 годы».

качестве суда первой, кассационной и надзорной инстанции. Более того, в исключительных случаях если какое-либо дело имеет большое государственное, правовое или общественное значение, Военная коллегия вправе передать такое дело для рассмотрения по существу из одного военного суда гарнизона республики в другой, либо принять данное дело для рассмотрения по существу непосредственно в коллегиях.

К подсудности Военной коллегии в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством республики по общему правилу относится рассмотрение в качестве суда первой инстанции всех уголовных дел, неподсудных военным судам гарнизонов. К таким делам, в частности, относятся все уголовные дела, за которые санкциями соответствующих статей уголовного кодекса Республики Таджикистан предусмотрено пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также все дела о преступлениях, совершенных воинскими должностными лицами, имеющими звание полковника и выше, либо по должностному положению являющимися командирами полка и сходные им. Считаем уместным подчеркнуть, что если преступление относится по своей категории к особо тяжким, то есть санкция соответствующей статьи предусматривает тюремный срок более двенадцати лет, пожизненное заключение или смертную казнь, то такие уголовные дела подлежат коллегиальному рассмотрению судьей Военной коллегии при участии двух народных заседателей.

А.А. Мурадов, характеризуя деятельность Верховного суда республики по рассмотрению соответствующих дел по первой инстанции, обращает внимание на то, что данная деятельность суда должна быть образцовой и показательной, тем самым служить положительным примером для нижестоящих судов республики.

Военной коллегией также рассматриваются и разрешаются дела по кассационным и надзорным жалобам на решения, принятые в ходе реализации правосудия в военных судах гарнизонов республики. В ходе данной деятельности судом проверяется законность и обоснованность принятых решений и соответствие их нормам республиканских законов.

Библиография

1. Гафуров, Х.М. Судебная система Республики Таджикистан (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук / Х.М. Гафуров. — Москва, 2006.
2. Лужин, К.Н. Военные суды России и государств — участников СНГ : дис. ... канд. юрид. наук / К.Н. Лужин. — Москва, 2018.
3. Мурадов, А.А. Правовые основы организации и деятельности Верховного суда Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Мурадов. — Москва, 2014.
4. Харитонов, С.С. Военные суды как фактор поддержания законности и правопорядка в войсках / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 12 (257). — С. 23—26.
5. Шодиев, И.Р. Конституционные основы самостоятельности судебной власти в Республике Таджикистан / И.Р. Шодиев // Вестник педагогического университета. — 2015. — № 1-1 (62). — С. 92—100.

Уголовное право и криминология

Актуальные вопросы уголовной ответственности за вынесение неправосудного приговора

© **Ермолович Ярослав Николаевич**,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации
им. А.Я. Сухарева».

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы конструирования уголовно-правовой нормы, предусмотренной в ст. 305 УК РФ, квалификации этого преступления, назначения уголовных наказаний, анализируются статистические показатели судимости и преступности, дается оценка эффективности уголовной ответственности, предусмотренной за рассматриваемое преступление.

Ключевые слова: уголовное право, судебная власть, интересы правосудия, преступления против государственной власти, преступления против правосудия, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Current issues of criminal liability for the imposition of an unjust sentence

© **Ermolovich Ya.N.**,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after
A.Ya. Sukharev

Annotation. The article examines the problematic issues of constructing the criminal law norm provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, the qualification of this crime, the imposition of criminal penalties, analyzes statistical indicators of criminal record and crime, and assesses the effectiveness of criminal liability provided for the crime in question.

Keywords: criminal law, judicial power, interests of justice, crimes against state power, crimes against justice, the imposition of a knowingly unlawful sentence, decision or other judicial act.

Преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта), крайне редко встречается в судебной практике. Так, за первое полугодие 2023 г. и в 2022 г. за совершение этого преступления не было осуждено ни одного человека, в 2021 г. — 1 человек, обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ (по дополнительной квалификации), был оправдан; в 2020 г. за совершение пре-

ступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, был осужден 1 человек и 1 человек, обвинявшийся в совершении этого же преступления оправдан; в 2019 г. был осужден 1 человек за совершение 3-х преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ; в 2018 г. 1 человек был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, а 1 человек, обвинявшийся в совершении такого же преступления, оправдан. При этом за 5 лет с 2018 по 2022 г. ни одного человека не бы-

ло осуждено за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 305 УК РФ (вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы или вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, повлекшее иные тяжкие последствия)¹.

Тем не менее, подобные преступления неизбежно вызывают общественный резонанс, учитывая наличие у субъекта этих преступлений специальных познаний в профессиональной сфере и его правовой статус, приговоры по таким делам неоднократно обжалуются, в итоге становясь предметом рассмотрения коллегий Верховного Суда Российской Федерации, а нередко и Конституционного Суда Российской Федерации. Помимо этого, обращает на себя внимание высокий процент оправдательных приговоров, который достигает в среднем 50 %, а в некоторые годы достигает 100 %, тогда как в общем число оправдательных приговоров в России составляет от 2,1 % от количества вынесенных обвинительных приговоров в 2007 г., до 0,25 % — в 2022 г.²

На уголовную ответственность за преступления, предусмотренные ст. 305 УК РФ, также влияют уголовно-процессуальные особенности привлечения судей к уголовной ответственности. Так, в соответствии со ст. 447 УПК РФ судьи Конституционного Суда Российской Федерации, федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, а также мировые судьи относятся к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, предусмотренный гл. 52

УПК РФ. В частности, согласно п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, либо о привлечении его в качестве обвиняемого в отношении судьи Верховного Суда Российской Федерации, кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, военного суда, районного суда, мирового судьи принимается Председателем Следственного комитета Российской Федерации с согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Согласно ч. 8 ст. 448 УПК РФ не допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в случае, если соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей или с его участием, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный.

Согласно п. 2 ст. 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при отправлении правосудия мнение или принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудного судебного акта. В соответствии с п. 3 этой же статьи изменение в ходе расследования уголовного дела квалификации состава преступления, которое может повлечь ухудшение положения судьи, допускается только в порядке, установленном для принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу. В соответствии с п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» при рассмотрении вопросов о возбуждении уголовного дела в отношении судьи, либо о привлечении его в качестве обвиняемого

¹ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 г. г., 1-е полугодие 2023 г.).

² См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007—2022 годы).

по уголовному делу, о производстве в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий суд либо квалификационная коллегия судей, установив, что производство указанных мероприятий или действий обусловлено позицией, занимаемой судьей при осуществлении им судейских полномочий, отказывают в даче согласия на производство указанных мероприятий или действий.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за сам факт принятия незаконного или необоснованного судебного акта в результате судебной ошибки, явившейся следствием неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения норм материального или процессуального права.

Вопросы судейской неприкосновенности и порядка возбуждения уголовных дел в отношении судей были не менее 9 раз предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации¹. Неод-

нократно возникали проблемные вопросы при квалификации преступных действий судей и в следственной практике Следственного комитета Российской Федерации.

принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кучмары Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 141, 448 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статей 305 и 315 Уголовного кодекса Российской Федерации»; 5) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 275-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Селякова Георгия Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 305 Уголовного кодекса Российской Федерации, абзацем четвертым пункта 34 Инструкции о едином порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в органах прокуратуры Российской Федерации, а также решением Верховного Суда Российской Федерации»; 6) Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2011 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко»; 7) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 176-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»; 8) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 148-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца четвертого пункта 6 статьи 11 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статьи 20 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», части первой статьи 171 и пункта 2 части первой статьи 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; 9) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2019 г. № 2311-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афраиловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 305 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также рядом норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹ См.: 1) Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша»; 2) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 394-О «По жалобе Генерального прокурора Российской Федерации на нарушение конституционных прав граждан пунктом 3 статьи 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»; 3) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № 157-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Букреева Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 109 и 450 УПК Российской Федерации и статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»; 4) Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 г. № 561-О-О «Об отказе в

Ключевым элементом квалификации преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, является предмет этого преступления, коим могут быть лишь такие судебные акты, которые по своему значению выходят за собственно процессуальные рамки судопроизводства и существенным образом нарушают права и законные интересы тех или иных лиц, т. е. итоговые судебные решения, которыми дело в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах разрешается по существу.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2011 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» привлечение судьи к уголовной ответственности и его осуждение по ст. 305 УК РФ возможны лишь при условии, что вынесенное им судебное решение было признано неправомерным, т.е. незаконным, необоснованным или несправедливым, вышестоящей судебной инстанцией. При этом для признания действий судьи преступными не имеет значения, было ли им допущено нарушение закона, которое послужило основанием для отмены судебного решения, или какое-либо иное нарушение. Это, впрочем, не исключает того, что вне зависимости от отмены или изменения вынесенного судьей неправомерного решения он может быть привлечен к уголовной ответственности за совершение других преступлений, как правило, сопутствующих преступлению, предусмотренному ст. 305 УК РФ, таких, например, как мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки¹.

Так, например, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин обратился в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации с представлением о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи Арбитражного суда Чеченской Республики А.А. Бачаева по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 305 и ч. 2 ст. 305 УК РФ. Решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 26 марта 2014 г. в удовлетворении представления было отказано. Не согласившись с этим решением, Председатель Следственного комитета Российской Федерации обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о его отмене. Судья Верховного Суда Российской Федерации В.Ю. Зайцев, изучив материалы дела, удовлетворил заявление Председателя Следственного комитета Российской Федерации, поскольку отказывая в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи Арбитражного суда Чеченской Республики А.А. Бачаева, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации указала, что при решении вопроса о наличии достаточных данных и оснований для возбуждения уголовного дела в отношении судьи по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, могут учитываться только те нарушения норм материального и процессуального закона, которые послужили основанием для отмены решения суда судами вышестоящих инстанций. В обоснование своего вывода Коллегия сослалась на то, что он сформулирован в вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2011 г. № 23-П.

Приведенный вывод Коллегии не может быть признан правильным, отметил судья В.Ю. Зайцев, поскольку в названном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации он отсутствует и из его содержания не следует. Не вытекает такой вывод и из содержания ч. 8 ст. 448 УПК РФ, по смыслу которой возможность возбуждения уголовного дела в отношении судьи по признакам преступления, преду-

¹ См., подроб.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы 10—12. Текст: электронный / отв. ред. В. М. Лебедев. Т. 4. М., 2017.

смотренного ст. 305 УК РФ, связывается с самим фактом отмены соответствующего судебного акта, как неправосудного, а не основаниями такой отмены. Более того, касаясь процедурных аспектов привлечения судьи к уголовной ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 29 мая 2012 г. № 1033-О¹ разъяснил, что возбуждение в отношении судьи уголовного дела и привлечение его в качестве обвиняемого в связи с вынесением им заведомо неправосудного решения могут иметь место лишь после того, как в установленной процессуальным законом процедуре принятое судьей решение будет признано незаконным и (или) необоснованным. Вместе с тем это означает, что возбуждение в отношении судьи, постановившего заведомо неправосудное итоговое решение, уголовного дела и привлечение его в качестве обвиняемого после полной отмены такого решения в установленном порядке, а значит, утраты им законной силы и свойства общеобязательности могут быть обоснованы любыми обстоятельствами, указывающими на признаки состава данного преступления, а не только теми, которые послужили основанием для отмены решения.

Из материалов дела видно, что принятые судьей А.А. Бачаевым решения от 4 мая 2010 г. и 28 августа 2012 г. отменены постановлениями Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 февраля 2011 г. и 21 февраля 2013 г., то есть признаны в установленном процессуальным законом порядке неправосудными. Следовательно, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации не вправе была вынести оспариваемое решение со ссылкой на то, что в представлении Председателя Следственного коми-

тета Российской Федерации изложены обстоятельства, не указанные в судебных постановлениях, отменивших решения судьи А.А. Бачаева. При этом Коллегия не высказала суждения о том, обусловлены ли действия органов уголовного преследования позицией, занимаемой судьей при осуществлении им судейских полномочий, хотя в силу п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» обязана была это сделать. С учетом изложенного решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации было признано незаконным и отменено².

В другом случае Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин обратился в квалификационную коллегия судей с представлением о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении бывшего судьи Е.А. Бечеловой (Боташевой) по признакам 46 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 305 УК РФ. Решением квалификационной коллегии судей указанное представление удовлетворено. Е.А. Боташева обратилась в суд с жалобой, в которой просила суд признать незаконным и отменить решение квалификационной коллегии судей, ссылаясь на то, что у квалификационной коллегии судей Республики имелись предусмотренные п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» основания для отказа в даче согласия на возбуждение в отношении нее уголовного дела, поскольку решение этого вопроса было обусловлено ее правовой позицией по ранее рассмотренным гражданским делам, иных оснований для возбуждения уголовных дел по ст. 305 УК РФ, по мнению заявителя, не имеется. Также Е.А. Боташева указала, что принятые ею решения об удовлетворении исковых требований граждан, участвовавших в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, о компенсации причиненного им морального вреда хотя и были отменены вышестоящей ин-

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 1033-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, статей 143, 144, 145, 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

² См.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № АКПИ14-611.

станцией как незаконные, но при этом признаков заведомой неправосудности данных решений установлено не было, при принятии этих решений она была уверена в их законности и обосновала свое мнение в мотивировочной части каждого решения. По мнению Е.А. Боташевой в данном случае намерение возбудить уголовное дело однозначно является давлением на нее как судью за ее правовую позицию.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционной жалобы и возражений на нее, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующим выводам. Председатель Следственного комитета Российской Федерации в своем представлении указал, что в 2011 г. судьей Е.А. Боташевой в нарушение ч. 1 ст. 4, ст. 151 ГК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 14 декабря 2000 г. № 35 вынесены 46 заведомо неправосудных решений о взыскании с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации компенсации морального вреда за повреждение здоровья, полученное в ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в пользу 450 ликвидаторов последствий аварии, которые вступили в законную силу.

Квалификационная коллегия судей, проанализировав представленные Следственным комитетом материалы, установила, что в них имеется достаточно данных о наличии повода и оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении бывшего судьи Е.А. Боташевой. Факт незаконности 46 судебных решений, вынесенных названным судьей, подтверждается указанными вместе с ними в представлении Председателя Следственного комитета Российской Федерации апелляционными и кассационными определениями судебной коллегии по граждан-

ским делам Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики, которыми данные решения суда первой инстанции были отменены. Обстоятельств, свидетельствующих об уголовном преследовании в связи с позицией, занимаемой судьей при осуществлении им судейских полномочий, которые бы могли послужить основанием для отказа в даче согласия на возбуждение уголовного дела, квалификационной коллегией судей не установлено. Доводы апелляционной жалобы Е.А. Боташевой о том, что вопрос о возбуждении в отношении нее уголовного дела обусловлен ее правовой позицией по рассмотренным ранее гражданским делам, что сама по себе отмена вынесенных ею решений вышестоящим судом не является доказательством заведомой неправосудности решений, в связи с чем квалификационная коллегия судей не вправе была давать согласие на возбуждение уголовного дела, аналогичны доводам, которым судом первой инстанции дана надлежащая правовая оценка. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, решения нижестоящих судов оставила без изменения, апелляционную жалобу Е.А. Боташевой — без удовлетворения¹.

Таким образом, по смыслу анализируемой нормы возможность возбуждения уголовного дела в отношении судьи по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, связывается с самим фактом отмены соответствующего судебного акта как неправосудного, а не с основаниями такой отмены.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 305 УК РФ, относится к формальным составам и признается оконченным с момента совершения в рамках соответствующей стадии судопроизводства последнего процессуального действия, направленного на принятие судебного акта. Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется только прямым умыслом, о чем свидетельствует указание

¹ См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2015 г. № 21-АПГ14-6.

в статье на заведомость неправоисудности судебного акта. Общественная опасность преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, заключается в посягательстве на основы судебной власти и правосудия, повлекшем умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи. В качестве дополнительного объекта преступного посягательства выступают права и законные интересы участников соответствующего вида процесса.

Преступление может заключаться:

1) в изготовлении приговора или иного решения суда без фактического рассмотрения дела, без проведения судебного заседания, без исследования и установления обстоятельств дела;

2) вынесении такого приговора или решения, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе был принимать (выносить);

3) вынесение приговора или иного решения, которые постановлены с существенными нарушениями процессуального или материального закона, влекущими их отмену в порядке и по основаниям, предусмотренными соответствующим видом судопроизводства (ст. 330, 379.7, 391.9 ГПК РФ, ст. 270, 288, 308.8 АПК РФ, ст. 312, 328, 341 КАС РФ, ст. 389.15, 401.15, 412.9 УПК РФ).

Например, несоответствие выводов, изложенных в обжалованном судебном акте, обстоятельствам дела, существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, рассмотрение уголовного дела без участия защитника, рассмотрение дела судом в незаконном составе, неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора, нарушение судебным актом прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного

права, международными договорами Российской Федерации, нарушение судебным актом прав и законных интересов неопределенного круга лиц, а равно публичных интересов и т. п.

Учитывая, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 305 УК РФ, является формальным составом, необходимо в каждом конкретном случае решать вопрос о малозначительности деяния, когда оно не представляет общественной опасности, несмотря на то, что оно, хотя и содержит признаки состава преступления, но в соответствии с положениями ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступным. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, отсутствие указаний на общественно опасные последствия в диспозиции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса в качестве признака состава предусмотренного ею преступления не означает, что совершение этого преступления не влечет причинение вреда или реальную угрозу его причинения¹. Малозначительность при совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ, может иметь место, когда вынесение неправосудного решения суда не повлекло существенного нарушения прав и законных интересов физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права и Конституцией Российской Федерации. Также в случаях, когда отсутствует отрицательное влияние противоправного деяния на нормальную работу организаций, принятие неправосудного акта не повлекло причинения материального ущерба, отсутствуют потерпевшие граждане, не было причинено физическое, морального или имущественного вреда,

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности».

не создавались препятствия в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности и т. п. Малозначительным, например, является такое деяние, когда при повторном рассмотрении дела вынесены решения, влекущие для сторон аналогичные правовые последствия, либо дела были оставлены без рассмотрения, либо дела были прекращены, что впрочем не исключает дисциплинарной ответственности судьи. Указание в ч. 2 ст. 305 УК РФ на конкретное общественно опасное последствие без указания количественных характеристик, когда заведомо неправосудный приговор был вынесен с назначением наказания в виде лишения свободы, исключает применение положений о малозначительности.

Не влечет уголовную ответственность вынесение заведомо неправосудного судебного акта при отсутствии прямого умысла, т. е. при косвенном умысле, когда судья ставил перед собой какую-либо иную цель, осознавал при этом общественную опасность своих действий, а причинение вреда интересам правосудия, либо наступление тяжких последствий являлось для него побочным или нежелательным последствием, необходимым для достижения нужного ему результата, при этом он предвидел возможность наступления нежелательных общественно опасных последствий, сознательно допускал их наступление, либо относился к ним безразлично и ничего не предпринимая для их предотвращения. Или же имело место легкомыслие, когда судья осознавал общественную опасность своих действий и предвидел возможность наступления общественно опасных последствий — причинения вреда интересам правосудия, наступления тяжких последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий, т. е. считал, что общественно опасные последствия не наступят в виду каких-либо факторов или что принятые им меры достаточны для предотвращения преступных последствий. В отличие от косвенного умысла, при легкомыслии лицо

не считает свои действия преступными, в том числе в отличие от косвенного умысла при легкомыслии лицо принимает какие-либо меры для предотвращения опасных последствий, тогда как при косвенном умысле не предпринимает подобных мер. Во всех указанных случаях уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 305 УК РФ, исключается.

В ч. 2 ст. 305 УК РФ сформулирован материальный состав с оценочной категорией тяжких последствий. Верховный и Конституционный Суды Российской Федерации не разъясняют в своих решениях, что относится к таковым последствиям. Исходя из судебной практики, тяжкими последствиями в ч. 2 ст. 305 УК РФ могут быть признаны: принятие большого количества неправосудных судебных актов, большое количество потерпевших или причинение вреда неограниченному кругу лиц, либо публичным интересам, причинение материального ущерба в крупном размере, нарушение или прекращение деятельности организации и т. п. Тогда как признание в качестве тяжких последствий вынесения заведомо неправосудного судебного акта причинения смерти по неосторожности, самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего и т. п. является сомнительным ввиду неочевидности причинной связи между изданием такого акта и вышеуказанными последствиями. Отсутствие тяжких последствий не исключает квалификации деяния по ч. 1 ст. 305 УК РФ.

Следует отметить, что в силу положений ст. ст. 25, 27 УК РФ и особенностей конструирования ст. 305 УК РФ, отношение субъекта к тяжким последствиям в ч. 2 ст. 305 УК РФ может быть как умышленным, так и неосторожным, при этом во всех случаях такое преступление в целом считается умышленным, поскольку относится к преступлениям с двумя формами вины.

Подводя итоги настоящей статьи следует отметить, что уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта носит в большей степени пре-

вентивный характер, ее установление и реализация направлены прежде всего на предупреждение совершения преступлений судьями, а отсутствие в судебной практике статистически значимого количества указанных преступлений не свидетельствует об искоренении подобных преступлений или достижении целей уголовной ответственности, а показывает, что с одной стороны российский судейский корпус характеризуется достаточно высоким

профессионализмом и низкой коррумпированностью, с другой стороны наличие законодательных ограничений порядка привлечения судей к уголовной ответственности, детерминированность преступности профессиональной сферой значительно снижают возможности успешного расследования указанной категории дел с передачей этого дела в суд и постановлением обвинительного приговора.

Добровольная сдача в плен

© Зюбанов Юрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
ФГКВУ ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье излагаются положения состава преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен» с учетом его исторического развития. Раскрываются его объект и субъект, объективная и субъективная сторона данного преступления. Обосновывается вывод о том, что криминализация добровольной сдачи в плен обусловлена объективными реалиями современности, и новая уголовная статья будет способствовать должному установлению порядка прохождения военной службы в особые периоды.

Ключевые слова: уголовное право, добровольная сдача в плен, состав преступления.

Voluntary surrender

© Zyubanov Yu.A.,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of
the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Mil-
itary University" of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

Annotation. The article sets out the provisions of the corpus delicti provided for in Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Voluntary surrender", taking into account its historical development. Its object and subject, the objective and subjective side of this crime are revealed. The conclusion is substantiated that the criminalization of voluntary surrender is conditioned by the objective realities of our time, and the new criminal article will contribute to the proper establishment of the procedure for military service during special periods.

Keywords: criminal law, voluntary surrender, corpus delicti.

Конституция Российской Федерации провозглашает защиту Отечества «долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации», который несет военную службу в соответствии с федеральными законами и другими нормативно-правовыми актами (ч. 1-2 ст. 59). Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» относит к личному составу Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащих, обязанных соблюдать действующие воинские уставы (ч. 1 ст. 12). УВС ВС РФ определяет главной обязанностью военнослужащих защиту государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства и отражение вооруженного нападения (ст. 16). В

ходе боевых действий он обязан с честью выполнить свой воинский долг, в том числе находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, военнослужащий должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен (ст. 23). Если же он попал в плен, то находясь в плену обязан сохранять честь и достоинство, не разглашать государственную тайну, проявлять стойкость и мужество, помогать другим военнослужащим, находящимся в плену, удерживать их от пособничества противнику, отвергать попытки противника использовать его для нанесения ущерба Российской Федерации и ее Вооруженным Силам.

Прежний УК РСФСР имел норму о добровольной сдаче в плен (ст. 264) в отличие от УК РФ 1996 г., который с момента принятия такой ответственности не предусматривал. Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» уголовный закон дополнен статьей 352.1 «Добровольная сдача в плен». Она установила уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 УК «Государственная измена». О данном «просчете» в действующем уголовном законе и необходимости в «гл. 33 статей о воинских преступлениях, совершаемых в боевой обстановке, ответственность за которые должна определяться законодательством военного времени» неоднократно упоминалось, потому что такая система норм отражает реальные потребности Вооруженных Сил России¹.

Криминализация добровольной сдачи в плен обусловлена объективными реалиями последнего времени. Проведение специальной военной операции, начало которой обозначил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем обращении от 24 февраля 2022 г., побудило к законотворчеству в этой сфере отношений. Тем более что такая необходимость обусловлена и международными обязательствами России. В частности, Женевской конвенцией об обращении с военнопленными (вступила в силу для СССР 10 мая 1954 г.), которая приводит определение плена: «военнопленными, по смыслу настоящей Конвенции, являются попавшие во власть неприятеля лица» (ст. 4)².

Добровольная сдача в плен означает грубое нарушение военнослужащим тре-

бований вышеизложенных законов, является способом уклонения от участия в боестолкновениях в особые периоды, под которыми следует понимать период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. По разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «под сдачей в плен следует понимать различные действия (бездействие), в результате которых военнослужащий переходит во власть противника» (п. 111)³.

Если общественная опасность преступлений против военной службы заключается в нарушении порядка прохождения военной службы, причинении вреда военной безопасности Российской Федерации и обороноспособности страны, то это деяние, совершенное в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, характеризуется повышенной общественной опасностью (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Добровольная сдача в плен представляет повышенную степень общественной опасности для общества и государства еще и потому, что снижает эффективность выполнения поставленных боевых задач, наносит ущерб боеспособности воинских частей, а также оказывает деморализующее влияние на остальных военнослужащих.

Объект преступления, предусмотренный ст. 264 УК РСФСР, трактовался расширительно. С ним связывали «обороноспособность СССР и воинскую дисциплину»⁴, либо «отдельные стороны порядка несения воинской службы»⁵, либо установленный «порядок несения воинской

¹ Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке. Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 6 (120). С. 29—39.

² Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными. URL: un.org

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

⁴ Курс советского уголовного права. Особенная часть. Том 2. М.: Юрид. лит., 1959. С. 779; Курс советского уголовного права. В шести томах. Т. VI (Особенная часть). М.: Наука, 1971. С. 529.

⁵ Уголовное право. Часть Особенная. М.: Юрид. лит., 1966. С. 543.

службы в районе военных действий»¹. Несмотря на столь пространственное толкование объекта, в настоящее время отдельные авторы соглашаются с его прежней трактовкой и применительно к вновь введенной ст. 352.1 УК РФ признают непосредственным объектом «установленный порядок несения воинской службы в районе военных действий»².

При определении объекта преступления следует исходить из того, что это определенный вид общественных отношений, на который направлено преступное посягательство и которым в результате причиняется вред либо создается угроза его применения. Поэтому объектом данного преступления следует признать общественные отношения, возникающие при соблюдении установленного порядка прохождения военной службы в период мобилизации, военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Порядок прохождения службы, установленный в особые периоды, является составной частью общего порядка несения военной службы. Он урегулирован воинскими уставами, которые обязывают военнослужащего при боевом столкновении с противником с честью выполнять свой воинский долг, оказывать решительное сопротивление противнику и всячески избегать захвата в плен.

Предметами преступного посягательства при добровольной сдаче в плен являются все военные атрибуты, которые виновный передает противнику. В их перечень могут входить топографические карты, оружие, боеприпасы, взрывные устройства, военное снаряжение, транс-

портные средства и другие материальные субстанции военного назначения.

Объективная сторона выражается в добровольной сдаче в плен при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, то есть при отсутствии умысла на государственную измену. Сдача в плен свидетельствует о полном прекращении сопротивления и вооруженной борьбы. Сдаваясь в плен, военнослужащий совершает различные целенаправленные действия либо бездействия, в результате которых он переходит во власть противника. Если же «действия (бездействие), направленные на сдачу в плен, не завершаются переходом во власть противника по причинам, не зависящим от воли лица, содеянное образует покушение на сдачу в плен» (п. 111)³.

Обязательным признаком преступления является добровольный характер перехода военнослужащего во власть противника. Добровольность в принятии решения означает свободу выбора своих действий. В боевой ситуации он сам решает, каким образом оказывать вооруженное сопротивление противнику, в том числе, возможно, осуществить отход с занимаемых позиций, выйти из окружения и вернуться в воинскую часть, либо же прекратить вооруженное сопротивление и сдаться в плен неприятелю.

Преступное деяние, предусмотренное ст. 352.1 УК РФ, по конструкции состава преступления является формальным. Оно считается оконченным в момент совершения описанного в диспозиции преступного деяния — пленения, т.е. тогда, когда противник имеет возможность распоряжаться судьбой такого воина по своему усмотрению. Наступление каких-либо последствий для уголовной ответственности не требуется.

Диспозиция не указывает место и время совершения преступления. Однако по смыслу новаций, внесенных Федеральным

¹ Уголовное право. Часть Особенная : учебник / под ред. П.И. Загородникова и В.Ф. Кириченко. М.: Юрид. лит., 1968. С. 574.

² Землянко О.А., Мельникова Ю.И. Проблемные аспекты квалификации деяний по статье о добровольной сдаче в плен // Молодежная юридическая наука Alma Mater — 2022 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 10—11 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: А.В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2023. С. 462.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, привлечение к уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен возможно лишь в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Только лишь в указанные особые периоды возможна добровольная сдача в плен. В мирное время попасть в плен ни теоретически, ни практически невозможно, потому что данное деяние совершается в связи с ведением военных действий, а добровольная сдача в плен является способом уклонения от участия в вооруженной борьбе.

Если военнослужащий, находясь в беспомощном состоянии, в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии, будет захвачен противником в плен, то должен искать и использовать любую возможность для своего освобождения и освобождения своих товарищей из плена и возвращения в свою воинскую часть (ст. 23 УВС ВС РФ). Это положение Устава внутренней службы Вооруженных Сил необходимо учитывать судам при рассмотрении уголовных дел о добровольной сдаче в плен в особые периоды (п. 111 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11).

Не образует объективной стороны данного преступления случаи, когда военнослужащий попадает в плен в беспомощном состоянии, без памяти, по причине ранения, контузии либо когда он внезапно схвачен неприятелем или при других подобных обстоятельствах, когда он фактически не имеет возможности оказать сопротивление и сражаться.

Диспозиция данной статьи не указывает на наличие у субъекта статуса военнослужащего, однако в примечании такое указание имеется. Из этого следует, что субъект преступления — специальный, им является военнослужащий любого вооруженного формирования Российской Федерации, проходящий службу по призыву или по контракту и добровольно сдавшийся в плен. Статус военнослужащих установлен Уставом внутренней службы Вооруженных Сил. Исполнением обязанно-

стей военной службы признаются, в частности, случаи: участия в боевых действиях, выполнения задач в период мобилизации, в условиях чрезвычайного или военного положения, военного времени, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо участия в операциях, проводимых Вооруженными Силами Ф, другими войсками, воинскими формированиями и органами, в том числе для выполнения задач по пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации (ст. 6, 8 УВС ВС РФ). В этих же случаях обретает статус военнослужащего гражданин, проходящий военные сборы, и гражданин, пребывающий в мобилизационном людском резерве (ст. 37)¹.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих Вооруженных Сил, проходящих службу по контракту. Уровень их денежного содержания соответствует уровню денежного содержания военнослужащих (п. 2, 3 Указа).

С субъективной стороны добровольная сдача в плен может быть совершена только умышлено. Обычно это ситуация, когда военнослужащий, действуя с прямым умыслом, сознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит его общественно опасные последствия и желает сдаться в плен. Не исключен и косвенный умысел, когда он осознает возможность своего пленения. При этом допускает либо относится безразлично к таким последствиям, а возможно даже у него имеется возможность избежать плена, но он ее осознанно не использует.

Трактовать сдачу российского военнослужащего в плен следует исходя из цели такой сдачи. В большинстве случаев это стремление сохранить жизнь и здоровье, а

¹ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

мотив — трусость, желание избежать гибели либо ранения. В связи с тем, что преступление совершается с умыслом, возможны приготовление к сдаче в плен и покушение на нее, а также добровольный отказ от доведения преступления до конца.

Если лицо сложило оружие перед врагом, чтобы примкнуть к противостоящим Российской Федерации силам (войскам) «иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники, именно в этих целях сдалось в плен», то «содеянное подлежит оценке только как государственная измена в виде перехода на сторону противника» (п. 111 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11).

Добровольная сдача военнослужащего в плен обоснованно считается одним из тяжких воинских деяний. Поэтому в данном составе преступления санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет.

Примечание к ст. 352.1 УК РФ вводит основание освобождения военнослужащего от уголовной ответственности. Это возможно лишь при наличии совокупности следующих условий: сдача в плен имела место впервые; самостоятельное (по своей

инициативе) принятие мер для своего освобождения; самостоятельное возвращение в часть либо к месту службы; несовершение во время пребывания в плену других преступлений. При отсутствии хотя бы одного из указанных условий применение примечания к ст. 252.1 УК РФ исключается.

Таким образом, криминализация добровольной сдачи в плен обусловлена объективными реалиями современности, и новая уголовная статья будет способствовать должному установлению порядка прохождения военной службы в особые периоды.

Библиография

1. Загорский, Г.И. Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов // *Право в Вооруженных Силах* — военное правовое обозрение. — 2007. — № 6 (120). — С. 29—39.

2. Землянко, О.А. Проблемные аспекты квалификации деяний по статье о добровольной сдаче в плен / О.А. Землянко, Ю.И. Мельникова // *Молодежная юридическая наука Alma Mater* — 2022 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 10—11 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: А.В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. — Минск: БГУ, 2023. — С. 428—430.

Новации уголовного законодательства, связанные с освобождением от уголовного наказания и ответственности в связи с призывом на военную службу в особых условиях

© Кириченко Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, юрист

© Александрова Наталья Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Проведение Российской Федерацией специальной военной операции обуславливает необходимость издания законодательных и иных нормативных правовых актов, направленных на повышение обороноспособности нашего государства, а также оптимизацию различных общественных отношений. К этому вопросу относятся, в том числе, изменения в уголовное законодательство, выражающиеся в усилении либо смягчении ответственности за совершение определенных составов преступлений в особые периоды времени. В настоящей статье будет представлен краткий военно-правовой анализ изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации, в виде освобождения от уголовного наказания либо ответственности в связи с призывом на военную службу, а также правовые условия, необходимые для этого.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, освобождение от уголовного наказания, освобождение от уголовной ответственности, воинские преступления, военная служба, специальная военная операция, мобилизация, военное положение, военное время, национальная безопасность, военная безопасность.

New in the criminal law, expressed in the release of criminal punishment and liability in connection with conscription in special conditions

© Kirichenko N. S.,

Candidate of Law, lawyer

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia of the Russian Federation

Abstract. The conduct of a special military operation by the Russian Federation necessitates the publication of legislative and other regulatory legal acts aimed at improving the defense capability of our state, as well as optimizing various public relations. This issue includes, among other things, changes to criminal legislation, expressed in strengthening or mitigating responsibility for the commission of certain types of crimes during special periods of time. This article will present a brief military-legal analysis of the changes made to the Criminal Code of the Russian Federation in the form of exemption from criminal punishment or liability in connection with conscription, as well as the legal conditions necessary for this.

Keywords: Criminal Code, exemption from criminal punishment, exemption from criminal liability, military crimes, military service, special military operation, mobilization, martial law, wartime, national security, military security.

Проведение специальной военной операции является важным фактором, обуславливающим необходимость проведения

анализа действующего законодательства и своевременного внесения в него необходимых изменений, направленных на опти-

мизацию различных правовых отношений. Данная тема по своему характеру является очень обширной и актуальной, о чем свидетельствует большое количество научных работ российских ученых¹. Внесение соответствующих изменений требуется и в УК РФ, которые заключаются как в усилении уголовной ответственности за совершение преступлений в особые периоды времени, а также в ослаблении такой ответственности при наступлении определенных правовых оснований².

Институт освобождения от уголовной ответственности, как верно отмечается в литературе, является одним из самых динамично развивающихся нормативных образований в российском уголовном праве³. Очевидно, что его дальнейшее развитие и реформирование, осуществляемое в соответствии с принципами гуманизма и справедливости, может быть эффективным

лишь при условии определенности содержания как самого понятия «освобождение от уголовной ответственности», так и четкого представления об основаниях принятия такого правового решения⁴.

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» приняты соответствующие изменения в УК РФ в части освобождения от уголовного наказания и уголовной ответственности.

Согласно внесенным изменениям (ст. 78.1) лицо, совершившее преступление, за исключением определенного перечня преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также некоторых преступлений в сфере экономической деятельности, в сфере компьютерной информации, против общественной безопасности, против здоровья населения и общественной нравственности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против порядка управления (далее — преступления, являющиеся исключением), призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых предварительное расследование приостановлено в соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ⁵, освобождается от уголовной ответственности:

¹ См. напр.: Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 85—93; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 2—11; Кириченко Н.С. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 115—118; Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. М.: КноРус, 2021.

² См. напр.: Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13-17; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 183-187.

³ Лобанова Л.В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности и презумпция невиновности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 207.

⁴ Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143—156.

⁵ Согласно п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в редакции изменений, внесенных Федеральным законом от 23 марта 2024 № 64-ФЗ, предварительное следствие приостанавливается в случае призыва подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному пп. «а» (по возрасту — по достижении предельного возраста пребывания на военной службе), «в» (по состоянию здоровья) или «о» (в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени) п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Кроме этого, внесенными изменениями в УК РФ (ст. 80.2) лицо, отбывающее наказание за совершение преступления (кроме преступлений, являющихся исключением), призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, освобождается от наказания условно.

При этом такое лицо освобождается от наказания:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

В случае если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно по указанным ранее основаниям, совершило новое преступление, то в таком случае суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (назначение наказания по совокупности приговоров).

либо заключения ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а также прохождения ими военной службы в период действия указанных режимов.

Наряду с указанными изменениями ст. 86 УК РФ дополнена ч. 3.1, согласно которой в отношении лица, имеющего судимость, кроме судимости за совершение преступлений, являющихся исключением, призванного на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, судимость погашается:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Следует отметить, что указанным Федеральным законом внесены соответствующие изменения и в УПК РФ, направленные на реализацию соответствующих изменений, внесенных в УК РФ.

Важно отметить, что одновременно с внесением рассмотренных изменений в УК РФ, вступил в силу Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который в том числе предусматривает признание утратившим силу Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

Федеральный закон № 270-ФЗ устанавливал правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федера-

ции, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Анализ новелл Федерального закона № 270-ФЗ показывает, что предусматривается два основания освобождения от уголовной ответственности по субъектному составу:

1) освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом лица на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением лицом в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы (ст. 3);

2) освобождение лица от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 4). Также отдельно нормы рассматриваемого Закона выделяют основания освобождения от наказания¹.

Вопрос освобождения от уголовной ответственности соответствующей категории лиц по основаниям, предусмотренным Федеральным закон № 270-ФЗ, в связи с призывом их на военную службу для участия в специальной военной операции, имел дискуссионный характер. Некоторые не понимали необходимости принятия таких мер правового характера.

По нашему мнению, внесение соответствующих изменений в законодательство, является важным и обоснованным решением. Считаем вполне обоснованным освобождение от уголовного наказания и ответственности человека, изъявившего желание ценой своей жизни реабилитировать себя перед обществом и принять участие в проведении специальной военной операции.

При этом наше государство уже имеет исторический опыт применения аналогичных правовых механизмов.

В России в годы гражданской войны было создано большое количество штрафных частей. В них содержались дезертиры и «уклонисты». В 20—30 гг. таких частей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии не было. В годы Великой Отечественной войны штрафные батальоны были вновь воссозданы².

В связи с осложнением в 1942 г. обстановки на фронтах Народный комиссар обороны СССР И.В. Сталин издал 28 июля 1942 г. Приказ № 227, известный под названием «Ни шагу назад!». В нем предельно кратко и ясно была обрисована тяжелая ситуация, в которой оказался Советский Союз к лету 1942 г., выявлены причины и намечены пути преодоления кризисных явлений на фронте. Приказ предусматривал создание штрафных батальонов и применение жестких мер к бойцам и командирам, самовольно покидавшим боевые позиции³.

Так, военным советам фронтов (армий) и прежде всего командующим фронтами (армиями) приказывалось сформировать в пределах фронтов от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда следовало направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, ставить их на более трудные участки фронта для искупления кровью своих преступлений; от трех до пяти хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), ставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов, а также от пяти

¹ Коновалов В.А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Законность. 2023. № 10. С. 16—18.

² Антонов Ю.И. Ответственность за преступные уклонения от военной службы по Уложению китайской династии Тан // Военно-юридический журнал. 2014. № 5. С. 8—12.

³ Воробьев С.М. Предпосылки заглаживания морального вреда потерпевшим посредством направления в штрафные подразделения // История государства и права. 2015. № 18. С. 60—63.

до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости¹.

В заключение следует отметить, что рассмотренные изменения в УК РФ представляют собой важные и значимые совершенствования уголовного законодательства России. На наш взгляд, такие изменения позволят благоприятным образом повлиять на обороноспособность нашего государства и повышение уровня правопорядка, что является постоянной темой научных публикаций².

Библиография

1. Антонов, Ю.И. Ответственность за преступные уклонения от военной службы по Уложению китайской династии Тан / Ю.И. Антонов // Военно-юридический журнал. — 2014. — № 5. — С. 8—12.
2. Борзунов, С.М. Живая память. Великая Отечественная: правда о войне / С.М. Борзунов, В.Н. Смолин. — Москва, 1995. — Т. 1.
3. Воробьев, С.М. Предпосылки заглаживания морального вреда потерпевшим посредством направления в штрафные подразделения / С.М. Воробьев // История государства и права. — 2015. — № 18. — С. 60—63.
4. Грувер, Н.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции / Н.В. Грувер, А.И. Землин, И.В. Холиков. — Москва: КноРус, 2021. — 264 с.
5. Кауфман, М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности /

М.А. Кауфман // Журнал российского права. — 2021. — № 1. — С. 143—156.

6. Кириченко, Н.С. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12 (305). — С. 115—118.

7. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 183—187.

8. Коновалов, В.А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции / В.А. Коновалов // Законность. — 2023. — № 10. — С. 16—18.

9. Корякин, В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 3 (225). — С. 24—33.

10. Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 85—93.

11. Кудашкин, А.В. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 7 (312). — С. 2—11.

12. Лобанова, Л.В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности и презумпция невиновности / Л.В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2016. — Т. 15. — № 4 (33). — С. 206—211.

13. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.

14. Харитонов, С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / С.С. Харитонов, А.В. Раков // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 188—193.

15. Холиков, И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И.В. Холиков, В.А. Окоца // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 147—158. — DOI 10.12737/jrl.2020.154.

¹ Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. М., 1995. Т. 1 / Ред.-сост. С.М. Борзунов, В.Н. Смолин. С. 303—306.

² См. напр.: Корякин В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 3 (225). С. 24—33; Холиков И.В., Окоца В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Харитонов С.С., Раков А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193.

Особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в период проведения специальной военной операции

© Новокшонов Дмитрий Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент, полковник
юстиции, начальник кафедры уголовного
процесса и криминалистики факультета
(командного), Санкт-Петербургский военный
ордена Жукова институт войск национальной
гвардии Российской Федерации

Аннотация. В работе анализируется законодательство, регулирующее вопросы уголовной ответственности военнослужащих в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых предварительное расследование приостановлено, а также освобождение от уголовной ответственности, в том числе актуальные изменения законодательства, посвященные уголовной ответственности за преступления против военной службы.

Ключевые слова: преступления против военной службы, уголовная ответственность военнослужащих, военное положение, военное время, период мобилизации.

Features of criminal liability of military personnel for crimes committed during a special military operation

© Novokshonov D.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of
Justice, Head of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of the Faculty
(Command), St. Petersburg Military Order of
Zhukov Institute of National Guard Troops of the
Russian Federation

Annotation. The paper analyzes legislation regulating the issues of criminal liability of military personnel during mobilization, during martial law or during wartime, in respect of which the preliminary investigation has been suspended, as well as exemption from criminal liability, including current legislative changes on criminal liability for crimes against military service.

Keywords: crimes against military service, criminal liability of military personnel, martial law, wartime, the period of mobilization.

Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», направлен на закрепление механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, которые заключили контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации в период специальной военной операции (СВО).

Уголовный кодекс дополнен новой статьей 78.1, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо в связи с заключением контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. В ч. 1 ст. 78.1 указано, что лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмот-

ренных ч. 2 ст. 200.1, ч. 1 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ч. 1 и 2 ст. 217.1, ч. 1 и 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 274.1, ст. 280, 280.1, ч. 1 ст. 280.4, ч. 1 ст. 283, ч. 1 ст. 283.1, ч. 1 и 2 ст. 283.2 и 284 УК РФ, призванное на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключившее в период мобилизации, военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, а равно совершившее преступление в этот период, предварительное расследование в отношении которого приостановлено в соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, освобождается от уголовной ответственности:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе.

Часть 2 названной статьи закрепляет, что контроль за поведением указанных лиц осуществляется командованием воинской части (учреждения).

Внесены изменения в УК РФ в ст. 80.2 «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время», которая разъясняет механизмы освобождения лиц, отбывающих наказание за совершение преступления, за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних либо преступлений, предусмотренных ст. 205—205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276—280, 281—281.3, 282.1—282.3, 360, 361 УК РФ, от наказания условно. Если освобожденное лицо в период прохождения военной службы совершит новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Поправки дополняют ст. 86 УК РФ частью 3.1, в которой указано, что в отношении лица, имеющего судимость, за исключением судимости за совершение вышеперечисленных преступлений, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключившего контракт о прохождении военной службы в

указанные период и время, судимость погашается со дня награждения либо увольнения с военной службы.

В свою очередь УПК РФ дополнен статьей 28.2 «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Вносятся и другие корреспондирующие поправки.

Кроме того, указывается, что лица, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г., освобождаются от уголовной ответственности и наказания, а судимость в отношении таких лиц погашается.

Следует отметить, что указанные изменения в УК РФ и УПК РФ внесены в целях совершенствования правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в периоды мобилизации, военного положения и в военное время¹.

Также законом внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признан утратившим силу Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

Закон о мобилизационной подготовке и мобилизации дополнен статьей 21.2, которая разъясняет порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной

¹ Новокшенов Д.В., Шеншин В.М., Медведева А.А., Агаев Г.А. Об изменениях уголовного закона в части криминализации уголовной ответственности за совершение преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 1(229). С. 298—301.

власти по вопросам, связанным с призывом (поступлением) на военную службу и ее прохождением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время граждан, имеющих судимость.

Также внесены изменения в подп. «б» п. 5.1 ст. 34 Закона о воинской обязанности и военной службе. Согласно данным изменениям, в период мобилизации, в период военного положения и в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах может быть также заключен с гражданами, совершившими преступления небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 200.1, ч. 1 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ч. 1 и 2 ст. 217.1, ч. 1 и 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 274.1, ст. 280, ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.4, ч. 1 ст. 283, ч. 1 ст. 283.1, ч. 1 и 2 ст. 283.2 и ст. 284 УК РФ, в отношении которых предварительное расследование приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения).

Изложенные в законе поправки в УК РФ и УПК РФ фактически дублируют положения принятого ранее Закона об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в СВО. Такие изменения были необходимы, поскольку без них имела места довольно странная ситуация, когда вопросы уголовной ответственности разрешались в двух разных нормативных актах: в УК РФ и названном законе, чего быть не должно в силу требований ст. 1 УК РФ¹. Поэтому Закон об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в СВО, признан утратившим силу.

Следует обратить внимание на отсутствие указания в законе на права потерпевших. Так, исходя из закона, при принятии решения о прекращении уголовного преследования или освобождения от уголовной ответственности и наказания мнением потерпевших никто не будет интере-

соваться. Для соблюдения баланса прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства целесообразно включить в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство нормы, которые обеспечивали бы право потерпевшего знать о процедуре освобождения лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности или уже осужденного, от ответственности или наказания. Можно выразить надежду, что следственные органы будут приостанавливать предварительное следствие, выполнив все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, с учетом интересов потерпевшего².

По поводу поправок в УПК РФ следует отметить, что необходимость детального регулирования процедуры приостановления и прекращения уголовного преследования лиц, призванных на военную службу в период СВО, назрела давно. В практике имеется немало случаев, когда дознаватели, следователи, прокуроры и судьи попадали в процессуальный «тупик» в связи с убытием подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) в составе воинских формирований в зону проведения СВО. Однако неразрешенным остался вопрос соблюдения прав потерпевших. Судя по тексту закона, при принятии решения о прекращении уголовного преследования или освобождения от уголовной ответственности и наказания мнением потерпевших никто не будет интересоваться, что является неправильным и с морально-этической, и с правовой точки зрения³.

² Новокшенов Д.В. Вопрос разграничения дисциплинарного проступка, грубого дисциплинарного проступка и воинского преступления // Актуальные вопросы административного законодательства : Сборник материалов всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 27 апреля 2023 г. / Ред. И.С. Назарова, В.И. Кайнов. Белгород: Эпицентр, 2023. С. 59—64.

³ Новокшенов Д.В., Шевченко К.В., Шеншин В.М. О криминализации воинских преступлений: краткий комментарий к Федеральному закону от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ // Закон и право. 2023. № 11. С. 250—256.

¹ Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

В законе не указан момент, с которого подлежит приостановлению предварительное следствие. В случае приостановления на ранних стадиях, могут быть нарушены права потерпевших, так как должны быть установлены характер и размер вреда, причиненного преступлением. В том числе могут быть нарушены и права самого подозреваемого в силу необходимости установления события преступления и обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния (ст. 73 УПК). На практике следственные органы будут приостанавливать предварительное следствие, выполнив все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, с учетом интересов потерпевшего.

Для соблюдения баланса прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства целесообразно включить в предлагаемые к изменению нормы положения, которые обеспечивали бы право потерпевшего знать об инициированной или состоявшейся процедуре освобождения лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности или уже осужденного, от ответственности или наказания

соответствующими положениями, например, дополнить п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

Библиография

1. Новокшенов, Д.В. Вопрос разграничения дисциплинарного проступка, грубого дисциплинарного проступка и воинского преступления / Д.В. Новокшенов // Актуальные вопросы административного законодательства : Сборник материалов всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 27 апреля 2023 г. / Ред. И.С. Назарова, В.И. Кайнов. — Белгород: Эпицентр, 2023. — С. 59—64.
2. Новокшенов, Д.В. Об изменениях уголовного закона в части криминализации уголовной ответственности за совершение преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации / Д.В. Новокшенов, В.М. Шеншин, А.А. Медведева, Г.А. Агаев // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 1(229). — С. 298—301.
3. Новокшенов, Д.В. О криминализации воинских преступлений: краткий комментарий к Федеральному закону от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ / Д.В. Новокшенов, К.В. Шевченко, В.М. Шеншин // Закон и право. — 2023. — № 11. — С. 250—256.
4. Новокшенов, Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : дис. ... канд юрид. наук : 12.00.08 / Новокшенов Дмитрий Вячеславович. — Санкт-Петербург, 2007. — 211 с.

Основания и перспективы законодательных изменений в области уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции

© Слободанюк Игорь Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры специальной подготовки Московского
государственного университета имени
М.В. Ломоносова

© Васильев Дмитрий Вадимович,
соискатель кафедры уголовного права

Аннотация. В настоящей статье во взаимосвязи с действующей в уголовном законе системой норм дана общая характеристика механизма освобождения от уголовной ответственности и наказания, подвергавшемуся неоднократным законодательным изменениям, рассмотрены возможные, в связи с его применением, проблемы уголовно-правового и уголовно-процессуального характера и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: специальная военная операция, механизм освобождения от уголовной ответственности и наказания, военное законодательство, уголовный закон.

Grounds and prospects for legislative changes in the field of criminal liability of persons involved in participation in a special military operation

© Slobodanyuk I.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor Department of Special Training,
Moscow State University named after
M.V. Lomonosov

© Vasiliev D.V.,
applicant for the Department of Criminal Law

Annotation. In this article, in connection with the system of norms currently in force in criminal legislation, a general description of the mechanism for exemption from criminal liability and punishment, causing repeated legislative changes, will be given, taking into account possible problems of a criminal law and criminal procedural nature in connection with its application and some prospects, ways their permission.

Key words: special military operation, mechanism for exemption from criminal liability and punishment, legislative material, criminal law.

23 марта 2024 г. Президентом Российской Федерации были подписаны и опубликованы сразу два федеральных закона, устанавливающих новые правила освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, привлекаемых к участию в боевых действиях в зоне специальной военной операции (СВО), в т.ч. при заключении контракта с Вооруженными Силами Российской Федерации.

Первый — Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ¹ (далее — Закон

¹ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной

№ 61-ФЗ) — вносит поправки в Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и в Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Вместе с тем, утрачивает силу существовавший в нарушение принципа полной кодификации уголовного законодательства Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

Второй закон — Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ¹ (далее — Закон № 64-ФЗ) — подвергает изменениям Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации.

В связи с началом проведения СВО действующий на момент её начала УК РФ, рассчитанный по общему правилу на мирное время, не был готов к применению в новых условиях, фактически требовавших разработки законодательства военного времени, на которое содержалось указание в ныне утратившей силу ч. 3 ст. 331 УК РФ². Нормативный материал нуждался в актуализации — слабо были разработаны и нормы военно-уголовного законодательства, относимого авторами к категории комплексных отраслей права³ — правообразование, соединяющему части «традиционных» отраслей⁴.

ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

¹ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

² Антонова Е.Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 3 (7). С. 38.

³ Ахметшин Х.М. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации // Избранные труды / общ. ред. и предисл. канд. юрид. наук, доц. О.К. Зателепина. М.: Изд. «Юрлитинформ», 2011. С. 213.

⁴ Военно-уголовное право : учебник / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 27.

Изменения начали вноситься. Они затронули как общую часть УК РФ, например, в ст. 63 добавлены отягчающие наказание обстоятельства «в период мобилизации или военного положения, в военное время» (п. «л», в ред. Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ), «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии» (п. «с», введенный Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ); так и особенную часть УК РФ — криминализованы добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ), мародерство (ст. 356.1 УК РФ) и другие деяния; Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ были уточнены (расширены) признаки госизмены (ст. 275 УК РФ), шпионажа (ст. 276 УК РФ), увеличены санкции за ряд преступлений — т.н. поправки по «усилению уголовно-правовой охраны воинского правопорядка»⁵.

У Российской Федерации в связи с проведением СВО возникает необходимость пополнять ряды Вооруженных Сил дополнительными людскими ресурсами — для этих целей в зону боевых действий привлекаются осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Воинский правопорядок не сразу оказался готов к регулированию отношений, связанных с таким привлечением и применением к осужденным последующих поощрительных правовых последствий — механизм сначала разрабатывался, а позже — неоднократно совершенствовался и уточнялся.

По нашему мнению, кампанию по привлечению лиц, совершивших преступления, к участию в боевых действиях в зоне СВО можно разделить на три основных этапа: индивидуально-правовой (или фактический), законный и кодифицированный.

⁵ Шеслер А.В. Изменение приоритетов уголовно-правовой охраны как основное направление уголовно-правовой политики в аспекте определения преступности и наказуемости деяния // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 126.

Первый этап (осень 2022 г. — 24 июня 2023 г.) характеризовала следующая индивидуально-правовая процедура. Частная военная компания «Вагнер», имевшая статус добровольческого формирования¹, привлекала осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, путем заключения с ними контракта об участии в СВО. После истечения срока действия контракта — выполнения его условий — лицо освобождалось от дальнейшего отбывания наказания (с него снималась судимость) путем издания Президентом Российской Федерации в отношении прошедших полугодовую службу актов помилования².

По существу, такой механизм освобождения от наказания напоминал условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), однако в УК РФ, других федеральных законах отсутствовало какое-либо указание на связь такого вида освобождения от наказания и факта участия в СВО, позволяющего игнорировать требования о необходимости возмещения вреда, причиненного преступлением³.

Отказ государства от таких форм реализации уголовной ответственности, как полное отбывание назначенного ранее наказания и наложение судимости — разумная мера вознаграждения лица, выполнившего условия контракта, получившего

право на отпуск по истечении полугода участия в военных действиях. Она обеспечивает восстановление статуса лиц, виновных в совершении преступления, в связи с их участием в СВО, при наличии к тому оснований положительно характеризует личности освобожденных⁴. Однако статус лиц, участвующих в рамках контракта с добровольческим формированием в боевых действиях в зоне СВО, не определен — лицо освобождается от наказания (с него снимается судимость) как бы задним числом, после «увольнения» (т.е. истечения срока действия контракта с добровольческим формированием) из зоны боевых действий — вопрос который до конца не решен и сейчас.

Таким образом, на первом этапе формирования механизма возникают фактические правоотношения, связанные с привлечением осужденных к участию в боевых действиях в зоне СВО. Но не было ни основания передачи лица из мест лишения свободы командованию подразделений добровольческих формирований, ни основания нахождения ранее осужденного лица на свободе (пусть и в зоне СВО) до истечения срока отбывания наказания. Правомерными подобные манипуляции с заключенными становились уже после фактического освобождения и нахождения в зоне СВО на протяжении полугода. Очевидно, необходимо было создать законное основание для действия механизма.

Вторым этапом (24 июня 2023 г. — 23 марта 2024 г.) в механизме освобождения от форм реализации уголовной ответственности стало принятие Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее — Закон № 270-ФЗ) и становление практики его применения. Закон распространялся на четыре категории лиц, перечислять которые здесь не имеет смысла, они достаточно

¹ Согласно ст. 207.3 УК РФ (в ред. от 18.03.2023), добровольческими формированиями оказывается содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы. Песков заявил, что негосударственные вооруженные формирования относятся к добровольческим [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Интерфакс.ру». Раздел «В России». 18.03.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/891734> (дата обращения: 02.04.2024).

² Пригожин сообщил о помиловании первой группы воевавших бывших заключенных [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РБК». Военная операция на Украине, 05.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2023/63b6692b9a79470c97936891> (дата обращения: 07.04.2024).

³ Аширбекова М.Т., Манова Н.С., Устинов Д.С. К вопросу о некоторых признаках понятия «заслуга» для реализации поощрительных норм в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 156.

⁴ Коновалов В.А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Законность. 2023. № 10. С. 17.

подробно рассмотрены в специальной литературе¹.

В Закон было добавлено указание на командование воинских частей (учреждений) в качестве субъекта, осуществляющего контроль за поведением всех освобожденных от уголовной ответственности и наказания и имеющего право ходатайствовать о приостановлении уголовного дела (уголовного преследования).

Закон № 270-ФЗ подвергся жесткой критике со стороны ученых-материалистов, специалистов в области уголовного и уголовно-процессуального права. В юридической литературе отмечались бессистемность, правовая неопределенность, неясность и противоречивость норм Закона. Не был решен вопрос о возмещении лицами, освобожденными от ответственности и наказания, причиненного преступлением вреда.

Возникали вопросы и с указанием на термин «специальная военная операция», содержащийся в названии Закона № 270-ФЗ, однако отсутствующий в диспозиции его статей. Вместо этого перечислялись обстоятельства — «в период мобилизации, в период военного положения или в военное время» (далее — особые условия).

У авторов вызвали недоумение как сущностные, так и юридико-технические недостатки — установление в Законе новых оснований освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания грубо нарушало принципы полной кодификации уголовного права (ч. 1 ст. 1; ч. 1 ст. 3 УК РФ)². Поэтому с 24 июня в Российской Федерации почти девять месяцев фактически существовали два уголовных закона — ординарный УК РФ 1996 г. и Закон № 270-ФЗ.

¹ См., напр., Бабич К.А., Морозова К.С., Васильев А.М. Основания для освобождения от уголовной ответственности участников специальной военной операции // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 124; Можайская Л.А. Специальная норма об освобождении от уголовной ответственности участников специальной военной операции // Закон и право. 2023. № 11. С. 241.

² Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 49—51.

Сложности с положениями указанного Закона возникали и на практике — суды при возникновении противоречий руководствовались кодифицированными актами (в силу, напр., ч. 2 ст. 7 УПК РФ), и, как верно отмечает Л.В. Головкин, «применять Закон № 270-ФЗ в автономном порядке крайне затруднительно, если вообще возможно»³. Конституционный Суд Российской Федерации не высказывался по поводу Закона № 270-ФЗ, за исключением отказного Определения от 31 октября 2023 г. № 2731-О⁴, в котором он признал жалобу не отвечающей требованию допустимости.

Даже использование термина «лица, совершившие преступления» в одном предложении с указанием на проведение в их отношении предварительного расследования не соотносилось с пониманием принципа презумпции невиновности — вину в совершении преступления может установить только суд, а не органы дознания и следствия⁵. И как быть с тем фактом, что не только наложить уголовную ответственность, но и освободить от неё может только суд?

Однако законным механизм освобождения все же стал. Помимо вышеуказанного, в ст. 173 УИК РФ была введена ч. 8, устанавливающая, что досрочное освобождение от отбывания наказания лица, заключившего в период особых условий контракт о прохождении военной службы либо призванного на военную службу по мобилизации, при наличии к тому основа-

³ Головкин Л.В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 27.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2023 г. № 2731-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильина Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 2 Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

⁵ Загвоздкин Н.Н., Коршикова Е.О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 104.

ний осуществляется при поступлении в учреждение или орган, исполняющий наказание, обращения как самого осужденного, так и командования воинской части.

Третий этап (23 марта 2024 г. — настоящее время) формирует необходимый законодательный пласт на уровне УК РФ и УПК РФ, кодифицирует, переносит материал из автономного закона в отраслевые кодексы и вместе с тем решает некоторые юридико-технические проблемы, возникавшие при применении механизма освобождения от уголовной ответственности, наказания; снятия (погашения) судимости.

Новый закон по-прежнему распространяется на подозреваемых, обвиняемых, лиц, отбывающих наказание, лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость (эти лица перечисляются в ч. 1 ст. 3 Закона № 64-ФЗ). Регулирование вопросов, связанных с возмещением вреда, причинённых преступными деяниями освобожденных, осуществляется «в порядке гражданского судопроизводства» (ч. 2 ст. 3 Закона № 64-ФЗ), однако простое на это указание алгоритма конкретных действий не определяет. Возможно, в соответствии с абз. 1 п. 3 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19¹, возмещение вреда ложится на государство и его фонды.

В УК РФ были добавлены: одно основание освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и одно — от наказания (ст. 80.2 УК РФ).

Перечень исключений, т.е. преступлений, совершив которое, лицо не может пользоваться правом заключения контракта, прохождения военной службы по призыву в особых условиях, единый — он установлен в ст. 78.1 УК РФ и в нынешней редакции (кроме уже известных Закону № 270-ФЗ преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовер-

шеннолетних; против основ конституционного строя и безопасности государства; террористической направленности) включает в себя более 60 составов, в число которых были добавлены:

— деяния, образующие деятельность, направленную против безопасности государства по смыслу прим. к ст. 104.1 УК РФ (деяния, предусмотренные ст. 189, 200.1, 209, 210, 226.1, 229.1, 274.1, 283, 283.1, ч. 2 ст. 322.1, ст. 355, 359 УК РФ);

— преступления, посягающие на отношения по защите и охране государственной тайны (п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ст. 283.2, 284 УК РФ);

— преступления против территориальной целостности и безопасности государства (ст. 280.1, 280.2, 280.4 УК РФ);

— иные преступления (ст. 210.1, 217.1 УК РФ).

Помимо этого, исключается какое-либо указание на категоризацию преступлений в условиях освобождения, предусмотренных ст. 78.1, 80.2 УК РФ.

Ст. 78.1 УК РФ включает три основания освобождения от уголовной ответственности:

— в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время;

— в связи с заключением в период особых условий контракта;

— в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время;

Ст. 80.2 УК РФ содержит два основания освобождения от наказания:

— в связи с прохождением военной службы в период особых условий;

— в связи с заключением контракта в период военного положения или в военное время.

По существующим в отечественной доктрине классификациям освобождение от уголовной ответственности и наказания по основаниям, предусмотренным в ст. 78.1 и 80.2 УК РФ соответственно, следует относить к общим императивным условным видам освобождения. К лицу, совершившему преступление, фактически предъявляется требование — его освобождение будет иметь место и применяется со

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

дня выполнения одного из альтернативных условий:

— награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы

— увольнения с военной службы в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к ней (в связи с ранением); достижения предельного возраста пребывания на службе; окончания мобилизации, отмена (прекращение действия) военного положения и (или) истечение военного времени (для граждан, заключивших контракт) (п. «а», «в» и «о» ч. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

В гл. 4 УПК РФ к основаниям прекращения уголовного преследования добавляется ст. 28.2, а в гл. 28 к основаниям приостановления предварительного следствия (ч. 1 ст. 208 УПК РФ) добавляется п. 3.1 — призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключение контракта, а также прохождение ими военной службы в период особых условий. В новой ч. 9 ст. 208 УПК РФ закрепляется, что порядок взаимодействий между командованиями воинских частей (учреждений) и органами предварительного расследования по вопросам приостановления предварительного расследования (по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) отдаётся на ведомственный уровень — определяется совместными решениями Минобороны России, СК России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и иных федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих предварительное расследование.

Также изменяется круг субъектов, принимающих решения о приостановлении предварительного следствия (прекращении уголовного преследования): следователь (руководитель следственного органа) приостанавливает преследование и передает лицо по ч. 9 ст. 208 УПК РФ.

В теории уголовного права основания, по которым лицо освобождается от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ) и наказания (гл. 12 УК РФ), называются не реабилитирующими — лицо по-прежнему считается виновным в совершении пре-

ступления (при освобождении от наказания — в силу постановленного обвинительного приговора суда), а государство отказывается от применения к нему мер принудительного воздействия в силу того, что это лицо перестает быть общественно опасным.

В связи с этим, вопросы, связанные как с наличием вины лица в содеянном, так и со степенью общественной опасности решаются судом и только судом. На первом этапе разработки механизма участия осужденных в боевых действиях в зоне СВО в случае участия суда в освобождении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, применялись положения общей части УК РФ об изменении обстановки (ст. 80.1 УК РФ). В настоящее время становится ясно, что виновность и степень общественной опасности лица — предмет оценки не только судебной, но и следственной оценки.

Путем исключения из оснований указания на категорию преступлений, в совершении которого обвиняется (подозревается) лицо, и от уголовной ответственности и наказания при наличии к тому оснований, за совершение которого это лицо освобождается, законодатель существенно расширил понимание возможности исправления такого лица. Теоретически возможны ситуации, когда лицо, совершив квалифицированное убийство или любое другое деяние, относящееся к категории тяжких насильственных и иных деяний с сильно повышенной общественной опасностью (например, за которые предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы), может вместо наказания получить возможность отделаться «малой кровью». А это вряд ли соотносится с принципом справедливости, закреплённом в ст. 6 УК РФ. Не поднимая дискуссии о военной службе как мере наказания, считаем необходимым указать, что, конечно, законодателем учитывались подобные возможные случаи, поэтому в защиту столь широкого подхода к исправлению осужденных, можно привести следующие доводы, озвученные на обсуждениях зако-

нопроектов¹ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Во-первых, решение об участии осужденного лица в боевых действиях в зоне СВО принимается Министерством обороны, что является хорошим заградительным барьером при попытке недобросовестных лиц, пользующихся правилами ст. 78.1, 80.2 УК РФ, избежать ответственности и наказания. Кроме того, в случае совершения в зоне СВО новых преступлений лицом, освобожденным от отбывания наказания, новое наказание будет назначаться по совокупности приговоров (ч. 3 ст. 80.2 УК РФ).

Во-вторых, третий этап хотя и вносит существенные изменения в механизм освобождения, расширяя круг преступных деяний, совершив которые, лицо имеет право на освобождение от уголовной ответственности и наказания, призван кодифицировать регулирование соответствующих отношений, чтобы обеспечить в том числе единообразие судебной практики и избежать иных юридико-технических проблем, о которых сказано нами выше.

Наконец, в-третьих, налицо чрезвычайность подобных мер. Если другие основания освобождения от уголовной ответственности и наказания распространяются на обычные условия мирного времени, то новые «жизнеспособны» только в период существования особых условий. А эти условия временны и связаны с проводимой Российской Федерацией государственной политикой в области обороны и безопасности.

Таким образом, с законодательной точки зрения действующий механизм освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц в связи с их участием в СВО является наиболее совершенным за все почти два года его применения. Именно кодифицированный законодательный материал в этой сфере способен не допус-

кать правовой неопределенности при реализации механизма освобождения лиц, привлекаемых к участию в СВО.

Перед нами — правовое выражение новой уголовно-политической реальности. Необходимо учитывать конструктивно критические недостатки в имеющемся законодательном материале и с учетом этих недостатков вырабатывать новые, более совершенные подходы к правовому регулированию.

Библиография

1. Антонова, Е.Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? / Е.Ю. Антонова // Искусство правоповедения. The art of law. — 2023. — № 3 (7). — С. 37—42.
2. Ахметшин, Х.М. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации // Избранные труды / общ. ред. и предисл. канд. юрид. наук, доц. О.К. Затекина. — Москва: Изд. «Юрлитинформ», 2011.
3. Аширбекова, М.Т. К вопросу о некоторых признаках понятия «заслуга» для реализации поощрительных норм в уголовном процессе / М.Т. Аширбекова, Н.С. Манова, Д.С. Устинов // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 491. — С. 155—160.
4. Бабич, К.А. Основания для освобождения от уголовной ответственности участников специальной военной операции / К.А. Бабич, К.С. Морозова, А.М. Васильев // Вестник науки. — 2023. — № 12 (69). — С. 123—128.
5. Военно-уголовное право : учебник / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Затекина. — Москва: «За права военнослужащих», 2008. — 384 с.
6. Головкин, Л.В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы / Л.В. Головкин // Уголовный процесс. — 2023. — № 11. — С. 26—28.
7. Загвоздкин, Н.Н. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях / Н.Н. Загвоздкин, Е.О. Коршикова // Образование. Наука. Научные кадры. — 2023. — № 4. — С. 101—106.
8. Коновалов, В.А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции / В.А. Коновалов // Законность. — 2023. — № 10. — С. 16—18.
9. Можайская, Л.А. Специальная норма об освобождении от уголовной ответственности участников специальной военной операции /

¹ См. Законопроект № 569651-8 [Электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законодательство». Раздел «Объекты законодательства». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8> (дата обращения: 07.04.2024).

Л.А. Можайская // Закон и право. — 2023. — №11. — С. 240—242.

10. Рарог, А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы / А.И. Рарог // Правовое государство: теория и практика. — 2023. — № 3 (73). — С. 45—52.

11. Шеслер, А.В. Изменение приоритетов уголовно-правовой охраны как основное направление уголовно-правовой политики в аспекте определения преступности и наказуемости деяния / А.В. Шеслер // Вестник Кузбасского института. — 2023. — № 1 (54). — С. 120—127.

Криминологические детерминанты диффамации институтов власти и этапы возникновения экстремистской преступности

© Спиваков Павел Андреевич,

адъюнкт Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации

© Роганов Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор

© Шапошников Александр Александрович,

старший преподаватель кафедры Санкт-
Петербургского военного ордена Жукова инсти-
тута войск национальной гвардии Российской
Федерации

Аннотация. В статье исследуются криминологические детерминанты формирования субъективной стороны экстремистских преступлений, выявляются социальные, психологические и экономические факторы, способствующие формированию экстремистских убеждений и мотиваций. Авторами рассматривается роль информационной сферы в распространении экстремистской пропаганды и вовлечении сочувствующих. Сформулированы направления противодействия экстремистской преступности со стороны правоохранительных органов на различных этапах, предложен ряд рекомендаций, направленных на предотвращение экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, диффамация, правовая нигилизация, лидер общественного мнения, предупреждение преступности, агитация, пропаганда, информационная сфера.

Criminological determinants of the emergence of extremist crime

© Spivakov P.A.,

postgraduate of St. Petersburg Military Institute of
the National Guard of the Russian Federation

© Roganov S.A.,

Doctor of Law, Professor

© Shaposhnikov A.A.,

senior Lecturer

Abstract. This scientific article explores the criminological determinants that determine the formation of the subjective side of extremist crimes. The article identifies various social, psychological and economic factors contributing to the formation of extremist beliefs and motivations. The authors also consider the role of the information sphere in the dissemination of extremist propaganda and the involvement of sympathizers. The features of criminological determinants of extremist crimes are formulated in order to develop effective measures to prevent and combat this phenomenon.

Keywords: extremism, defamation, legal nihilization, public opinion leader, crime prevention, agitation, propaganda, information sphere.

Среди явлений, влекущих высокую степень общественной опасности, следует особо выделить экстремизм. Борьба с экстремизмом и терроризмом признана одним из важных направлений политики цивили-

зованных государств, о чем свидетельствуют принятые и ратифицированные

международные нормативные правовые документы¹.

Изучая различные события и факты проявлений экстремизма, авторы склонны полагать, что обычный человек изначально не является приверженцем экстремистских или террористических методов достижения целей, а процесс формирования личности экстремиста в большинстве своем не является латентным.

Многие экстремистские деяния объединяет публичная информационная мотивация акторов, чье поведение зачастую является прогнозируемым. Путь формирования идеологической приверженности личности экстремистским взглядам, как правило, состоит из определенных этапов.

В качестве первого этапа формирования субъекта преступной деятельности экстремистской или террористической направленности выделяется стадия объединения лиц, испытывающих недовольство неразрешенной «локальной проблемой». Этим обусловлен феномен формирования «социального запроса» группы лиц, который формируется на базе острого недовольства граждан. Яркими примерами формирования «социального запроса» являются протестные акции, вызванные такими вопросами как:

1) взаимные территориальные претензии регионов Российской Федерации (конфликты на границах республик Дагестан и Чечня в 2019 г., а также споры между Аланией и Ингушетией);

2) межнациональные противоречия, зачастую связанные с присутствием среди коренного населения трудовых мигрантов или переселенцев из других регионов;

3) принятие непопулярных среди жителей решений об использовании мест их проживания или близких территорий для складирования бытовых отходов (протесты жителей поселка Шиес Архангельской обл.).

Как правило, запрос связан с необходимостью участия в решении затронутой проблемы представителей органов власти. Такими мерами могут быть, например, пресечение незаконной деятельности в области нарушения законодательства о природопользовании, пресечение каналов незаконной миграции, принятие своевременных мер реагирования на правонарушения, а также проведение профилактической разъяснительной работы с гражданами. При этом важно освещение принимаемых мер в СМИ и социальных сетях.

Представители общественности, транслирующие социальный запрос, зачастую мотивированы не идеологическими воззрениями, а чувствами справедливости, законности и даже иногда тщеславия. Кроме того, они могут испытывать «переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к недостаточному чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности»².

Как правило, на данном этапе не существует конкретных лидеров общественных мнений, определяющих генеральную повестку мероприятия и способных ее изменять своей агитационно-пропагандисткой деятельностью.

Охрана общественного порядка и противодействие экстремизму входит в число основных задач Росгвардии. В рамках выполнения задач войсками осуществляется оценка обстановки в зоне ответственности, обнаружение признаков изменения той самой оперативной обстановки, наличие самого «социального запроса», который лежит в основе резонансного события. В интересах реализации задач осуществляется информирование заинтересованных органов власти.

Стоит отметить, что на рассматриваемом этапе наиболее эффективной объединяющей граждан силой является стремление к справедливости. В случае эффективного участия представителей власти в удовлетворении запросов граждан формиро-

¹ Варданян А.В., Кулешов Р.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3. С. 40—45.

² Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 73—74.

вание экстремистски настроенных групп и объединений маловероятно. На данном этапе участники не имеют никаких противоправных намерений. Решающую роль в прекращении дальнейшей эскалации ситуации играют органы власти, уполномоченные разрешить ситуацию в четком соответствии с требованиями законодательства¹.

При отсутствии мер со стороны представителей органов власти развивается следующий этап формирования личности экстремиста — появление «локального лидера общественного мнения». Если проблема, сформированная в «социальном запросе», не разрешена, то среди представителей гражданского объединения избирается или самостоятельно определяется наиболее мотивированный гражданин, обладающий ораторскими способностями, который осуществляет информирование общественности о сути «социального запроса». Вместе с этим участник поддерживает настроение в группе, являясь «триггером» (раздражителем), агитирующим к дальнейшим действиям, которые направлены на удовлетворение «социального запроса».

Лидером общественного мнения является лицо, обладающее большим чем иные участники объемом сведений о событии, причине формирования «социального запроса», способное организовывать деятельность группы и использующее информационную сферу для ведения своей деятельности. Он представляет группу в переговорных процессах.

При появлении «локального лидера общественного мнения» органам правопорядка целесообразно довести взаимодействующим органам власти о рассматриваемом факте, а также провести комплекс вышеупомянутых профилактических мероприятий, которые должны осуществляться с информационным освещением в средствах массовой информации. Это поз-

волит участникам объединения и сочувствующим им лицам убедиться в заинтересованности органов власти проблемой граждан. Данные меры позволят не допустить нарушения общественного порядка и принять законные меры воздействия на источник общественного возмущения.

На рассматриваемом этапе происходит консолидация и самоорганизация участников, формируется управление и координация. Создается информационная повестка в СМИ и информационной сети Интернет. Важно понимать, что на данном этапе целесообразно принимать меры законного характера, развивать и привлекать к участию в разрешении кризисной ситуации локального лидера общественного мнения и вести информационное сопровождение деятельности.

Далее при отсутствии должного внимания к проблеме и ее решению созревает новый этап на пути формирования личности экстремиста — «солидаризация». На определенном уровне своего развития негативные процессы в обществе выходят на уровень самоорганизации, что проявляется в форме возникновения социальных групп различного масштаба, направленность деятельности которых носит целенаправленный деструктивный характер². Локальные лидеры общественных мнений отыскивают условно тождественные группы со смежными «социальными запросами» и привлекают последних для увеличения количества участников, увеличения географического охвата и объема информационного сопровождения. При этом локальные лидеры общественных мнений объединяются, консолидируя усилия, увеличивают агитационную деятельность и, как итог, выходят на широкий охват аудитории, расширяя возможности по вовлечению новых сторонников.

Отличительными признаками формирования данного этапа являются:

1) размывание конкретных границ частных локальных проблем, препятству-

¹ Глухов Е. А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. №11. С. 42—54.

² Кузьменко И. С. Общие проблемы исследования процессов солидаризации в обществе // Общество и право. 2016. № 1. С. 268—271.

ющих объединению групп и переход к более абстрактным требованиям;

2) формирование протестного вектора активности участников;

3) исключение из повестки группы решения локальной проблемы в пользу отстаивания интересов более широкого охвата.

На данном этапе также участникам объявляются виновники проблем, требующих разрешения. Привлекаются сочувствующие активистам лица, чьи интересы также отстаиваются. Желание добиться разрешения комплекса проблем приобретает ярко выраженный протестный вектор, как правило, против действий или бездействий представителей органов власти. К группам с общими целями присоединяются лидеры общественного мнения ранее сформированных оппозиционных политизированных групп, в том числе имеющих признаки экстремистски настроенных. Это влечет за собой неминуемое распространение идеологических взглядов деструктивного толка среди лиц, ранее их не разделявших. В ряде случаев консолидация приводит к формированию общественных организаций, руководителями которых становятся рассматриваемые лидеры общественных мнений.

Этап требует оперативного реагирования, роль Росгвардии здесь заключается в следующем:

— установление указанных объектов (лидеров, акторов, информационных материалов, средств распространения материалов), информирование представителей уполномоченных органов, с предоставлением прогнозов развития событий в случае игнорирования возникших обстоятельств;

— планирование во взаимодействии с иными правоохранительными органами выделения собственных сил и средств на случай осложнения обстановки. Меры будут способствовать потере протестного потенциала рядовых участников и их разобщению, с возвращением на прежний этап.

Также на данном этапе формируется протестное объединение, склонное к разрастанию и потенциально подверженное

внешнему идеологическому воздействию. Несмотря на это, умысла на совершение противоправных действий у участников и лидеров нет. Объединение также склонно к компромиссам при условии удовлетворения изначальных социальных запросов.

Без принятых профилактических мер будет наблюдаться следующий этап формирования субъекта экстремистской деятельности, а именно — формирование «ведомой силы масс». Интерес к группам проявляют представители политических, финансовых, криминальных групп или иностранных специальных служб (а равно иностранного капитала). Данную группу субъектов целесообразно обозначить как «интересанты». Головной целью интересантов, как правило, является насаждение среди акторов мотиваций для манипуляции последними в интересах приобретения собственной выгоды преступного, корыстного или властного характера.

Рассматриваемая модель развивается по нескольким векторам:

1. Интересант или его представители привлекает локальных лидеров общественного мнения под видом сочувствия и поддержки его целей. Со стороны интересанта демонстрируется ложная заинтересованность проблемой, группа обеспечивается материальной и информационной поддержкой. Интересант выступают инвестором и активных помощником.

Данная модель поведения свойственна для представителей политизированных организаций, стремящихся к демонстрации собственной социальной активности и вовлечению все большего количества потенциального электората¹.

При развитии этапа в данном векторе интересант или его представители избирают политического оппонента (как правило,

¹ Любарев А.В. К вопросу об оппозиционных прозападных движениях типа либералов— оппозиционеров и наваального // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9—1. С. 33—35; Полтавская Ю. Н. Модели институционализации леворадикальных молодежных организаций в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2012. № 4.

такими являются представители действующей власти), формируют протестную повестку и привлекают к более тесному сотрудничеству лидеров, обеспечивая последних денежным вознаграждением. С небольшим течением времени лидеры масс посвящаются интересантами в основные цели, преследуемые интересантом, входят в состав руководящего звена или звена, постоянно извлекающего прибыль от деятельности. При этом управляющий потенциал лидера постоянно поддерживается, интенсивность пропагандистской, агитационной и публично-массовой деятельности акторов увеличивается, а мотивация приобретает четкие политические цели, выходящие далеко за пределы изначальных границ локального конфликта. Формируется контролируемая масса, ведомая единым призывом.

2. Представители интересанта внедряются в группу и под видом глубокой заинтересованности проблемой принимают самое активное участие в пропагандистской и агитационной деятельности акторов и лидеров, со временем навязывая собственную повестку.

Данная модель поведения свойственна для представителей групп и объединений, преследующих корыстные и властные интересы путем воззвания к религиозным, националистическим (культурно-этническим) предпочтениям и социальным интересам акторов и лидеров, и последующей эксплуатации идей, сформированных на базе данных предпочтений.

Модель отражает прямой ход вовлечения граждан в организации экстремистского толка, но далеко не все лидеры и акторы впоследствии принимают предлагаемую деструктивную идеологию¹.

При этом данная модель также может использоваться представителями финансовых и криминальных групп для устранения коммерческих оппонентов или сокрытия

собственной противоправной деятельности.

Управляющий потенциал лидера в данной модели либо снижается, либо лидер проникается идеями и становится сторонником генеральной идеологии, мотивация приобретает форму веры. Из числа акторов выделяются последователи, которые отделяются от общей массы. При этом происходит формирование управляемой массы, действующей солидарно на основе агитации представителей интересанта.

3. Представители интересантов влияют на участников под видом оказания поддержки. Поддержка оказывается в форме проведения юридических консультаций, защиты правонарушителей в судах, проведении обучающих, консультативных и прочих организационно-подготовительных мероприятий. Осуществляется агитационная и пропагандистская работа, обучение тактике провокаций и дискредитации представителей органов власти. Цели акторов и лидеров, равно как и участников мероприятий, «выравнивается» в соответствии с целями интересантов. Выделяются новые лидеры из числа акторов, круг вовлекаемых лиц существенно расширяется. Безусловно, вся деятельность организаций широко освещается посредством СМИ и сети Интернет, что также привлекает новых сторонников².

Данная модель поведения свойственна представителям иностранных спецслужб, а также групп и объединений, подконтрольным иностранным политическим акторам. Они преследуют интересы по внедрению своих представителей в политические структуры органов власти России или формированию политизированных групп, оппозиционно настроенных по отношению к российским институтам власти. В рамках

¹ Шишина Е.А. К вопросу противодействия деятельности экстремистской организации "свидетели иеговы" // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 3.

² Шапошников А.А. Проблема пропаганды идей терроризма и экстремизма в сети "Интернет" // Основные угрозы терроризма и экстремизма в Российской Федерации, противодействие им войсками национальной гвардии и иными правоохранительными органами : сборник научных статей международной научно—практической конференции, Санкт-Петербург, 29 ноября 2017 г. Санкт-Петербург: СПВИ ВНГ, 2017. С. 32—36.

данного этапа активно используются методы информационной дискредитации представителей власти.

После получения отклика со стороны акторов и лидеров интересанты моделируют поведение ведомой силы масс в собственных интересах, внушают ложные цели, идеалы. Локальные лидеры общественных мнений при поддержке интересантов приобретают статус популярных и узнаваемых «лидеров общественного мнения» и становятся «локомотивами движения». Их внутренний статус в системе взаимодействия с интересантом или его представителями обозначается как «условно равный» в потенциальной элите, что стимулирует лидера действовать в интересах бенефициаров, с верой в то, что данные интересы направлены на защиту его собственных ценностей.

Явными признаками данного этапа выступают формирование объединения, его разрастание и идеологический фундамент. Методы пропаганды и агитации принимают ярко выраженные элементы идеологии. Для большей правдоподобности используются различные доказательства в виде выдернутых из контекста фраз из священных писаний, их искаженные переводы, ложные научные труды и псевдоисторические факты, ложные или ложно интерпретированные юридические акты и много другое.

Со стороны органов правопорядка здесь требуется постоянное наблюдение за развитием инициатив группы и активностью акторов и лидеров, за изменением модели поведения распространения информации и установлением новых участников. Данные меры позволят выявить вероятный идеологический вектор и во взаимодействии с оперативными службами иных правоохранительных органов спрогнозировать потенциальные сценарии осложнения обстановки.

Рассмотренный этап сопровождается формированием идеологии борьбы с властью у участников. Часть участников вовлекаются в деструктивные радиальные объединения, в том числе экстремистского толка, их деятельность отличается агрессивностью. Возникает угроза совершения

умышленных групповых правонарушений как демонстрация солидарности и приверженности принятой идеологии.

Компромиссные методы профилактики здесь уже неприемлемы. Для нормализации обстановки целесообразно привлечение к установленной законом ответственности лиц из числа интересантов, лидеров и акторов.

На данном этапе участников условно можно разделить на «вовлеченных» (идеологически мотивированных, допускающих противоправные действия) и «сочувствующих» (поддерживающих первопричину, не имеющих умысла и не предполагающих противоправных действий). В совокупности они и образуют «силу масс», ведомую лидерами по замыслу акторов.

Без принятия необходимых мер неминуемо наступает следующий этап, имеющий необратимые последствия — «правовая нигилизация участников».

Протестующим внушается ложное представление о наличии у них неограниченного по отношению к общественности и органам власти прав. При этом об обязанностях и потенциальной ответственности умалчивается. Участников настойчиво убеждают в необходимости использования любых методов для достижения целей и ложности либо необязательности исполнения действующего законодательства.

Параллельно с преувеличением прав участников и мотивацией их на отстаивание своих ценностей в сознании последних активно дискредитируются представители органов власти или потенциальные оппоненты. Дискредитация осуществляется различными способами, начиная от оскорблений и ложных обвинений, заканчивая диффамацией с использованием подлинной информации, но преподносимой в выгодной интересантам ключе.

В первую очередь опорочиванию подвергается объект, ранее определенный в качестве виновного либо врага. В рамках диффамации информационными акциями осуществляется «социальная стигматизация» объекта, то есть происходит процесс формирования принципиального негативного отношения к объекту из-за его социальных особенностей и роли в обществе.

Следующим шагом является констатация нарушения прав участников. Демонстрируются различные доказательства наличия данных прав, их исключительности и легитимности насильственных методов защиты.

В дальнейшем определяются категории служащих органов власти или представителей потенциальных противоборствующих сил, являющихся препятствием в достижениях цели интересантов, демонстрация признаков аффилированности с ранее определенным «врагом» и, соответственно, выполнением задач «врага» по ущемлению прав участников. Данный идеологический прием формирует у участников чувство недоверия к представителям органов власти и оппонентам, склоняет их к некой форме самоуправства. Кроме того, в процессе формирования отрицательных ассоциаций также формируется чувства враждебности и неуважения.

У объектов внушения снижается уровень правовой сознательности и законопослушности. Возникают угрозы массовых беспорядков и применения насилия в отношении граждан и представителей органов власти (в особенности сотрудникам правопорядка). Радикальная деструктивная деятельность на данном этапе сконцентрирована преимущественно в публично-массовом и информационном пространствах. Привлечение к ответственности членов группы воспринимается как отклик на праведные действия.

Таким образом, на данном этапе у всех участников формируется облик «врага», неуважение к закону, презрение по отношению к «незнающим». Участники допускают и принимают правонарушение в качестве способа достижения целей, но сами не считают свои действия противоправными.

Прошедшие определенные стадии «отбора» участники (за исключением отдельных личностей, самонасыщаемых психодеструктивной информацией), успешно подвергшиеся идеологической обработке, воспринявшие мотивационные догмы на веру и принявшие противоправное поведение уместным для достижения цели, становятся объектами вовлечения в

экстремистскую деятельность, что является следующим этапом рассматриваемого процесса. На этом этапе формируются экстремистские и террористические группы и объединения, а также радикальные «автономы», отделившиеся от общей массы участников. Автономы — наиболее скрытные, опасные и трудно выявляемые объекты наблюдения.

Процесс деструктивной радикализации также осуществляется в публичном пространстве сети Интернет или на сборах. Пропагандистско-агитационные мероприятия, проводимые среди участников, насыщены явными признаками противоправной деятельности, а именно, изготовлением и распространением информационных материалов экстремистского, террористического толка или иного противоправного контента психодеструктивной направленности, оправдывающего насилие.

Все участники такого рода объединений, в той или иной степени задействованы в демонстрации позиции, выражающейся в пропаганде ненависти, вражды по отношению к вышеуказанным «врагам» и оппонентам, агитации к совершению насилия по отношению к последним и в совершении фактических преступлений, мотивированных указанными идеологическими основаниями. Автономы в этом направлении не являются исключением, их пропаганда менее активна, но яростна¹.

Приняв на веру идеологию экстремизма или терроризма, адепты становятся наиболее эффективными инструментами вербовочной деятельности, так как слом мировоззрения и изменение категорических императивов ставят перед ними цель на расширение числа сторонников своей идеологической общности. Интересанты и их представители в данной ситуации отходят на позиции «кризисных менеджеров» и

¹ Спиваков П.А. Изучение насильственных преступлений массового характера, совершаемых подростками, на примере "скулшутинга" и возможность выделения самостоятельного квалифицирующего признака // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1. С. 22—28.

не вмешиваются в деятельность экстремистских или террористических групп и объединений. Административные функции предоставляются лидерам, которые становятся «идеологическими наставниками» или авторитарными лидерами с непререкаемым авторитетом и высокой степенью доверия. Формируется экстремистское объединение или его ячейка, внутри группы создается иерархическая структура. Ведется активная информационная компания, направленная на вовлечение новых участников. Отличительной чертой является противоправность и зачастую умышленная преступность действий участников. Возникают угрозы совершения преступлений с большой степенью общественной опасности, вызывающих широкий социальный диссонанс, провоцирующих дестабилизацию обстановки и влияющих на принимаемые органами власти решения.

На следующем этапе сформированные экстремистские организации и группы приобретают определенный структурированный вид и внутреннюю дисциплину, переходят в конспиративное состояние. После «вербовки» сторонников и превращения последних в адептов, как правило, наступает этап концентрации усилий и подготовки к конкретным силовым действиям. Участники прекращают активную публичную деятельность. Агитация и пропаганда осуществляются внутри групп, там же разрабатываются сюжеты активных действий, предпринимаются меры к накоплению вооружения.

Отдельного внимания заслуживают «автономы», которые являются наиболее сложным объектом идентификации. Они ведут активные приготовления к совершению преступлений или совершают их скрытно. О высокой степени резонанса и величине указанных угроз говорят события массовых убийств, совершаемых в учебных заведениях, групповые преступления в религиозных учреждениях и культурных центрах.

Таким образом, предлагаем выделять основные не формализованные, но систематически прослеживаемые этапы, отражающие причины перевоплощения законопослушных граждан в субъекты экстре-

мистской или террористической преступной деятельности:

1. Возникновение социального запроса на поддержку со стороны органов власти, отклик на который укладывается в рамки правового поля и способен исключить дальнейшие негативные последствия.

2. Появление локального лидера общественного мнения, генерирующего и распределяющего внутренне процессы группы лиц, объединенных разрешением общей проблемы.

3. Солидаризация лидеров общественных мнений групп, имеющих условно тождественные мотивы.

4. Формирование ведомой силы масс путем насаждения среди ранее сформированной группы идей и идеологий. Определение «врага» и противодействующей стороны.

5. Правовая нигилизация участников, подвергшихся идеологическому внушению, формирование у участников неуважительного и презрительного отношения к праву и представителям органов власти.

6. Внушение веры в исключительность идеологических доктрин экстремистской (террористической) направленности, пропаганда насилия, как метода достижения цели, вовлечение новых сторонников.

7. Уход участников экстремистских объединений из публичного информационного поля в конспиративную область. Разработка планов преступной деятельности, подготовка к ней и реализация замыслов.

Первые шесть этапов вполне прогнозируемы. Кроме того, первые четыре этапа обратимы в состоянии законопослушности человека и не требуют вмешательства уголовного правового регулирования общественных отношений. Последующие этапы отражают момент деформации личности к состоянию преступного субъекта и требуют немедленного вмешательства компетентных органов.

Библиография

1. Адиев, А.З. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в республике Дагестан в 2019 г. / А.З. Адиев // Россия и мусульманский мир. — 2020. — № 2 (316). — С. 89—94.

2. Антонян, Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма : учебник / Ю.М. Антонян. — Москва, 2008. — 365 с.
3. Варданян, А.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 3 — С. 40—45.
4. Глухов, Е.А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности / Е.А. Глухов // *Lex russica* (Русский закон). — 2022. — № 11. — С. 42—54.
5. Ивашев, Р.Э. Противодействие терроризму в проблемном регионе (на примере республики Дагестан) / Р.Э. Ивашев // Столыпинский вестник. — 2022. — № 8. — С. 56—59.
6. Кузьменко, И.С. Общие проблемы исследования процессов солидаризации в обществе / И.С. Кузьменко // Общество и право. — 2016. — № 1 — С. 268—271.
7. Литвинова, Т.Н. Территориальные споры на северном Кавказе как источник региональной нестабильности / Т.Н. Литвинова // Право и управление. XXI век. — 2021 — № 2 (59) — С.78—84.
8. Любарец, А.В. К вопросу об оппозиционных прозападных движениях типа либералов-оппозиционеров и наваляного / А.В. Любарец // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 9. — С. 33—35.
9. Полтавская, Ю.Н. Модели институционализации леворадикальных молодежных организаций в современной России / Ю.Н. Полтавская // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. — 2012. — № 4. — С. 86—92.
10. Рахманкин, Е.А. О необходимости организационного обеспечения системы профилактики противоправных деяний / Е.А. Рахманкин, Ю.Ю. Тищенко, Н.Н. Трофимова // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 9. — С. 138—140.
11. Спиваков, П.А. Изучение насильственных преступлений массового характера, совершаемых подростками, на примере "скулшутинга" и возможность выделения самостоятельного квалифицирующего признака / П.А. Спиваков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2022. — № 1. — С. 22—28.
12. Шапошников, А.А. Проблема пропаганды идей терроризма и экстремизма в сети "Интернет" / А.А. Шапошников // Основные угрозы терроризма и экстремизма в Российской Федерации, противодействие им войсками национальной гвардии и иными правоохранительными органами: сборник научных статей международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 32—36.
13. Шишина, Е.А. К вопросу противодействия деятельности экстремистской организации "свидетели иеговы" / Е.А. Шишина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Юридические науки. — 2020. — № 3. — С. 69—75.
14. Щеглов, А.В. Противодействие методам вербовки в религиозные экстремистские организации / А.В. Щеглов // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 2. — С. 382—388.

О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики Саратовского
военного ордена Жукова Краснознаменного
института войск национальной гвардии
Российской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ были внесены масштабные изменения в гл. 33 УК РФ. Отмечая в целом положительный эффект этих новелл, наряду с этим приходится констатировать, что некоторые, заслуживающие реструктуризации составы преступлений остались в прежнем виде, а ряд нововведений представляются спорными. В частности, многие признаки составов, касающиеся совершения воинских преступлений в особых условиях, не имеют легальных дефиниций, что затрудняет их квалификацию. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», разъяснив многие вызывающие затруднения вопросы, оставило некоторые аспекты без внимания, а отдельные положения данного интерпретационного акта не всегда артикулированы надлежащим образом. Констатируется, что возникающая в связи с этим правовая неопределенность и порождаемое этим судебское усмотрение не способствует соблюдению принципа справедливости при квалификации преступлений против военной службы.

Ключевые слова: уголовный закон, преступления против военной службы, толкование уголовного закона, аналогия закона, принцип справедливости.

On the need to observe the principle of justice in lawmaking and law interpretation

© Chukin D.S.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of the Saratov Military
Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the
National Guard of the Russian Federation,
Lieutenant Colonel of the Institute

Summary. Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022 introduced large-scale changes to Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. Noting the generally positive effect of these novels, at the same time it has to be stated that some elements of crimes that deserve restructuring have remained the same, and a number of innovations seem controversial. In particular, many signs of compounds related to the commission of military crimes in special conditions do not have legal definitions, which makes it difficult to qualify them. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 18, 2023 No. 11 "On the practice of consideration by courts of criminal cases of crimes against military service", having clarified many difficult issues, left some aspects unattended, and certain provisions of this interpretative act are not always articulated properly. It is stated that the legal uncertainty arising in this regard and the judicial discretion generated by this does not contribute to the observance of the principle of justice

Key words: criminal law, crimes against military service, interpretation of the criminal law, analogy of the law, the principle of justice

Где справедливость, там и правда.

Пословица

Уголовно-правовая реальность относительно недавно ознаменовалась двумя заслуживающими внимания событиями, равных которым по значимости не наблюдалось со времен вступления в силу УК РФ почти три десятилетия тому назад.

Первое — это масштабные изменения гл. 33 УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹, которым были модернизированы 14 статей данной главы и введены два новых состава преступления (ст. 332 и 352.1 УК РФ).

Второе событие — это первое со времени принятия УК РФ полноценное легальное разъяснение общественно опасных деяний, предусмотренных нормами гл. 33 УК РФ, данное в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»². Предыдущее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» (название изложено в изначальной редакции) касалось лишь преступлений, предусмотренных ст. 337–339 УК РФ, поэтому Постановление № 11 оказалось долгожданным событием в среде теоретиков и практиков военно-уголовного права. К его несомненным достоинствам можно отнести то, что оно последовательно разъясняет особенности квалификации всех преступлений против военной службы.

Что касается ФЗ № 365, в целом военно-научное сообщество положительно оценивает данную реструктуризацию уголовного закона, отмечая значимость и даже положительное влияние этих измене-

ний на состояние воинской дисциплины³. Отдельные авторы обращают внимание на то, что исключение ч. 3 ст. 331 УК РФ является позитивным решением, поскольку ссылка на законодательство военного времени как основание возникновения уголовной ответственности за преступления против военной службы будет противоречить ч. 1 ст. 1 УК РФ⁴.

Однако, как известно, дьявол кроется в деталях. Поэтому в рамках данного исследования автору хотелось бы остановиться на тех аспектах указанных выше новелл уголовного закона и его толкования правоприменителем, которые представляются неоднозначными.

Вначале остановимся на изменениях, внесенных в УК РФ.

ФЗ № 365 дополнил обстоятельства, отягчающие наказание, указанные в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаками, в соответствии с которыми деяния должны быть совершены:

- в период мобилизации или военного положения;
- в военное время;
- в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

При этом, понятие мобилизации содержится в Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», понятие военного положения — в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», а в ч. 2 ст. 18 разд. V Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» установлено, с какого момента наступает военное время.

³ Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6(76). С. 183—187.

⁴ Ермолович Я.Н. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2023. № 1(306). С. 44—56.

¹ Далее по тексту — «ФЗ № 365».

² Далее по тексту — «Постановление № 11».

Наряду с этим, понятие вооруженного конфликта и боевых действий легального определения не имеют, что оставляет открытым вопрос о том, как следует квалифицировать действия, которые вменяются лицам по этим признакам. В какой-то мере, содержание боевых действий раскрывается через перечень, указанный в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», которая определяет лиц, относящихся к ветеранам боевых действий, однако конкретное законодательное определение данного термина отсутствует.

Буквальное толкование понятий «условия» вооруженного конфликта и «условия» ведения боевых действий предполагает совершение преступления лицом, непосредственно принимающим участие в мероприятиях указанных специальных режимов, поэтому думается, что разногласия при квалификации деяний с данными признаками будут отсутствовать.

Однако остается не вполне понятным, на кого распространяются обстоятельства, указанные в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ: на лиц, которые совершили все уголовно наказуемые деяния в это время или только те из них, которые предусмотрены гл. 33 УК РФ? Так же остается открытым вопрос о том, где должно быть совершено деяние — в любом месте, в тылу или непосредственно в районе боевых действий?

Не до конца определенным является понятие периода мобилизации. В научном сообществе мнения по этому поводу разделились. Некоторые авторы полагают, что «периодом мобилизации» следует считать временной промежуток с 21 сентября по 31 октября 2022 г., когда Минобороны России объявило об окончании мобилизационных мероприятий¹. Нам более импонирует мнение Н.А. Лопашенко, которая считает, что момент окончания периода

мобилизации должен получить свое закрепление в нормативном документе².

Вызывает некоторое недоумение логика законодателя, который особые периоды, указанные выше, включил в качестве квалифицирующих признаков не во все статьи гл. 33 УК РФ, а выборочно. Так, ФЗ № 365 оставил без указания на мобилизационное время ч. 2.1, 2.2 ст. 332, ч. 3 ст. 346, ч. 2 ст. 347, ч. 2 ст. 348 УК РФ. «Период мобилизации» и «военное положение» не были включены в ч. 3.1 ст. 337 и ч. 3 ст. 344 УК РФ. А статьи 335, 336, 343, 345, 349—352 УК РФ вообще остались безо всяких изменений. Наибольший интерес вызывает ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, где установлена уголовная ответственность за отказ от участия в *военных* (курсив мой — Д.Ч.) действиях.

На наш взгляд, отсутствие легальных дефиниций создает угрозу применения уголовного закона по аналогии, что противоречит фундаментальным основам уголовного законодательства, декларируемых в ч. 2 ст. 3 УК РФ.

Безусловным положительным моментом будет являться восстановление уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен (ст. 352.1 УК РФ), предтечей которой являлась ст. 264 УК РСФСР 1960 г. Однако диспозиция данной статьи простая, она не раскрывает понятие добровольности, лишь ограничивая объективную сторону действиями, которые не будут являться государственной изменой (ст. 275 УК РФ). Таким образом, понятие добровольности на законодательном уровне отсутствует, а практика сдачи в плен довольно давняя, при этом ключевым признаком является мотивация лица, что ставит в одинаковое положение раненых, которые сдаются в плен, находящихся в окружении, и всех остальных³. Думается,

¹ Степаненко Н.Е., Пасичник Д.М. Проблемные вопросы уголовной ответственности военнослужащих и граждан, пребывающих в запасе, в период прохождения ими военных сборов, за преступления против военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 105—118.

² Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 4(197). С. 115—135.

³ Мирхайдарова М.Ю. Криминализация и ужесточение ответственности за совершение преступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества в условиях проведения

что следует отдельно в примечании к ст. 352.1 УК РФ указать условия исключения уголовной ответственности при сдаче в плен, а при наличии соответствующих обстоятельств, действия лиц рассматривать как находящиеся в состоянии крайней необходимости.

ФЗ № 365, наряду с этим, оставил без необходимых, на наш взгляд, уравнительных изменений, признаки отдельных преступлений против военной службы. Так, составообразующим признаком в ст. 334, 336 УК РФ является *исполнение обязанностей военной службы* (курсив мой — Д.Ч.), в то время, как в ст. 335 УК РФ указанный признак отсутствует, хотя уголовно-правовая доктрина, интерпретационные акты и следственно-судебная практика всегда идет по пути его обязательного установления, переводя в случае отсутствия указанного признака данное воинское преступление в разряд общеуголовных деяний. Мы полагаем, что его следует включить в качестве отдельной части, либо примечания к ст. 331 УК РФ, в целях единообразной квалификации деяний.

В ст. 339 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за уклонение от исполнения обязанностей военной службы, указано, что субъектом данного преступления выступает исключительно военнослужащий, что исключает из сферы военно-уголовных отношений граждан, пребывающих в запасе во время прохождения ими военных сборов, хотя необходимое указание для ст. 337 УК РФ было введено ФЗ № 365.

Ст. 350 УК РФ находится в разбалансировке с другими статьями УК РФ, объектом для которых выступает безопасность движения и эксплуатации транспортных средств, ответственность за которые предусмотрена гл. 27 УК РФ. Так, в ст. 264 УК РФ, квалифицирующие признаки в виде совершения деяния в состоянии опьянения были введены еще Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ. Между тем, мониторинг приговоров воен-

ных судов свидетельствует о том, что имеются факты совершения военнослужащими, находящимися в состоянии опьянения (в первую очередь, алкогольного), преступления, предусмотренного ст. 350 УК РФ.

Все вышеобозначенное диктует необходимость дальнейшего совершенствования военно-уголовного законодательства.

Возвращаясь ко второму немаловажному аспекту, который касается толкования составов преступлений против военной службы, данные в Постановлении № 11, необходимо отметить его несомненный положительный эффект.

Как это следует из ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», разъяснения, даваемые в актах Верховного Суда, осуществляются в целях единообразного применения законодательства Российской Федерации. Но необходимо констатировать, что они учитывают в первую очередь исторический контекст, в котором реализуется судебная деятельность, ориентиры и тенденции, в которых она развивается, то есть факторы, лежащие больше в сфере правовой идеологии, нежели в области позитивного права. Об этом свидетельствуют изменения официальной судебной позиции, которые периодически вносятся в конкретные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Толкование права, в том числе и уголовного, заключается в надлежащем уяснении и разъяснении содержания статичной нормы права в динамичном процессе ее реализации¹. Оно должно основываться не только на законодательных принципах, но в первую очередь учитывать дух закона, его телеологическое содержание, то есть смысл, его действительную сущность, вложенную законоустановителем. Закон может устаревать и не соответствовать требованиям жизни, однако из этого не следует, что его необходимо толковать

специальной военной операции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 40—42.

¹ Теория государства и права : учебник : электронное издание / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько [и др.]. М.: Проспект, 2016.

расширительно или ограничительно, применять по аналогии, вольно. Таким образом, толкование не должно быть произвольным, поскольку это может являться коррупциогенным фактором¹. Разъяснения, даваемые Верховным Судом Российской Федерации, служат ориентиром, но не обладают возможностью восполнять пробелы законодательства, должны давать разъяснения о применении существующих норм, а не создавать новые². Н. Винер отмечал, что «судьи, которым вменена обязанность толкования права, должны выполнять свои функции в таком духе, что если судья А. был заменен судьей Б., то эта замена не могла бы вызвать существенного изменения в интерпретации судом обычаев и законов»³. Постановления представляют собой нормативное судебное толкование уголовного закона и носят, *de jure*, рекомендательный характер. Однако *de facto* они воспринимаются следственно-судейским сообществом, как императивное предписание.

Таким образом, разъяснения, даваемые высшей судебной инстанцией, безусловно, способствуют единообразию судебной практики, однако, наряду с этим, должны соответствовать общеправовым принципам, в первую очередь, принципу справедливости.

По сравнению с уголовно-правовой традицией, в Постановлении № 11 изменилась классификация преступлений против военной службы. Предыдущая систематизация, данная Верховным Судом Российской Федерации в «Обзоре судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими» систематизировала все дея-

ния, предусмотренные гл. 33 УК РФ следующим образом:

— против порядка пребывания на военной службе (уклонения от военной службы);

— против порядка несения специальных видов военной службы;

— против порядка сбережения военного имущества;

— нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих. Нарушение правил вождения или эксплуатации машин.

Этой же классификации придерживалась и доктрина военно-уголовного права⁴. Постановление № 11 выделило ст. 352 УК РФ в отдельную группу посягательств на порядок обеспечения живучести военного корабля, а вновь введенную ст. 352.1 УК РФ — как посягательство на порядок прохождения военной службы в особые периоды.

В качестве позитивного аспекта Постановления № 11, помимо прочего, необходимо обратить внимание на содержащееся в нем разъяснение относительно лиц, призванных на военную службу в нарушение закона и не подлежащих ответственности за совершение преступлений против военной службы.

Однако, наряду с положительным эффектом данного акта, следует отметить некоторую дискуссионность его положений. Подвергая анализу его содержание, необходимо последовательно остановиться на следующих моментах.

Определение внутреннего вооруженного конфликта, приводимое в разъяснении высшей судебной инстанции, схоже по признакам с определением боевых действий до такой степени, что достаточно трудно провести между ними разграничительную линию. Так, внутренний вооруженный конфликт дефинируется Постановлением № 11 как вооруженное столк-

¹ Чукин Д.С., Фартуков Д.Н. Толкование уголовного закона и судебское усмотрение: соотношение понятий // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 1(5). С. 108—113.

² Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права // Судебная практика в российской правовой системе. СПб. Изд. СПбГУ, 2003. С. 38.

³ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 144.

⁴ Военно-уголовное право : учебник / Х.М. Ахметшин, И.Ю. Белый, Ф.С. Бражник и др.; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М.: За права военнослужащих, 2008.

новение между противоборствующими сторонами в территориальных пределах одного государства, а боевые действия — как организованное применение войск в целях защиты Российской Федерации, ее граждан, ведущееся в определенное время в определенном районе. Поэтому, на наш взгляд, все особые периоды, которые введены ФЗ № 265 в качестве квалифицирующих признаков, должны обладать легитимными маркерами, позволяющими правоприменителю уверенно отделять их друг от друга.

Оставляет большой вопрос п. 4 Постановления № 11, который, проводя линию разграничения между воинскими преступлениями и грубыми дисциплинарными проступками через общественную опасность, являющуюся по своей природе гипероценочной категорией, и не конкретизируя конкретные критерии такого разграничения, еще более запутал адресатов данного разъяснения. Кроме того, приводя в качестве примера грубого дисциплинарного проступка неисполнение приказа, которое причинило несущественный вред интересам военной службы, и не образует состава преступления против военной службы, не учитывается то, что в ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и корреспондирующих положениях Приложения № 7 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил РФ такой грубый дисциплинарный проступок, как неисполнение приказа, отсутствует. Таким образом, неисполнение приказа является дисциплинарным проступком, что еще больше размывает грань между ним и уголовно наказуемым деянием через разъяснения, приводимые в Постановлении № 11.

П. 14 Постановления № 11, разъясняющий, что отказ от участия в военных или боевых действиях может заключаться в самовольном оставлении поля боя или боевых позиций, следует, по нашему мнению, дополнить условиями, исключающими уголовную ответственность — например, совершение деяния вследствие ранения военнослужащего, находящегося под напором превосходящих сил противника, либо в окружении, когда закончились бое-

припасы и отсутствует фактическая возможность продолжать бой. Не стоит забывать о том, что в соответствии со ст. 17 УВС ВС РФ военнослужащий при выполнении воинского долга обязан проявлять разумную инициативу, поэтому в бою бывают ситуации, когда оказавшиеся без средств связи и взаимодействия военнослужащие вынуждены изменять тактику действий и сдача в плен происходит в целях недопущения существенных материальных и физических потерь. Разумеется, каждая такая ситуация индивидуальна и будет служить предметом тщательного исследования следственными и судебными органами.

Не согласуются между собой, на наш взгляд, п. 38 и п. 43 Постановления № 11. Так, п. 38 разъясняет, что военнослужащие, отказывающиеся от исполнения обязанностей военной службы, но при этом не нарушающие порядок пребывания на ней, не подлежат ответственности по ст. 337—339, а п. 43, декларирует, что если военнослужащий, незаконно пребывающий вне части или места службы, временно появляется там и фактически не приступает к исполнению служебных обязанностей, течение срока самовольного отсутствия не прерывается. В последнем случае объектом посягательства будет не порядок пребывания на военной службе, а надлежащее исполнение служебных обязанностей, поэтому, на наш взгляд, и срок самовольного оставления части (места службы) прерывается, а само преступление будет считаться оконченным в тот момент, когда виновное лицо появляется на территории части (в месте службы).

П. 49 Постановления № 11 определяет, что военнослужащий, подлежащий освобождению от уголовной ответственности при совершении преступлений, предусмотренных частями 1, 2, 3 или 4 ст. 337 УК РФ, или ч. 1 ст. 338 УК РФ, вследствие стечения тяжелых обстоятельств, считается совершившим преступления впервые, если он не имеет неснятую или непогашенную судимость за указанные преступления. Между тем, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2013 г. № 19 «О приме-

нии судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», содержит более широкий перечень оснований для того, чтобы считать совершение лицом преступления впервые. Поэтому Постановление № 11 ставит в данном случае специального субъекта в дискриминационное положение по сравнению с общим субъектом.

На наш взгляд, непривлечение самовольно оставившего часть вследствие тяжелых обстоятельств имеет двойственную природу: с одной стороны, оно является освобождением от уголовной ответственности, с другой — крайней необходимостью (ст. 39 УК РФ).

Вызывает вопрос о целесообразности выделения в отдельный подвид преступлений против военной службы деяние, направленное на живучесть военного корабля (ст. 345 УК РФ). Суть уголовно-правовой охраны в данном случае, по мнению автора, заключается в том, что данное деяние создает угрозу выхода из строя военного судна, которое остается без управления и обслуживания. Поэтому предмет преступления в ст. 345 УК РФ идентичен деяниям против порядка сбережения военного имущества, ответственность за которые предусмотрена ст. 346—348 УК РФ.

Существенным упущением, на наш взгляд, является так же то, что Постановление № 11 обошло стороной вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц при совершении преступлений против военной службы как двухобъектных общественно опасных посягательств, поскольку это обстоятельство вызывает достаточно много вопросов в следственно-судебной практике¹.

Итоги проведенного исследования позволяют констатировать следующее. Как уголовный закон, так и его легальное толкование, даваемое в актах Верховного Суда Российской Федерации, не лишены не-

достатков, а отдельные их аспекты являются диспозитивными, открывающие простор для правоприменителя, действующего по своему усмотрению. Кроме того, отсутствие на законодательном уровне определений, которые выступают в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений против военной службы, создает угрозу применения уголовного закона по аналогии, что противоречит уголовно-правовому принципу, декларируемому в ч. 2 ст. 3 УК РФ.

Думается, эти обстоятельства препятствуют реализации принципа справедливости как ценности и принципа права. К сожалению, в области уголовно-правовых отношений принцип справедливости, исходя из содержания ст. 6, 43 и 60 УК РФ, связывается только с назначением наказания и иных уголовно-правовых мер, обходя стороной все остальные стадии, в первую очередь, квалификацию деяния. Причина этого связана со сложностью определения справедливости, поэтому правоприменитель не слишком любит данный термин, предпочитая заменять его законностью, которую всегда легче «взвесить» и оценить через конкретную правовую норму.

На взгляд автора, следует в общих началах уголовного законодательства, в первую очередь, в ст. 6 УК РФ, декларировать соблюдение справедливости при оценке признаков состава преступления и квалификации деяния, а в ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» указать, что разъяснения, даваемые Верховным Судом на основе изучения и обобщения судебной практики, даются в целях обеспечения единообразного и *справедливого* (курсив мой — Д.Ч.) применения законодательства Российской Федерации.

Библиография

1. Бойцов, А. И. Судебная практика как источник уголовного права / А. И. Бойцов // Судебная практика в российской правовой системе. — Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.
2. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. — Москва, 1958.

¹ Чукин Д.С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судейского усмотрения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 6(299). С. 54—62.

3. Власенко, В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее / В.В. Власенко // Уголовное право. — 2023. — № 3. — С. 38—45.

4. Военно-уголовное право : учебник / Х.М. Ахметшин, И.Ю. Белый, Ф.С. Бражник и др.; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. — Москва: За права военнослужащих, 2008. — 384 с.

5. Ермолович, Я.Н. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 1(306). — С. 44—56.

6. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6(76). — С. 183—187.

7. Лопашенко, Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор / Н.А. Лопашенко // Lex Russica (Русский закон). — 2023. — Т. 76, № 4(197). — С. 115—135.

8. Мирхайдарова, М.Ю. Криминализация и ужесточение ответственности за совершение пре-

ступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества в условиях проведения специальной военной операции / М.Ю. Мирхайдарова // Российский следователь. — 2023. — № 8. — С. 40—42.

9. Степаненко, Н.Е. Проблемные вопросы уголовной ответственности военнослужащих и граждан, пребывающих в запасе, в период прохождения ими военных сборов, за преступления против военной службы / Н.Е. Степаненко, Д.М. Пасичник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 3(308). — С. 105—118.

10. Теория государства и права : учебник : электронное издание / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько [и др.]. — Москва: Проспект, 2016. — 324 с.

11. Чукин, Д.С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судебного усмотрения / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 6(299). — С. 54—62.

12. Чукин, Д.С. Толкование уголовного закона и судебское усмотрение: соотношение понятий / Д.С. Чукин, Д.Н. Фартуков // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. — 2021. — № 1(5). — С. 108—113.

Уголовный процесс и криминалистика

Прочтение военными судами норм уголовно-процессуального законодательства (по материалам судебной практики)

© Власов Сергей Юрьевич,
преподаватель Военного университета
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены выдержки из апелляционных определений некоторых окружных военных судов, опубликованные на официальных сайтах, из которых видны отдельные неточности в трактовке гарнизонными военными судами тех или иных правовых предписаний, изложенных в УПК РФ.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, уголовно-процессуальное законодательство.

Reading by military courts of the norms of criminal procedure legislation (based on judicial practice)

© Vlasov S.Yu.,
teacher at the Military University
© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article presents excerpts from the appeal rulings of some district military courts, published on official websites, from which certain inaccuracies are visible in the interpretation by garrison military courts of certain legal regulations set out in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: judicial practice of military courts, criminal procedure legislation.

Внешне одинаковые действия могут быть преступными в одном случае и не являться преступлением – в другом.

Альфред Адлер

Общность использования правовых предписаний, регулирующих процессуальный порядок воплощения норм уголовного законодательства, востребовано в целях обеспечения надежной защиты прав граждан и соблюдения баланса интересов. Поступательное и постоянное повышение качества правосудия основывается, в том числе, и на мониторинге судебной практики, включая реализацию судами уголовно-процессуальных норм.

Отметим известный факт о том, что военные юристы, изучая и анализируя различные аспекты военно-уголовного законодательства, в той или иной степени выходили на проблемы практики применения военными судами норм уголовно-процессуального законодательства¹.

¹ См., например: Заказнова А.Н. Зарубежный опыт предупреждения суицидов военнослужащих (на примере опыта США и Израиля) // Вестник военно-

Таким образом, мониторинг практики применения уголовно-процессуальных норм военными судами по конкретным решениям, размещенным на сайтах судов, позволяет увидеть близкое по смыслу, но иногда различающееся по частностям понимание содержания требований Уголовно-процессуального закона военными судьями.

Это как раз и демонстрируют представленные далее судебные решения.

Приговор отменен, поскольку суд в нарушение требований ст. 252 УПК РФ, разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» вышел за пределы предъявленного обвинения.

По приговору гарнизонного военного суда от 14 июля 2023 г. С. осужден по совокупности преступлений, предусмотрен-

ных ч. 2.1 ст. 332 и ч. 3.1 ст. 337 УК РФ, к окончательному наказанию в виде 4 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Как следовало из материалов уголовного дела, органом предварительного следствия С. обвинялся в совершении вышеуказанных преступлений в период военного положения, в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий.

Однако, как следовало из приговора, суд первой инстанции, описывая преступное деяние, признанное доказанным, давая юридическую оценку действиям С. и квалифицируя их по ч. 3.1 ст. 337 УК РФ, указал, что противоправные действия осужденного, связанные с самовольным оставлением воинской части, были совершены в период мобилизации.

Кроме того, при описании преступного деяния, признанного доказанным, и юридической оценке действий С. по ч. 2.1 ст. 332 УК РФ суд в приговоре пришел к выводу о совершении осужденным противоправных действий, связанных с неисполнением приказа начальника, отданного в установленном порядке, в период военного положения, в военное время и в условиях ведения боевых действий.

Между тем самовольное оставление воинской части в период мобилизации и неисполнение приказа начальника в военное время органом предварительного следствия в вину С. не вменялись.

Изложенное свидетельствовало о том, что суд, вопреки требованиям ст. 252 УПК РФ, допустил выход за пределы предъявленного С. обвинения, чем было нарушено право подсудимого на защиту, поскольку последний был лишен возможности защищаться от обвинения, которое ему не вменялось, но за которое его осудил суд.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 29 сентября 2023 г. приговор отменен, уголовное дело передано на новое судебное разбирательство.

При новом рассмотрении согласно приговору гарнизонного военного суда от 30 ноября 2023 г. С. осужден по совокуп-

го права. 2021. № 2. С. 45—55; Зюбанов Ю.А. Система наказаний в древнерусском уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2016. № 11. С. 18—27; Лобов Я.В. Есть ли будущее у военнопенитенциарного законодательства? // Военное право. 2009. № 3. С. 29—35; Мозговой О.А. Уголовный процесс в системе воздействия на преступность: практические и нравственные аспекты // Актуальные вопросы современного уголовного процесса. Актуальные проблемы права и правоприменения : сборник материалов круглого стола и научно-практической конференции, Москва, 24 февраля 2022 г. / Под общ. ред. С.Л. Никоновича. М.: Русайнс, 2022. С. 183—190; Моргуленко Е.А. Латентность преступности как фактор, препятствующий эффективной защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2018 г. М.: Международный юридический институт, 2018. С. 67—73; Назаров А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран // Военное право. 2018. № 3(49). С. 184—187; Раков А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Сотникова В.В., Абдулхаков Ж.Э. Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 197—203; Шарапов С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 67—74, и др.

ности преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 332 и ч. 3.1 ст. 337 УК РФ, к окончательному наказанию в виде 4 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима¹.

По делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий необходимо выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами, установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица.

Как разъяснено в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ, судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре, и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы (статью, часть, пункт) этих документов.

Однако в нарушение требований ст. 307 УПК РФ и перечисленных выше разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в приговоре гарнизонного военного суда от 8 июня 2023 г. при описании действий, квалифицированных по ч. 3 ст. 290, ч. 1 ст. 286, ч. 2 ст. 292 УК РФ, не отражено, какие конкретно нормативные правовые или иные организационно-распорядительные акты, регламентирующие деятельность Ф., как должностного лица, и повлекшие наступление указанных в приговоре общественно опас-

ных последствий, нарушены вследствие содеянного им.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 1 сентября 2023 г. приговор отменен в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, а уголовное дело передано на новое судебное разбирательство со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но иным составом суда.

При новом рассмотрении согласно приговору гарнизонного военного суда от 22 декабря 2023 г. Ф. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290, ч. 1 ст. 286 УК РФ, к окончательному наказанию в виде 3 лет 2 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год, с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с осуществлением функций представителя власти, на срок 1 год².

Ссылка на протокол явки с повинной как доказательство по делу исключена из приговора, поскольку осужденному не обеспечена возможность осуществления его прав при составлении данного протокола.

Согласно приговору гарнизонного военного суда, М. осужден за уклонение от военной службы в период мобилизации.

При рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции по жалобе осужденного было установлено, что в качестве доказательства вины осужденного в совершении преступлений суд в приговоре сослался на протокол его явки с повинной.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2023 г., утв. постановлением президиума Южного окружного военного суда 18.01.2024 г. № 2. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=62 (дата обращения 02.05.2024).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2023 г., утв. постановлением президиума Южного окружного военного суда 18.01.2024 г. № 2. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=62 (дата обращения 02.05.2024).

осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в п. 10 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления права в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав.

Как следует из материалов уголовного дела, в протоколе явки с повинной не содержится данных о разъяснении М. права не свидетельствовать против себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования.

С учетом изложенного, при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, судебная коллегия окружного военного суда признала протокол явки с повинной недопустимым доказательством и исключила из приговора ссылку на него, при этом указала, что суд первой инстанции обоснованно признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание М., его явку с повинной¹.

До допроса свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, суд должен установить его личность.

По приговору гарнизонного военного суда А. признан виновным в незаконном сбыте наркотического средства, а также в незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства в значительном размере, и ему назначено наказание в виде лишения свободы.

Окружной военный суд по апелляционному представлению государственного обвинителя и жалобе адвоката приговор отменил в связи с нарушением уголовно-процессуального законодательства, передал уголовное дело на новое судебное разбирательство, приведя в обоснование следующее.

В соответствии со ст. 278 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности свидетеля суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства.

В случае допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, председательствующий должен проверить личность свидетеля и убедиться, что допрашивается именно то лицо, которое вызвано в качестве свидетеля. При этом, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 259 УПК РФ, в протоколе судебного заседания обязательно указываются действия суда в том порядке, в каком они имели место в ходе судебного заседания.

Как следует из приговора, суд первой инстанции производил допросы свидетелей под псевдонимами «О» и «С», находящихся в специальном помещении, в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и

материалам за второе полугодие 2023 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=79 (дата обращения 25.04.2024).

Между тем, как установлено судом апелляционной инстанции, конверт с подлинными анкетными данными свидетелей под указанными псевдонимами, находящийся в материалах уголовного дела, опечатанный печатью следственного органа, в суде не вскрывался.

Кроме того, из протокола судебного заседания также не представляется возможным установить, каким образом суд проверил личность указанных свидетелей, в частности, выяснил фамилию, имя, отчество, дату рождения каждого.

Учитывая, что личность свидетелей под псевдонимами «О» и «С» должна быть сохранена в тайне, суду перед их допросом в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, следовало проверить личность каждого свидетеля в отдельности и убедиться, что допрашивается именно то лицо, которое вызвано в качестве свидетеля.

С учетом изложенного, окружной военный суд пришел к выводу, что личности свидетелей под псевдонимами судом не установлены, в связи с чем ссылка в приговоре на показания «О» и «С» является незаконной¹.

Предварительное следствие в отношении военнослужащих может производиться следователями органа, выявившего преступление.

В гарнизонный военный суд с соблюдением правил подсудности поступило уголовное дело по обвинению А. и др. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, ч. 2 ст. 187 УК РФ.

По итогам предварительного слушания судья вынес постановление о возвращении данного уголовного дела Генеральному прокурору Российской Федерации для устранения препятствий его рассмотрения судом, указав, что расследование данного уголовного дела производилось

следователями управления по расследованию организованной преступной деятельности Следственного департамента МВД России, обвинительное заключение подписано следователем названного управления, согласовано с руководителем следственного органа — заместителем начальника названного управления Следственного департамента МВД России. Между тем, обвиняемый В. в период инкриминируемых ему деяний проходил военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации и имел статус военнослужащего.

Сославшись на подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ о том, что предварительное расследование производится следователями СК России по уголовным делам, в том числе, о преступлениях, совершенных военнослужащими, суд первой инстанции пришел к выводу, что при расследовании данного уголовного дела нарушены правила подследственности. Это нарушение закона является существенным и не может быть устранено в ходе рассмотрения дела по существу в суде, а поэтому уголовное дело подлежит возвращению прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Рассмотрев материалы в апелляционном порядке, окружной военный суд постановление о возвращении уголовного дела отменил, материалы направил на новое рассмотрение в тот же суд, приведя в обоснование следующее.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ предметный признак подследственности выражается в зависимости от состава расследуемого преступления. Согласно ч. 5 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие может производиться также следователями органа, выявившего преступления, предусмотренные ст. 187 и 210 УК РФ, по которым по настоящему делу предъявлено обвинение.

Исключением из общего правила является норма, содержащаяся в подп. «в» п. 1 ст. 151 УПК РФ, устанавливающая не предметную, а персональную подследственность, которая зависит от специфики субъекта преступления, т.е. дела о пре-

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2023 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=79 (дата обращения 25.04.2024).

ступлениях, совершенных военнослужащими в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона, а также о преступлениях, совершенных в отношении указанных лиц в связи с их служебной деятельностью, подследственных следователям СК России.

Данная правовая норма не содержит неопределенности, поскольку императивно устанавливает подследственность уголовных дел следователям СК России, если преступления совершены военнослужащими именно в связи с исполнением своих служебных обязанностей или в расположении воинских частей и учреждений.

Как следует из материалов уголовного дела, обвиняемый В. в период инкриминируемых ему деяний являлся военнослужащим Минобороны России.

Однако при этом материалы дела не содержат объективных данных о том, что вмененное В. общеуголовное преступление совершено им в связи с исполнением своих служебных обязанностей или в расположении воинской части.

Следовательно, при таких обстоятельствах наступают предусмотренные ч. 5 ст. 151 УПК РФ правила альтернативной подследственности, в соответствии с которыми по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 187 и 210 УК РФ, предварительное следствие может производиться следователями органа, выявившего эти преступления.

По данному уголовному делу признаки преступления выявлены следователем Следственного департамента МВД России. При наличии к тому повода и основания данным должностным лицом следственного органа в соответствии с требованиями ст. 146 УПК РФ в пределах своей компетенции возбуждено уголовное дело и проведено предварительное расследование.

С учетом изложенного существенных нарушений уголовно-процессуального закона при производстве предварительного расследования, которые ставили бы под сомнение законность возбуждения, расследования дела, составления и утверждения обвинительного заключения, окру-

ным военным судом не установлено (Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западного окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2023 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=79 (дата обращения 25.04.2024)).

Библиография

1. Заказнова, А.Н. Зарубежный опыт предупреждения суицидов военнослужащих (на примере опыта США и Израиля) / А.Н. Заказнова // Вестник военного права. — 2021. — № 2. — С. 45—55.
2. Зюбанов, Ю.А. Система наказаний в древнерусском уголовном судопроизводстве / Ю.А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2016. — № 11. — С. 18—27.
3. Лобов, Я.В. Есть Ли будущее у военнопенитенциарного законодательства? / Я.В. Лобов // Военное право. — 2009. — № 3. — С. 29—35.
4. Мозговой, О.А. Уголовный процесс в системе воздействия на преступность: практические и нравственные аспекты / О.А. Мозговой // Актуальные вопросы современного уголовного процесса. Актуальные проблемы права и правоприменения: сборник материалов круглого стола и научно-практической конференции, Москва, 24 февраля 2022 г. / Под общ. ред. С.Л. Никоновича. — Москва: Русайнс, 2022. — С. 183—190.
5. Моргуленко, Е.А. Латентность преступности как фактор, препятствующий эффективной защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Е.А. Моргуленко // Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2018 г. — Москва: Международный юридический институт, 2018. — С. 67—73.
6. Назаров, А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран / А.А. Назаров // Военное право. — 2018. — № 3(49). — С. 184—187.
7. Раков, А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Раков Андрей Владимирович. — Москва, 2004. — 26 с.
8. Сотникова, В.В. Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / В.В. Сотникова, Ж.Э. Абдулхаков // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 197—203.
9. Шарапов, С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской Федерации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 67—74.

Некоторые типичные ситуации, возникающие в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в особых условиях

© Гирько Сергей Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор ФГБУН «Центр исследования проблем безопасности» Российской академии наук

© Харченко Сергей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в особых условиях. Кроме того, отмечается, что при возникновении особых условий резко обостряется оперативная обстановка. Так, наблюдаются факты гибели людей; на население оказывается сильное психологическое давление (шок); нарушается процесс нормального функционирования и управления в различных сферах деятельности общества и государства; происходят большие материальные потери различных видов имущества; нарушается система жизнеобеспечения; отмечается утрата документов граждан и служебной документации юридических лиц и т. п.

Ключевые слова: правоохранительные органы, борьба с преступностью, особые условия, чрезвычайные происшествия, криминальные угрозы, организованные группы, организованные преступные формирования, раскрытие, расследования преступлений.

Some typical situations that arise during the disclosure and investigation of crimes committed in special conditions

© Girko S.I.,

Director of the FSBI Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

© Kharchenko S.V.,

Dean of the Faculty of Training scientific and Pedagogical Personnel St. Petersburg Academy The Investigative Committee Doctor of Law, Professor, Colonel of Justice of the Russian Federation

Annotation. The article deals with the issues of detection, prevention, disclosure and investigation of crimes in special conditions. In addition, it is noted that when special conditions arise, the operational situation sharply worsens. Thus, there are facts of loss of life; strong psychological pressure (shock) is exerted on the population; the process of normal functioning and management in various spheres of society and the state is disrupted; large material losses of various types of property occur; the life support system is disrupted; loss of documents of citizens and official documentation of legal entities is noted, etc.

Keywords: law enforcement agencies, crime fighting, special conditions, emergencies, criminal threats, organized groups, organized criminal formations, disclosure, investigation of crimes.

На современном этапе правоохранные органы Российской Федерации, в основном, сдерживали и контролировали состояние и вал преступности, предпринимали определенные меры по совершенствованию своей деятельности в сфере борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности. Вместе с тем они оказались не всегда готовыми к неадекватным мерам реагирования на нарастающие криминальные угрозы, приводящие к чрезвычайным происшествиям и особым условиям. Увеличилась реальная потребность в возникновении и внедрении в практику их деятельности новых, отвечающих современным реалиям организационных и управленческих форм и структур, оперативно-розыскных, следственных и криминалистических тактических приёмов и методов, приведения системы правоохранных органов в состояние, позволяющее обеспечить надежную защиту личности, общества и государства от преступных посягательств в любых, даже самых сложных условиях функционирования¹. Возникла необходимость усилить внимание выявлению и анализу проблем и факторов криминального характера, порождающих особые условия.

Проведенное нами исследование показывает, что эффективность раскрытия и расследования преступлений в особых условиях зависит от правильной оценки и разрешения конкретной тактической ситуации. Ситуации, возникающие в процессе раскрытия и расследования преступлений, отличаются большой широтой и многообразием². Будет вполне закономерно характеризовать их как криминалистическими, так и оперативно-розыскными ситуациями. Устойчивая повторяемость образующих эти ситуации факторов позволяет их типизировать.

В особых условиях возникают, как правило, следующие типичные ситуации:

1) функционирование на территории обслуживания преступного формирования, вынашивающего намерение совершить преступление (1-я ситуация). Это относится и к отдельным лицам, представляющим оперативный интерес;

2) зафиксировано совершенное преступление, однако подозреваемые лица не установлены и не задержаны (2-я ситуация);

3) совершаемое в данный момент преступление. Это 3-я ситуация;

4) задержание участников или отдельных лиц, совершивших преступление (4-я ситуация).

В определенной степени эти ситуации являются ориентирующими при определении алгоритмов последующих действий.

Схожие криминальные ситуации известны также теории и практике науки криминалистики. В частности, известны четыре следственные ситуации, возникающие при расследовании деятельности организованных преступных формирований (ОПФ). Это ситуации, когда:

— члены ОПФ задержаны при совершении преступления (сходство с 4-й рассматриваемой ситуацией);

— обстановка и механизм совершенного преступления указывает на причастность к нему ОПФ (сходство с 1-й и 2-й из вышеуказанных ситуаций);

— имеются признаки, указывающие на причастность к совершенному преступлению членов ОПФ (сходство с 1-й, 2-й, 3-й ситуациями);

— поступило заявление от физических или юридических лиц или СМИ о преступной деятельности ОПФ (сходство с 1-ой, 2-ой, 4-ой ситуациями)³.

Поскольку в особых условиях преступления нередко совершаются членами ОПФ или незаконного вооруженного формиро-

¹ Харченко С.В., Атмажитов В.М., Васильев Н.Н. Общие положения организации оперативно-розыскной деятельности ОВД в особых условиях: лекция. М., 2011. С. 25—27.

² Харченко С.В., Гирько С.И. Некоторые вопросы раскрытия и расследования преступлений в особых условиях // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 174—178.

³ См.; Особенности расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами» // Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами ; учебник. М. 2002. С. 14—16.

вания (НВФ), то предлагаемые следственные ситуации, как и ранее названные, должны учитываться при проведении оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию рассматриваемых видов преступлений, особенно, если эта работа проводится сотрудниками оперативных подразделений, включенных в состав следственно-оперативных групп.

Как правило, в случае подтверждения информации о функционировании на территории обслуживания ОПФ (1-я типичная ситуация) успешное проведение дальнейшей проверочной работы во многом зависит от знания сотрудниками оперативных подразделений ряда обстоятельств ориентирующего характера, прямо или косвенно указывающих на реальную возможность существования этого формирования. Алгоритм основных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в этой криминальной ситуации при раскрытии и расследовании преступлений имеет сходство с действиями при выявлении лиц и фактов, представляющих оперативный интерес. Сигнальная информация и перечень оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в этих случаях будут следующими:

1. Обстановка и факты, указывающие на наличие ОПФ на обслуживаемой территории:

— факты появления на территории обслуживания или увеличения числа дерзких, «агрессивных» преступлений, нападений, захватов и похищений людей, заложников, наличие грабежей, разбоев и т.п.;

— сведения об использовании преступниками или о наличии у них военной одежды, оружия, технических средств, документов, приспособлений для проникновения в помещения и т.п.;

— сведения об экстремистских настроениях, попытках дискредитации и угроз в адрес властей¹;

— сведения об оживлении наркобизнеса, оборота огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и т.п.;

— сведения о криминальных взрывах с человеческими жертвами;

— сведения о подготовке или совершении заказных убийств;

— информация о наличии преступлений, связанных с хищением автотранспорта и т.п.;

— информация о попытках рэкета и расправы с неудобными лицами;

- информация из исправительных учреждений о попытках установления связи с «волей» и оказания различной поддержки осужденным;

— угрозы в адрес сотрудников правоохранительных органов;

— иные сведения специфического для этой ситуации характера.

2. Основные меры, принимаемые в связи с наличием вышеназванной информации:

— проверка достоверности полученной информации;

— сбор дополнительных и уточняющих сведений путем проведения комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий, а также следственных действий;

— документирование действий членов криминального формирования по принципу «от лица — к преступлению»;

— усиление обмена информацией между подразделениями правоохранительных органов;

— уточнение сведений о деятельности коммерческих структур;

— обнаружение фактов подготовительных действий членов ОПФ;

— выявление попыток преступников в части подыскания объектов для нападения, усиление охраны и наблюдения за такими объектами;

¹ Харченко С.В., Васильев Н.Н. К вопросу о характеристике ряда современных проявлений терроризма и организации деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий //

Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. № 1. С. 12—21; Харченко С.В., Васильев Н.Н., Левин А.Ю. Основные направления деятельности оперативно-розыскных подразделений в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий // Информационный бюллетень ДСБ МВД России. 2009. № 2/02. С. 24—36.

— выявление возможных реализаторов похищенных ценностей и имущества;

— сбор и закрепление доказательств устойчивости, сплоченности, организованности и вооруженности организованной группы;

— выявление роли лидеров, авторитетов, организаторов, пособников и т.п.;

— выявление способов маскировки преступного поведения членов формирования;

— оперативная готовность к немедленным действиям в случае поступления сообщения о факте нападения или о начале совершения иного преступления.

3. Заключительным этапом оперативно-розыскных и следственных действий в рассматриваемой 1-й криминальной ситуации будет начало реализации материалов оперативно-розыскной деятельности по выявлению ОПФ.

На указанном этапе этой ситуации решаются следующие задачи:

— внезапное задержание членов преступной группы;

— активизация работы следственно-оперативной группы;

— продолжение разработки связей и членов группы, оставшихся на свободе;

— оперативные мероприятия в ИВС и СИЗО;

— обеспечение требований режима секретности и конспирации, а также безопасности всех лиц, участвующих или способствующих проведению оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

— иные задачи в зависимости от конкретной обстановки.

Знание действий преступников по подготовке к совершению преступления в особых условиях имеет весьма важное значение для успешного документирования преступных действий членов ОПФ¹. Оно

должно строиться, прежде всего, с учетом оперативно-розыскной характеристики преступлений. Действия преступников, свидетельствующие об устойчивости группы, ее сплоченности, организованности и вооруженности, первоначально следует выявить оперативно-розыскными силами, средствами и методами, а затем целесообразно задокументировать для использования добытых данных в процессе доказывания по уголовному делу. В частности, документирование этих действий достигается путем последовательного и тактически грамотного осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на выявление и фиксацию:

— факта создания криминального формирования, его иерархической структуры: организаторы (лидеры), непосредственные исполнители нападений (боевики), наемные убийцы, пособники (наводчики, разведчики и контрразведчики, скупщики и укрыватели похищенного; лица, оказывающие медицинскую и иную помощь преступникам);

— каналов приобретения оружия (покупка, похищение), изготовление кустарным способом;

— действий, направленных на обеспечение жесткой дисциплины, подбор и проверку новых членов группы (как правило, из числа родственных, дружеских, этнических, земляческих связей, прежних отношений по совместному совершению преступлений и отбытию наказаний в исправительных учреждениях), совместное использование материальных ценностей («общак»), установление связей членов группы с представителями властных и управленческих структур, и особенно, с сотрудниками правоохранительных органов;

— фактов разработки планов достижения преступного замысла;

— каналов и способов финансирования деятельности организованной группы.

В ходе документирования рекомендуется устанавливать приемы и способы маскировки преступного поведения членов группы, выявлять межрегиональные связи у лиц, которые могут быть в последующем свидетелями по уголовному делу, негласно получать отпечатки пальцев рук и иных следов для производства криминалистиче-

¹ Харченко С.В. Некоторые особенности раскрытия и расследования отдельных видов преступлений, совершаемых организованными преступными структурами // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2 (36). С. 142—145.

ского и иного исследования. Аналогичным образом целесообразно фиксировать преступные действия путем применения звуко-, кино-, видеозаписи, фотографирования и т.д. Указанная деятельность должна быть организованной, комплексной и четко скоординированной. Отдельные частные задачи документирования могут быть решены посредством оперативного обследования помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, а также путем оперативной идентификации членов преступного формирования.

Разработка выявленных организованных групп завершается легализацией фактических данных, добытых в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Как правило, эта работа осуществляется путем организации функционирования специализированной следственно-оперативной группы (СОГ), которая создается для обеспечения процесса производства раскрытия и расследования конкретного преступления¹. Как правило, преступления, совершенные участниками организованных групп, незаконных вооруженных формирований, в том числе и в особых условиях, раскрываются и расследуются сотрудниками, входящими в состав указанных СОГ. Практика показывает эффективность раннего приобщения следователя к изучению и правовой оценке собранных материалов², содержащих информацию о преступной деятельности проверяемых или разрабатываемых лиц.

В целях эффективной проверки версий по факту совершенного преступления разрабатывается детальный план проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, следственных действий с обязательным участием оперативных подразделений различных правоохранительных органов.

Таким образом, быстрое раскрытие и расследование этих преступлений во многом зависит от того, насколько своевременно получено сообщение о преступлении с момента начала его совершения. При этом немаловажное значение имеет также четкое распределение компетенции участников СОГ и иных участников взаимодействия. Алгоритм наиболее характерных действий руководителей подразделений различных правоохранительных органов по раскрытию и расследованию, например, терроризма или иного преступления в особых условиях при получении сообщения об его совершении, авторами, будет рассмотрен в следующей статье.

Библиография

1. Бычков, В.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2021. — № 2 (28). — С. 102—105.
2. Гирько, С.И. Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений / С.И. Гирько, С.В. Харченко // Военное право. — 2024. — № 2 (84). — С. 86—91.
3. Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами : учебник. — Современный гуманитарный университет. Московский институт МВД России. — Москва, 2002.
4. Харченко, С.В. К вопросу о характеристике ряда современных проявлений терроризма и организации деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий / С.В. Харченко, Н.Н. Васильев // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2011. — № 1. — С. 12—21.
5. Харченко, С.В. Некоторые вопросы раскрытия и расследования преступлений в особых условиях / С.В. Харченко, С.И. Гирько // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 174—178.
6. Харченко, С.В. Некоторые особенности раскрытия и расследования отдельных видов преступлений, совершаемых организованными преступными структурами / С.В. Харченко // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2022. № 2 (36). — С. 142—145.
7. Харченко, С.В. Общие положения организации оперативно-розыскной деятельности ОВД в особых условиях : лекция / С.В. Харченко, В.М. Аتماжитов, Н.Н. Васильев. — Москва, 2011.

¹ Гирько С.И., Харченко С.В. Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 86—91.

² Бычков В.В., Харченко С.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2 (28). С. 102—105.

8. Харченко, С.В. Основные направления деятельности оперативно-розыскных подразделений в сфере противодействия информационной активности участников террористических и

экстремистских действий / С.В. Харченко, Н.Н. Васильев, А.Ю. Левин // Информационный бюллетень ДСБ МВД России. — 2009. — № 2/02. — С. 24—36.

Основы криминалистической характеристики уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами

© **Мозговой Ярослав Сергеевич**,
следователь по особо важным делам военного
следственного отдела Следственного комитета
России по Уфимскому гарнизону, старший
лейтенант юстиции

Аннотация. В свете законодательных изменений обосновывается необходимость дополнительного изучения вопросов расследования уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами. Автор, ссылаясь на собственный опыт расследования, анализ архивных уголовных дел и научной литературы, предлагает свою структуру криминалистической характеристики.

Ключевые слова: военная служба; криминалистическая характеристика; способ преступления; следы преступления; симуляция болезни; подлог документов; иной обман.

Fundamentals of forensic characteristics of evasion from performing military service duties by simulating illness or other ways

© **Mozgovoy Y.S.**,
investigator for particularly important cases military
investigation department Investigative Committee of
Russia for the Ufa garrison senior lieutenant of
justice

Abstract. In the light of legislative changes, the need for additional study of the issues of investigating evasion of military service duties by feigning illness or other means is substantiated. The author, citing his own investigation experience, analysis of the studied criminal cases and scientific literature, offers his own structure of forensic characteristics.

Key words: military service; forensic characteristics; method of crime; traces of a crime; illness simulation; forgery of documents; another deception.

В сентябре 2024 г. в уголовное законодательство внесены существенные изменения, касающиеся преступлений против военной службы. В ряде статей предусмотрена ответственность за совершение преступных деяний в особых государственно-правовых режимах, к которым относятся период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Такое законодательное решение есть отклик на изменение общественно-политической ситуации связанное с началом специальной военной операции.

Включение названных особых государственно-правовых режимов в объективную сторону преступления обусловлено характером задач, повышенными требованиями к организованности, правопорядку и воинской дисциплине¹.

Обозначенные законодательные новеллы заставляют еще раз с учетом сло-

¹ Корякин В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 118.

жившейся обстановки обратиться к вопросам расследования уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ). Данная тема ранее исследовалась учеными¹ и анализ работ авторов позволяет констатировать, что в различные исторические периоды характер действий, составляющих способ преступления, следовая картина, используемые орудия и средства, характеристика личности военнослужащего, а также обстановка в которой совершаются подобные преступления, имеет свои особенности, требующие изучения с позиции корреляционной зависимости элементов, составляющих ядро криминалистической характеристики.

Криминалистическую характеристику рассматриваемого состава следует начать с краткого анализа понятия и роли в расследовании с позиции теории и практики. Сегодня категория «криминалистическая характеристика преступлений» оформилась в частную научную теорию, в которой определена ее практическая направленность: установление криминалистически значимой информации о преступлении и творческий поиск закономерных связей между элементами, составляющими ее систему². Исходя из этого, мы полагаем, что не потеряла актуальность работа по установлению элементов криминалистической характеристики уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами,

совершенные в период мобилизации, а также действия военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей³.

В отечественной науке достаточное внимание уделялось и самому понятию, и структурным элементам криминалистической характеристики, и ее роли в раскрытии и расследовании преступлений. Так А.Ф. Облаков определял криминалистическую характеристику преступлений как модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств, а также последствия преступлений определенных категорий в форме материальных и идеальных следов, орудий преступлений и других технических средств, позволяющих выдвигать версии о расследуемом событии в целом или об отдельных его обстоятельствах и видеть тактическую перспективу расследования⁴.

В.Ф. Ермолович криминалистическую характеристику представляет как систему криминалистически значимой информации об отдельных элементах преступления и связях между ними, разрабатываемую и используемую для повышения эффективности анализа оперативно-розыскных, следственных ситуаций, версионной работы, организации и планирования раскрытия и расследования преступлений, определения системы задач по уголовному делу, тактики проведения следственных действий, оперативно-розыскных, ревизионных и иных мероприятий, а также решения других связанных с этим задач⁵. А.А. Бес-

¹ Винокуров А.Ю. К вопросу об организации работы военных прокуратур с уклонениями от военной службы путем членовредительства в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 39-44; Шаповалов В.В. Основы методики расследования преступлений, связанных с уклонением от военной службы путем симуляции болезни или иными способами : монография. — Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2014.

² Бессонов А.А. Криминалистическая характеристика преступлений в трудах Рафаила Самуиловича Белкина // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». (г. Москва, 22—23 ноября 2017 г). М.: РГ-Прогресс, 2018. С. 99.

³ Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

⁴ Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации : учебное пособие. Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1985. С. 15.

⁵ Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений: тенденции и перспективы развития // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность : криминалист. чтения памяти заслуж. деят. науки

сонов, в свою очередь, под криминалистической характеристикой понимает информационную модель, отражающую криминалистическую сущность преступлений определенного вида, заключающуюся в сведениях о его криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой, построенную на основе анализа и обобщения практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения и имеющую значение для формирования частных методик расследования и решения задач криминалистической деятельности¹. При всем многообразии авторских определений объединяющим их достоинством, по нашему мнению, является указание на практическую сферу применения данной научной категории.

Понятийные различия ведут к разнообразию взглядов на структуру криминалистической характеристики. Синтезируя предложения ученых-криминалистов обозначим лишь те элементы, которые безоговорочно приводятся в большинстве исследований: механизм или способ совершения преступления (включая подготовку, совершение и сокрытие), обстановка преступления, личность потерпевшего, личность преступника, механизм образования следов преступления, предмет преступного посягательства, условия совершения преступления.

Как пишет С.Ю. Косарев, набор элементов криминалистической характеристики не может быть строго обязательным для различных категорий преступлений, так как отдельные элементы, криминалистически информативные для одних категорий преступлений, будут малоинформативными или вообще неинформативными

для других². Предостерегают ученые и от выделения чрезмерно большого числа структурных элементов, поскольку излишняя детализация криминалистической характеристики при некоторой научной ценности ее содержания снижает практическую ее значимость, не способствует, в силу громоздкости, активному выявлению, раскрытию и расследованию большинства противоправных деяний³.

Анализируя и синтезируя материалы расследованных уголовных дел, возбужденных по ст. 339 УК РФ, мы пришли к установлению, по нашему мнению, необходимых элементов, совокупность которых формирует криминалистическую характеристику этого преступления. Такая совокупность носит индивидуальный характер, что подчеркивает практикоориентированность криминалистической характеристики.

Работа с эмпирическим материалом (изучено 118 архивных уголовных дел) позволила предложить структуру криминалистической характеристики с учетом вероятностного суждения о взаимосвязи и взаимозависимости следующих элементов:

- 1) способ совершения уклонения от исполнения обязанностей военной службы, включая действия по подготовке, совершению и сокрытию симуляции болезни, членовредительства, подлога документов, иного обмана;
- 2) следы преступления (идеальные, материальные, цифровые);
- 3) личность военнослужащего, уклоняющегося от исполнения обязанностей военной службы, включая служебные и персональные характеристики;
- 4) обстановка преступления, состоящая помимо места и времени из специфики среды деятельности военнослужащих, определяемой как особые государственно-

Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Порубова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 дек. 2015 г.) : в 2 ч. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; [редкол.: М. П. Шруб (отв. ред.) и др.]. Минск, 2015. Ч. 2. С. 105.

¹ Бессонов А.А. Перспективы формирования криминалистической характеристики преступлений на основе информационной системы «электронный паспорт уголовного дела» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (11). С.147.

² Косарев С.Ю. К вопросу о сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4. 2008. С. 39.

³ Халиков А.Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. С. 55.

правовые режимы «период мобилизации», «военное положение», «военное время», «вооруженный конфликт», «ведение боевых действий»;

5) орудия и средства, используемые военнотружущим для реализации задуманного;

6) мотивы и цели уклонения от исполнения обязанностей военной службы;

7) документы, используемые при совершении преступления;

8) медицинская характеристика преступника;

9) последствия преступления (физические, психологические, эмоциональные).

Первые шесть элементов следует отнести к обязательным, закономерно проявляющимся вне зависимости от способа. Выделение последствий преступления и медицинской характеристики в качестве факультативных объясняется тем, что корреляционная зависимость наблюдается с такими способами как членовредительство и симуляция болезни, вид документа имеет криминалистическое значение при расследовании подлога и иного обмана.

Ранее, криминалистическая характеристика уклонения от военной службы путем симуляции болезни или иными способами подвергалась исследованию. Автор работы В.В. Шаповалов выделил следующие основные элементы: объект и предмет преступлений; способ совершения; способ сокрытия преступления; действия, создающие условия, объективно способствующие наступлению криминального результата либо уклонению от ответственности виновного лица; действия потерпевшего; место, время, обстановку совершения и сокрытия преступления; личность преступника; причины и условия, способствующие совершению и сокрытию воинских преступлений¹.

Включение некоторых элементов, полагаем, небесспорно. По этой причине мы отказались от выделения в качестве струк-

турного элемента объекта преступления как уголовно-правовой категории, которая может исследоваться в целях дальнейшего криминалистического анализа, но не в рамках криминалистической характеристики. Являясь предметом исследования уголовного права, мы лишь можем заимствовать эти научные данные для установления криминалистической характеристик и формирования методики расследования преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ.

В заключение отметим, что предлагаемая ранее структура криминалистической характеристики исследуемого состава безусловно имеет практическое значение. Но с учетом сложившейся обстановки требует дополнительного изучения в целях выделения закономерно проявляющихся структурных элементов и установления взаимозависимостей между ними. Конечная цель такой работы состоит в практических рекомендациях по своевременному распознаванию преступления, фиксации следов его отражения в окружающей обстановке и в предотвращении возможных преступных проявлений со стороны военнотружущих.

Библиография

1. Бессонов, А.А. Криминалистическая характеристика преступлений в трудах Рафаила Самуиловича Белкина / А.А. Бессонов // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». (г. Москва, 22—23 ноября 2017 г.). — Москва: РГ-Прогресс, 2018. — 1040 с.
2. Бессонов, А.А. Перспективы формирования криминалистической характеристики преступлений на основе информационной системы «электронный паспорт уголовного дела» / А.А. Бессонов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2016. — № 1 (11). — С. 145—148.
3. Винокуров, А.Ю. К вопросу об организации работы военных прокуратур с уклонениями от военной службы путем членовредительства в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / А.Ю. Винокуров // Вестник военного права. — 2021. — № 2. — С. 39—44.
4. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений: тенденции и перспективы развития / В.Ф. Ермолович // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность :

¹ Шаповалов В.В. Основы методики расследования преступлений, связанных с уклонением от военной службы путем симуляции болезни или иными способами : монография. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2014. С. 30—31.

криминалист. чтения памяти заслуж. деят. науки Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Порубова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 дек. 2015 г.) : в 2 ч. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; [редкол.: М. П. Шруб (отв. ред.) и др.]. — Минск, 2015. — Ч. 2. — С. 99—105.

5. Корякин, В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С.116—122.

6. Косарев, С.Ю. К вопросу о сущности криминалистической характеристике преступлений / С.Ю. Косарев // Вестник криминалистики. — 2008. — Вып. 4. — С. 36—42.

7. Облаков, А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации : учебное пособие / А.Ф. Облаков. — Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1985. — 86 с.

8. Халиков, А.Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. — Уфа, 2011. — 538 с.

9. Шаповалов, В.В. Основы методики расследования преступлений, связанных с уклонением от военной службы путем симуляции болезни или иными способами : монография / В.В. Шаповалов. — Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2014. — 166 с.

К вопросу о рекомендациях о тактике допроса пожилых лиц на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики

© Никонович Сергей Леонидович,

доктор юридических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

© Мозговая Дина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Авторы на основе анализа научных работ и практики расследования уголовных дел приходят к выводу о включенности в современный уголовный процесс лиц пожилой возрастной группы в отдельную категорию субъектов. Однако в научных исследованиях этому вопросу до недавнего времени должного внимания не уделялось. На сегодняшний день имеется небольшое количество работ, посвященных тактике допроса пожилых лиц. В статье обосновывается необходимость дальнейшего исследования проблем получения показаний от лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: допрос, пожилые лица, старческий возраст, тактический прием, рекомендации.

On the issue of recommendations on the tactics of interrogation of elderly people in the liberated territories of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic

© Nikonovich S.L.,

Doctor of Law, Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© Mozgovaya D.A.,

PhD in Law, Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: The author, based on an analysis of scientific works and the practice of investigating criminal cases, comes to the conclusion that older persons are included in the modern criminal process. However, until recently, this issue was not given due attention in scientific research. To date, there is a small number of works devoted to interrogation tactics of older people. The article substantiates the need for further research into the problems of obtaining testimony from older people.

Keywords: interrogation, elderly people, old age, tactical technique, recommendations.

Тема старения в науке сравнительно молода и берет свое начало с середины XX в., когда стал очевидным существенный рост продолжительности жизни населения и все больше и больше людей стали доживать до преклонных лет. К настоящему времени важность этой темы признана в

широком спектре академических дисциплин¹. Обоснован интерес с точки зрения

¹ Подольский А.И., Ермолаева М.В., Шоркина Н.А. Пожилой человек как субъект изучения, поддержки

криминалистики, криминологии и уголовно-процессуального права, поскольку сейчас лица пожилого возраста чаще стали оказываться в сфере уголовно-правовых отношений.

Тем не менее, при всей актуальности проблемы, вопросы, связанные с допросом пожилых лиц, остаются малоизученными, в учебной криминалистической литературе, прямо скажем, они не рассматриваются вовсе. В классификационной группе «по возрасту допрашиваемого» традиционно выделяют допрос взрослого, несовершеннолетнего и малолетнего. Авторы учебных пособий и монографий также умалчивают о лицах пожилого возраста. Так, О.Я. Баев пишет, свои тактические особенности допрос имеет в зависимости от возраста допрашиваемого, от ряда его социально-психологических свойств и установок. По этим основаниям выделяют тактику допроса малолетнего и несовершеннолетнего, тактику допроса рецидивиста и лиц, имеющих психические отклонения¹. А.А. Бессонов, также называя виды допроса, указывает на допрос взрослого и несовершеннолетнего².

Почему следует обратиться к этой теме? Причин несколько. Во-первых, произошел количественный скачок преступлений в отношении указанных лиц. Пожилые граждане становятся уязвимыми для криминально настроенных субъектов. Так, с января по август 2023 г. только на территории г. Москвы из 29 668 зарегистрированных краж 2 636 совершено в отношении пожилых, а из 31 764 мошенничеств лица пожилого возраста стали жертвами в 9 283 случаях³.

Во-вторых, наблюдается отрицательная тенденция увеличения числа преступников, относящихся к пожилой возрастной

группе. Согласно статистике, из 578 751 осужденных в 2022 г. 61 655 — люди старше 50 лет, что составляет 10,65 %. Мужчин старше 60 лет в этой группе — 13 341 (считался возраст на момент вынесения приговора), а женщин 55-летнего возраста и старше — 5 945. Это первый раз за последние десять лет, когда доля преступников старшего возраста превысила порог 10 %. С 2013 по 2016 г. включительно она сохранялась примерно на уровне 8—8,8 %, а с 2017 по 2021 г. постепенно росла с 9,1 до 9,9 %⁴.

Третьим обстоятельством, свидетельствующим в пользу значимости темы, являются данные, обозначенные в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина, в котором сказано: «Сейчас средняя продолжительность жизни в России превысила 73 года. Мы вернулись на тот уровень, который был до пандемии коронавируса. К 2030 году ожидаемая продолжительность жизни в России должна составить не менее 78 лет, а в дальнейшем, как мы и планировали, предстоит выйти на уровень "80 плюс"»⁵. В этой связи прогнозируем и дальнейший рост числа лиц пожилого возраста выступающих в статусе свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых.

Необходимость включения лиц пожилой возрастной группы в отдельную категорию субъектов уголовно-процессуального права и, соответственно, разработки криминалистических рекомендаций очевидна. Следователи военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, работая на освобожденных территориях ДНР и ЛНР, столкнулись с тем, что приходится допрашивать и производить иные следственные действия в основном с пожилой и молодой категорией граждан, пострадавших от бое-

и общения : монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 5.

¹ Баев О.Я. Тактика следственных действий : учебное пособие. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. С. 96.

² Бессонов А.А. Криминалистическая тактика : учебник. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 74.

³ Статистика за январь—август 2023 года // URL: <http://www.epp.genproc.gov.ru> (дата обращения 19.03.2024).

⁴ В России выявили рекордное за десять лет число преступников — пенсионеров. Общество, 20 апреля 2023 г. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения 18.03.2024).

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW-471111 (дата обращения 18.03.2024).

вых действий. Принимая во внимание особенности пожилой возрастной группы, необходимо разработать тактику их допроса и проведение с их участием иных следственных действий. Это диктует практика расследования.

Подготовка к допросу, включая способ вызова, место допроса, время вызова и его продолжительность, случаи обязательного применения видеозаписи содержат ряд особенностей, связанных с состоянием здоровья, предшествующей трудовой деятельностью и образованием, той социальной ролью, которую выполнял прежде допрашиваемый, его настоящим уровнем включенности в социальную жизнь. Не учитывать эти характеристики невозможно, поскольку они влияют на объективность показаний и ситуацию расследования.

На эффективность допроса, по нашему мнению, может оказать влияние и участие третьих лиц. Мы солидарны с авторами, предлагающими включать в число обязательных участников специалистов-геронтопсихологов. Их основная задача состоит в предоставлении следователю сведений о типичных особенностях восприятия, памяти, мышления допрашиваемого¹.

Имеются и другие предложения, касающиеся расширения возможностей по участию третьих лиц при допросе. Так, Н.Ю. Лебедев считает, что пожилой человек вправе пригласить любого своего родственника, который может помочь и поддержать во время допроса. Возможно, отмечает автор, пожилой человек захочет, чтобы при проведении допроса присутствовали его дети или иные родственники². Полагаем, данное предложение небесспорным, если только автор не подразумевает участие лица, признанного представителем

или законным представителем пожилого участника процесса.

Особое внимание следует уделить предметной части допроса³, в ходе которой следователь вправе применить весь спектр тактических приемов, направленных на получение достоверных сведений. К сожалению, увеличение продолжительности жизни не тождественно сохранению психического и соматического здоровья, что не может не сказаться на процессах запоминания, воспроизведения и припоминания. Основным психическим процессом во время допроса является воспроизведение и припоминание. Как указывает Л.В. Бертовский, причиной снижения психомоторики, восприятия нового, запоминания, всего поведения человека, включая способность к адаптации в меняющихся условиях, абстрактно-логического мышления является торможение скорости процесса обработки информации в пожилом возрасте⁴. Применительно к специфике восприятия, воспроизведения и припоминания следует избирать тактику предметной части допроса.

Полагаем, что из известных тактических приемов предпочтение необходимо отдавать тем, которые позволят вспомнить отдельные эпизоды произошедшего события, но при этом не спровоцируют сильного волнения или стресса. К их числу можно отнести постановку уточняющих и дополняющих вопросов, установление ассоциативных связей, предъявление фрагментов протоколов следственных действий. Такие приемы, как демонстрация фотоснимков или фрагментов видеозаписи, допрос на месте происшествия, по нашему мнению, следует применять избирательно. В зависимости от преступления, его тяжести, наступивших последствий, допрос на месте происшествия или демонстрация видеозаписи может стать неудачным тактическим решением. Б.П. Смагоринский и А.В. Сычева, наоборот, отмечают, что эф-

¹ Бертовский Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1108.

² Лебедев Н.Ю. Совершенствование тактики допроса людей пожилого возраста как мера предупреждения конфликтов // Закон и право. 2017. № 4. С. 77.

³ Образцов В.А., Богомолов С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. С. 10.

⁴ Бертовский Л.В. Указ. соч. С. 1105.

фективным может оказаться допрос потерпевшего на месте совершения преступления путем повторного восприятия определенных событий. И называют в числе результативных следующие приемы: «выяснение обстоятельств дела в хронологическом порядке, постановка уточняющих, детализирующих и конкретизирующих вопросов, графические приемы, приемы ассоциативного порядка»¹.

Выбор тактических приемов, безусловно, зависит от возраста конкретного допрашиваемого и его общего состояния. Мы с самого начала использовали термин «пожилой» возраст, но в старшей возрастной группе к этой категории относятся лица, чей возраст в диапазоне от 60—74 лет. Далее принято различать старческий возраст или старость (75—89 лет) и возраст долгожителей (поздняя старость) — и 90 и более лет. Обозначенные возрастные группы приводятся в отечественных нормативных правовых актах².

Однако период от 60 до 90 лет не отличается стабильностью когнитивных функций, отсюда и вариативность тактических приемов, применяемых при допросах. Мы разделяем мнение о том, что особый тактический подход должен применяться к лицам старше 75-летнего возраста. Некоторые проблемы с восприятием, переработкой, хранением и передачей информации возникают у людей примерно с 60 лет, но до 65—75 лет они не играют существенной роли при определении тактики получения вербальной информации. Поэтому при получении вербальной информации от указанных лиц можно использовать весь тактический инструментарий, который применяется для получения объективных показаний от взрослых людей.

Однако после 75 лет происходят существенные изменения как в физическом, так и в эмоциональном и интеллектуальном состоянии коммуникатора, которые требуют специфического подхода³.

Еще один вопрос связан с возможностью или обязательностью технической фиксации показаний с применением средств видеозаписи. На данный момент детально разработаны процессуальные и криминалистические аспекты видеозаписи допроса несовершеннолетних. Можно ли распространить этот опыт на допрос пожилой возрастной группы? Полагаем, что возможно. Считаем важным зафиксировать общее состояние допрашиваемого, его реакцию на пояснения следователя сути следственного действия, разъяснение процессуальных прав и обязанностей. Если планируется предъявление вещественных доказательств, то видеосъемку следует вести таким образом, чтобы видеть предъявляемый объект и реакцию допрашиваемого⁴. В дальнейшем это позволит исключить возможные обвинения в адрес следователя или иных участников в том, что они неверно интерпретировали информацию или отвечали за допрашиваемого, тем самым лишив его самостоятельности при изложении обстоятельств события.

В завершении отметим, что в практике расследования уголовных дел все чаще встречаются лица обозначенных возрастных групп и следовательно необходимо руководствоваться тактическими рекомендациями, разработанными с учетом особенностей их физического и психического состояния.

Библиография

1. Баев, О.Я. Тактика следственных действий : учебное пособие / О.Я. Баев. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 224 с.

¹ Смагоринский Б.П., Сычева А.В. Специфика расследования мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных лиц в современных условиях // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 102.

² Приказ Роспотребнадзора от 7 июля 2020 г. № 379 «Об утверждении обучающих (просветительских) программ по вопросам здорового питания». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW-369924 (дата обращения 18.03.2024).

³ Бертовский Л.В. Указ. соч. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1105-1106.

⁴ Меркулова М.В., Мозговая Д.А., Скороделова Е.И. Порядок применения следователями и дознавателями фото- и видеосъемки хода и результатов следственных действий: учеб.- практ. пособие / под общ. Ред. д-ра юрид. наук, доцента И.В. Тишутиной. Тула: Изд-во Тул ГУ, 2022. С. 21.

2. Бертовский, Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп / Л.В. Бертовский // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2020. — Т. 24. — № 4. — С. 1100—1121.

3. Бессонов, А.А. Криминалистическая тактика : учебник / А.А. Бессонов. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 200 с.

4. Лебедев, Н.Ю. Совершенствование тактики допроса людей пожилого возраста как мера предупреждения конфликтов / Н.Ю. Лебедев // Закон и право. — 2017. — № 4. — С. 75—78.

5. Образцов, В.А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии / В.А. Образцов, С.Н. Богомолов. — М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. — 160 с.

6. Подольский, А.И. Пожилой человек как субъект изучения, поддержки и общения : моногр. /

А.И. Подольский, М.В. Ермолаева, Н.А. Шоркина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 175 с.

7. Меркулова, М.В. Порядок применения следователями и дознавателями фото- и видеосъемки хода и результатов следственных действий : учеб.- практ. пособие / М.В. Меркулова, Д.А. Мозговая, Е.И. Скороделова; под общ. ред. д-ра юрид. наук, доцента И.В. Тишутиной. — Тула: Изд-во Тул ГУ, 2022. — 52 с.

8. Смагоринский, Б.П. Специфика расследования мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных лиц в современных условиях / Б.П. Смагоринский, А.В. Сычева // Научный портал МВД России. — 2022. — № 1 (57). — С. 98—105.

Идентификация пользователей в информационно-телекоммуникационной сети как способ противодействия отдельным видам преступлений

© Титов Павел Михайлович,

кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Уральский юридический институт МВД России

© Рукавишникова Галина Александровна,

курсант. Факультет подготовки следователей. Уральский юридический институт МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы идентификации пользователей в социальных сетях. Особое внимание уделяется проблеме защиты персональных данных граждан. На основании приведенных аргументов авторы статьи приходят к мнению о создании наиболее усложненного процесса регистрации пользователей в сети «Интернет» посредством запроса у граждан фотографии на фоне специального кода либо сайта социальной сети, а также о необходимости постепенного внедрения биометрии для последующей аутентификации пользователя при входе в социальную сеть.

Ключевые слова: идентификация, социальные сети, противодействие преступности, биометрия, защита данных, информационно-телекоммуникационные сети, аутентификация, киберпространство.

Identification of users in the information and telecommunication network as a way to counteract certain types of crime

© Titov P.M.,

PhD in Law, chief Department of operational investigative activities of internal affairs bodies. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

© Rukavishnikova G.A.,

The cadet. Faculty of Investigator Training. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article discusses the issues of user identification in social networks. Special attention is paid to the problem of protecting personal data of citizens. Based on the above arguments, the authors of the article come to the conclusion about creating the most complicated process of registering users on the Internet, by requesting a photo from a citizen against the background of a special code or a social network site, as well as the need for the gradual introduction of biometrics for subsequent user authentication when logging into a social network.

Keywords: identification, social networks, crime prevention, biometrics, data protection, information and telecommunication networks, authentication, cyberspace.

В процессе цифровизации общества уголовному законодательству Российской Федерации свойственно претерпевать некоторые изменения, в частности, наблюдается криминализация деяний, совершение

которых, происходит в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так, например, преступлениям, совершаемым в сфере компьютерной информации, посвящена гл. 28 УК РФ.

Кроме того, во многих нормах уголовного закона при квалификации преступлений Интернет рассматривается в качестве квалифицирующего признака.

В связи с этим огромную значимость приобретают вопросы противодействия преступлениям такого рода. В интернет-пространстве, а именно в социальных сетях, с каждым годом можно наблюдать тенденцию увеличения количества пользователей, данные о личности которых (имя, отчество, фамилия) являются недостоверными, вымышленными. Кроме того, при регистрации в социальных сетях обычно отсутствует процедура идентификации личности либо в качестве инструмента идентификации выступает номер телефона будущего пользователя, однако это также не дает вероятности того, что данный номер принадлежит его настоящему владельцу¹.

Возможность действовать определенным образом без указания своего имени порождает желание пользователей совершать противоправные действия, поэтому необходимость видится в создании наиболее усложненного процесса регистрации пользователей в социальных сетях, о чем ранее авторами уже говорилось². Подобный предполагаемый метод уже используется в социальной сети «Одноклассники»: для восстановления страницы служба поддержки сайта запрашивает у граждан фотографию на фоне специального кода либо сайта социальной сети.

Использование такой технологии регистрации во всех социальных сетях, во-первых, приведёт к сокращению количества так называемых «фейков» (то есть страниц пользователей с недостоверными данными), а во-вторых, позволит сотрудникам правоохранительных органов

наиболее быстро и эффективно определять лиц, совершивших правонарушения в социальных сетях.

Предполагается создание определенной базы хранения фотографий пользователей, доступ к которой будут иметь администрация социальной сети и органы внутренних дел. Отметим, что огромную роль в дальнейшей реализации данной идеи занимает и психологический аспект — «анонимность» выступает наиболее распространенным фактором совершения преступления в сети Интернет, поэтому, исключая данный фактор, уменьшится и количество совершаемых преступлений. Кроме того, существуют различные способы обеспечения анонимности в сети, такие как использование виртуальных частных сетей (VPN), анонимизаторов, защищенных браузеров и других инструментов³.

Использование виртуальных частных сетей (VPN) является одним из наиболее распространенных и эффективных способов обеспечения анонимности в сети интернет. VPN создает зашифрованное соединение между устройством и удаленным сервером, скрывая реальный IP-адрес и маскируя местоположение. VPN скрывает реальный IP-адрес, заменяя его на адрес удаленного сервера, а также VPN позволяет обходить географические блокировки и цензуру, предоставляет доступ к заблокированным сайтам и сервисам. Благодаря этим характеристикам VPN делает пользователя анонимным в сети и предотвращает отслеживание его активности в интернете.

Рассматривая вопросы идентификации пользователей в информационно-телекоммуникационной сети, помимо аспекта регистрации, нельзя не уделить внимание аспекту аутентификации пользователя при входе в аккаунт социальной сети.

На данном этапе развития цифровых технологий социальные сети стали неотъемлемым элементом в повседневной жизни

¹ Рагимханова Д.А., Курбандибиров С.Х. Идентификация личности в сети интернет как составляющая информационной безопасности // Закон и право. 2019. № 10. С. 174.

² Рукавишников Г.А., Титов П.М. Общая характеристика технологий OSINT на платформе TELEGRAM для использования в получении значимой информации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 537—546.

³ Дейнеко А.Г. Анонимность, как органическое свойство киберпространства // Вестник московского университета. Серия 26: государственный аудит. 2019. № 3. С. 55.

людей, и, ввиду их многообразия и боязни людей забыть пароль зачастую большая часть пользователей упрощает его или устанавливает один и тот же пароль для различных социальных сетей и интернет-сервисов.

Для примера, Российский сервис разведки утечек данных и мониторинга даркнета DLBI (Data Leakage & Breach Intelligence) произвел мониторинг утекших в открытое информационное пространство учетных записей и паролей к ним, в период с 2017 по 2023 г. Проанализировав порядка 36,4 миллиардов паролей, эксперты DLBI определили список самых распространенных паролей пользователей: 123456, 123456789, qwerty123, qwerty1, password, а также пароль сформированные из имен, фамилий, отчеств и дат рождений пользователей.

Современные программы, которые используют злоумышленники для получения доступа к странице в социальной сети пользователя, позволяют в автоматическом режиме за несколько секунд подобрать подходящий пароль таких форматов.

Далее приведем примеры популярных программ для подбора паролей:

1. John the Ripper — это один из самых известных инструментов для взлома паролей, который поддерживает множество алгоритмов хеширования и методов атаки;

2. Hashcat — универсальный инструмент для восстановления паролей, который поддерживает большое количество алгоритмов хеширования и имеет высокую скорость работы;

3. Hydra — инструмент для параллельного подбора паролей по протоколам, таким как SSH, HTTP, FTP и другим. Hydra работает методом "грубой силы" (bruteforce), перебирая множество комбинаций логинов и паролей, пока не будет найден корректный набор учетных данных. Инструмент поддерживает параллельное выполнение задач, что позволяет ускорить процесс подбора паролей;

4. Medusa — мощный инструмент для подбора паролей, поддерживающий различные сервисы и протоколы, такие как SSH, FTP, Telnet и другие.

В связи с этим вопрос безопасности приобретает первостепенное значение. На этот счет многие эксперты в области развития информационных технологий, а также ученые-правоведы придерживаются мнения о необходимости использования биометрии. Так, В.В. Попов и А.В. Ерохина, рассматривая возможность использования биометрических данных при регистрации в социальных сетях, считают данный метод защиты информации весьма эффективным, однако ученые отмечают, что при его использовании необходимо учитывать все риски нарушения прав и законных интересов граждан и обеспечить их всестороннюю защиту¹.

Отметим, что биометрия — наука, основанная на описании и измерении характеристик организмов живых существ².

Биометрия представляет собой технологию, использующую уникальные физиологические и поведенческие характеристики человека для возможности его идентификации. Как правило, биометрия разделяется на несколько типов и на данном этапе развития общества наиболее распространенными из них являются: отпечаток пальца, ладони, изображение лица, радужная оболочка глаза и голос.

В качестве нормативно-правовой основы сбора, обработки и хранения биометрических данных стоит указать Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором закреплён порядок получения биометрической информации, порядок её размещения в единой биометрической системе и порядок ограничения доступа к информации такого вида.

¹ Попов В.В., Ерохина А.В., Черкасова С.В. Социологические и правовые аспекты аутентификации в социальных сетях через паспортные данные // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 2. С. 67.

² Барсуков С.С. Криминалистическая идентификация по радужной оболочке и сетчатке глаза: современные возможности и проблемы применения // Юрист-Правовед. 2021. № 1. С. 174.

Процесс использования биометрической информации в целом и при идентификации личности в социальных сетях, в частности, обладает рядом потенциальных возможностей:

1. *Безопасность учетных записей:* биометрические данные могут быть использованы для обеспечения безопасности учетных записей в социальных сетях. Например, сканеры отпечатков пальцев или распознавание лица могут быть применены для защиты доступа к учетной записи и личной информации;

2. *Упрощение процесса авторизации:* внедрение биометрии может упростить процессы аутентификации, ускорить вход в учетные записи и обеспечить более удобный и быстрый вход для пользователей социальных сетей;

3. *Борьба с мошенничеством и фейковыми аккаунтами:* биометрические данные позволяют идентифицировать конкретного пользователя, что позволит избежать создания фейковых страниц (то есть аккаунтов несуществующих в реальности граждан, пользователей), а также обеспечит возможность правоохранительным органам более оперативно и эффективно выявлять лиц, совершивших мошеннические действия в социальных сетях;

4. *Поиск лиц по фотографиям:* данная возможность наиболее применима к деятельности правоохранительных органов, технологии распознавания лиц могут быть использованы для поиска аккаунтов по фотографиям лиц на социальных платформах, что существенно оптимизирует деятельность оперативных подразделений и облегчит процесс поиска оперативно-значимой информации.

Несмотря на существенные преимущества использования биометрии при авторизации в социальных сетях, существуют и некоторые отрицательные аспекты её применения.

Так, во-первых, в отличие от паролей или других форм аутентификации, биометрические данные невозможно изменить, в случае если они станут доступны для третьих лиц.

Во-вторых, с использованием биометрии любая социальная сеть или интернет-

платформа будут иметь доступ к практически всем данным граждан. Такой сбор и хранение биометрических данных могут повлечь за собой опасность для частной жизни пользователей, поскольку такие данные могут быть скомпрометированы или использованы без их согласия.

В-третьих, кроме отечественных социальных сетей существуют еще и иностранные. Это означает, что при возникновении угрозы утечки данных вред будет причинен не только конкретному гражданину, но и всему государству.

В-четвертых, технические сбои или ошибки в распознавании биометрических данных могут привести к проблемам при входе в социальные сети или регистрации.

В-пятых, возможность использовать биометрические технологии могут иметь не все люди ввиду их физических особенностей или медицинских заболеваний (например, отсутствие конечности, слепота, неизгладимое обезображивание лица и др.).

По большей мере, все вышеперечисленные проблемы связаны с вопросами безопасности биометрических данных. Главный эксперт «Лаборатории Касперского» Сергей Голованов полагает, что данную проблему можно решить: «Необходимо, чтобы любые биометрические данные хранились не как изображение, а в виде числового кода, который получается в результате анализа этих данных по определенным алгоритмам. Даже если в результате утечки эти коды попадут к злоумышленникам, они не смогут проводить с ними какие-либо операции».

В качестве успешного применения биометрических технологий, приведем в пример Face Pay (фейс пей) — это система распознавания, которая позволяет оплачивать проезд в метро с помощью лица. Принцип работы Face Pay основан на съемке фотографии лица пользователя, анализе уникальных биометрических параметров и сопоставлении с заранее сохраненным образцом лица в базе данных. После успешной проверки пользователя разрешается совершать платежи или другие финансовые операции. Face Pay был запущен в тестовом режиме осенью 2019 г.

на нескольких станциях московского метро, уже в октябре 2021 г. он заработал на всех станциях метрополитена Москвы и в Санкт-Петербурге. В метро Екатеринбурга систему оплаты проезда по биометрии планируются внедрить в 2024 г.

Подводя итоги, отметим, что идентификация пользователей в информационно-телекоммуникационной сети является одним из способов противодействия отдельным видам преступлений. Однако, процесс введения любых цифровых технологий в первую очередь должен быть основан на принципе «не навреди», поэтому особое значение приобретают вопросы безопасности и создание нового аппарата правового регулирования, учитывающего особенности прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Библиография

1. Барсуков, С.С. Криминалистическая идентификация по радужной оболочке и сетчатке глаза: современные возможности и проблемы применения / С.С. Барсуков // Юристъ-Правоведъ. — 2021. — № 1. — С. 170—175.
2. Дейнеко А.Г. Анонимность, как органическое свойство киберпространства / А.Г. Дейнеко // Вестник московского университета. Серия 26: государственный аудит. — 2019. — № 3. — С. 50—65.
3. Остапчук, А.И. Использование технологии "FACE PAY" в РФ / А.И. Остапчук // INTERNATIONAL LAW JOURNAL. — 2023. — № 3. — С. 55—59.
4. Попов, В.В. Социологические и правовые аспекты аутентификации в социальных сетях через паспортные данные / В.В. Попов, А.В. Ерохина, С.В. Черкасова // Цифровая социология. — 2022. — Т. 5. — № 2. — С. 61—69.
5. Рагимханова, Д.А. Идентификация личности в сети интернет как составляющая информационной безопасности / Д.А. Рагимханова, С.Х. Курбандибиров // Закон и право. — 2019. — № 10. — С. 174—176.
6. Рукавишникова, Г.А. Общая характеристика технологий OSINT на платформе TELEGRAM для использования в получении значимой информации / Г.А. Рукавишникова, П.М. Титов // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 27. — С. 537—546.

Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство

К вопросу о видах военных преступлений по международному уголовному праву

© **Борисов Андрей Викторович**,
кандидат юридических наук., доцент,
преподаватель кафедры уголовного права
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. В статье представлена характеристика международных договоров и конвенций в части определения видов военных преступлений по международному уголовному праву, а также раскрывается система видов военных преступлений по международному уголовному праву.

Ключевые слова: военные преступления, международное военное право.

On the issue of types of war crimes under international criminal law

© **Borisov A.V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, lecturer of
the Department "Criminal Law" of the Military
University Ministry of Defense Of the Russian
Federation named after The Prince Alexander
Nevsky

Annotation. The article presents the characteristics of international treaties and conventions regarding the definition of types of war crimes under international criminal law, and also reveals the system of types of war crimes under international criminal law.

Keywords: war crimes, international military law.

Гуманизация войны происходила стремительными темпами. Командующие армиями заключали специальные соглашения — «картели», в которых закреплялись неучастие в войне женщин и детей, неприкосновенность раненых, уважение к их имуществу, а также правила обращения с военнопленными, которым должны предоставляться такие же условия, как и своим солдатам. Вводились нормы, устанавливающие неприкосновенность госпиталей, медперсонала и духовенства¹.

Вооруженные конфликты, невзирая на их социальный характер, т.е. будь то войны между государствами, войны национально-освободительного толка, либо внутренние вооруженные конфликты, которые носят законный либо незаконный характер, являются справедливыми или нет, выступают реальной угрозой в вопросах реализации подавляющего большинства естественных прав и свобод человека и гражданина, включая важнейшее естественное право на жизнь.

В связи с этими обстоятельствами международное право уже содержит в себе выработанные временем нормы, содержание которых направлено на ограничение

¹ Давитадзе М.Д. Военные преступления // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 64; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

выбора методов и средств ведения боевых действий. Обозначенные нормы содержат запрет наиболее жестоких и бесчеловечных способов ведения военных действий в тех ситуациях, когда не удалось предотвратить вооруженный конфликт как между государствами, так и внутри страны, а все имеющиеся способы предотвращения указанных конфликтов были исчерпаны. Данные нормы международного права объективно способствуют гуманизации военных действий и минимизации масштабов и негативных последствий военных конфликтов. При любых развитиях вооруженных конфликтов его участники должны придерживаться элементарных гуманных норм в отношении поверженного противника, минимизации человеческих страданий, а также сокращения возможного вреда объектам, которые имеют исключительно важное значение для выживания. Те стороны вооруженного конфликта, которые соблюдают названные нормы и принципы, в международном сообществе называются соблюдающими международный правопорядок, а те стороны, которые их нарушают являются субъектами международных военных преступлений и должны понести международную уголовную ответственность. К глубокому сожалению, нормы международного права, касающиеся вопросов гуманизации военных действий в условиях вооруженных конфликтов и по отношению к жертвам этих конфликтов, начиная с 2014 г. не выполняются руководством Украины¹.

В международно-правовой доктрине не существует общепринятой классификации военных преступлений. Военное преступление — сознательное грубое нарушение законов и обычаев войны. Это собирательное понятие в международном праве, объединяющее ряд серьезных нарушений правил ведения боевых действий, норм и

принципов международного права, которые совершаются умышленно или по грубой неосторожности.

Военное преступление является международно-правовым преступлением согласно принятому 8 августа 1945 г. Уставу Международного военного трибунала².

Согласно Римскому статуту можно выделить такие военные преступления:

- умышленное убийство;
- пытки или бесчеловечное обращение;
- умышленное причинение сильных страданий или нанесение тяжких телесных повреждений;
- незаконное, бессмысленное и значительное по объемам уничтожение или присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью;
- умышленное лишение военнопленного или другого лица, которое пользуется международной защитой, права на справедливый судебный процесс;
- незаконное ограничение свободы.

С древнейших времен до наших дней бедствия войны приносят неизмеримый ужас, страдание и смерть миллионам людей, как комбатантам, так и гражданским лицам. Целые поколения были искалечены и травмированы насилием, потерями, бедствиями и издевательствами. Семьи были разьединены и разбросаны по всему миру, средства к существованию уничтожены, а надежды огромного количества людей на лучшую жизнь разбиты³.

Несмотря на то, что война, идеализируется в героических эпосах, рассказах о революции, об освободительном движении, никто из тех, кто испытал на себе реальность вооруженного конфликта, не может не переживать глубокого потрясения, не страдать и не чувствовать отсутствие надежной опоры в жизни, потому что война, которая является исключительно человеческим явлением, по своей сути бесчеловечна. Миллионы людей возлагали

¹ Давидтадзе М.Д. Указ. соч. С. 65; Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

² Устав Нюрнбергского Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Германии от 8 августа 1945 г. // Действующее международное право. Т. 3. М., 1997.

³ Давидтадзе М.Д. Указ. соч. С. 66.

большие надежды на начало новой эры без противостояния, без войн и каких-либо вооружённых конфликтов.

По оценкам многих аналитиков, в начале XXI столетия мир вошел в так называемую зону турбулентности, когда нестабильность и хаос будут только усиливаться. Значительные территории претерпевают лишения от стихийных бедствий, массовых беспорядков, отдельных sporadических актов насилия, военных конфликтов и других действий аналогичного характера. В настоящее время вооружённые конфликты становятся не только приемлемой, но, к сожалению, и единственной формой «диалога, к которому прибегают государства при разрешении возникающих международных и внутренних проблем». Было принято множество международных законов, важнейшим из которых стала IV Гагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, которая привела к принятию Положения о законах и обычаях сухопутной войны. Знаковым достижением этой конвенции считается провозглашение принципа, согласно которому «воюющие стороны не имеют неограниченного права выбирать средства причинения вреда своим врагам». Она также запрещает применение ядов и отравляющего оружия, а также оружия, снарядов и веществ, причиняющих ненужные страдания¹.

К военным преступлениям можно отнести следующие деяния:

- 1) убийства, истязания и увод в рабство военнопленных, а также гражданских лиц, оказавшихся в зоне боевых действий;
- 2) захват и убийства заложников;
- 3) неоправданное уничтожение гражданской инфраструктуры;
- 4) разрушение жилищ и населенных пунктов без военной необходимости;

5) умышленное уничтожение и присвоение имущества вопреки военной необходимости.

Данный перечень не является исчерпывающим, однако позволяет сформировать общее представление о возможных преступлениях, которые совершаются военнослужащими и квалифицируются в международном гуманитарном праве как военные.

Согласно ст. 3 ч. 1 Четвертой Женевской конвенции, «с лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях, при всех обстоятельствах обращаются гуманно, без дискриминации по признаку расы, цвета кожи, религии или убеждений, пола, происхождения или имущественного положения или по другим подобным признакам».

Женевская конвенция об обращении с военнопленными, вступившая в силу 27 июля 1929 г., добавила к законам и обычаям войны новые основополагающие положения, касающиеся не только граждан ратифицировавших ее государств, но и всего международного сообщества, независимо от гражданства². Масштабы Второй мировой войны были глобальными и огромными с точки зрения человеческих жертв, разрушения инфраструктуры и культурно-исторических памятников в результате чего была отмечена необходимость создания международной нормы, обязательной для всего международного сообщества и регулирующей ведение войны. Женевская конвенция призывает к уважению и защите тех, кто больше не принимает участия в военных действиях, и к гуманным действиям при любых обстоятельствах без дискриминации. Разработанные руководящие принципы предусматривают, что не допускаются все виды оружия и методы ведения войны, которые могут привести к ненужной гибели людей или излишним страданиям. Больные и раненые должны

¹ IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны [рус., англ.] (Вместе с «Положением о законах и обычаях сухопутной войны») (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 575—587.

² Женевская конвенция об обращении с военнопленными» (заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Моск. независимый ин-т международного права, 1997. С. 634—681.

получать помощь, независимо от того, какие стороны участвуют в конфликте.

Конвенция ООН 1968 г. о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества провозгласила, что сроки давности не применяются к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

Расширение и развитие международного права создает риски, поскольку стандарты его цели и содержания гораздо менее строги, чем стандарты права прав человека¹. Военные преступления — это серьезные нарушения международного гуманитарного права. Во многих положениях Гаагского и Женевского актов не указано, влекут ли конкретные нарушения уголовную ответственность.

Право военных преступлений эволюционировало таким образом, что только некоторые нарушения международного права считаются преступлениями. Нюрнбергская хартия (1945 г.) содержит перечень военных преступлений, предусмотренных основными положениями Гаагского положения 1907 г. Судебная практика Специального трибунала по бывшей Югославии и Специального трибунала по Руанде определяет большинство контуров современных военных преступлений².

Многие из этих преступлений были совершены в условиях вооруженного конфликта. Одной из ключевых предпосылок военных преступлений является то, что преступление должно быть связано с вооруженным конфликтом. Это требование отличает военные преступления от обычных преступлений. Статут МУС содержит

еще один элемент. Он предусматривает, что МУС обладает юрисдикцией «inparticular».

На нормативно-правовое регулирование в области законодательства о военных преступлениях большое влияние оказывает практика международных уголовных судов и трибуналов³.

Применение законов и обычаев войны распространяется на комбатантов и некомбатантов во время ведения боевых действий в пределах границ отдельных государств. Большинство этих норм содержится в так называемых «Женевских законах», то есть Женевских конвенциях 1949 г. и трех дополнительных протоколах к ним.

Практика международных трибуналов (Югославия, Руанда), Специального суда по Сьерра-Леоне и Международного уголовного суда значительно расширила представление о запрещенных средствах и методах ведения войны, что должно учитываться на национальном уровне не только в уголовном законодательстве, но и в руководствах, издаваемых для вооруженных сил.

Например, в Уставе Нюрнбергского военного трибунала виды военных преступлений определены следующим образом⁴: убийство, пытки и обращение в рабство гражданских лиц, убийство и пытки военнослужащих, убийство заложников, бессмысленное разрушение городов, поселков и других объектов гражданской инфраструктуры, уничтожение человеческой жизни и другие преступления без необходимого оправдания.

Этот список показывает, что военные преступления, совершённые во время боевых действий, почти всегда носят тяжкий характер.

Так, в середине XX в. после окончания Второй мировой войны международное

¹ Капустин А.Я., Авхадеев В.Р., Азнагулова Г.М. [и др.]. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права. М.: Инфра-М, 2023; Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72.

² Устав Нюрнбергского Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Германии от 8 августа 1945 г. // Действующее международное право. Т. 3. М., 1997.

³ Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604.

⁴ Устав Нюрнбергского Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Германии от 8 августа 1945 г.

сообщество осознало необходимость достижения консенсуса в определении содержания понятий «военные преступления» и «преступления против мира и человечества».

Таким образом, понятие военных преступлений существовало еще в законодательстве Древнего Рима, военно-уголовное право которого различало следующие категории военных преступлений:

- 1) военные преступления;
- 2) военно-квалификационные преступления;
- 3) общие преступления.

Понятие воинского преступления, как самостоятельное общеуголовное понятие, включает в себя все обязательные признаки, такие, как общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость.

Под преступлениями против военной службы понимаются, предусмотренные главой 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершаемые военными служащими, проходящими в Вооружённых Силах Российской Федерации военную службу по призыву или по контракту, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, включая граждан, пребывающих во время прохождения ими военных сборов в запасе (ст. 331 УК РФ).

В международно-правовой доктрине не существует общепринятой классификации военных преступлений. Военное преступление — сознательное грубое нарушение законов и обычаев войны. Это собирательное понятие в международном праве, объединяющее ряд серьезных нарушений правил ведения боевых действий, норм и принципов международного гуманитарного права, которые совершаются умышленно или по грубой неосторожности. Военное преступление является международно-правовым преступлением согласно принятому 8 августа 1945 г. Уставу Международного военного трибунала.

В свете развития ситуации на Украине и проведения Российской Федерацией СВО возникла необходимость новеллизации уголовного законодательства России. Трудности международно-правовой и пра-

воприменительной концептуализации порождают различные формы юридического понимания феномена СВО. Особенности подлежащих регламентации общественных отношений потребовали пересмотра некоторых норм, в том числе уголовно-правовых¹.

Новые нормы УК РФ предназначены для адаптации российского законодательства к особым условиям СВО, а также из-за обострившейся в России социально-политической и экономической обстановки. В результате основных изменений уголовного законодательства России, были внесены ряд поправок в Уголовный закон. Они касаются следующих аспектов, таких как: 1) расширение понятия «терроризм» и уточнение критериев признания деяний террористическими; 2) ужесточение наказаний за совершение террористических актов или подготовку к ним; 3) введение ответственности за государственную измену и подрыв конституционного порядка; 4) ужесточение ответственности за незаконную торговлю и передвижение оружия.

Библиография

1. Большакова, В.М. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы / В.М. Большакова, И.В. Холиков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 58. С. 579—604. — DOI 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604.
2. Давитадзе, М.Д. Военные преступления / М.Д. Давитадзе // Вестник экономической безопасности. — 2023. — №. 1. — С. 64—67.
3. Капустин, А.Я. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. — Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2023. — 336 с. — DOI 10.12737/1926386.
4. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.
5. Наумов, П.Ю. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права че-

¹ Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47.

ловека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 64—72. — DOI 10.31857/S102694520024304-5.

6. Холиков, И.В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм междуна-

родного гуманитарного права / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4(297). — С. 102—111.

7. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. — Москва: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. — 160 с.

Правовой статус военнослужащих по законодательству Азербайджанской Республики

© Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник сектора административного
права и административного процесса Института
государства и права Российской академии наук

Аннотация. Потребности совершенствования российского законодательства о статусе военнослужащих, вызванные возрастанием значимости деятельности военнослужащих для обеспечения обороны и безопасности государства, фактором проведения специальной военной операции, обуславливают возрастание роли сравнительно-правовых исследований, результаты которых могут быть использованы в целях совершенствования российского законодательства. В статье рассмотрены основные положения Закона Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 36 «О статусе военнослужащих», выработан ряд предложений по совершенствованию Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Ключевые слова: государственная служба; оборона; национальная безопасность; военная служба; военнослужащие; правовое положение; права военнослужащих; обязанности военнослужащих; гарантии; ответственность военнослужащих; сравнительное правоведение.

Legal status of military personnel under the law Republic of Azerbaijan

© Redkous V.M.,
D.Sc. in law, Professor, Leading Researcher of the
Sector of Administrative Law and Administrative
Process of the Institute of the State and Law, Russian
Academy of Science

Resume. The needs to improve Russian legislation on the status of military personnel, caused by the increasing importance of the activities of military personnel to ensure the defense and security of the state, the factor of conducting a special military operation, determine the increasing role of comparative legal research, the results of which can be used to improve Russian legislation. The article examines the main provisions of the Law of the Azerbaijan Republic dated December 25, 1991 No. 36 «On the status of military personnel», a number of proposals are developed to improve the Federal Law dated May 27, 1998 No. 76-FZ «On the status of military personnel».

Key words: public service; military service; military personnel; entry into military service; military service; military registration of citizens; preparing citizens for military service; conscription for active military service; deferment and exemption from conscription for urgent active military service; reserve service; defense; National security; comparative law

Современное развитие как российской правовой системы, так и правовых систем государств — участников СНГ подчеркивает возрастающую значимость профессии юриста. В этой связи профессор Ю.Н. Туганов справедливо отметил, что «бесспорно, юристы являются тем связующим звеном, которое лежит в основе взаимодействия различных политико-правовых си-

стем. Юристы непосредственно обеспечивают гармонизацию различных региональных правовых подходов и выработку единых гуманитарных стандартов и идеалов»¹. Вопросы, связанные с определением право-

¹ Туганов Ю.Н. Роль юриста в современном мире // Заслуженные юристы Российской Федерации. М.: ИГ «Юрист», 2022. С. 718—719.

вого статуса различных субъектов права, становятся предметом научных дискуссий¹, что подчеркивает актуальность рассматриваемых вопросов.

Одной из актуальных проблем современного военного права и развития военного законодательства является вопрос о четком закреплении правового статуса военнослужащих². Эта проблема актуализировалась в условиях проведения специальной военной операции³, в которой задействованы как органы, входящие в военную организацию государства⁴, так и правоохранительные органы и иные органы и организации, сотрудники которых с риском для жизни исполняют свои обязанности в условиях боевой или приближенной к боевой обстановки.

В Российской Федерации вопросы, связанные с правовым статусом военнослужащих и его реализацией, регламентированы Конституцией Российской Федерации⁵,

Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁶ (далее — Федеральный закон № 76-ФЗ), а также иными законодательными и подзаконными нормативными правовыми актами.

Рассмотрим опыт законодательного закрепления статуса военнослужащих в Азербайджанской Республике.

Базовым законодательным актом, регламентирующим статус военнослужащих АЗР, является Закон Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 36 «О статусе военнослужащих»⁷ (далее — Закон АЗР).

Структурно Закон АЗР состоит из следующих разделов: раздел I. Общие положения; раздел II. Права и обязанности военнослужащих; раздел III. Гарантии статуса военнослужащих; раздел IV. Ответственность военнослужащих.

Наиболее общие положения, регламентирующие вопросы статуса военнослужащих АЗР, закреплены в одноименном разделе I Закона АЗР.

Общетеоретическое и общеметодологическое значение для правового статуса военнослужащих имеют следующие закреплённые в Законе АЗР положения:

— задачи Вооружённых Сил АЗР, условия и характер военной службы определяют статус военнослужащих, который включает права, обязанности, гарантии их реализации и ответственность, устанавливаемые Конституцией АЗР, другими законодательными актами АЗР;

— военнослужащие пользуются правами и свободами граждан АЗР с дополнениями и ограничениями, обусловленными особенностями военной службы и устанавливаемыми Законом АЗР, другими законодательными актами АЗР; военнослужащие

¹ Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Гуманитарные науки как элемент российской идентичности // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 11—20; Кобзарь-Фролова М.Н., Гришковец А.А. Наука административного права и административного процесса на современном этапе общественного развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 3. С. 182—203.

² Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4(48). С. 158—191.

³ Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9(302). С. 2—5.

⁴ Корякин В.М. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный академический журнал. 2016. № 2 (10). С. 12—22; Корякин В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47—54.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область,

официально опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

⁶ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

⁷ Закон Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 36 «О статусе военнослужащих» (действ. ред.) // Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1992. № 4. Ст. 79.

несут все обязанности граждан АзР, а также обязанности, обусловленные их статусом;

— никто не вправе лишить военнослужащих и членов их семей каких-либо прав и свобод или ограничить их в правах, предусмотренных Конституцией и законами АзР для граждан АзР, иначе, как в соответствии с Конституцией и законами АзР;

— ограничение общегражданских прав, а также предоставление военнослужащим дополнительных прав и возложение на них дополнительных обязанностей, обусловленных особенностями военной службы, устанавливаются Законом АзР, другими законодательными актами АзР и уставами Вооруженных Сил АзР;

— ответственность военнослужащих устанавливается законодательными актами АзР с учетом особенностей статуса военнослужащих;

— содержание и объем прав, обязанностей и ответственности военнослужащих зависит от того, находятся ли они при исполнении обязанностей военной службы или не находятся при исполнении таковых.

Важное значение имеет определение круга лиц, на которых распространяется статус военнослужащих. Установлено, что статус военнослужащих в соответствии с Законом АзР имеют граждане АзР и граждане других государств, состоящие на действительной военной службе в Вооруженных Силах АзР, в пограничных войсках АзР и других созданных в соответствии с законодательством АзР иных вооруженных соединениях, а также находящиеся на сборах военнообязанные. Статус военнослужащих не распространяется на лиц, проходящих альтернативную службу (трудовую повинность) в государственных трудовых отрядах, службах гуманитарного направления и коммунальной сферы. Статус военнослужащих сохраняется на все время пребывания военнослужащих в плену, а также в нейтральных странах в качестве интернированных, если они при этом не нарушили военную присягу и не совершили преступлений, предусмотренных законодательством АзР.

Федеральный закон № 76-ФЗ в ч. 1 ст. 1 определяет статус военнослужащих как

«совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Правовой статус военнослужащих имеет временные рамки своего действия. Так, статус военнослужащих граждане приобретают со дня призыва, поступления в добровольном порядке или по контракту на службу в Вооруженные Силы АзР, призыва на сборы, поступления в военно-образовательные заведения, и утрачивают с увольнением со службы в Вооруженных Силах АзР со дня исключения из списков воинской части, отчисления или исключения из военно-образовательных заведений, окончания сборов, в порядке, установленном законодательством АзР.

Мы уже выделили тот фактор, что содержание и объем прав, обязанностей и ответственности военнослужащих зависит от того, находятся ли они при исполнении обязанностей военной службы или не находятся при исполнении таковых. Закон АзР в ст. 4 регулирует это положение. Так, военнослужащие находятся при исполнении обязанностей военной службы во всех случаях их фактического выполнения, в том числе во время участия в боевых действиях, нахождения на учениях, боевом дежурстве (боевой службе), в суточном и гарнизонном нарядах, на сборах, в командировках, при следовании к месту службы и со службы и в других случаях. При необходимости военнослужащий по приказу командира (начальника) или по собственной инициативе должен приступить к исполнению своих обязанностей в любое время и в любом месте. Военнослужащие при исполнении обязанностей военной службы, связанных в соответствии с законодательством АзР с наделением их властными полномочиями по отношению к гражданам, являются представителями власти. Неповиновение им и посягательство на них в этих условиях влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством АзР.

Рассмотрим основные права и обязан-

ности военнослужащих, закрепленные в Законе АЗР.

Раздел II («Права и обязанности военнослужащих») Закона АЗР включает статьи, регламентирующие: ст. 6. Политические права и свободы; ст. 7. Свобода совести; ст. 8. Неприкосновенность личности; ст. 9. Право на труд; ст. 10. Право на денежное и материальное обеспечение; ст. 11. Право на отдых; ст. 12. Право на обеспечение жильем или земельным участком для строительства частного жилого дома; ст. 13. Право на охрану здоровья и на возмещение причиненного здоровью вреда; ст. 14. Право на образование; ст. 15. Право на пенсионное обеспечение; ст. 16. Право на присвоение воинского звания, право на поощрение; ст. 17. Право на изменение места службы; ст. 18. Право военнослужащих на увольнение с действительной военной службы; ст. 19. Право на ношение, хранение и применение оружия; ст. 20. Право на получение пособий и на иные льготы; ст. 21. Право на социальную защищенность семей военнослужащих; ст. 22. Право на предложения, заявления и жалобы; ст. 23. Ограничения военнослужащих в правах, обусловленные военной службой; ст. 24. Общие обязанности; ст. 25. Специальные обязанности.

Особенности реализации военнослужащими АЗР политических прав и свобод связаны с нормативным закреплением следующих положений:

— военнослужащие — граждане АЗР в соответствии с Конституцией АЗР обладают правом избирать и быть избранными в выборные государственные органы АЗР, участвовать во всенародных обсуждениях и голосованиях (референдумах);

— военнослужащие, изъявившие желание баллотироваться на выборах в соответствующие государственные органы АЗР, информируют об этом своего непосредственного командира (начальника)¹;

— военнослужащие в своей служебной деятельности руководствуются требованиями Конституции, других законов АЗР и не могут состоять членами политических пар-

тий и массовых общественных движений, преследующих политические цели²;

— военнослужащим гарантируются свобода слова и печати, свобода убеждений и свободное их выражение при условии неразглашения государственной тайны³.

Военнослужащим гарантируется свобода религиозных убеждений. Религиозные убеждения не освобождают военнослужащих от исполнения ими обязанностей военной службы⁴.

Военнослужащим гарантируется личная неприкосновенность. Военнослужащий может быть подвергнут аресту в порядке, установленном законодательством, а также может быть арестован командиром (начальником) воинской части в дисциплинарном порядке с содержанием на гауптвахте (в корабельном карцере) в соответствии с требованиями уставов Вооруженных Сил АЗР.

Закон АЗР закрепляет следующие особенности реализации военнослужащими права на труд:

— время прохождения действительной военной службы и службы по контракту засчитывается в общий стаж граждан;

— военнослужащим время прохождения военной службы в особых условиях засчитывается в трудовой стаж на льготных условиях;

— привлечение военнослужащих в период прохождения военной службы к работам и исполнению иных обязанностей, не предусмотренных военной службой, допускается в порядке, определяемом Президентом АЗР;

— военнослужащим гарантируется свобода научного, технического, художественного и иного творчества, если это осуществляется не в ущерб исполнению ими обязанностей военной службы;

² Закон Азербайджанской Республики от 16 декабря 2022 г. № 693-VIQ «О политических партиях» // Газета «Азербайджан». 2023. 12 января. № 6.

³ Закон Азербайджанской Республики от 7 сентября 2004 г. № 733-IIQ «О государственной тайне» // Газета «Азербайджан». 2004. 16 ноября. № 266.

⁴ Закон Азербайджанской Республики от 20 августа 1992 г. № 281 «О свободе вероисповедания» // Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1992. № 16. Ст. 694.

¹ Избирательный кодекс Азербайджанской Республики от 27 мая 2003 года // Газета «Азербайджан». 2003. 5-6 июня. № 127—128.

— в отдельных случаях военнотружущим (кроме военнотружущих срочной действительной военной службы) в персональном порядке командиром воинской части (начальником воинского учреждения и организации) может быть разрешена работа по совместительству на государственных и общественных предприятиях, в учреждениях и организациях, связанная с научной, педагогической, изобретательской и экспертной деятельностью;

— при увольнении с действительной военной службы военнотружущим гарантируется трудоустройство с учетом полученного образования и имеющейся специальности;

— в целях обеспечения профессиональной подготовки для работы в народном хозяйстве военнотружущих, подлежащих увольнению, в воинских частях и учреждениях, где есть возможность, или на соответствующих государственных предприятиях, в учреждениях и организациях данного региона в свободное от исполнения обязанностей военной службы время организуется обучение таких лиц гражданскими специальностям;

— для оказания материальной помощи и бытовых услуг уволенным с действительной военной службы военнотружущим главой местной исполнительной власти может создаваться фонд их социальной защиты за счет средств, добровольно отчисляемых предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами.

— в течение срока действительной срочной военной службы лиц их рабочее место и должность на предприятиях сохраняются вне зависимости от вида собственности и организационно-правовой формы, за исключением ликвидации предприятия, в установленном законодательством порядке. Лица, работавшие на соответствующем предприятии до призыва на срочную действительную военную службу, вправе вернуться на прежнюю или равную должность (профессию) на данном предприятии не позднее 60 календарных дней после увольнения с военной службы.

Азербайджанская Республика создает военнотружущим материальные и иные условия, необходимые для исполнения ими

обязанностей военной службы с учетом ее особого характера и приоритетности перед другими видами государственной службы. Военнотружущие имеют право на обеспечение за счет государства денежным довольствием в зависимости от условий военной службы, квалификации, военной профессии, воинского звания и продолжительности пребывания на военной службе. При этом минимальные размеры окладов по должностям, занимаемым лицами офицерского состава и военнотружущими сверхсрочной действительной военной службы, не могут быть ниже средней заработной платы для государственных служащих в АзР. Денежное довольствие военнотружущих, участвующих в боевых действиях в боевой обстановке, за этот период исчисляется в двойном размере. Порядок обеспечения денежным довольствием военнотружущих и изменение норм этого довольствия устанавливаются Кабинетом Министров АзР.

Право военнотружущих на отдых обеспечивается установлением служебного времени, не превышающего 41 часа в неделю, предоставлением военнотружущим дней еженедельного отдыха, считающихся нерабочими праздничных дней, ежегодных и других оплачиваемых отпусков (кроме военнотружущих срочной действительной военной службы), а также ежедневных перерывов для отдыха и питания. Продолжительность и распределение служебного времени определяются расписанием дня воинской части и регламентом служебного времени офицеров, военнотружущих сверхсрочной действительной военной службы в соответствии с требованиями обеспечения постоянной боевой готовности воинской части (подразделения).

Продолжительность служебной недели устанавливается: для военнотружущих срочной действительной военной службы, курсантов военно-образовательных заведений — шестидневная, с одним выходным днем; для офицеров и военнотружущих сверхсрочной действительной военной службы — пятидневная, с двумя выходными днями. Учения, походы кораблей, боевые стрельбы и другие мероприятия, связанные с обеспечением боевой и мобилиза-

ционной готовности, проводятся по планам командования без ограничения общей продолжительности служебного времени.

В мирное время военнослужащим действительной военной службы предоставляются следующие отпуска:

- а) очередные отпуска;
- б) краткосрочные отпуска;
- в) отпуск по болезни;
- г) отпуск во время учебы;
- д) отпуск в связи с завершением военного образовательного заведения;
- е) образовательный отпуск;
- ж) творческий отпуск;
- з) отпуска для военнослужащих-женщин по беременности и рождению ребенка, уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет;
- и) дополнительный отпуск.

Очередные отпуска предоставляются раз в году офицерам — на 45 суток, военнослужащим сверхсрочной действительной военной службы — на 30 суток, солдатам и сержантам на 10 суток, не считая времени, необходимого для проезда к месту проведения отпуска и обратно.

Военнослужащим, увольняемым в запас или отставку по возрасту или по болезни, если они прослужили в Вооруженных Силах 20 и более календарных лет, очередной отпуск для решения вопросов, связанных с вопросами увольнения с военной службы предоставляется на 3 месяца.

Краткосрочные отпуска продолжительностью 10 суток предоставляются по семейным обстоятельствам всем военнослужащим, а военнослужащим срочной службы также в порядке поощрения.

Лицам офицерского состава по их желанию в один из последних трех лет службы перед увольнением в запас или отставку по возрасту предоставляется очередной отпуск продолжительностью в три месяца для решения вопросов, связанных с увольнением с военной службы.

В случае не использования по любым причинам военнослужащим (кроме военнослужащих срочной действительной военной службы) в течение календарного года, а также в течение других календарных годов срока нахождения на действительной военной службе очередного отпуска, ему за не-

использованный очередной отпуск этого года, а также за другие календарные годы периода нахождения на действительной военной службе выплачивается компенсация в порядке и сумме, установленной соответствующим органом исполнительной власти.

Закон АЗР регламентирует право на обеспечение жильем или земельным участком для строительства частного жилого дома¹.

Военнослужащие имеют право поступать в военные и учреждения дополнительного образования и обучаться в этих заведениях и на курсах. Лица офицерского состава, военнослужащие сверхсрочной действительной военной службы имеют право обучаться на заочных отделениях гражданских образовательных учреждений. При увольнении в запас лица, призванные на действительную военную службу во время учебы в учебных заведениях, сохраняют право быть восстановленными в данном учебном заведении, где они учились до призыва на действительную военную службу, и на данный курс.

Право на пенсионное обеспечение военнослужащих после увольнения их с действительной военной службы и членов их семей гарантируется государством и устанавливается законодательством АЗР².

Достаточно интересна ст. 16 Закона АЗР, которая называется «Право на присвоение воинского звания, право на поощрение».

Так, военнослужащий имеет право на своевременное присвоение ему очередного воинского звания с учетом подготовки, прохождения службы и занимаемой должности в соответствии с Законом Азербайджанской Республики от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ «О воинской обязанности и военной службе»³. Офицерам, проявившим

¹ Жилищный кодекс Азербайджанской Республики от 30 июня 2009 года // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2009. № 8. Ст. 612.

² Закон Азербайджанской Республики от 7 февраля 2006 г. № 54-IIIQ «О трудовых пенсиях» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2006. № 3. Ст. 208.

³ Закон Азербайджанской Республики от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ «О воинской обязанности и

высокие морально-боевые качества при исполнении обязанностей военной службы, образцово выполняющим должностную обязанность, очередное воинское звание может быть присвоено досрочно, на ступень выше воинского звания, предусмотренного по занимаемой должности Законом Азербайджанской Республики «О воинской обязанности и военной службе» или на ступень выше присвоенного воинского звания.

За усердие и отличие по службе военнослужащие имеют право на поощрение, а за мужество и отвагу, проявленные при исполнении должностной обязанности, и за образцовое выполнение обязанностей военной службы могут быть представлены к награждению государственными наградами АЗР.

Военнослужащий имеет право на изменение места службы по состоянию здоровья военнослужащего или членов его семьи, семейным обстоятельствам, по выслуге установленного Министерством обороны АЗР срока службы в местностях с особыми условиями.

Ст. 18 Закона АЗР закрепляет право военнослужащих на увольнение с действительной военной службы. Так, военнослужащие, выслужившие сроки службы, установленные законодательством АЗР или определенные контрактом, а также достигшие предельного возраста состояния на действительной военной службе либо признанные по состоянию здоровья негодными к действительной военной службе в мирное время, имеют право на увольнение в запас или отставку. Женщины и военнослужащие срочной действительной военной службы могут быть уволены с действительной военной службы по их желанию до истечения сроков состояния на действительной военной службе по семейным обстоятельствам, а лица офицерского состава, кроме того, по истечении пяти лет службы на офицерских должностях, по собственному желанию.

Военнослужащие при исполнении обязанностей военной службы и во внеслуж-

дебное время имеют право на ношение, хранение и применение штатного (личного) оружия в порядке, определяемом законодательством АЗР и уставами Вооруженных Сил Азербайджанской Республики.

Важное значение имеет ст. 21 Закона АЗР, устанавливающая право на социальную защищенность семей военнослужащих.

Так, членам семей офицерского состава и военнослужащих сверхсрочной действительной военной службы в вопросах трудовых правоотношений и социального обеспечения устанавливаются следующие гарантии реализации их прав:

— преимущественное право при приеме на работу и на оставление на работе при сокращении численности или штата работников¹. Главы местной исполнительной власти, руководители государственных предприятий, учреждений и организаций, начальники гарнизонов, командиры воинских частей обязаны принять меры к трудоустройству жен военнослужащих не позднее, чем в месячный срок с момента их обращения;

— первоочередное направление в учебные заведения по дополнительному образованию с отрывом от работы и выплаты в период обучения среднемесячной заработной платы по той должности, на которую они готовятся;

— организация главами местной исполнительной власти, министерствами и ведомствами, государственными предприятиями, учреждениями и организациями по просьбе военного командования малых предприятий, филиалов, цехов, участков (производств) в городах, поселках и в населенных пунктах, расположенных в сельской местности, где находятся воинские части и нет возможности трудоустроить членов семей военнослужащих;

— ежегодное предоставление женам военнослужащих (по их желанию) отпуска в период отпуска мужа;

— выплата пособий в соответствии со ст. 74 Трудового кодекса Азербайджанской

военной службе» // Газета «Азербайджан». 2012. 11 февраля. № 33.

¹ Трудовой кодекс Азербайджанской Республики от 1 февраля 1999 г. // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 1999. № 4. Ст. 213.

Республики женам военнослужащих пособий по временной нетрудоспособности в размере получаемого заработка независимо от стажа работы;

— направление на работу окончивших высшие и средние специальные учебные заведения жен (мужей) военнослужащих по месту службы мужа (жены), а при отсутствии такой возможности (или по их выбору) предоставление им права самостоятельного трудоустройства;

— включение в страховой стаж всего периода проживания вместе с мужем (женой) в местностях, где отсутствовала возможность трудоустроиться по специальности;

— выплата неработающим женам военнослужащих ежемесячного денежного пособия в размере минимальной заработной платы, установленной для рабочих и служащих в Азербайджанской Республике, в случае невозможности трудоустройства в местности, где проходит службу муж.

В случае гибели (смерти) военнослужащего или лица, уволенного с действительной военной службы, его семья сохраняет право на льготы, которыми она пользовалась, если иное не предусмотрено законодательством Азербайджанской Республики. Семьям погибших (умерших) военнослужащих выплачиваются пособия в размерах, устанавливаемых законодательством Азербайджанской Республики.

Закон АЗР содержит еще ряд прав в области социальной защищенности семей военнослужащих

Ст. 22 Закона АЗР регламентирует право на предложения, заявления и жалобы¹. Так, военнослужащие имеют право вносить в государственные органы, общественные организации и объединения, в органы военного управления предложения, направлять заявления, а также подавать жалобы в установленном порядке на неправомерные действия должностных лиц, государственных органов, общественных организаций и объединений, органов военного управле-

ния, а также граждан (в том числе военнослужащих).

Жалобы военнослужащих о неудовлетворении положенным довольствием, о незаконных в отношении их служебных распоряжениях (действиях) командиров (начальников) или других военнослужащих и по иным вопросам военно-служебных отношений подаются, рассматриваются и разрешаются в порядке, предусмотренном уставами Вооруженных Сил АЗР.

Военнослужащие могут обжаловать решения и действия (бездействие) военных должностных лиц и органов военного управления в административном порядке и (или) в суде.

Запрещается препятствовать подаче жалобы и подвергать за это ее подателя наказанию или преследованию. Виновные в этом привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством АЗР.

Военнослужащий, подавший жалобу, в которой содержатся заведомо ложные сведения или клевета, несет ответственность в соответствии с законодательством АЗР.

Обращения (предложения, заявления, жалобы) военнослужащих и членов их семей рассматриваются в течение 15 рабочих дней со дня поступления.

Ограничения военнослужащих в правах, обусловленные военной службой, определены в ст. 23 Закона АЗР. Так, военнослужащие в зависимости от характера и условий военной службы и особенностей выполнения ими служебных обязанностей ограничиваются в правах, установленных для граждан АЗР:

— военнослужащие не имеют права на забастовку;

— военнослужащие не могут быть членами профессиональных союзов;

— военнослужащим запрещается заниматься частнопредпринимательской деятельностью и состоять на штатных оплачиваемых должностях в кооперативах, осуществляющих производственную и посредническую деятельность;

— военнослужащим может быть ограничено время отдыха (увеличено служебное время) в порядке, определяемом уставами Вооруженных Сил АЗР;

— военнослужащим срочной действи-

¹ Закон Азербайджанской Республики от 30 сентября 2015 г. № 1308-IVQ «Об обращении граждан» // Газета «Азербайджан». 2015. 15 ноября. № 251.

тельной военной службы не разрешается обучение в гражданских высших и средних специальных образовательных учреждениях;

— военнослужащим запрещается выезд за границу на постоянное жительство;

— военнослужащие ограничены в выборе места жительства и свободе передвижения в связи с условиями дислокации воинских частей.

— военнослужащему срочной действительной военной службы может быть сокращен отпуск на количество дней его пребывания на гауптвахте;

— военнослужащие, проходящие службу в Вооруженных силах АзР и в других вооруженных формированиях, созданных в соответствии с законодательством АзР (за исключением военных атташе, военных представителей и их помощников), а также военнослужащие, проходящие срочную действительную военную службу и привлеченные к международным военным учениям, антитеррористическим, спасательным и другим мероприятиям или операциям в связи со служебной необходимостью вне пределов АзР, могут выехать из АзР при наличии оформленного разрешения соответствующих органов исполнительной власти¹.

В ст. 24 («Общие обязанности») Закона АзР закреплено, что военнослужащие, кроме обязанностей, предусмотренных для граждан АзР, выполняют дополнительные обязанности, обусловленные особенностями военной службы. Военнослужащие в соответствии с Законом АзР от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ «О воинской обязанности и военной службе» обязаны: защищать интересы АзР, ее суверенитет, территориальную целостность и независимость; принимать военную присягу на верность АзР; строго соблюдать Конституцию и другие законы АзР, беспрекословно выполнять приказы командиров и начальников; выполнять другие обязанности, предусмотренные уставами Вооруженных Сил АзР.

Должностные обязанности военнослужащих и порядок выполнения этих обязанностей определяются уставами Вооруженных Сил АзР, а также нормативными актами, изданными на основе решений высших органов государственной власти и управления АзР.

Военнослужащие при нахождении на боевом дежурстве, боевой службе, в суточном и гарнизонном нарядах, при привлечении для ликвидации последствий стихийных бедствий, а также в других случаях, предусмотренных законодательством АзР, выполняют специальные обязанности. Содержание этих обязанностей и порядок их выполнения определяются законодательством АзР, уставами ВС АзР и другими актами (ст. 25 Специальные обязанности).

Принцип гарантированности прав и свобод личности является важнейшей чертой государства. К числу общих гарантий относятся экономические, политические, социальные и духовные. Особо выделяются юридические гарантии, которые представляют собой систему действующих в государстве правовых норм, предусмотренных ими юридических средств, направленных на конкретизацию прав и обязанностей, определение порядка их гарантии, реализации и защиты, справедливо отмечают Ю.Н. Туганов и С.И. Журавлев².

Раздел III («Гарантии статуса военнослужащих») Закона АзР включает следующие статьи: ст. 26. Обязанность и ответственность государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц по обеспечению статуса военнослужащих; ст. 27. Обязательное государственное личное страхование военнослужащих; ст. 28. Обеспечение жилыми помещениями семей погибших (умерших) военнослужащих; ст. 29. Возмещение ущерба, причиненного военнослужащему повреждением, уничтожением или утратой его личного имущества.

Устанавливается, что государственные органы, предприятия, учреждения, организации, должностные лица, командиры

¹ Миграционный кодекс Азербайджанской Республики от 2 июля 2013 г. // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2013. № 7. Ст. 797.

² Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Юрайт», 2020. С. 108.

(начальники) органов военного управления в пределах своих полномочий и обязанностей обеспечивают статус военнослужащих. Должностные лица, виновные в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по реализации прав и законных интересов военнослужащих, несут ответственность в соответствии с законодательством.

Лица офицерского состава и военнослужащие сверхсрочной действительной военной службы, уволенные с действительной военной службы в запас, лишенные воинского звания или сниженные в воинском звании в связи с незаконными действиями по отношению к ним, восстанавливаются в прежнем звании, на действительной военной службе, в должности, не ниже ранее занимаемой по прежнему месту службы или учебы в военно-образовательных заведениях по решению суда. Время со дня незаконного увольнения до дня восстановления на действительной военной службе, время незаконного содержания под стражей и отбывания наказания в результате незаконного осуждения засчитываются военнослужащим в срок действительной военной службы, в выслугу лет в воинском звании, в выслугу лет на соответствующих должностях, в выслугу лет для назначения пенсии, а военнослужащим срочной действительной военной службы — в срок военной службы. Военнослужащим, лишенным жилых помещений в результате допущенных в отношении их незаконных действий, в месячный срок возвращаются ранее занимаемые ими жилые помещения или не позднее 3-х месяцев предоставляется вне очереди равноценное благоустроенное жилое помещение.

Вред, причиненный военнослужащим в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещается в соответствии с законодательством.

Военнослужащие подлежат обязательному личному страхованию¹ государством

со дня получения статуса военнослужащего против возможных последствий несчастных случаев, связанных с гибелью (смертью), увечьем (ранением, травмой, контузией), потерей здоровья (причинением вреда здоровью в связи с заболеванием) в период военной службы (сборов), а также исполнением обязанностей военной службы. Лицам, утратившим трудоспособность во время прохождения военной службы, государство гарантирует социальное обеспечение.

Семье военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы, предоставляется при необходимости право внеочередного, не позднее 6-ти месяцев со дня гибели (смерти) военнослужащего, получения благоустроенной квартиры или улучшения жилищных условий за счет государственного жилищного фонда, выплата компенсации для найма временного жилья продолжается до достижения его детьми совершеннолетия.

Ущерб, причиненный военнослужащему и его семье повреждением, уничтожением или утратой личного имущества в связи с исполнением военнослужащим обязанностей военной службы или должностной обязанности, возмещается в полном объеме в порядке, устанавливаемом законодательством АзР.

Ответственность (юридическая) — обязанность правонарушителя нести наказание, претерпевать санкции, предусмотренные правовыми нормами и применяемые компетентными органами за совершенное им противоправное действие². Раздел IV («Ответственность военнослужащих») Закона АзР содержит всего 2 статьи: ст. 30. Дисциплинарная, административная и уголовная ответственность; ст. 31. Уголовное судопроизводство в отношении военнослужащих.

Эти нормы достаточно бланкетны и устанавливают, что военнослужащие за совершение ими правонарушений несут ответственность в соответствии с действующим законодательством АзР. Военнослу-

¹ Закон Азербайджанской Республики «О государственном обязательном личном страховании военнослужащих» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1997. № 5. Ст. 399.

² Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Указ. соч. С. 110.

жащие, независимо от воинского звания и служебного положения, равны перед законом. В случаях, непосредственно предусмотренных дисциплинарными уставами, за административные проступки военнослужащие несут дисциплинарную ответственность, а в остальных случаях административную ответственность в порядке, установленном Кодексом АЗР об административных проступках¹.

За совершение общеуголовных преступлений военнослужащие несут уголовную ответственность на общих основаниях². За преступление против установленного порядка несения военной службы военнослужащие несут уголовную ответственность за воинские преступления в соответствии с законодательством АЗР.

Исполнение уголовного судебного разбирательства³ в отношении военнослужащих проводится в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством АЗР⁴.

Оценивая в целом положения Закона Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 36 «О статусе военнослужащих», можно сказать, что он базируется на традиционных для законодательства о статусе военнослужащих любого современного государства институтах. Эти институты лежат и в основе Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Анализ закрепленных в Федеральном законе № 76-ФЗ положений показывает, что и российский, и азербайджан-

ский законодатели придерживаются однотипных подходов к определению правового статуса военнослужащих и его содержанию.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что и российскому, и азербайджанскому законодателям есть, что взять друг у друга положительного для совершенствования законов о статусе военнослужащих. Так, в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» достаточно подробно разработаны вопросы, связанные с обязанностями и ответственностью военнослужащих, производством по материалам о дисциплинарных проступках, совершенных военнослужащими. В Законе Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 36 «О статусе военнослужащих» в ст. 22 достаточно подробно регламентировано право военнослужащих на предложения, заявления и жалобы, что может быть полезно российскому законодателю.

Одним словом: сравнительно-правовые исследования обогащают юридическую науку и практику, как правотворческую, так и правоприменительную, усиливают взаимопроникновение правовых систем различных государств, что в целом способствует повышению эффективности юридической деятельности в каждом государстве⁵. Также результаты сравнительно-правовых исследований могут быть использованы в целях совершенствования общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации⁶, что также является очень актуальным для повышения эффективности всех институтов военной службы и статуса военнослужащего⁷.

¹ Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ // Собрание Законодательства Азербайджанской Республики. 2016. № 2 (книга I). Ст. 202.

² Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 4 (книга II). Ст. 251.

³ Редкоус В.М. Принципы уголовного судопроизводства по законодательству Азербайджанской Республики // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики : сборник научных трудов. М.: «Юнити-Дана», 2019. С. 312—325.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 8. Ст. 585.

⁵ Правовое обеспечение национальной безопасности: учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2023.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁷ Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Модернизация общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации — новый этап развития военного права // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 52—60.

Библиография

1. Аулов, В.К. Модернизация общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации — новый этап развития военного права / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Военное право. — 2023. — № 4(80). — С. 52—60.
2. Виноградова, Е.В. Гуманитарные науки как элемент российской идентичности / Е.В. Виноградова, С.И. Захарцев, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. — 2022. — № 6. — С. 11—20.
3. Кобзарь-Фролова, М.Н. Наука административного права и административного процесса на современном этапе общественного развития / М.Н. Кобзарь-Фролова, А.А. Гришковец // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2022. — Т. 17, № 3. — С. 182—203.
4. Корякин, В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития / В.М. Корякин // Вестник военного права. — 2016. — № 1. — С. 47—54.
5. Корякин, В.М. Военная организация государства: эволюция структуры / В.М. Корякин // Военный академический журнал. — 2016. — № 2(10). — С. 12—22.
6. Корякин, В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9(302). — С. 2—5.
7. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. — 2023. — № 4(48). — С. 158—191.
8. Правовое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Изд. Юрайт, 2023. — 180 с.
9. Редкоус, В.М. Принципы уголовного судопроизводства по законодательству Азербайджанской Республики / В.М. Редкоус // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики: сборник научных трудов. — Москва: Изд. «Юнити-Дана», 2019. — С. 312—325.
10. Туганов, Ю.Н. Военная администрация : учебное пособие для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев. — Москва: Изд. «Юрайт», 2020. — 197 с.
11. Туганов, Ю.Н. Роль юриста в современном мире // Заслуженные юристы Российской Федерации / Ю.Н. Туганов. — Москва: ИГ «Юрист», 2022. — С. 718—719.